БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ МИРА

Scan Kreyder - 16.05.2015
STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ МИРА

(от древнейших времен до рубежа XIX-XX веков)

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1986

С63
П67

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Барабаш Ю. Я.
Верейский О. Г.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерев Б. А.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсаид
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.
Мустай Карим
Новожилова З. Г.
Прилежаева М. П.
Свиридов Н. В.
Стукалин Б. И.
Танк Максим
Уваров В. А.
Шатунова Т. М.

*

Составление

В. В. ЛЕВИКА, С. А. НЕБОЛЬСИНА,
В. С. СТОЛБОВА (поэзия народов Латинской Америки),
С. А. МАКУРЕНКОВОЙ

Вступительная статья

Г. КРУЖКОВА

Оформление серии

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома

А. ЗАЙЦЕВА

На фронтисписе:
Данте Алигьери.
Неизвестный художник XVI века.
Национальная галерея, г. Вашингтон.

П $\frac{4803020000—421}{M101(03)86}$ Подп. изд.

© Состав, вступительная статья, комментарии, оформление, перевод произведений, отмеченных в содержании звездочкой.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

НЕБО ПОЭЗИИ

Есть такое выражение: «магия слова». Для нас оно — лишь метафора; но в древности его понимали буквально. Люди верили в магическую, колдовскую власть слова. Верили, что Слово может творить чудеса. Поэты были жрецами, а стихи — заклинаниями, гимнами Природе и Мирозданию.

Образ Мироздания возник у человека давно — едва он впервые оторвал взор от земли и вгляделся в глубину неба, в таинственное мерцание звезд. Мельком он замечал их и раньше, когда еще только становился человеком, но звезды ничем не пахли и не шевелились, они не были ни пищей, ни угрозой — и потому не могли заинтересовать его.

А теперь он вдруг увидел над головой эту сверкающую бездну — и поразился, и простер руки ввысь... и, может быть, именно тогда из его груди излились первые в мире стихи — гимн или пророчество.

Или — совсем иная догадка! — поэзия возникла из колыбельной, которую спела мать над своим ребенком.

Одно не исключает другого. И доныне в стихах можно расслышать и громкое эхо того первого гимна, и отголосок той первой колыбельной. Это два главных тона, два главных регистра поэзии — ода и песня, пафос и нежность.

Откуда же взял человек ту особенную мерность, ритмичность, которая в нашем представлении неразрывно связана с поэзией? Он взял ее у природы. Движение Солнца и Луны, смена дня и ночи, зимы и лета — все это подчинено ритму, гармонии, основано на закономерном повторении. У моря, у мерно набегающих волн прибоя позаимствовал древний Гомер звучание своих широкошумных гекзаметров — длинных и торжественных строк:

> Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
> С ложа поднялся тогда и возлюбленный сын Одиссеев...

Но еще важнее то, что сам человек тоже пульсирует, как маленькая вселенная: ритмично бьется его сердце, ритмично дышит

грудь. Когда мы читаем стихи давно ушедшего из жизни поэта, мы как будто слышим его дыхание в ровно чередующихся строках, словно перед нами воочию творится таинство воскрешения.

Обрывистые или плавные, сбивчивые или задыхающиеся, стихи всегда подобны живому организму, содержание в них неотделимо от звучащего голоса.

Длина дыхания — основа ритма любых стихов в любые времена.

Поэзия огромна, как небо. Она существует в пространстве и во времени. Это, если хотите, история мира, преломившаяся в человеческой душе. История, которую можно читать с любого места, так она захватывающе интересна. Но чтобы получить большее удовольствие и пользу от чтения, чтобы не пропустить самых потрясающих страниц, надо знать сюжет книги. То есть надо знать историю поэзии — хотя бы в ее самых общих чертах.

Может быть, кому-нибудь покажется скучным постигать, когда можно безотчетно наслаждаться. Но поверьте, что ни стихи, ни ваше впечатление от этого не пострадают. Поверьте, что звездным небом любоваться еще чудесней, когда знаешь названия и расположение созвездий, когда умеешь найти среди хаоса огней и яркоглазого Орла, и мерцающую Кассиопею.

В мировой поэзии тоже есть свои созвездия, звезды первой, второй и десятой величины. Досадно будет, если вы примете несколько светлячков, попавшихся вам на глаза, за величайшие светила. Итак, необходимо иметь нечто вроде звездной карты, чтобы ориентироваться в этом неоглядном пространстве, которое мы зовем небом поэзии.

Может быть, эта книга и послужит вам таким ориентиром.

Необъятное небо...

Человек — первое и единственное из живых существ, познавшее чувство безграничного, чувство вечности. Поэзия как бы навеки застыла на пороге бессмертия, стараясь проникнуть взором в открывшуюся перед ней бездну, стараясь разгадать величайшую загадку жизни и смерти. Здесь ее истинные владения, исконные рубежи. Не будь у поэзии этой тайны — конечно, тайны, а не загадки! — она была бы обречена на то, чтобы школярски «повторять зады» знания и морали, повторять в рифму и без рифмы давно уже известное.

Чувство вечности — вот что заставляет нас вглядываться с таким волнением в глубину прошлого или в даль будущего.

Сколько лет добирался до нас луч вон той звезды?

Из какой седой древности донеслись до нас слова поэта, записанные на склеенных листах папируса или на обожженных глиняных табличках?

Древнейшая письменная поэзия дошла к нам из трех культурных ареалов: долины Нила (Египет), долин Тигра и Евфрата (Двуречье, или Междуречье), долин Инда и Ганга (Индия). Здесь, на берегах могучих рек, одаряющих земледельца плодороднейшим илом, возникли (за три тысячи лет до нашей эры) первые великие цивилизации Земли.

И с полуистлевшего папируса явились к нам строки безвестного переписчика:

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими...
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

(Перевод А. Ахматовой)

Откуда у этого древнеегипетского писца, скрестившего ноги под письменной дощечкой,— такого крохотного по сравнению с огромным фараоном, стоящим на колеснице власти! — откуда у этого крохотного человека столько гордости, столько истинного величия? Тайна.

Но слова его через две тысячи лет отзовутся у древнеримского поэта Горация. Он скажет:

Exegi monumentum (Воздвиг я памятник)...

И еще почти через две тысячи лет их повторит по-русски Державин:

Я памятник воздвиг себе чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид,
Ни вихрь, ни гром его не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

И еще сорок лет спустя великий поэт, честь и слава России, по-своему произнесет нетленные строки:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

И разве не слышен в этих стихах отзвук древности, отзвук несчетных веков?

Колыбелью европейской цивилизации стала Греция.

Здесь, в укромных долинах гор, на берегах глубоко вдающихся в сушу заливов, на островах Средиземного моря, сформировалось к VI веку до н. э. множество маленьких городов-государств — полисов.

Жители их — земледельцы и воины, мореплаватели и купцы — многое позаимствовали у египтян, у финикийцев, у персов, но в отличие от деспотических держав Азии в этих городах-республиках царил дух свободолюбия, пытливой предприимчивости, поклонения силе и красоте человеческого тела и человеческого разума. То, что мы, восхищаясь совершенством и соразмерностью древнегреческих храмов и статуй, мифов и поэм, именуем духом античности.

Высшее его проявление в поэзии — Гомер; но возьмите и лирику — сколько красоты и гармонии, сколько душевного равновесия (даже и в кипении страстей) у Сапфо, у Феогнида, у Архилоха...

Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

Если расцвет эллинской культуры называют счастливым детством человечества, то императорский Рим можно было бы сравнить с подростком, порою насмешливым и ожесточенным, порою одиноким и искренне несчастным — многое изведавшим до срока и до срока повзрослевшим.

Перечтем стихотворение Катулла:

Кажется мне тот богоравным или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать
Сладостный твой смех...

До последней строфы — это очень близкий перевод из Сапфо; но последние строки — горькие и усталые — мог написать только римский поэт (их нет в греческом оригинале):

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно.
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

(Перевод С. Ошерова)

У нас в России никто, наверное, так точно, так тонко не чувствовал античность, как Пушкин. Каждое его стихотворение на античную тему, каждый перевод из поэтов той эпохи — Анакреонта, Ксенофана, Иона Хиосского — подлинная драгоценность.

Взять хотя бы эти стихи Горация, обращенные к старому другу, Помпею Вару:

Кто из богов мне возвратит
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно бросая щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся, как бежал!
Но Эрмий сам внезапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей...

Впоследствии это стихотворение переводили такие мастера, как А. Фет (шестистопным ямбом) и Б. Пастернак — алкеевой строфой, размером подлинника:

Меня Меркурий с поля сражения
В тумане вынес вон незамеченным,
А ты подхвачен был теченьем
В новые войны, как в волны моря...

И все-таки перевод Пушкина, хотя он и дальше всех от буквы оригинала, остается непревзойденным — по духу, по самой поэтической сути.

Двинемся дальше, сверяясь по нашей звездной карте. Мы попадаем в галактику средневековой поэзии. Нет, «темное» средневековье — не такое уж темное. Вот созвездие трубадуров — провансальских певцов-рыцарей, вот созвездие вагантов — бродячих школяров, вот ярчайшая звезда — Франсуа Вийон.

Представим себе, что у нас есть волшебный прибор, позволяю-

щий улавливать не только свет, но и музыку космоса. Какие бы звуки донеслись до нас из этой стороны неба?

Роща вся листвой одета,
Каждый куст листвой одет.
Соловей, посланник лета,
Славит чувства юных лет.
Средь скорбей — любви примет —
Есть и радости примета.
Сердце любит без запрета.
Донна — снимет ли запрет?

(Перевод В. Дынник)

Это, конечно, рыцарь, воспевающий свою прекрасную даму. Бернарт де Вентадорн, XII век.

К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны!
Но какая благодать,
не жалея денег,
другу милому отдать
свой последний пфенниг!

(Перевод Л. Гинзбурга)

А это безымянный студент, прославляющий свое веселое и нищее братство вагантов. Лет через триста у другого школяра и бродяги, Вийона, от этой бесшабашности останется лишь внешняя маска, а внутри — горечь изгоя, отвергнутого миром и отвергнувшего этот фальшивый и жестокий мир:

От жажды умираю над ручьем,
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом.
Чужбина мне — страна моя родная.

(Перевод И. Эренбурга)

Средневековье. Не обойти суровую фигуру Данте, создателя «Божественной комедии» — поэтической трилогии, вобравшей в себя Ад, Чистилище и Рай, всю тогдашнюю вселенную человеческого духа.

Недаром жители Равенны сторонились на улице этого худого, с темными, как бы опаленными щеками человека и опасливо шептали вслед: «Это Данте Алигьери. Он побывал в аду!»

Эпоха Возрождения. Небывалый ранее взлет мысли, творчества, дерзания. Взгляд растерянно блуждает среди множества блестящих светил, целых россыпей поэтических созвездий. Назовем лишь несколько самых ярких имен: итальянец Петрарка, француз Ронсар, испанец Гонгора, англичанин Шекспир, португалец Камоэнс...

Грозное и славное время! Шатается авторитет церкви (Реформация), совершаются великие географические открытия (Колумб, Васко да Гама, Магеллан), восстают против гнета целые народы (крестьянская война в Германии, гёзы в Нидерландах).

Печатный станок, изобретение Гутенберга, мгновенно размножал и распространял по Европе произведения ученых-гуманистов и возрожденные к жизни творения античных писателей. Книга, это удивительнейшее из чудес света, бывшая прежде княжеской роскошью, монастырской утварью, стала вдруг достоянием десятков тысяч людей.

В поэзии эпоха Возрождения стала прежде всего империей сонета, правившего почти безраздельно по всей Европе.

Краткий и звучный, сонет был кумиром Петрарки и Ронсара, Гонгоры и Камоэнса. Казалось, что поэты обрели в нем тайну соразмерности и гармонии, легендарное «золотое сечение» древних ваятелей и зодчих.

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны,—
Дум золотых о ней, единой, сплав!

(Франческо Петрарка. *Пер. Вяч. Иванова*)

В сонетах изливали свои чувства влюбленные, мыслители обличали зло и неправду мира, друзья сообщались в разлуке...

В сонетах воспел нашу Москву и Волгу немецкий поэт Пауль Флеминг, еще в семнадцатом столетии призывавший к союзу и

дружбе между народами Востока и Запада. Эти стихи перевел на русский язык А. Сумароков в 1755 году. Пусть тяжеловат и не гладок старинный слог, но ведь это едва ли не первые российские сонеты, реликвии эпохи!

В XVIII веке в искусстве победил классицизм — художественное направление, поставившее во главу угла благоразумие и пользу, вознесшее рациональное начало над своеволием и фантазией художника, недаром XVIII век называют еще веком Разума.

Взгляните: кажется, даже звезды нашей звездной карты, словно устыдившись своей извечной хаотичности, стали выстраиваться в ровные, по линейке проведенные шпалеры, как деревья в «регулярном» французском парке.

XVIII век надел на своих поэтов одинаково напудренные парики, и не различишь под ними, кто рыж, кто сед, кто молод, кто стар: все говорят одинаково обдуманно, красноречиво... и скучновато. Оттого, может быть, классицизм дал больше ярких достижений в прозе и в драматургии, чем в поэзии. А стихам — стихам пришлось ждать своего звездного часа — романтизма.

Исторические рамки романтизма: конец XVIII — середина XIX века. Конечно, утвердился он не сразу и не вдруг. На рубеже его стоят несколько замечательных фигур, как бы совмещающих в себе разные эпохи. Такие, как мирообъемлющий Гете, гармонический Андре Шенье, пророческий Блейк.

И — словно плотину прорвало. Вордсворт, Байрон, Шелли, Китс (Англия), Шиллер, Брентано, Гейне (Германия), Гюго, Мюссе, Барбье (Франция), Мицкевич и Словацкий (Польша), Леопарди (Италия), Петёфи (Венгрия)...

Как никогда ранее, в эпоху романтизма вознесся престиж поэзии, авторитет поэта. Байрону, Гете, Шиллеру современники только что не молились. У них учились думать, чувствовать, подражали в образе жизни, в привычках и вкусах, даже в одежде и в прическе...

Правда, и в это время судьба отнюдь не носила на руках поэтов. Байрон был кумиром всей Европы, за исключением собственной родины, где его осыпали нападками и клеветой. Блейка просто «не заметили» при жизни, юный Китс умер, осмеянный критикой, Шандор Петёфи — в бою, сражаясь за свободу. Уделом Мицкевича, Шелли и Гейне было изгнание.

Встревожен мертвых сон,— могу ли спать?
Тираны давят мир,— я ль уступлю?
Созрела жатва,— мне ли медлить жать?

На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

(Джордж Байрон. *Пер. А. Блока*)

Романтическая поэзия создала своего героя — сильного, мятежного, тираноборца или даже богоборца, героя, вынесшего горечь разочарования в людях и в мире, познавшего ад отчаянья, но не сломленного, не растерявшего ни гордости, ни своих идеалов.

Такие герои во всей доромантической литературе встречались, пожалуй, у одного Шекспира. Неудивительно, что начало XIX века отмечено повсеместным возрождением интереса к Шекспиру. Гамлет, философ и мститель, сделался духовным отцом множества романтических героев — от шиллеровского благородного разбойника Карла Моора до пушкинских Алеко и Дубровского.

Во второй половине XIX века роль лидера в западноевропейской поэзии переходит к поэзии франкоязычной. Это не случайно. Именно Франция в тот период, от баррикад 1848 года до Парижской коммуны, становится эпицентром революционного движения в Европе.

Почти все эти годы великий французский поэт Виктор Гюго прожил в изгнании, ни на один день не прекращая своей борьбы — пером и словом — за демократию, против правительства ничтожного Наполеона III. За голову Гюго назначили награду в 25 тысяч франков, потом его лицемерно «простили» и разрешили вернуться на родину, но поэт ответил: «Я вернусь, когда вернется Свобода».

Он вернулся в грозном 1870-м году, вместе со своими согражданами пережил войну, голод и горе, прусское нашествие, осаду Парижа, разгром Коммуны — и воспел героизм ее защитников в стихах, полных гнева и мужества.

За баррикадами, на улице пустой,
Омытой кровью жертв, и грешной и святой,
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.
«Ты тоже коммунар?» — «Да, сударь, не последний!»

(*Пер. П Антокольского*)

Виктор Гюго завершал в поэзии эпоху романтизма. Девятнадцатый век, «шествуя своим путем железным», все более закабаляя народы, отрывая от земли и бросая в чрева фабрик и заводов миллионы крестьян, становившихся рабочими, доводя до предела контрасты между богатством и нищетой, роскошью и убожеством,— век этот формировал и новое поэтическое сознание.

В бродиле его противоречий родилась трагическая муза Шар-

ля Бодлера, а вслед за ней явились яркие и сложные фигуры Артюра Рембо и Поля Верлена. Эти три поэта оказали глубокое и непреходящее влияние на последующее развитие европейской литературы.

На рубеже XX века достиг зенита славы Эмиль Верхарн, крупнейший бельгийский поэт, писавший по-французски. Стихами Верхарна зачитывался Владимир Ильич Ленин; его с восторгом приняли русские пролетарские поэты в 1913 году, когда он приезжал в Россию; его пропагандировал и переводил В. Брюсов.

В книгах «Поля в бреду», «Города-спруты» и других Верхарн впечатляюще показал обнищание деревни, нарисовал яркие картины капиталистического города с его блеском и копотью, грохотом и плачем, биржами, где правит золотая лихорадка, и ночлежками, где царствует отчаяние и горе.

Поэт огромного диапазона и темперамента, Верхарн сконцентрировал в себе предощущение грандиозных переворотов и бурь нового века.

О мозг! Всех горестей и радостей исток!
Величия дворец и подземелье пыток! —

восклицал Верхарн, но его прирожденный оптимизм отвергал тупики мысли, вечно творя из хаоса жизни и истории солнечные, яркие краски рассвета.

Классическая поэзия Азии на протяжении многих столетий развивалась, мало взаимодействуя с европейской, вырабатывая свои особые формы и традиции.

Если мы захотим окинуть одним взором эту обширную область, это полушарие поэтического неба, то в поле нашего зрения сразу же вплывут три гигантских сверкающих созвездия: арабская средневековая поэзия, персидская и дальневосточная (Китай, Япония, Корея).

Удивительна историческая судьба арабов. В VII—VIII веках они, воинственные бедуины, создали огромную империю — Арабский халифат, простиравшуюся от Гибралтара до Индии, и стали жадно впитывать знания и культуру завоеванных стран. Не перечислить, сколь многое пришло в Европу с арабского Востока — от алгебры до шахмат, от арабских цифр до сказок Шехеразады.

Высокой степени развития достигла и арабская поэзия. Главной ее формой, по крайней мере в лирике, на протяжении веков оставалась газель. Это — стихотворение, состоящее из ряда двустиший, нанизанных на одну рифму.

К седлам верблюдов уже приторочены вьюки,
Кружится над головой черный ворон разлуки.

Крылья его облиняли, и перья торчком.
Нашей разлукою тешится ворон от скуки.

Я его проклял: «Бездомным, бездетным живи!
Вечно терпи одиночества тяжкие муки!

Из-за того, что разлуку ты мне возвестил,
Ночи не сплю и ломаю в отчаянье руки».

(Антара, VII век. *Пер. А. Ревича*)

Газель — любимый жанр и в персидской поэзии, славной именами Рудаки, Фирдоуси, Саади, Хафиза и многих других великих поэтов.

Во всем мире прославлен ученый и поэт Омар Хайям, использовавший для своих стихов форму четверостиший — рубаи. Воистину искрятся, как жемчужины, эти поэтические миниатюры, не приемлющие глупости и ханжества, прославляющие любовь и счастье жизни,— счастье, по мнению мудреца, неизбежно смешанное с печалью.

Светоч мысли, сосуд сострадания — мы.
Средоточие высшего знания — мы.
Изреченье на этом божественном перстне,
На бесценном кольце мироздания — мы!

(Пер. Г. Плисецкого)

Если арабская и персидская поэзия имеют много общего, связанного с географической и культурной близостью создавших их народов, то дальневосточная поэзия — совершенно своеобразный мир.

Поражает прежде всего сдержанность, скупость в выборе поэтических средств. Словно из зала яркой живописи, подобной многоцветью восточного базара, мы попадаем в строгий зал черно-белой графики.

Несколько штрихов кисти — и на листе возникают контуры горы, дерева, летящей цапли, и белое, нетронутое пространство листа чудесным образом обретает перспективу, глубину. Недаром многие китайские и японские поэты были одновременно и художниками, иллюстрировавшими свои стихи рисунками (или наоборот — рисунки стихами?).

Китайского поэта трудно представить себе среди суеты рынка или в шумном сборище (как, скажем, Омара Хайяма). Нет, он стоит в одиночестве, всматриваясь в речную даль, в далекий силуэт рыбацкой лодки.

Или на холодной заре где-нибудь в беседке Утренней Свежести провожает друга в путь.

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней?—
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко.

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

(Ли Бо, VIII век. *Пер. А. Гитовича*)

Эти емкость и лаконизм были, кажется, доведены до предела в японской поэзии, в таких ее излюбленных жанрах, как танка и хайку. На стихотворном пространстве в пять строк (танка) или три строки (хайку) автору удается выразить и мгновенное состояние природы, и тонкое движение души, и любование, и удивление:

Спящий мотылек!
Что увидел он во сне?
Крыльями взмахнул[1].

Или:

Погонщик! Веди коня
Вон туда, через поле!
Там кукушка поет[2].

Иные хайку окрашены в тона грусти, тревоги, а иные отмечены улыбкой, мягким юмором, как это трехстишие поэта Иссы, наблюдающего бой двух лягушек:

Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.

Вдумаемся, сколько тут сказано как бы мимоходом.

Тут и симпатия к слабейшей стороне («тощая лягушка»!), и нежелание нарушить равновесие в другую сторону (он мог бы прогнать «толстую» лягушку, но двое на одного — нечестно), и убеждение в необходимости «не уступать», и вера в силу сочувствия живого к живому. И, наконец, сколько непосредственности,

---

[1] Тиё, XVIII в. Все переводы хайку — Веры Марковой.
[2] Басё, XVII в.

как за этой картинкой виден сам поэт — взрослый, но не забывший, не утративший в себе ребенка. И все это — в восьми коротеньких словах!

Наш обзор поневоле краток. Мы дали только несколько основных вех, главных путеводных светил, без которых трудно сориентироваться в поэтическом космосе и выбрать верный путь. Мы назвали только самые главные — как говорят моряки, навигационные — звезды. Они видны невооруженным глазом.

Но приблизьте к себе любой участок неба мощным телескопом — и вы увидите, как умножится число звезд, как какая-нибудь небольшая туманность распадется вдруг на множество сверкающих галактик!

Однако «жизнь коротка, а искусство бесконечно»; это сказано не нами.

Теперь о тех, кто открывает и показывает нам эти звезды,— о переводчиках.

Многие вообще утверждают, что поэзия непереводима. Можно ли в химической лаборатории изготовить фиалку? Цветок должен взрасти из семени, иначе он не зацветет. Удачный перевод лирического стихотворения — всегда исключение из правила, утверждал Маршак.

Хотя кажется на неискушенный взгляд: в чем же здесь трудность? Бери словарь и переводи.

Попробуем разобраться.

Начнем с элементарного определения: поэзия есть наилучшие слова, поставленные в наилучшем порядке.

Однако ясно, что наилучший порядок слов в одном языке не есть наилучший в другом. Тем более это верно для стихотворения, где слова дополнительно подчиняются законам ритма и рифмы.

Затем — «наилучшие слова». Скажем, в оригинале стоит английское слово bright. Его можно перевести как «яркий, светлый, ясный, прозрачный, сияющий, светозарный...». Какое слово наилучшее? А может быть, придется перебрать еще множество синонимов... и откинуть это слово вовсе, как «не лезущее в строку»?

Если мы ясно вникнем во все это, то поймем, что переводчик — в такой же степени автор переведенного стихотворения, как и создатель оригинала.

В чем-то ему даже труднее, чем поэту оригинальному, ибо тот не подвластен ничьей воле, кроме собственной, и может иной раз подобрать рифму к мысли, а в другой раз мысль к рифме, бывает и так. Переводчик же этого права не имеет.

Он должен идти точно по проложенному следу, не уклоняясь ни вправо, ни влево — как «по струне натянутой» (выражение

П. А. Вяземского). И пройтись по струне он обязан, как хороший канатоходец,— легко и непринужденно, чтобы публике казалось, будто он идет по твердой земле.

Переводчика можно уподобить и скульптору, решившему сделать копию классической статуи.

Вот она вся перед ним, видна до малейшей черточки, до последнего изгиба. И нет в ней, казалось бы, ничего скрытого, неясного. Но чтобы слепить такую же, мало видеть — надо повторить руками все движения мастера, изваявшего ее; тут мало одного ума — необходима интуиция, чуткость пальцев.

Холодный ремесленник не будет колебаться ни минуты. Неважно, кто перед ним — Флора, Диана, Психея; для него главное — скопировать внешние черты. Но настоящий художник творит вдохновенно. Он мнет и мнет непослушную глину, пока она не сделается в его руках тепла и податлива, как живое тело. Ему мало передать линию брови, форму носа — он хочет запечатлеть выражение глаз, мысль, витающую на челе,—то, чего никогда не передаст ремесленник.

И пусть потом знатоки, видевшие оригинал, утверждают, что на той тунике складок больше или меньше,— они правы! Два живых существа никогда не могут быть абсолютно схожи, и так же — два произведения искусства. Ибо прекрасная копия — тоже произведение искусства, которое — в исключительных случаях, когда материала коснется рука выдающегося мастера,— может даже не уступать оригиналу.

Этим золотым даром волшебного прикосновения обладали многие корифеи русской поэзии, но первым среди них должно произнести имя Василия Андреевича Жуковского. Язык не поворачивается назвать его копиистом, хотя бы и гениальным.

Нет, это артист, создающий на наших глазах образы изумительной глубины и свежести почти из любой роли, за которую он берется.

Плохой актер, говорил Жуковский, подражает прежде виденным телодвижениям и декламации; а хороший — понимает, что дело не в позах, не в жестах, не в сценических трюках, а в способности воспламениться тем же идеалом, в правде перевоплощения.

Жуковский оставил нам богатейшее наследие. Он перевел поэму Гомера «Одиссея» и древнюю индийскую поэму «Наль и Дамаянти»; но самыми известными, хрестоматийными стали его переводы поэтов-романтиков: «Шильонский узник» Байрона, баллады и стихотворения Гете, Шиллера, Вальтера Скотта, Саути и других. Кто хоть раз читал, уже никогда не забудет ни великолепного «Смальгольмского барона» —

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой...

ни таинственного «Лесного царя» —

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой...

ни героической мощи, звучащей в «Торжестве победителей»,—

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам...

Нельзя без волнения читать такие стихи. Нельзя, читая их, не гордиться силой и зрелостью русского языка: воистину нет ничего ему неподвластного!

Фундамент этой зрелости и силы был заложен давно. Уже в Древней Руси переводили много и плодотворно. Но расцвет переводческого дела в России связан с могучей и всеобъемлющей деятельностью Петра Первого.

Как известно, Петр любил вникать во все сам: и фортификацию, и кораблестроение, и множество других наук и ремесел он знал не понаслышке. Пристальное внимание уделял он и книжному делу — в первую очередь переводу наинужнейших книг на русский язык.

«Надлежит вам,— писал Петр,— остерегаться в том, дабы внятнее перевесть, и не надлежит речь от речи [то есть каждое слово] хранить в переводе, но точию сенс выразумев [лишь поняв смысл], на свой язык уж так писать, как внятнее».

Сходные с этим высказывания находим мы в послании одного из видных поэтов послепетровской эпохи — А. П. Сумарокова:

Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся.

Однако наряду с этим русские литераторы XVIII столетия уже отчетливо понимали и пользу заимствования отдельных иностранных слов и оборотов речи — «понеже чрез то обогатится язык наш», как писал Антиох Кантемир в 1742 году.

Трудами многих и многих писателей и переводчиков XVIII — начала XIX века (среди которых назовем еще В. Тредиаковского, М. Ломоносова, Н. Карамзина, А. Мерзлякова, Н. Гнедича) не только расширялся и очищался словарь, утверждались нормы русского литературного языка, но и — важное следствие для нашей поэзии — были усвоены и укоренились на русской почве многие стихотворные формы: от гекзаметра до белого стиха, от сонета до октавы.

Начиная с пушкинской поры на первое место в переводческом деле стали выдвигаться уже не столько чисто художественные, сколько идейные задачи. В основном потоке зарубежной поэзии авторы античности и классицизма постепенно уступили место поэтам современности, ставящим острые вопросы дня.

В переводе В. Бенедиктова явились вдруг гремящие ямбы французского поэта Огюста Барбье:

Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо веющим по ветру красным флагом,
Под дымом боевым;
И голос у нее — не женственный сопрано:
Ни жерл чугунных ряд,
Ни медь колоколов, ни шкура барабана
Его не заглушат.

Страстным протестом против религиозного мрака и насилия была «Коринфская невеста» Гете, гениально переведенная А. К. Толстым.

В последние глухие николаевские годы прозвучали стихи Микеланджело, переведенные Ф. Тютчевым:

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

В напряженную предреформенную эпоху, когда решался вопрос об освобождении крестьян, М. Михайлов и другие поэты обратились к «Песням о рабстве» Г. Лонгфелло, проводя в сознании читателей параллель: рабство негров в Америке — крепостное право в России.

Огромной популярностью пользовались песни французского поэта Беранже с их мощным сатирическим и демократическим зарядом. Особенно популярны — в переводе В. Курочкина — стали песни: «Как яблочко румян», «Господин Искариотов», «Старый капрал» и другие.

Писатели-разночинцы, поэты некрасовской школы (в том числе М. Михайлов, В. Курочкин, Д. Минаев) использовали перевод в целях политической пропаганды — вопреки жесточайшему цензурному и полицейскому гнету тех лет.

Русская литература от века жила в тесном контакте, во взаимообогащающих связях с другими литературами мира. Удивительна ее отзывчивость на все новое, готовность понять чужое и вобрать его в свой духовный опыт. Где еще в Европе так влюблялись в англичанина Байрона, француза Беранже, немца Гейне?

Тут, наверное, сказывается и широта национального характера, и российские просторы, вмещающие в себя степи и леса, пустыни и тундры, заселенные людьми разных языков и наречий, обычаев, жизненных укладов... Узость, ограниченность не вяжутся с этими расстояниями, с этой вечной новизною.

Оттого так просто поселялись всегда в русской душе стихи иных народов мира, оттого сделались русскими песнями и «Вечерний звон» ирландца Томаса Мура, и «Когда я на почте служил ямщиком» поляка Сырокомли.

А как оценить роль и значение для России революционной «Варшавянки» Вацлава Свенцицкого, «Интернационала», написанного участником Парижской коммуны Эженом Потье?

Одной из насущных забот победившего Октября, Советской власти было поставить просвещение на службу трудящимся, донести до масс все накопленные человечеством богатства культуры. Уже в 1918 году, в разгар гражданской войны, по инициативе А. М. Горького учреждается издательство «Всемирная литература», в котором сотрудничали А. Блок, В. Брюсов, К. Чуковский, Ю. Тынянов, многие другие первоклассные писатели и переводчики.

Родным детищем той, горьковской серии книг стала в наши дни двухсоттомная Библиотека всемирной литературы, выпущенная в 1968—1978 годах, великолепное издание, высоко оцененное во всем мире. И прямое продолжение этого начинания — наша Библиотека мировой литературы для детей, один из томов которой сейчас перед вами.

Какой длинный путь пройден за эти десятилетия! Сколько прекрасных книг переведено, сколько открыто новых имен — новых звезд на небосклоне мировой поэзии, сколько старых засияло еще ярче!

За эти годы советская школа поэтического перевода стяжала себе заслуженное признание в мире. Ни в одной стране не издается столько переводных книг, и притом такими огромными тиражами. Нигде столько крупных мастеров стиха не трудятся с пре-

дельной самоотдачей над стихами своих собратьев-поэтов и над классическим наследием.

Мы можем гордиться именами советских поэтов и переводчиков А. Блока, М. Лозинского, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Зенкевича, Н. Заболоцкого, С. Маршака, Л. Мартынова, Н. Любимова, В. Левика, Л. Гинзбурга и многих, многих других.

В наше время значительно повысились требования к точности перевода, к соблюдению, по возможности, особенностей стихосложения и стиля оригинала. И все же поэтический перевод не может обойтись без яркой личности поэта-переводчика, без его живого отношения к тексту.

Как писал Леонид Мартынов:

Любой из нас имеет основанье
Добавить, беспристрастие храня,
В чужую скорбь свое негодованье,
В чужое тленье своего огня...

Для кого же эти щедрые дары, эти сокровища духа?

Поэзия нужна всем. Нужна она и в молодости, и в зрелые годы, когда опыт жизни, опыт обретений и утрат помогает постичь в стихах то, что до поры оставалось неосознанным.

Но особенно необходима поэзия в детстве и юности. Без этого жизненного эликсира, без этой прививки в неокрепший организм могут проникнуть любые бациллы пошлости, эгоизма, жестокости. Без этого витамина может ослабеть и искривиться самый стержень человека, его нравственный позвоночник.

Ибо поэзия растит душу и, заставляя ее волноваться волнениями другой души, неизмеримо расширяет эмоциональный опыт человека. Так он учится состраданию, доброте, чувству долга.

Сошлемся на мудрые слова П. Б. Шелли: «Чтобы быть истинно добрым, человек должен обладать живым воображением; он должен уметь представить себя на месте другого и многих других; горе и радость ему подобных должны стать его собственными».

Да и можно ли пренебречь такой невообразимой удачей — приобщиться к мыслям гения, к его представлению об истинной любви, истинном благородстве? Разве мы на каждом шагу сталкиваемся с такими собеседниками, как Катулл и Шекспир, Хайям и Гете?

Вот что дает Поэзия. Это учитель без педантизма, без принуждения, знающий все на свете. Это сад без ограды и сторожей, открытый для всех и плодоносящий круглый год. Это поездка в ночное, озноб и роса, костер и звезды.

Поэзия — это небо, общее для всех людей и для всех народов.

Г. Кружков

Поэзия народов Европы

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

АРХИЛОХ

* * *

Скорбью стенящей крушась*, ни единый из граждан, ни город
Не пожелает, Перикл*, в пире услады искать.
Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь.
Но и от зол неизбежных богами нам послано средство:
Стойкость могучая, друг,— вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде.
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом.
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду.

* * *

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

ТИРТЕЙ

* * *

Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,
Родину-мать от врагов обороняя в бою;
Край же покинуть родной, тебя вскормивший, и хлеба
У незнакомых просить — наигорчайший удел.
Горе тому, кто бродить обречен по дорогам чужбины
С милой женою, детьми и престарелым отцом.
Впавший в нужду человек покрыл свое имя позором,—
Кто ему дверь отопрет, кто же приветит его?
Всюду несутся за ним восклицанья хулы и презренья,
Как бы ни бы́л именит, как бы красой ни сиял.
Если скиталец такой нигде не находит приюта,
Не возбуждает ни в ком жалости к доле своей,
Биться отважно должны мы за милую нашу отчизну
И за семейный очаг, смерти в бою не страшась.
Юноши, стойко держитесь, друг с другом тесно сомкнувшись,
Мысль о бегстве душе будет отныне чужда.
Мужеством сердце свое наполнив, о ранах и смерти,
Подстерегающих вас, не помышляйте в бою.
Не покидайте своих товарищей, старших годами,
Духом отважных, но сил прежних лишенных,— увы!
Разве не стыд, не позор, чтобы, предан врагам молодежью,
Первым в передних рядах воин лежал пожилой,
Весь обнаженный, и прах подметал седой бородою,
Срам окровавленный свой слабой прикрывши рукой?
Право же, зрелища нет на свете ужасней, чем это;
И у кого из людей слез не исторгнет оно?
Тем же, чьи юны года, чьи цветут, словно розы, ланиты,
Все в украшенье, все впрок. Ежели юноша жив,
Смотрят мужи на него с восхищеньем, а жены с любовью;
Если он пал — от него мертвого глаз не отвесть.

* * *

Вперед, о сыны отцов, граждан
Мужами прославленной Спарты!
Щит левой рукой выставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты.

АЛКЕЙ

К САПФО*

Сапфо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

БУРЯ*

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда... В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смоленым,

Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода;
Уже просвечивает парус,
Весь продырявлен. Ослабли скрепы.

Но — злейший недруг — голову выше всех
Гребней подъемля, новый чернеет вал,
Беду суля и труд великий,
Прежде чем в гавань спасут нас боги.

* * *

Медью воинской весь блестит*,
Весь оружием убран дом —
Арею* в честь!

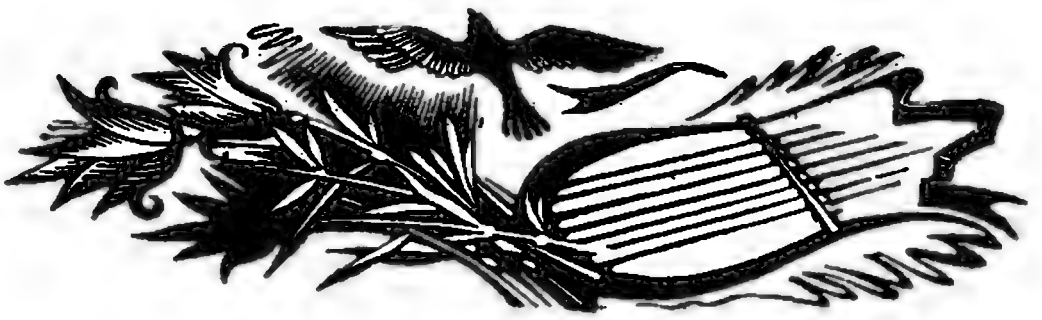
Тут шеломы как жар горят,
И колышутся белые
На них хвосты.

Там медяные поножи
На гвоздях поразвешаны;
Кольчуги там.

Вот и панцири из холста,
Вот и полные, круглые
Лежат щиты.

Есть булаты халкидские,
Есть и пояс и перевязь;
Готово все!

Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья,
За что взялись!



САПФО

* * *

Я негу люблю,
Юность люблю.
Радость люблю
И солнце.
Жребий мой — быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной.

* * *

Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлет сквозь ветви яблонь свое журчанье,
И с дрожащих листьев кругом глубокий
Сон истекает.

* * *

Я к тебе взываю, Гонгила*,— выйди
К нам в молочно-белой своей одежде!
Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
Вновь над тобою.

Всех, кто в этом платье тебя увидит,
Ты в восторг приводишь. И я так рада!
Ведь самой глядеть на тебя завидно
Кипророжденной!*

К ней молюсь я...

* * *

Мать милая! Станок
Стал мне постыл,
И ткать нет силы.

Мне сердце страсть крушит;
Чары томят
Киприды нежной.

К АЛКЕЮ*

Когда б твой тайный помысл невинен был,
Язык не прятал слова постыдного,—
Тогда бы прямо с уст свободных
Речь полилась о святом и правом.

СОЛОН

САЛАМИН*

Все горожане, сюда! Я торговый гость саламинский,
Но не товары привез,— нет, я привез вам стихи.
. . . . . .
Быть бы мне лучше, ей-ей, фолегандрием иль сикинитом*,
Чем гражданином Афин, родину б мне поменять!
Скоро, гляди, про меня и молва разнесется дурная:
«Этот из тех, кто из рук выпустили Саламин!»
. . . . . .
На Саламин! Как один человек, за остров желанный
Все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!

БЛАГОЗАКОНИЕ

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
И по решенью других присно-блаженных богов.
Ибо хранитель такой, как благая Афина Паллада,
Гордая грозным отцом*, длани простерла над ней.
Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
Граждане сами не прочь город великий сгубить.
Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
Жребий печальный: испьют чашу несчастий до дна.
Им не привычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
Мирной усладе пиров, их в тишине проводить,—
Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
И, не щадя ничего, будь это храмов казна
Или народа добро, предаются, как тати, хищенью*,—
Правды священный закон в пренебреженье у них!
Но, и молчанье храня, знает Правда, что́ есть и что́ было.
Пусть хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
Рабство ж пробудит от дремы и брань и раздор межусобый.
Юности радостный цвет будет войной унесен...
Благозаконье же всюду являет порядок и стройность,
В силах оно наложить цепь на неправых людей,
Сгладить неровности, наглость унизить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,

Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслья делам вместе со злобной враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинает
Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.

СЕДМИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои;
Если же бог доведет до конца седмицу вторую,
Отрок являет уже признаки зрелости нам.
В третью у юноши быстро завьется, при росте всех членов,
Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
Всякий в седмице четвертой уже достигает расцвета
Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.
В пятую — время подумать о браке желанном мужчине,
Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей.
Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
И не стремится уже к неисполнимым делам.
Разум и речь в семь седмиц уже в полном бывают расцвете,
Также и в восемь — расцвет длится четырнадцать лет,
Мощен еще человек и в девятой, однако слабеют
Для веледоблестных дел слово и разум его.
Если ж десятое бог доведет до конца семилетье,
Ранним не будет тогда смертный конец для людей.

АНАКРЕОНТ

* * *

Мастер в живописте первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой*,
Напиши любезну мне.

Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Но расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи,
И Венерин* взор прелестной
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь.

Всех приятностей затеи
В подбородок умести,
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненный взгляд.

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молви ж, дорогой портрет.

* * *

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

* * *

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка* счет ведет им строго,
Тартар* тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

АРТЕМИДЕ

Преклоняю я колена,
Артемида*, пред тобой,
Русой дочерью Зевеса,
Ланестрельною богиней,
Зверовластницей лесной!
Снизойди на оный берег,
Где крутит волну Лефей*,
Взором ласковым обрадуй
Город страждущих мужей:
Ты найдешь достойных граждан —
Не свирепых дикарей.

* * *

О Левкастида!
Я двадцатиструнною
лирой владею.
Ты же владеешь
цветущею юностью,
дева!

ФЕОГНИД

* * *

Если тебя человек восхваляет, пока на глазах он,
А удалясь, о тебе речи дурные ведет,
Неблагородный тот друг и товарищ: приятное слово
Только язык говорит,— мысли ж иные в уме.
Другом да будет мне тот, кто характер товарища знает
И переносит его, как бы он ни был тяжел,
С братской любовью. Мой друг, хорошенько все это обдумай,
Вспомнишь ты позже не раз эти советы мои.

* * *

Низкому сделав добро, благодарности ждать за услугу
То же, что семя бросать в белые борозды волн.
Если глубокое море засеешь, посева не снимешь;
Делая доброе злым, сам не дождешься добра.
Ибо душа ненасытна у них. Хоть разок их обидел —
Прежнюю дружбу тотчас всю забывают они.
Добрые ж все принимают от нас, как великое благо,
Добрые помнят дела и благодарны за них.

* * *

Милых товарищей много найдешь за питьем и едою,
Важное дело начнешь — где они? Нет никого!

КСЕНОФАН

* * *

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: все готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

* * *

Если быки, или львы, или кони имели бы руки
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,
А у быков непременно быков бы имели обличье;
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

ПЛАТОН

* * *

Яблоко это тебе я кидаю. Поймай, если любишь,
И отведать мне дай сладость твоей красоты.
Если ж, увы, ты ко мне холодна, подыми его: сможешь
Видеть на нем, сколь кратка пышного цвета пора.

САПФО

Девять лишь муз называя, мы Сапфо наносим обиду:
Разве мы в ней не должны музу десятую чтить?

* * *

Только в тенистую рощу вошли мы, как в ней увидали
Сына Киферы*, малютку, подобного яблокам алым.
Не было с ним ни колчана, ни лука кривого, доспехи
Под густолиственной чащей ближайших деревьев висели;
Сам же на розах цветущих, окованный негою сонной,
Он, улыбаясь, лежал, а над ним золотистые пчелы
Роем медовым кружились и к сладким губам его льнули.

ДРЕВНИЙ РИМ

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

* * *

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки.
Бедный птенчик, любовь моей подружки.
Милых глаз ее был он ей дороже.
Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой.
Для нее лишь одной чирикал сладко.
То сюда, то туда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.
Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк*, прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
Покраснели и вспухли милой глазки.

* * *

Кажется мне тот богоравным или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать

Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
Голос мой звонкий.

Тотчас мой язык цепенеет; пламя
Пробегает вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
Мрак непроглядный.

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно.
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

* * *

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был тебе друг.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих нас вязали,
Не было в мире еще крепких и вяжущих уз.
Ныне ж расколото сердце. Шутя ты его расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили мое.
Другом тебе я не буду, хоть стала б ты скромною снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть преступницей ты!

* * *

Если о добрых делах вспоминать человеку отрадно
В том убежденье, что жизнь он благочестно провел,
Веры святой не пятнал никогда, в договоры вступая,
Ради обмана людей всуе к богам не взывал,—
То ожидает тебя, за долгие годы, от этой
Неблагодарной любви много отрады, Катулл.
Все, что сказать человек хорошего может другому
Или же сделать кому,— сделал ты все и сказал.
Сгинуло, что недостойной душе доверено было...
Так почему же теперь пуще терзаешься ты?
Что не окрепнешь душой, себе не найдешь утешенья,
Гневом гонимый богов, не перестанешь страдать?
Долгую трудно любовь пресечь внезапным разрывом,
Трудно, поистине так,— все же решись наконец!

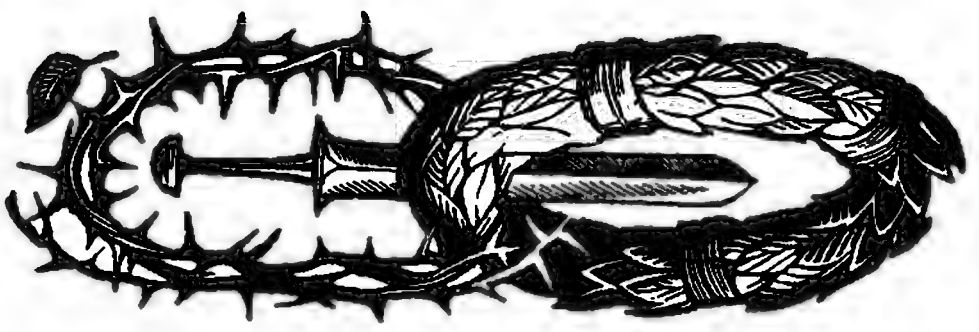
В этом спасенье твое, решись, собери свою волю,
Одолевай свою страсть, хватит ли сил или нет.
Боги! Жалость в вас есть, и людям не раз подавали
Помощь последнюю вы даже на смертном одре,
Киньте взор на меня, несчастливца, и ежели чисто
Прожил я жизнь,— из меня вырвите черный недуг!
Оцепенением он проникает мне в члены глубоко,
Лучшие радости прочь гонит из груди моей.
Я уж о том не молю, чтоб она предпочла меня снова
Или чтоб скромной была,— это немыслимо ей,
Лишь исцелиться бы мне, лишь мрачную хворь мою сбросить.
Боги! О том лишь прошу — за благочестье мое.

* * *

Лесбия вечно ругает меня. Не молчит ни мгновенья,
Я поручиться готов — Лесбия любит меня!
Ведь и со мной не иначе. Ее и кляну и браню я,
А поручиться готов — Лесбию очень люблю!

* * *

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в веселье спокойные, долгие годы,
Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.



КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ОДЫ

К Меценату

Славный внук, Меценат*, праотцев царственных,
О, отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастие —
Пыль арены взметать в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов* толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык заступом вскапывать
Лишь отцовский надел,— даже богатствами

Всех пергамских царей* в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей,— вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит,— зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу,— лань ли почуяла
Свора верных собак, сети ль кабан прорвал.

Но меня только плющ, мудрых отличие,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Где ведут хоровод нимфы с сатирами,
Ставит выше толпы,— только б Евтерпа* мне

В руки флейту дала и Полигимния*
Мне наладить пришла лиру лесбийскую*.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

* * *

К республике

О корабль, вот опять в море несет тебя*
Бурный вал. Удержись! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла,— бурей твоя мачта надломлена,—
Снасти жутко трещат,— скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

Силу волн? Паруса — в клочья растерзаны;
Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!*

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.

Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И первому звенеть алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

АЛЬБИЙ ТИБУЛЛ

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;
Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! Слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?
Желал ли обитать во мраморной палате?
К чему мне пажитей обширная земля,
Златыми класами венчанные поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелых?
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где все один порфир Тенера и Кариста*,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?
К чему эритрские жемчужины* бесценны
И руны тирские, багрянцем напоенны?
В богатстве ль счастие? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от лар* своих за златом не бежит,
Колен пред случаем вовек не преклоняет,

И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне радостна с тобой!
Тот кров соломенный Тибуллу золотой,
Под коим, сопряжен любовию с тобою,
Стократ благословен!.. Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят,
Утешит ли тогда сей Рим, сей пышный град!
Ах! нет! И золото блестящего Пактола*,
И громкой славы шум, и самый блеск престола
Без Делии ничто, а с ней и куща — храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова!* услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено
И Делией владеть Тибуллу не дано,—
Пускай теперь сойду во области Плутона*,
Где блата топкие и воды Ахерона*
Широкой цепию вкруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

Если в столице у вас об изгнаннике помнят — Назоне,
Если живет без меня в городе имя мое,
Там, далеко, далеко, где и звезды в море не сходят,
Там обретаюсь во тьме варварства — варварских орд.
Дики кругом племена: сарматы, да бессы, да геты...
Сборище темных имен — мне ли, поэту, под стать?
В пору тепла мы живем под широкой защитой Дуная:
Волн бурливый разлив — вражьим набегам рубеж.
Лету на смену зима угрюмые брови насупит,
В белый, как мрамор, покров землю оденет мороз.
В дни, пока дует Борей* и свиреп снегопадами Север,
Терпит покорно Дунай дрожь громыхающих арб.
Снег да метель. Ни дожди, ни солнце тот снег не растопят.
Крепче и крепче его в броню сбивает Борей,
Прежний еще не смело́, а новый все валит и валит,

Так и лежит кое-где век от зимы до зимы.
Тут ураган налетит,— ударит и с грохотом рушит
Башни, ровняя с землей, кровлю рванул — и унес.
Кутают тело в меха, в шаровары из шкур, когда люто
За душу стужа берет: только лицо на ветру.
Льдинки звенят при ходьбе, свисая с волос и качаясь,
И от мороза бела, заледенев, борода.
Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда;
Вынут из кадки — не пьют: колют, глотая куском.
Высказать вам, как ручьи промерзают до дна от морозов,
Как из озер топором ломкую воду берут?
Равен Дунай шириной папирусоносному Нилу.
Многими устьями он в мощный втекает залив.
Вод синеокую даль он, ветрами сковав, замыкает
И под броней ледяной к морю сокрыто скользит.
Там, где сверкало весло, пешеходы ступают, и звонко
Режет копыто коня гладь затвердевшую волн.
По новозданным местам, над скользящими водами цугом
Варварский тащат обоз шеи сарматских быков.
Верьте — не верьте, но нет мне корысти враньем пробавляться,
И очевидцу не грех полную веру давать...
Вижу ледовый настил, уходящий в безбрежные дали,
Скользкая сверху кора сжала безмолвие вод.
Мало увидеть — иду: я по твердому морю шагаю,
И под стопой у меня влага не влажной была.
Будь твой пролив роковой, Леандр, таким же когда-то,
Мы не вменяли б ему юноши гибель в вину.
Ныне дельфинам невмочь, изогнувшись, мелькнуть над волною.
Пусть попытаются: лед сломит игривую прыть.
Пусть, свирепея, Борей гремит, порывая крылами,
Воды не дрогнут: тиха в сжатой пучине вода.
Сдавлены льдами, стоят корабли в этом мраморе моря,
И не разрезать веслом оцепенелый простор.
Вижу в прозрачности льдов застывших рыб вереницы,
Меж замороженных див есть и немало живых.
Только, бывало, скует свирепая сила Борея
Воды морские иль рек вольнолюбивый порыв,
Только прогладят Дунай Аквилоны досуха, тотчас
Варвар на резвом коне хищный свершает набег.
Варвар! Силен он конем и далеко летящей стрелою:
Опустошит широко землю соседей сосед.
Жители — в бегство: беда!.. В полях, никем не хранимых,
Хищники дикой ордой грабят покинутый скарб,
Скудное грабят добро — и скот, и скрипучие арбы —
Все, чем сыт и богат наш деревенский бедняк.
Кто не укрылся, того, заломив ему за спину руки,

Прочь угоняют: прости, дом и родные поля.
Прочие жалко падут под зубчатыми стрелами. Варвар
Жало крылатой стрелы в капельный яд обмакнул.
Все, что врагу унести иль угнать не по силам, он губит:
И пожирает огонь скромные избы селян.
Даже в дни мира дрожат, трепеща перед зимним набегом,
И не взрывает никто плугом упорной земли.
Здесь — или видят врага, иль боятся, когда и не видят,
И пребывает земля в дебрях степных целиной.
Здесь под сенью листвы виноградная гроздь не свисает.
Пенистым суслом по край не заполняется кадь.
Яблоко здесь не растет. Не нашел бы Аконтий приманки,
Чтобы на ней написать,— только б Кидиппа прочла.
Голые степи кругом: ни деревьев, ни зелени — голо.
Не для счастливых людей гиблые эти места.
Да, до чего широко раскинулись мир и держава!
Мне в наказанье дана именно эта земля.

ДЕДАЛ И ИКАР

⟨Отрывок из поэмы «Метаморфозы»⟩

Дедал, наскучив меж тем изгнанием долгим на Крите,
Страстно влекомый назад любовью к родимым пределам,
Замкнутый морем, сказал: «Пусть земли и воды преградой
Встали, зато небеса — свободны, по ним понесемся!
Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!»
Молвил — и всею душой предался́ незнакомому делу.
Новое нечто творит, подбирает он перья рядами,
С малых начав, чтоб за каждым пером шло другое, длиннее,—
Будто неровно росли: все меньше и меньше длиною,—
Рядом подобным стоят стволы деревенской цевницы;
Ниткой средину у них, основания воском скрепляет.
Перья друг с другом связав, кривизны незаметной им придал
Так, чтобы были они как у птицы. Присутствовал рядом
Мальчик Икар; он не знал, что касается гибели верной,—
То, улыбаясь лицом, относимые веющим ветром
Перья рукою хватал; то пальцем большим размягчал он
Желтого воска куски, ребячьей мешая забавой
Дивному делу отца. Когда ж до конца довершили
Дедала руки свой труд, привесил к крылам их создатель
Тело свое, и его удержал волновавшийся воздух.
Дедал и сына учил: «Полетишь серединой пространства!
Будь мне послушен, Икар: коль ниже ты путь свой направишь,
Крылья вода отягчит; коль выше — огонь обожжет их.

Посередине лети! Запрещаю тебе на Боота
Или Гелику смотреть и на вынутый меч Ориона.
Следуй за мною в пути». Его он летать обучает,
Тут же к юным плечам незнакомые крылья приладив.
Между советов и дел у отца увлажнялись ланиты,
Руки дрожали; старик осыпал поцелуями сына.
Их повторить уж отцу не пришлось! На крыльях поднявшись,
Он впереди полетел и боится за спутника, словно
Птица, что малых птенцов из гнезда выпускает на волю.
Следовать сыну велит, наставляет в опасном искусстве,
Крыльями машет и сам и на крылья сыновние смотрит.
Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удою,
Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший,—
Все столбенели и их, проносящихся вольно по небу,
За неземных принимали богов. По левую руку
Самос Юнонин уже, и Делос остался, и Парос;
Справа остался Лебинт и обильная медом Калимна.
Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом,
От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый,
Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
Крыльев скрепление — воск благовонный — огнем размягчило;
Воск, растопившись, потек; и голыми машет руками
Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух.
Приняты были уста, что отца призывали на помощь,
Морем лазурным, с тех пор от него получившим названье.
В горе отец — уже не отец! — повторяет: «Икар мой!
Где ты, Икар? — говорит,— в каком я найду тебя крае?»
Все повторял он: «Икар!» — но перья увидел на водах;
Проклял искусство свое, погребенью сыновнее тело
Предал, и оный предел сохранил погребенного имя.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ*

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

РОБИН ГУД* УГОЩАЕТ ШЕРИФА

Однажды спорили стрелки,
Кто в метку попадет.
Шериф смотрел на их игру,
И тешился народ.

Вот вышел в круг Малютка Джон*
Под крики, шум и смех.
Он трижды в метку попадал,
Стрелял вернее всех.

— Кто ты такой? — спросил шериф.—
Ты крепок и плечист.
— Меня зовут,— ответил Джон,—
Рейнольд Зеленый Лист.

— Ступай, Рейнольд, служить ко мне.
Чем худо у меня?
Получишь двадцать золотых
И доброго коня.

И вот одет Малютка Джон
Шерифовым стрелком,
Но и теперь Малютка Джон
С изменой не знаком.

В погожий день в глухом бору
Охотился шериф.
Он на охоту ускакал,
О Джоне позабыв.

Давно шерифа ждет обед,
Но все не едет он.
— Эй, повар, дай-ка мне поесть! —
Сказал Малютка Джон.

— Потерпишь,— повар отвечал,—
Подать, так сразу всем.
— Ну, нет,— сказал Малютка Джон,—
Я все-таки поем!

Он вынул длинный острый меч,
А дюжий повар — свой,
И оба начали крутить
Мечи над головой.

Сшибались в воздухе клинки,
Не делая вреда.
— Ого! — сказал Малютка Джон.—
Ты бьешься хоть куда.

Пойдешь со мной в Шервудский лес?
Нас примет Робин Гуд.—
Ответил повар: — Хоть сейчас!
Мне надоело тут.

И он за мясом и вином
Отправился в подвал.
Малютку Джона он кормил
И сам не отставал.

Потом он ложки и ковши
На кухню приволок.
Они немало серебра
Упрятали в мешок.

И светлый кубок золотой
Забрали заодно.
Из кубка этого шериф
Пил пиво и вино.

Смеясь, их встретил Робин Гуд,
Прославленный стрелок.
И в тот же день Малютка Джон
Шерифа подстерег.

— Скажи, Рейнольд Зеленый Лист,
Что делал ты в лесу?
— Искал тебя, мой господин,
Я весть тебе несу.

Там, за ручьем, олень-вожак,
Невиданный олень —
Зеленый с ног до головы,
Как роща в майский день!

— Клянусь душой,— сказал шериф,—
Оленя погляжу.
— А я,— сказал Малютка Джон,—
Дорогу покажу.

Шериф доехал до ручья,
А там уж гостя ждут:
В зеленом с ног до головы
Выходит Робин Гуд.

Пришлось шерифу пировать.
Сидел он, глядя вбок.
Любимый кубок свой узнал
И больше есть не мог.

Воскликнул Робин: — Веселей!
Еще кусок отрежь!
Малютку Джона ты кормил,
Теперь и сам поешь!

Мы будем долго пировать,
Хоть шесть часов подряд.
Потом наденешь ты, шериф,
Зеленый наш наряд.

Беру тебя в ученики,
В разбойники беру!
Двенадцать месяцев, шериф,
Ты проживешь в бору.

— Остаться здесь? — спросил шериф.—
И спать на землю лечь?
Да ты уж лучше прикажи
Мне голову отсечь.

— Клянись,— ответил Робин Гуд,—
На этом вот мече
Не мстить голодным беднякам,
Забыть о палаче!

Поклялся нехотя шериф
Не грабить бедный люд
И полюбил Шервудский лес,
Как лошадь любит кнут.

Æ. 46
1610

Уильям Шекспир

РОБИН ГУД МОЛИТСЯ БОГУ

Еще послушайте рассказ.
Однажды, говорят,
Переоделся Робин Гуд
В монашеский наряд.

Надел он черный капюшон,
Повесил крест на грудь,
А сверху четки нацепил
И вышел в дальний путь.

И мили Робин не прошел,
Как вдруг в лесу глухом
Он двух монахов повстречал,
Гарцующих верхом.

— Подайте брату во Христе! —
Заохал Робин Гуд.—
Тому, кто нищим подает,
На небе воздадут.

Я ничего не ел с утра,
Уж больно сбор плохой,
Ни кружки кислого вина,
Ни корочки сухой.

— Не жаль для ближнего монет,—
Монахи говорят;—
Но нас ограбил Робин Гуд,
Мы сами нищи, брат.

— На шее крест у вас, попы,
А ложь на языке.
Придется, видно, вам помочь
Порыться в кошельке!

Попы свернули на тропу,
Чтоб ускакать по ней,
Но Робин Гуд одним прыжком
Перехватил коней.

Он сбил монахов на траву
И надавал пинков.
— Ах, отпусти нас, добрый брат,
Не мучай бедняков.

— Выходит, все мы бедняки,
Бедняк на бедняке?
Ну что ж, помолимся втроем
О толстом кошельке.

И на коленях два попа
Взывали к небесам:
— Пошли нам, боже, золотых,
А сколько, знаешь сам!

Ломали руки два попа
И охали, молясь,
А Робин песни распевал,
Над оханьем смеясь.

Потом он крикнул двум попам:
— Ну, братья-бедняки,
Посмотрим, что послал господь,
Проверим кошельки!

И тут господни чудеса
Свершились наяву:
Пятьсот блестящих золотых
Посыпались в траву.

— Ого! — воскликнул Робин Гуд.—
Вот это барыши!
Видать, что вы, мои отцы,
Молились от души.

Берите сотню золотых,
Вам нынче повезло! —
И встали на ноги попы,
Вздыхая тяжело.

Поднялись на ноги попы
И думали, уйдут.
— Еще не кончен разговор! —
Сказал им Робин Гуд.—

И на моем святом кресте
Я клятву с вас возьму
Не лгать до гробовой доски
Нигде и никому.

А встретив нищего в пути,
Тотчас сойти с коня

И бросить пригоршню монет,
За вас и за меня.

Монахам он привел коней
И сесть на них помог,
А сам отправился бродить
В чащобах у дорог.

СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!*

Под праздник, под воскресный день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!

— Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне — пускай она стоит
Открытой сотню лет!

Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:

— Давай, старуха, помолчим,
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрет!

Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь.
В углу часы стучат.

Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.

— А ну-ка,— гости говорят,—
Кто в домике живет? —
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.

Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха,—
Хозяйка — ни гугу.

Нашли табак у старика.
— Хороший табачок! —
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.

Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!

А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой! —
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

ЭДМУНД СПЕНСЕР

СОНЕТЫ

* * *

Я имя милой вздумал написать
На дюнах, но его смела волна.
Его решил я вывести опять,
И вновь прибоем смыло письмена.
«Бесплодны тщания,— рекла она,—

То́ наделить бессмертьем, что умрет!
Уничтоженью я обречена,
И время без следа меня сотрет».
«Нет! — молвил я.— Пусть низших тварей род
Падет во прах — жить будешь ты в молве:
Мой стих тебя навек превознесет,
Напишет имя в горней синеве;
Коль смерть одержит верх над всем живым,
Мы жизнь любовью вечной возродим».

* * *

С таким коварством золото волос
На ней покрыла сетка золотая,
Что взору вряд ли разрешить вопрос,
Где мертвая краса и где живая.
Но смельчаки глядят, не понимая,
Что глаз бессильный каждого обрек
На то, что сердце чародейка злая
Уловит тотчас в золотой силок.
А посему я зренью дал зарок
Игрой лукавой не пленяться боле,
Иначе, поздно распознав подлог,
Потом вовек не выйти из неволи.
Безумен тот, кто предпочтет взамен
Свободе — плен, хоть золотой, но плен.

* * *

Окончил путь усталый старый год,
Явился новый в утреннем сиянье
И начал мерных дней круговорот,
Сулящий нам покой и процветанье.
Оставим же за новогодней гранью
С ушедшей прочь ненастною порой
Ненастье душ и грешные деянья
И жизни обновим привычный строй.
Тогда веселье щедрою рукой
Отмерит миру мрачному природа
И после бурь подарит нам покой
Под свежей красотою небосвода.
Так и любовь — мы с нею поспешим
От старых бед к восторгам молодым.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОНЕТЫ

* * *

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшенья строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою,—
Я никому ее не продаю!

* * *

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей,—

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

* * *

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

* * *

Измучась всем, я умереть хочу*.
Тоска смотреть, как мается бедняк
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,

И наблюдать, как наглость лезет в свет
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,

И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

* * *

То время года видишь ты во мне,
Когда из листьев редко где какой,
Дрожа, желтеет в веток голизне,
А птичий свист везде сменил покой...

Во мне ты видишь бледный край небес,
Где от заката памятка одна,
И, постепенно взявши перевес,
Их опечатывает темнота.

Во мне ты видишь то сгоранье пня,
Когда зола, что пламенем была,
Становится могилою огня,
А то, что грело, изошло дотла.

И это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены.

* * *

Седины ваши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет —
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

* * *

Уж если ты разлюбишь,— так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

* * *

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане,
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих,—
То нет любви и нет стихов моих!

* * *

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

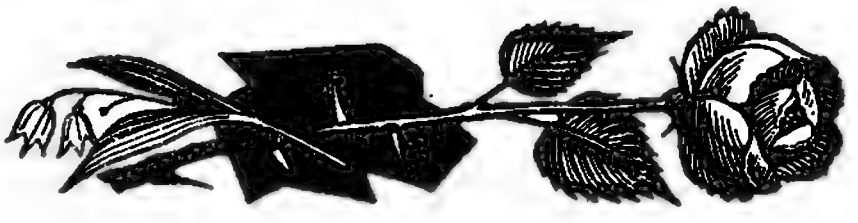
* * *

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду — но вода
Любви не охлаждала никогда.



ДЖОН ДОНН

ШТИЛЬ*

(Из послания Кристоферу Бруку)

Улегся гнев стихий, и вот мы снова
В плену у Штиля — увальня тупого.
Мы думали, что Аист — наш тиран*,
А вышло, хуже Аиста — Чурбан.
Шторм отшумит и стихнет, обессиля;
Но где, скажите, угомон для штиля?
Мы рвемся в путь, а наши корабли
Архипелагом к месту приросли,
И нет на море ни единой складки:
Как зеркальце девичье, волны гладки.
От зноя нестерпимого течет
Из просмоленных досок — черный пот.
Где гордых парусов великолепье?
На мачтах развеваются отрепья,
И такелаж изодранный висит:
Так опустевшей сцены жалок вид
Иль чердака, где свалены за дверью
Сегодня и вчера, труха и перья...

. . . . . .

Что бы меня ни подтолкнуло в путь:
Любовь, или надежда утонуть,
Прогнивший век, досада, пресыщенье,
Иль попросту мираж обогащенья —
Уже не важно. Будь ты здесь храбрец
Иль жалкий трус — тебе один конец;
Меж гончей и оленем нет различий,
Когда Судьба их сделает добычей.
Ну кто бы этого подвоха ждал!
Мечтать на море, чтобы дунул шквал,
Не то же ль самое, что домогаться
В аду — жары, на полюсе — прохладцы?
Как человек, однако, измельчал!
Он был ничем в начале всех начал,
Но в нем дремали замыслы природны;
А мы — ничто и ни на что не годны.
Ни воли в нас, ни чувств... Но что я лгу?
Унынье же я чувствовать могу!

ДЖОН МИЛЬТОН

К ШЕКСПИРУ

К чему тебе, Шекспир наш бесподобный,
Величественный памятник надгробный?
Над местом, где твой прах святой зарыт,
Не надо строить вечных пирамид —
Заслуживаешь большего по праву
Ты, первенец молвы, наперсник славы.
В сердцах у нас себе воздвиг ты сам
Нетленный и слепящий взоры храм.
Тебя не обессмертило ваянье,
Но множатся твоих трудов изданья,
И глубиной дельфийских строк твоих
Ты так дивишь всех, кто читает их,
Что каменеем мы от восхищенья,
И мрамор нашего воображенья
Идет тебе на монумент такой,
Под коим рад бы спать монарх любой.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

⟨Отрывок из поэмы⟩

[Сатана прилетает в Эдем и видит там перволюдей Адама и Еву.]

— Мучительный и ненавистный вид!
В объятьях друг у друга, эти двое
Пьют райское блаженство, обретя
Все радости Эдема. Почему
Им — счастья полнота, мне — вечный Ад,
Где ни любви, ни радости, одно
Желанье жгучее,— из наших мук
Не самое последнее,— томит
Без утоленья. Должен я, однако,
Не позабыть подслушанное мной.
Им, кажется, не все принадлежит
В Раю. Здесь роковое где-то есть
Познанья Древо: от него вкушать
Нельзя. Познанье им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь

Познанье людям? Разве может быть
Познанье преступленьем или смерть
В себе таить? Неужто жизнь людей
Зависит от неведенья? Ужель
Неведенье — единственный залог
Покорности их веры и на нем
Блаженство их основано?..

ДЖОНАТАН СВИФТ

БАСНЯ О МИДАСЕ*

(На герцога Мальборо лорда Черчилля, чье имя как мошенника и казнокрада стало нарицательным)

Жил-был на свете царь Мидас.
Он чудеса творил не раз:
Он воду, камень, сажу, мел —
Все сделать золотом умел.
Отломит хлеб — и не безделка:
Полна дублонами тарелка.
Простое яблоко берет,
А сунет золотое в рот.
Наденет шляпу — шлем Мамбрена
Уже блестит на нем отменно.
Возьмет овса иль гречки сноп,
Глядишь — а он монеты сгреб.
С того и сказ пошел когда-то:
Мол, счастье — все равно что злато!
Он был везучим дураком,
А порешили все кругом,
Что он мудрец. И захотели
Кифары бог и бог свирели,
А проще — Пан* и Аполлон*,
Чтоб разрешил их тяжбу он:
Кто из двоих сильней талантом?
Кому быть первым музыкантом?

Мидас послушал их, зевнул
И лавры Пану протянул,
Все чары струн отдать готовый
За трель свистульки тростниковой.
Как дернет за уши в ответ
Мидаса гневный Кифаред!
Была отомщена кифара:
Ушей прямых и длинных пара —
Их ни позолотить, ни скрыть —
Судьи вознаградила прыть.
Ему пришлось в колпак рядиться.
Решил пойти в Пактол помыться —
И взяли волны у него
Дар делать злато из всего.
С тех пор — от богачей до голи —
Все ищут свой профит в Пактоле.
В золотобрызжущей реке
И в золотом ее песке,
Спеша свою пополнить кассу
Уже без зависти к Мидасу,
Поняв — таков всеобщий глас,—
Что он осел, судья Мидас.

Так, друг читатель, и ведется:
Подобный лидер попадется
И, смотришь, действует как раз,
Как этот самый царь Мидас.
Обходит без труда законы —
Подарки, взятки, пенсионы
С живого, с мертвого дерет,
И от всего ему доход.
На деньги нюх имеет лисий,
Умеет брать процент с комиссий
И делать золотом само
Обыкновенное дерьмо.
А люди голодают в массе,
Как было и при том Мидасе.

К тому ж Мидасы новых дней
Хотя наглей, но не умней,
И совесть говорит в них глуше.
Они уже не прячут уши.
Их стало много, ибо там,
Где счета нет любым скотам,
Где столько глупого народу,
Один не делает погоду.

И мало одного осла,
Чтоб жизнь ослиною была.
А впрочем, много рук иль мало,
Всегда их золото марало,
И грязь отмыть — свидетель бог —
Британский наш Мидас не смог,
Хоть руки тер он что есть мочи,
Пока сенат и дни и ночи
Шумел, грозя прищучить сброд,
Который грабит весь народ.

Вот так Мидас и достарался,
Он замести следы пытался,
И уносила без следа
Все, что награбил он, вода.
Все уплывало без оглядки:
Проценты, пенсионы, взятки,
Лишь грязь вода не унесла,
Да уши выдают осла.
Все то, чем он владел, готовы
Поймать другие рыболовы,
А наш Мидас, как столб, стоит,
Людьми осмеян и забыт.

ТОМАС ГРЕЙ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

⟨Отрывок из элегии⟩

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огнь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеются в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная.. и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят...

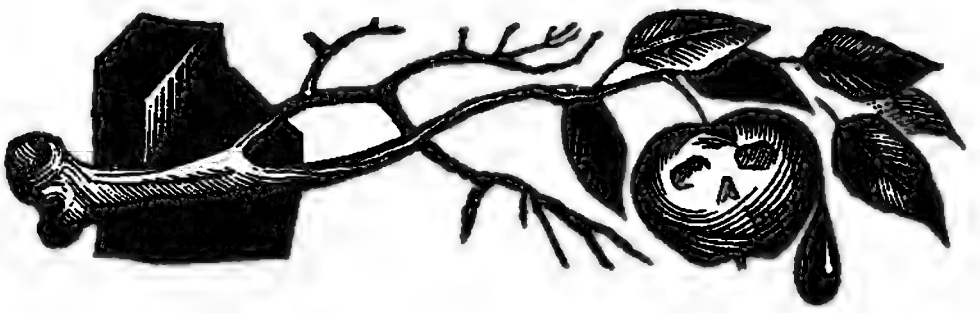
ДЖЕЙМС МАКФЕРСОН

ОССИАН

ПЕСНЬ КОЛЬМЫ

Ужасна ночь, а я одна
Здесь на вершине одинокой.
Вокруг меня стихий война.
В ущелиях горы высокой
Я слышу ветра свист глухой.
Здесь по скалам с горы крутой
Стремится вниз поток ревучий;
Ужасно над моей главой
Гремит перун, несутся тучи.
Куда бежать? где милый мой?
Увы, под бурею ночною
Я без убежища, одна!
Блесни на высоте, луна,
Восстань, явися над горою!
Быть может, благодатный свет
Меня к Сальгару приведет.
Он, верно, ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
В дубраве иль в степи глухой,
Сложивши с плеч свой лук могучий
С опущенною тетивой
И презирая гром и тучи,
Ему знакомый бури вой,
Лежит на мураве сырой;
Иль ждет он на горе пустынной,
Доколе не наступит день
И не рассеет ночи длинной.
Ужасней гром; ужасней тень;
Сильнее ветра завыванье;
Сильнее волн седых плесканье.—
И гласа друга не слыхать!
О верный друг! Сальгар мой милый!
Где ты? ах, долго ль мне унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вот дуб, поток, о брег дробимый,
Где ты клялся до ночи быть —
И для тебя мой кров родимый
И брат любезный мной забыт.
Семейства наши знают мщенье,

Они враги между собой —
Мы не враги, Сальгар, с тобой.
Умолкни, ветр, хоть на мгновенье!
Остановись, поток седой!
Быть может, что любовник мой
Услышит голос, им любимый!
Сальгар! тебя здесь Кольма ждет;
Здесь дуб, поток, о брег дробимый;
Здесь все,— лишь милого здесь нет.



УИЛЬЯМ БЛЕЙК

ВСТУПЛЕНИЕ К «ПЕСНЯМ НЕВЕДЕНИЯ»

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Светлокудрой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик наконец
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,

Взял воды из родника
И землею замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней,—
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость свою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной,—
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

МУХА

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила
И жизнь и свет,
И там могила,
Где мысли нет,—

То пусть умру я
Или живу,
Счастливой мухой
Себя зову.

ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Сознаньем созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачны.
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильней
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: — Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел.
Гнев излил я — гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я растил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

С каждым часом, с каждым днем
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Поздней ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

РОБЕРТ БЕРНС

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.

Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,—
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
— Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Погибни, Джон,— в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна! —
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз,—
И Джон Ячменное Зерно
Сквозь перегной пророс...

Весенним солнцем обожжен
Набухший перегной,—
И по ветру мотает Джон
Усатой головой...

Но душной осени дано
Свой выполнить урок,—
И Джон Ячменное Зерно
От груза занемог...

Он ржавчиной покрыт сухой,
Он — в полевой пыли...
— Теперь мы справимся с тобой! —
Ликуют короли...

Косою звонкой срезан он,
Сбит с ног, повергнут в прах,
И, скрученный веревкой, Джон
Трясется на возах...

Его цепами стали бить,
Кидали вверх и вниз,—
И чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

Он в ямине с водой — и вот
Пошел на дно, на дно...
Теперь, конечно, пропадет
Ячменное Зерно!..

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть.
И закружились жернова;
Чтоб сердце размолоть...

. . . . . .

Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен
Бочонок, сбитый из досок,—
И в нем бунтует Джон...

Три короля из трех сторон
Собрались заодно,—
Пред ними в кружке ходит Джон
Ячменное Зерно...

Он брызжет силой дрожжевой,
Клокочет и поет,
Он ходит в чаще круговой,
Он пену на пол льет...

Пусть не осталось ничего
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах!..

Кто, горьким хмелем упоен,
Увидел в чаше дно —
Кричи:
— Вовек прославлен Джон
Ячменное Зерно!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай,—
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

ДЕРЕВО СВОБОДЫ*

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собранье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день,—
И он не за горами,—
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат.

* * *

Пробираясь до калитки
Полем вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

ЛЮСИ

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

НАРЦИССЫ

Как тучи одинокой тень,
Бродил я, сумрачен и тих,
И встретил в тот счастливый день
Толпу нарциссов золотых.
В тени ветвей у синих вод
Они водили хоровод.

Подобно звездному шатру,
Цветы струили зыбкий свет,
И, колыхаясь на ветру,
Мне посылали свой привет.
Их были тысячи вокруг,
И каждый мне кивал, как друг.

Была их пляска весела,
И видел я, восторга полн,

Что с ней сравниться не могла
Медлительная пляска волн.
Тогда не знал я всей цены
Живому золоту весны.

Но с той поры, когда впотьмах
Я тщетно жду прихода сна,
Я вспоминаю о цветах,
И, радостью осенена,
На том лесистом берегу
Душа танцует в их кругу.

РОБЕРТ САУТИ

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Баллада

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлеба,
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;

Бедных к себе на пирушку зовет» —
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен,
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей.

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит,
«В Рейнской башне спасусь»,— говорит.

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

Джордж Гордон Ноэль Байрон

В легкую лодку епископ садится:
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казалися слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери.
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

ТОМАС МУР

УЖЕЛИ ДАРОВАН Я ВСТРЕЧЕЙ

Ужели дарован я встречей такой
За долгие годы скитаний моих
И снова я вижу друзей пред собой
По-прежнему близких мне и дорогих?
Пускай промелькнувших годов снегопад
И ваши виски побелил. Что ж такого?
Как горы, что красит багрянцем закат,
Мы юным румянцем окрасимся снова.

К себе призывает нас памяти даль,
И вот уж не чувствуем бремени лет!
Вчерашнее счастье, былая печаль
Виденьями кружат и смотрят нам вслед.
Как надпись, которая еле видна,
Вдруг видной становится возле огня,
Так прошлая юность почти что до дна
Пронзается светом пришедшего дня.

Итак, в бездну памяти двинемся мы,
Забытое отрочество посетим,
Где можно увидеть средь света и тьмы
Надежды несбывшейся розовый дым.
И память, конечно, забросит нас в сад
Мечтаний, ушедших от нас навсегда.
Мы вновь ожиданий вдохнем аромат
И молоды будем совсем как тогда.

Да, жизнь быстротечна... Мгновенье всего —
И вот уж о друге я слезы пролил.
И радость уходит порой оттого,
Что нету того, кто б ее разделил.
Ах, нам остается лишь верить, что нас
Желанное счастье ждет в мире ином.
Улыбка иль рукопожатье подчас —
Вот все, что мы в нашем друг другу даем.

Однако, чем меньше приветствий таких,
Тем больше их каждый приветствовать рад.
Вблизи — мы близки, вдалеке — далеки,
Как птицы, что вдаль вслед за летом летят.

Так пустим же полную чашу вина
По кругу, где каждый мне близок, как брат.
Коснется она одного лишь звена,
И сразу всю цепь ее чары пронзят.

ИЗ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ»

ИРЛАНДИЯ, СМЕХ ТВОЙ И СЛЕЗЫ В ГЛАЗАХ

Ирландия, смех твой и слезы в глазах,
Как яркая радуга на небесах.
Сияя росинками горя,
Печалясь в лучистом просторе,
Светила твои, твои зори
Восходят в слезах.

Ирландия, слез не иссякнет река,
Твой смех будет грустен, улыбка горька,
Пока все цвета в твоей гамме
Не выстроят арку над нами
И радугой — Мира Вратами
Не станут пока.

СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

Он на битву пошел, сын певца молодой,
Опоясан отцовским мечом;
Его арфа висит у него за спиной,
Его взоры пылают огнем.

«Все тебя предают,— барда слышится речь,—
Страна песен, родная страна,
Но тебе до конца не изменит мой меч,
И моя будет арфа верна!»

Пал он в битве... Но враг, что его победил,
Был бессилен над гордой душой;
Смолкла арфа: ее побежденный разбил,
Порвал струны он все до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять создана,—
Молвил он,— так не знай же оков.
Твоя песнь услаждать лишь свободных должна,
Но не будет звучать меж рабов!»

ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах.
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем: их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок!
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет сладостный свет:
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!

О, ТОЛЬКО НЕ ДУМАЙ, ЧТО ВЕСЕЛ ВСЕГДА Я

О, только не думай, что весел всегда я,
Что вечно беспечен, как нынче кажусь,
Что радость, сегодня меня покидая,
Наутро ко мне не вернется, как грусть.
Нет! Жизнь — это бремя напрасных усилий,
Которые розами редко цветут,
И сердце, где радости прежде гостили,
Печали, как тернии, жалят и жгут.
Так чашу по кругу и счастье ловите,
Пусть радует путника избранный путь,
А горькие слезы в улыбке топите —
И пусть упадут они смехом на грудь.

Лишь богу известно, какой бы постылой
Нам жизнь без любви и без дружбы была;
И если б лишился я друга и милой,
То знал бы наверно, что смерть подошла.

Тот истинно счастлив, кому не придется
Рыдать над могилою страсти своей,
Кому до скончания дней удается
Не ведать предательства верных друзей.
Так чашу по кругу: пока не упала
На молодость тень суеты и клевет,
Молю, чтобы солнцем любовь нам сияла,
А дружба — луною на старости лет.

ЗАПОМНИ: ЗДЕСЬ ЛУЧШИЕ ПАЛИ

Запомни: здесь лучшие пали.
Здесь поле их вечного сна.
И с ними в могильном отвале
Надежда их погребена.

Прорваться бы к ним через годы
И к жизни из тлена вернуть!
И сладостный ветер свободы
Опять перед боем вдохнуть...

О, если б судьба нам сулила
В той битве оковы сорвать!
Клянусь — и небесная сила
Нас вновь не могла б заковать!

Воспет победитель неправый
Всей ложью преданий и книг.
Но нету бесславнее славы,
Оплаченной рабством других!

Уж лучше тюрьма да могила,
Где прах патриотов почил,
Чем почести, слава и сила —
Ценою бессчетных могил!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН*

(Колокола Санкт-Петербурга)

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон.

МИР ВАМ, ПОЧИВШИЕ БРАТЬЯ!*

(Каталонская мелодия)

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Смерть приняла вас в объятья.
Дуб, опаленный грозой, опушился
Новою зеленью с новой весной;
Вас же, сердца, переставшие биться,
Кто возвратит стороне вам родной?
Смерть приняла вас в объятья.

На победившем проклятье!
Вечная месть нам завещана вами.
Прежде чем робко изменим мы ей,
Ляжем холодными трупами сами
Здесь же, средь этих кровавых полей.
На победившем проклятье!

ДЖОРДЖ ГОРДОН НОЭЛЬ БАЙРОН

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

⟨Отрывок из поэмы⟩

«Прости, прости, мой край родной!
Уж скрылся ты в волнах;
Касатка вьется, ветр ночной
Играет в парусах.
Уж тонут огненны лучи
В бездонной синеве...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

Проснется день; его краса
Утешит божий свет;
Увижу море, небеса,—
А родины уж нет!
Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет;
Собака верная моя
Выть станет у ворот.

Ко мне, ко мне, мой паж младой!
Но ты дрожишь, как лист?

Иль страшен рев волны морской?
Иль ветра буйный свист?
Не плачь: корабль мой нов; плыву
Уж я не в первый раз;
И быстрый сокол на лету
Не перегонит нас».

— «Не буйный ветр страшит меня,
Не шум угрюмых волн;
Но не дивись, сир Чальд, что я
Тоски сердечной полн!
Прощаться грустно было мне
С родимою, с отцом;
Теперь надежда вся в тебе
И в друге... неземном.

Не скрыл отец тоски своей,
Как стал благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать».
— «Ты прав, ты прав, мой паж младой!
Как сметь винить тебя?
С твоей невинной простотой,
Ах, плакал бы и я!

Но вот и кормщик мой сидит,
Весь полон черных дум.
Иль буйный ветр тебя страшит?
Иль моря грозный шум?»
— «Сир Чальд, не робок я душой,
Не умереть боюсь;
Но я с детьми, но я с женой
Впервые расстаюсь!

Проснутся завтра на заре
И дети и жена;
Малютки спросят обо мне,
И всплачется она!»
— «Ты прав, ты прав! И как пенять,
Мой добрый удалец!
Тебе нельзя не горевать:
И муж ты, и отец!

Но я... Ах, трудно верить мне
Слезам прекрасных глаз!
Любовью новою оне

Осушатся без нас.
Лишь тем одним терзаюсь я,
Не в силах то забыть,
Что нет на свете у меня,
О ком бы потужить!

И вот на темных я волнах
Один, один с тоской!
И кто же, кто по мне в слезах
Теперь в стране родной?
Что ж рваться мне, жалеть кого?
Я сердцем опустел,
И без надежд и без всего,
Что помнить я хотел.

О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам;
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!
Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!»

* * *

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! Возьми назад щедроты
И титул, что в веках звучит!
Жить меж рабов мне нет охоты,
Их руки пожимать — мне стыд!
Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет,
Где реву океана скалы
Шлют свой бестрепетный ответ!

О, я не стар! Но мир, бесспорно,
Был сотворен не для меня!
Зачем же скрыты тенью черной
Приметы рокового дня?
Мне прежде снился сон прекрасный,
Виденье дивной красоты...
Действительность! Ты речью властной
Разогнала мои мечты.

Кто был мой друг — в краю далеком,
Кого любил — тех нет со мной.
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок...
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем одинок!

Как глупо слушать рассужденья,
О, не друзей и не врагов! —
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров.
Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,
И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

А женщина? Тебя считал я
Надеждой, утешеньем, всем!
Каким же мертвым камнем стал я,
Когда твой лик для сердца нем!
Дары судьбы, ее пристрастья,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца!

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усилья
Прочь, прочь от жизни — навсегда!

НЕ ВСПОМИНАЙ...

Не вспоминай тех чудных дней,
Что вечно сердцу будут милы,—
Тех дней, когда любили мы.
Они живут в душе моей.
И будут жить, пока есть силы —
До вечной — до могильной тьмы.
Забыть... Все, что связало нас?
Как слушал я стук сердца страстный,
Играя золотом волос...
Клянусь, я помню, как сейчас,
Твой томный взор, твой лик прекрасный
И нежных уст немой вопрос.
Как льнула ты к груди моей,
И глаз твоих полупризыв,
Полуиспуг — будил желанье...
И мы сближались все тесней,
Уста к устам, весь мир забыв,
Чтоб умереть в одном лобзанье!..
Потом склоняла ты чело,
И глаз лазуревую негу
Густых ресниц скрывала сень,
Оне — как ворона крыло,
Скользя по девственному снегу,—
На блеск ланит кидали тень...
Вчера пригрезилась во сне
Любовь былая наша мне...
И слаще было сновиденье,
Чем в жизни новой страсти пыл;
Сиянье глаз иных — затмил
Твой взор в безумье наслажденья.
Не говори ж, не вспоминай
Тех дней, что снов дарят нам рай,
Тех дней, что сердцу будут милы,
Пока нас не забудет свет,
Как хладный камень у могилы,
Вещающий, что нас уж нет!..

* * *

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,

И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд,—
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,—
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
Лишь чувствую — прости! прости!

В АЛЬБОМ

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

ЭКСПРОМТ В ОТВЕТ ДРУГУ

Когда печаль моя, как мрачное виденье,
Глубокой думою чело мне осенит,
Прольет мне на душу тяжелое сомненье
И очи ясные слезою омрачит,—
О, не жалей меня: печаль моя уж знает
Темницу грустную и мрачную свою,
Она вселяется обратно в грудь мою
И там в томленье изнывает.

ДУША МОЯ МРАЧНА

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,—
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика.— Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

ОНА ИДЕТ ВО ВСЕЙ КРАСЕ

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской,—
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

* * *

Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!

Как темнота при нем еще темней!
Как он похож на радость прежних дней!

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека,— светла, но холодна!

ТЫ КОНЧИЛ ЖИЗНИ ПУТЬ..

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

СТАНСЫ

Ни одна не станет в споре
Красота с тобой.
И, как музыка на море,
Сладок голос твой!
Море шумное смирилось,
Будто звукам покорилось,
Тихо лоно вод блестит,
Убаюкан, ветер спит.

На морском дрожит просторе
Луч луны, блестя.
Тихо грудь вздымает море,
Как во сне дитя.
Так душа полна вниманья,
Пред тобой в очарованье;
Тихо все, но полно в ней,
Будто летом зыбь морей.

СТАНСЫ К АВГУСТЕ*

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передряги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.

Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чаю подлога
И в улыбке тебя узнаю.
Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души в изгнанье скорбя,
Тем-то волны меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Все равно: и в тоске и в унынье
Не бывать их невольником мне.
Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета.
Ты любовь не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде — разлуки как нет,

Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:
Мало даже утраты вселенной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, все уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,
По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить иль пасть с тобой в крови,
И если б пробил час — делить с тобой, любимой,
Все, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил и, бденьем истомлен,
Прильнул к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И все, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,

Тебе, тебе даря последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд,— любить все вновь и вновь.

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон,— могу ли спать?
Тираны давят мир,— я ль уступлю?
Созрела жатва,— мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

ИРЛАНДИЯ

Ирландия! придет твоя весна,
Несчастная зеленая страна.
В полях пустынных рожь зашелестит,
В ней свежий ветер моря зашумит...

Ты дерево на берегу морском!
Ты мир, довольство, счастье в каждый дом
Давало, как чудесные плоды...
Увяло ты, лишилось красоты,
Твой пышный плод рука врага срывает,
А корни острый заступ подрывает.

ОЗИМАНДИЯ

Сонет

Я встретил путника; он шел из стран далеких
И мне сказал: — вдали, где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень,
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.
И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

МУЖАМ АНГЛИИ*

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружье тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет — жатве рад,
Кто не ищет — делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол,
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ*

1

О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листы,
Как перед чародеем привиденья,

То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
Ты голых пашен черные пласты

Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,

И теплый ветер, твой весенний брат,
Взовет их к жизни дудочкой пастушьей
И новою листвой оденет сад.

О дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!

2

Ты гонишь тучи, как круговорот
Листвы, не тонущей на водной глади,
Которую ветвистый небосвод

С себя роняет, как при листопаде.
То духи молний, и дожди, и гром.
Ты ставишь им, как пляшущей менаде,

Распущенные волосы торчком
И треплешь пряди бури. Непогода —
Как бы отходный гробовой псалом

Над прахом отбывающего года.
Ты высишь мрак, нависший невдали,
Как камень громоздящегося свода

Над черной усыпальницей земли.
Там дождь, и снег, и град. Внемли, внемли!

3

Ты в Средиземном море будишь хляби
Под Байями, где меж прибрежных скал
Спит глубина, укачанная рябью,

И отраженный остров задремал,
Топя столбы причалов, и ступени,
И темные сады на дне зеркал.

И, одуряя запахом цветений,
Пучина расступается до дна,
Когда ты в море входишь по колени.

Вся внутренность его тогда видна,
И водорослей и медуз тщедушье
От страха покрывает седина,

Когда над их сосудистою тушей
Твой голос раздается. Слушай, слушай!

4

Будь я листом, ты шелестел бы мной.
Будь тучей я, ты б нес меня с собою.
Будь я волной, я б рос пред крутизной

Стеною разъяренного прибоя.
О нет, когда б, по-прежнему дитя,
Я уносился в небо голубое

И с тучами гонялся не шутя,
Тогда б, участник твоего веселья,
Я сам, мольбой тебя не тяготя,

Отсюда улетел на самом деле.
Но я сражен. Как тучу и волну
Или листок, сними с песчаной мели

Того, кто тоже рвется в вышину
И горд, как ты, но пойман и в плену.

5

Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез

Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, этою строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!

СВОБОДА

I

Громами в горах отвечают обвалы
Вулканам, швыряющим пламя в зенит,
В морях откликаются лютые шквалы,
Вкруг трона Зимы сотрясаются скалы,
Лишь только Тифон затрубит.

II

Блеснула зарница мгновенным виденьем,
Но цепь островов озарилась кругом.
Разрушен лишь город землетрясеньем,
Но дальние страны наполнил смятеньем
В глубинах промчавшийся гром.

III

Твой взор ослепительней молнии рдяной,
И гнев твой землетрясенья страшней.
Смиряются пред тобой океаны
И солнце меркнет и светят вулканы
Не ярче болотных огней.

IV

Но горы, и море, и сушу, и воду
Согреет солнце, и, в тучах горя,
Из края в край, от народа к народу,
К сердцам от сердец разольется заря.
И в блеске лазурном, как ночь, как туман,
Исчезнут и раб и тиран.

СТРАННИКИ МИРА

Светлокрылая звезда!
Неужели никогда
Не находишь ты гнезда
И летишь поныне?

Молви, месяц-нелюдим!
Бесприютный пилигрим,
Странствуя путем своим,
Ты грустишь поныне?

Ищешь, ветер, ты во мгле,
Нет ли места на земле,
Хоть на ветке, хоть в дупле,
Хоть в морской пучине...

* * *

Опошлено слово одно
И стало рутиной.
Над искренностью давно
Смеются в гостиной.
Надежда и самообман —
Два сходных недуга.
Единственный мир без румян —
Участие друга.

Любви я в ответ не прошу,
Но тем беззаветней
По-прежнему произношу
Обет долголетний.
Так бабочку тянет в костер
И полночь — к рассвету,
И так заставляет простор
Кружиться планету.

ДЖОН КИТС

* * *

Прекрасное пленяет навсегда*.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к черноземy
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ; унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, так под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары.
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Что мы детьми слыхали иль прочли...

* * *

Она беспечно с братьями жила*,
В наследство получив торговый дом.
Для них рука бедняцкая ткала,
Иссушена безрадостным трудом.
Для них порабощенные тела
В крови, в поту сгибались под кнутом
И, бревна доставая из реки,
Весь день в воде стояли бедняки.

Для них нырял за жемчугом ловец,
Спасаясь от прожорливых акул.
Для них тюлень, предчувствуя конец,
Тоскливо лаял под прицелом дул.
Для них страдали тысячи сердец,
Но так же, издавая мерный гул,
Кружилось колесо, и все верней
Его зубцы калечили людей.

Чем тут гордиться? Тем ли, что воды
В фонтанах больше, чем у нищих слез?
Чем тут гордиться? Тем ли, что плоды
Прекрасней, чем родивший их навоз?
Чем тут гордиться? Тем ли, что труды
Чужие — так доходны? Вот вопрос!
Пусть на него ответ они дадут:
Во имя славы, чем гордиться тут?

ОДА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ*

I

О строгая невеста тишины,
Дитя в безвестье канувших времен,
Молчунья, на которой старины
Красноречивый след запечатлен!
О чем по кругу ты ведешь рассказ?
То смертных силуэты иль богов?
Темпейский дол или Аркадский луг?
Откуда этот яростный экстаз?
Что за погоня, девственный испуг,
Флейт и тимпанов отдаленный зов?

II

Пускай напевы слышные нежны,
Неслышные — они еще нежней;
Так не смолкайте, флейты! — вы вольны
Владеть душой послушливой моей!
И песню — не прервать, не приглушить;
Под сводом охраняющей листвы
Ты, юность, будешь вечно молода;
Любовник смелый! никогда, увы,
Желания тебе не утолить,
До губ не дотянуться никогда!

III

О вечно свежих листьев переплет,
Весны непреходящей торжество,
Счастливый музыкант не устает,
Не старятся мелодии его.
Трикрат, трикрат счастливая любовь!
Не задохнуться ей и не упасть,
Едва оттрепетавшей на лету!
Низка пред ней живая наша страсть,
Что оставляет воспаленной кровь,
Жар в голове и в сердце пустоту.

IV

Кто этот жрец, чей величавый вид
Внушает всем благоговейный страх?
К какому алтарю толпа спешит,
Ведя телицу в лентах и цветах?
Зачем с утра благочестивый люд
Покинул этот мирный городок —
Уже не сможет камень рассказать.
Пустынных улиц там покой глубок,
Века прошли, века еще пройдут,
Но никому не воротиться вспять.

V

Высокий мир! Высокая печаль!
Навек смирённый мрамором порыв!
Холодная, как вечность, пастораль!
Когда и мы, дар жизни расточив,
Уйдем, и нашу скорбь и маету
Иная сменит скорбь и маета,

Тогда, смыкая со звеном звено,
Им, будущим, скажи начистоту:
«В прекрасном — правда, в правде — красота,
Вот все, что знать вам на земле дано».

СОНЕТЫ

* * *

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость — видеть над собою
Открытый лик небес, дышать мольбою
В распахнутый, как двери, небосклон.
И счастлив тот, кто, за день утомлен,
Найдет в траве прибежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.
И, возвращаясь с книжкою в руке,
Услышав соловья в уснувшей чаще,
Следя за тучкой, по небу летящей,
Он будет день оплакивать в тоске,
Что канул навсегда слезой блестящей,
У ангела скользнувшей по щеке.

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

В свой час своя поэзия в природе:
Когда в зените день и жар томит
Притихших птиц, чей голосок звенит
Вдоль изгородей скошенных угодий?
Кузнечик, вот виновник тех мелодий,
Певун и лодырь, потерявший стыд,
Пока и сам, по горло пеньем сыт,
Не свалится последним в хороводе.
В свой час во всем поэзия своя;
Зимой, морозной ночью молчаливой
Пронзительны за печкой переливы
Сверчка во славу теплого жилья.
И словно летом, кажется сквозь дрему,
Что слышишь треск кузнечика знакомый.

МОРЕ

Шепча про вечность, спит оно у шхер,
И вдруг, расколыхавшись, входит в гроты,
И топит их без жалости и счета,
И что-то шепчет, выйдя из пещер.
А то, бывает, тише не в пример,
Оберегает ракушки дремоту
На берегу, куда ее с излету
Последний шквал занес во весь карьер.

Сюда, трудом ослабившие зренье!
Обширность моря даст глазам покой.
И вы, о жертвы жизни городской,
Оглохшие от мелкой дребедени,
Задумайтесь под мерный шум морской,
Пока сирен не различите пенья!

* * *

Когда страшусь, что смерть прервет мой труд,
И выроню перо я поневоле,
И в житницы томов не соберут
Зерно, жрецом рассыпанное в поле;
Когда я вижу ночи звездный лик
И оттого в отчаянье немею,
Что символов огромных не постиг
И никогда постигнуть не сумею,
И чувствую, что смерть в урочный час
Из сердца вырвет образ твой нетленный,
Что власть любви уже не свяжет нас,—
Тогда один на берегу вселенной
Стою, стою и думаю — и вновь
В Ничто уходит Слава и Любовь.

СОНЕТ О СЛАВЕ

Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной,
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.
Гордячка к тем влюбленным холодней,

Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее,— тот честь ее порочит!
Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный! Заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.
Ты с ней простись учтиво — и рабой
Она пойдет, быть может, за тобой.

* * *

День отошел и все с собой унес,
Влюбленность, нежность, губы, руки, взоры,
Тепло дыханья, темный плен волос,
Смех, шепот, игры, маски, шутки, споры.

Поблекло все — так вянут вмиг цветы.
От глаз ушло и скрылось Совершенство,
Из рук ушло виденье Красоты,
Ушел восторг, безумие, блаженство.

Исчезло все — и мглою мир объят,
И день святой сменила ночь святая,
Разлив любви пьянящий аромат,
Для сладострастья полог тьмы сплетая.

Весь часослов любви прочел я днем
И вновь молюсь — войди же Сон в мой дом!

ТОМАС ГУД

У СМЕРТНОГО ОДРА

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
В груди колебалась слабей и слабей
Последняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы все говорить,
Едва шевелились вокруг,
Как будто часть жизни своей уделить
Хотели, чтоб ожил наш друг.

То страхом надежда убита была,
То страх был надеждой убит:
Уснула — и кажется нам, умерла;
Скончалась — мы думаем, спит.

Туманное утро настало для нас,
Сырая чуть дрогнула тень;
А очи усопшего друга, смежась,
Сияющий видели день.

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

От песен, от скользкого пота —
В глазах растекается мгла.
Работай, работай, работай
Пчелой, заполняющей соты,
Покуда из пальцев с налета
Не выпрыгнет рыбкой игла!..

Швея! Этой ниткой суровой
Прошито твое бытие...
У лампы твоей бестолковой
Поет вдохновенье твое,
И в щели проклятого крова
Невидимый месяц течет.

Швея! Отвечай мне, что может
Сравниться с дорогой твоей?..

И хлеб ежедневно дороже,
И голод постылый тревожит,
Гниет одинокое ложе
Под стужей осенних дождей.

Над белой рубашкой склоняясь,
Ты легкою водишь иглой,—
Стежков разлетается стая
Под бледной, как месяц, рукой,
Меж тем как, стекло потрясая,
Норд-ост заливается злой.

Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник...
От капли чадящего света
Глаза твои влагой одеты...
Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник..

О вы, не узнавшие страха
Бездомных осенних ночей!
На ваших плечах — не рубаха,
А голод и пение швей,
Дни, полные ветра и праха,
Да темень осенних дождей!

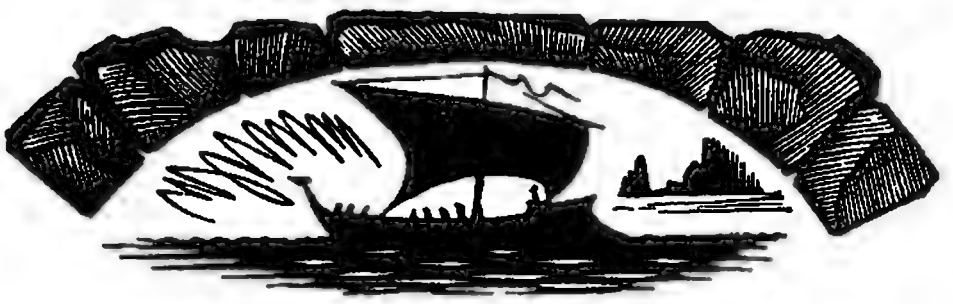
Швея! Ты не помнишь свободы,
Склонясь над убогим столом,
Не помнишь, как громкие воды
За солнцем идут напролом,
Как в пламени ясной погоды
Касатка играет крылом.

Стежки за стежками, без счета,
Где нитка тропой залегла;
«Работай, работай, работай,—
Поет, пролетая, игла,—
Чтоб капля последнего пота
На бледные щеки легла!..»

Швея! Ты не знаешь дороги,
Не знаешь любви наяву,
Как топчут веселые ноги
Весеннюю эту траву...
...Над кровлею месяц убогий,
За ставнями ветры ревут...

Швея! За твоею спиною
Лишь сумрак шумит дождевой,—
Ты медленно бледной рукою
Сшиваешь себе для покоя
Холстину, что сложена вдвое,
Рубашку для тьмы гробовой...

Работай, работай, работай,
Покуда погода светла,
Покуда стежками без счета
Играет, летая, игла.
Работай, работай, работай,
Покуда не умерла!..



АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

УЛИСС

Что пользы, если я, никчемный царь
Бесплодных этих скал, под мирной кровлей
Старея рядом с вянущей женой,
Учу законам этот темный люд? —
Он ест и спит — и ничему не внемлет.

Покой не для меня; я осушу
До капли чашу странствий; я всегда
Страдал и радовался полной мерой:
С друзьями — иль один; на берегу —
Иль там, где сквозь прорывы туч мерцали
Над пеной волн дождливые Гиады.
Бродяга ненасытный, повидал
Я многое: чужие города,
Края, обычаи, вождей премудрых,
И сам меж ними пировал с почетом,
И ведал упоенье в звоне битв
На гулких, ветреных равнинах Трои.

Я сам — лишь часть своих воспоминаний;
Но все, что я увидел и объял,
Лишь арка, за которой безграничный
Простор — даль, что все время отступает
Пред взором странника. К чему же медлить,
Ржаветь и стынуть в ножнах боязливых?
Как будто жизнь — дыханье, а не подвиг.
Мне было б мало целой груды жизней,
А предо мною — жалкие остатки
Одной; но каждый миг, что вырываю
У вечного безмолвья, принесет
Мне новое. Позор и стыд — беречься,
Жалеть себя и ждать за годом год,
Когда душа изныла от желанья
Умчать вслед за падучею звездой
Туда, за грань изведанного мира!

Вот Телемах, возлюбленный мой сын,
Ему во власть я оставляю царство;
Он терпелив и кроток; он сумеет
С разумной осторожностью смягчить
Бесплодье грубых душ и постепенно
Взрастить в них семена добра и пользы.
Незаменим средь будничных забот,
Отзывчив сердцем, знает он, как должно
Чтить без меня домашние святыни:
Он выполнит свое, а я — свое.

Передо мной — корабль. Трепещет парус.
Морская даль темна. Мои матросы,
Товарищи трудов, надежд и дум,
Привыкшие встречать веселым взором
Грозу и солнце,— вольные сердца!
Вы постарели, как и я. Ну что ж;
У старости есть собственная доблесть.
Смерть обрывает все; но пред концом
Еще возможно кое-что свершить,
Достойное сражавшихся с богами.
Вон замерцали огоньки по скалам;
Смеркается; восходит месяц; бездна
Вокруг шумит и стонет. О друзья,
Еще не поздно открывать миры,—
Вперед! Ударьте веслами с размаху
По звучным волнам. Ибо цель моя —
Плыть на закат, туда, где тонут звезды
В пучине Запада. И мы, быть может,

В пучину канем — или доплывем
До Островов Блаженных и увидим
Великого Ахилла (меж других
Знакомцев наших). Нет, не все ушло.
Пусть мы не те богатыри, что встарь
Притягивали землю к небесам,
Мы — это мы; пусть время и судьба
Нас подточили, но закал все тот же,
И тот же в сердце мужественный пыл —
Бороться и искать, найти и не сдаваться!

ВИЛЬЯМ МОРРИС

МАРШ РАБОЧИХ

Что за шум и что за грохот слышен в недрах многих стран,
Словно ветер по долинам, словно близкий ураган,
Словно яростная буря, что колышет океан?
Это двинулся народ.

Кто они? Идут откуда и куда они спешат?
Где живут? У двери ада иль у светлых райских врат?
Можно ль их купить за деньги? Верно ль служит их отряд?
Слух о них везде идет.

Чу! Раскаты громовые!
Солнце льет лучи живые,
Гнев с надеждой встал впервые,
Войско грозное идет.

От несчастья, от мучений — к свету, к радости идут,
И везде они как дома, и везде они живут.
Не купить и не продать их! Попытайтесь — лишний труд!
Дни свершают свой поход.

Хлеб тебе они взрастили и построили твой дом,
Горечь в сладость обратили для тебя своим трудом

И не видели награды ни сегодня, ни в былом —
Но отряд пошел вперед.

Чу! Раскаты громовые!
Солнце льет лучи живые,
Гнев с надеждой встал впервые,
Войско грозное идет.

За работой безотрадной шла столетий череда.
Но они надежд не знали в годы тяжкого труда,
А теперь надежда с ними, вместе с ними навсегда,
И пошли они вперед.

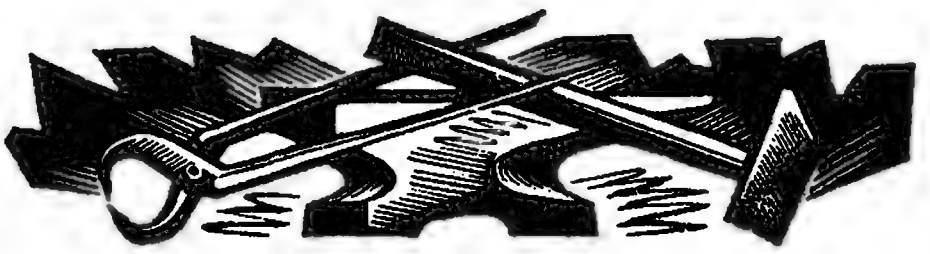
Богачи, остерегайтесь! Вот их гневные слова:
«С нас довольно рабской доли, мы возьмем свои права,
Люди мы и в бой стремимся, чтобы жизнь была жива,
И отряд наш в бой идет».

Чу! Раскаты громовые!
Солнце льет лучи живые,
Гнев с надеждой встал впервые,
Войско грозное идет.

«Значит, бой? Так, словно хворост, вас мы в пламени спалим!
Значит, мир? Так будьте с нами каждым помыслом своим.
Будьте живы! Жизнь проснулась, мир воспрял, мы победим,
И надежда не умрет.

Мы, рабочие, поход свой продолжаем, не страшась,—
Это боя звук и вести, что победы близок час:
Ведь надежда, наше знамя, повела на битву нас,
С нами целый мир идет».

Чу! Раскаты громовые!
Солнце льет лучи живые,
Гнев с надеждой встал впервые,
Войско грозное идет.



РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Баллада

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет,—
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод.
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

ИЗ СБОРНИКА «ДЕТСКИЙ ЦВЕТНИК СТИХОВ»

БУРНАЯ НОЧЬ

Когда ни звезды, ни луна
Не светят в поздний час,
Я слышу топот скакуна,
Что мчится мимо нас.
Кто это скачет на коне
В сырую полночь в тишине?

Под ветром дерево скрипит,
Качаются суда,
И снова гулкий стук копыт
Доносится сюда.
И, возвращаясь в ту же ночь,
Галопом всадник скачет прочь.

КУДА УПЛЫВАЕТ ЧЕЛНОК?

Река с водой густою,
Песок в ней — как звезда.
Деревья над водою,
Вода бежит всегда.

Там смотрят в листья волны,
Из пены замки там,
Мои плывут там челны
К безвестным берегам.

Бежит вода в теченье,
Уж мельница — вдали,
Долины в отдаленье,
Холмы в туман ушли.

Мелькает зыбь, как сети.
Сто верст бежит поток,
А там другие дети
Мой приютят челнок.

ГОРОД ИЗ ДЕРЕВЯШЕК

Бери деревяшки и строй городок:
Дома и театры, музеи и док;
Пусть дождик прольется и хлынет опять:
Нам весело дома дворцы созидать!

Диван — это горы, а море — ковер.
Мы город построим близ моря, у гор.
Вот — мельница, школа, здесь — башни, а там
Обширная гавань — стоять кораблям.

Дворец на холме и красив и высок;
С террасой, колонной, он сам — городок:
Пологая лестница сверху ведет
До моря, где в бухте собрался наш флот.

Идут корабли из неведомых стран;
Матросы поют про седой океан
И в окна глядят, как по залам дворца
Заморские вещи несут без конца.

Но время покончить! Всему есть свой срок.
В минуту разрушен весь наш городок.
Лежат деревяшки, как брошенный сор.
Где ж город, наш город близ моря, у гор?

Но был он! Я вижу его пред собой:
Дома, корабли и дворцы с их толпой!
И буду всю жизнь я любить с этих пор
Тот город, наш город близ моря, у гор.

МОЛЧАЛИВЫЙ СОЛДАТИК

Луг был скошен, пуст и гол.
Чью-то норку я нашел
И солдатика впустил,
Чтобы там он погостил.

Вышли травы из земли,
Маргаритки расцвели.
И остался под травой
Мой солдатик боевой.

Дни покоса настают,
Скоро косы отобьют.
Сотня кос поднимет звон,
И солдатик выйдет вон.

Оловянный твердый взгляд
Поднял в небо мой солдат.
В облака навел свое
Оловянное ружье.

Я же знал, что на лугу
Разыскать его смогу!

Но не рад солдат совсем,
Неподвижен он и нем.

Не неделю и не две
Прожил он в густой траве.
Я хотел бы так пожить
И луга посторожить.

Там, где стебли как леса,
Он увидел чудеса.
Он смотрел до темноты,
Как вокруг росли цветы,

Как на тонкий стебелек
Опускался мотылек,
Как, забыв свои дела,
С мошкой спорила пчела.

Он не скажет ничего.
И солдата моего
Я на полку уложу.
Сам про все я расскажу.

ФРАНЦИЯ

ФРАНСУА ВИЙОН

БАЛЛАДА ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не вижу я, кто бродит под окном,
Но звезды в небе ясно различаю.
Я ночью бодр и засыпаю днем.
Я по земле с опаскою ступаю.

Не вехам, а туману доверяю.
Глухой меня услышит и поймет.
И для меня полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

ПЬЕР РОНСАР

ЖАВОРОНОК

Какой поэт в строфе шутливой
Не воспевал тебя, счастливый,
Веселый жаворонок мой?
Ты лучше всех певцов на ветках,
Ты лучше всех, что, сидя в клетках,
Поет и летом и зимой.

Как хороши твои рулады,
Когда, полны ночной прохлады,
В лучах зари блестят поля,
И пахарь им взрезает чрево,
И терпит эту боль без гнева,
Тебя заслушавшись, земля.

Едва разбужен ранним утром,
Росы обрызган перламутром,
Уже чирикнул ты: кви-ви!
И вот летишь, паря, взвиваясь,
В душистом воздухе купаясь,
Болтая с ветром о любви.

Иль сереньким падешь комочком
В ложбинку, в ямку под кусточком,
Чтобы яйцо снести туда,
Положишь травку иль пушинку
Иль сунешь червячка, личинку
Птенцам, глядящим из гнезда.

А я лежу в траве под ивой,
Внимая песенке счастливой,
И как сквозь сон, издалека
Мне слышен звонкий смех пастушки,
Ягнят пасущей у опушки,
Ответный голос пастушка.

И мыслю, сердцем уязвленный:
Как счастлив ты, мой друг влюбленный!
Заботам неотвязным чужд,
Не знаешь ты страстей боренья,
Красавиц гордого презренья,
Вседневных горестей и нужд.

Тебе все петь бы да резвиться,
Встречая солнце, к небу взвиться
(Чтоб весел был и человек,
Начав под песню труд прилежный),
Проститься с солнцем трелью нежной,—
Так мирный твой проходит век.

А я, в печали неизменной,
Гоним красавицей надменной,
Не знаю дня ни одного,
Когда б, доверившись обману,
Обманом не терзал я рану
Больного сердца моего.

* * *

Природа каждому оружие дала:
Орлу — горбатый клюв и мощные крыла,
Быку — его рога, коню — его копыта.
У зайца — быстрый бег, гадюка ядовита,
Отравлен зуб ее. У рыбы — плавники,
И, наконец, у льва есть когти и клыки.
В мужчину мудрый ум она вселить умела,

Для женщин мудрости Природа не имела
И, исчерпав на нас могущество свое,
Дала им красоту — не меч и не копье.
Пред женской красотой мы все бессильны стали,
Она сильней богов, людей, огня и стали.

* * *

Мой боярышник лесной,
Ты весной
У реки расцвел студеной,
Будто сотней цепких рук
Весь вокруг
Виноградом оплетенный.

Корни полюбив твои,
Муравьи
Здесь живут гнездом веселым,
Твой обглодан ствол, но все ж
Ты даешь
В нем приют шумливым пчелам.

И в тени твоих ветвей
Соловей,
Чуть пригреет солнце мая,
Вместе с милой каждый год
Домик вьет,
Громко песни распевая.

Устлан мягко шерстью, мхом
Теплый дом,
Свитый парою прилежной.
Новый в нем растет певец,
Их птенец,
Рук моих питомец нежный.

Так живи, не увядай,
Расцветай,—
Да вовек ни гром небесный,
Ни гроза, ни дождь, ни град
Не сразят
Мой боярышник прелестный.

* * *

Храни вас бог, весны подружки,
Хохлатки, ласточки-резвушки,
Дрозды, клесты и соловьи,
Певуньи-пташки голосисты,
Чьи трели, щебеты и свисты
Вернули жизнь в леса мои.

Храни вас бог, цветы-малютки,
Фиалки, смолки, незабудки
И те, что были рождены
В крови Аякса* и Нарцисса*,
Анис, горошек, тмин, мелиса,
Привет вам, спутники весны!

Храни вас бог, цветные стайки
Влюбленных в пестрые лужайки,
Нарядных, шустрых мотыльков
И сотни пчелок хлопотливых,
Жужжащих на лугах, на нивах
Среди душистых лепестков.

Сто тысяч раз благословляю
Ваш хор, сопутствующий маю,
Весь этот блеск и кутерьму,
И плеск ручьев, и свист, и трели,—
Все, что сменило вой метели,
Державшей узника в дому.

ЖОАКЕН ДЮ БЕЛЛЕ

СОНЕТЫ

* * *

Блажен, кто устоял и низкой лжи в угоду
Высокой истине не шел наперекор,
Не принуждал перо кропать постыдный вздор,
Прислуживаясь к тем, кто делает погоду.

А я таю свой гнев, насилую природу,
Чтоб нестерпимых уз не отягчить позор,
Не смею вырваться душою на простор
И обрести покой иль чувству дать свободу.

Мой каждый шаг стеснен — безропотно молчу.
Мне отравляют жизнь, и все ж я не кричу.
О мука — все терпеть, лишь кулаки сжимая!

Нет боли тягостней, чем скрытая в кости!
Нет мысли пламенней, чем та, что взаперти!
И нет страдания сильней, чем скорбь немая.

* * *

Ученым степени дает ученый свет,
Придворным землями отмеривают плату,
Дают внушительную должность адвокату,
И командирам цепь дают за блеск побед.

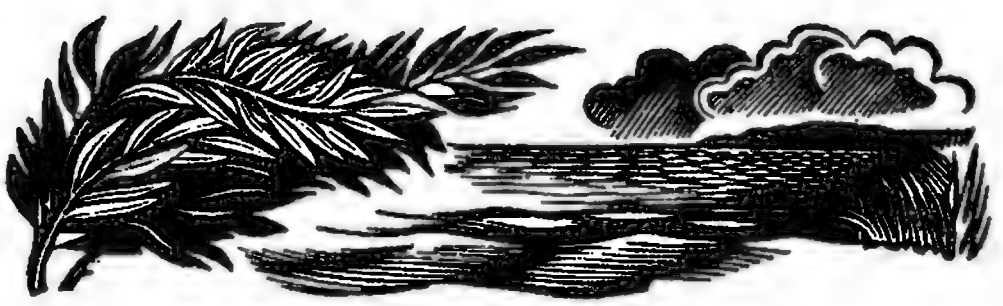
Чиновникам чины дают с теченьем лет,
Пеньковый шарф дают за все дела пирату,
Добычу отдают отважному солдату,
И лаврами не раз увенчан был поэт.

Зачем же ты, Жодель*, тревожишь Музу плачем,
Что мы обижены, что ничего не значим?
Тогда ступай себе другой дорогой, брат:

Лишь бескорыстному служенью Муза рада.
И стыдно требовать поэзии наград,
Когда Поэзия сама себе награда.

ЖАН ЛАФОНТЕН

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек неспор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сумневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».



ВОЛЬТЕР

ЛАИСА* ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которая я ныне.

СТАНСЫ

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит*
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим переменчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерял.

ЭВАРИСТ ПАРНИ

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

ПЕСНЯ ЭРИКА

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

ОЖИДАНИЕ

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

РУЖЕ ДЕ ЛИЛЬ

МАРСЕЛЬЕЗА

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает.
К нам тирания черной силой
С кровавым знаменем идет.
Вы слышите, уже в равнинах
Солдаты злобные ревут.
Они и к нам, и к нам придут,
Чтоб задушить детей невинных.

К оружью, граждане, вас батальон зовет
Вперед! (bis) Пускай земля кровищу гадов пьет.

Что означает сговор гнусный
Предателей и королей?
Где замышляется искусно
Позор для родины твоей?
Французы! Что за оскорбленье!
Ужели дрогнет ваш отпор?
Пусть рабства дикого позор
Младые смоют поколенья!

К оружью, граждане...

Как! Интервенции доступно
Хозяйничать в чужом краю?
Или наемники преступно
Над нами верх возьмут в бою?
Мы никогда не склоним выи
Под чужестранное ярмо.
Пускай предательство само
Ожесточит сердца живые.

К оружью, граждане...

Дрожи, тиран! И ты, предатель,
Переползавший рубежи,
Ты, подлых замыслов создатель,
Перед расплатою дрожи!
Любой из нас героем будет.
А если первые падут,
Французы смену им найдут,
Их голос родины разбудит.

К оружью, граждане...

Останемся великодушны
И справедливы до конца.
Там, где рабы рабам послушны,
Найдется всем плевок свинца.
Но ведь ваш правый гнев — тиранам,
Кровавым тиграм наших дней,
Кто тело родины своей
Обрек неисчислимым ранам.

К оружью, граждане...

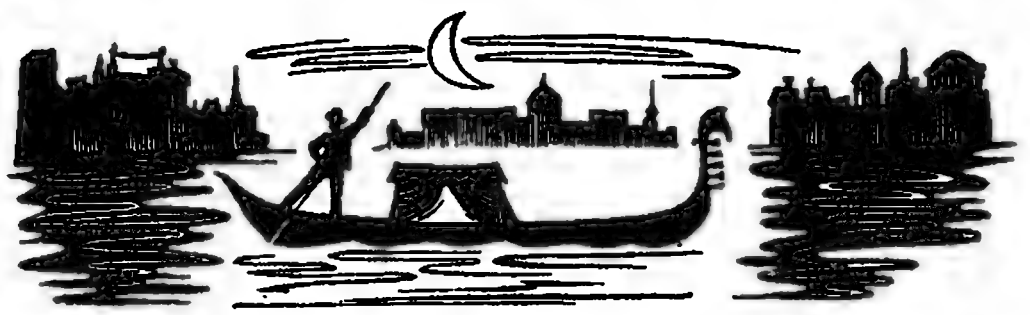
Вступая в грозное сраженье,
Отцовской памятью горды,

Мы их живое отраженье,
Их славы юные следы.
Сиротской доли нам не надо,—
Одна лишь нам знакома страсть:
Отмстить за них иль рядом пасть —
Вот наша высшая награда.

К оружью, граждане...

Вперед, плечом к плечу шагая!
Священна к родине любовь.
Вперед, свобода дорогая,
Одушевляй нас вновь и вновь.
Мы за тобой проходим следом,
Знамена славные неся.
Узнает нас Европа вся
По нашим завтрашним победам!

К оружью, граждане, вас батальон зовет
Вперед! (bis) Пускай земля кровищу гадов пьет.



АНДРЕ ШЕНЬЕ

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает,
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,

То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

* * *

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музы —
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

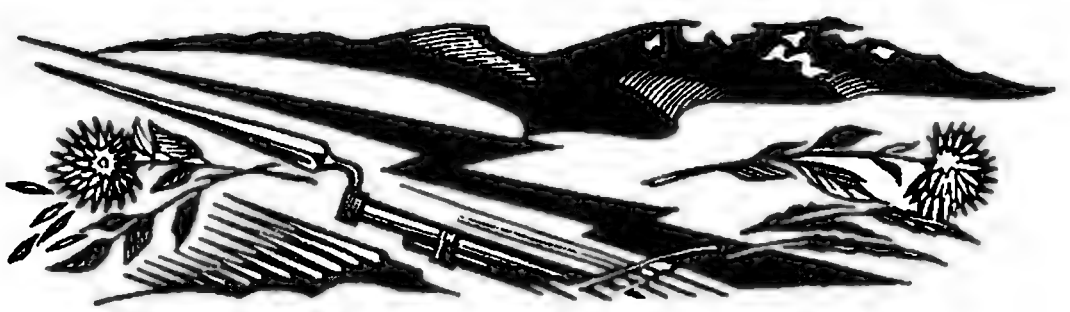
* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера* по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию* поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов, не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

АНТУАН ВЕНСАН АРНО

ЛИСТОК

Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?
— «Как знать мне! Налетели тучи,
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый
И легкий розовый листок!»



ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ

КАК ЯБЛОЧКО РУМЯН

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаясь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то всё хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать

Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

КОРОЛЬ ИВЕТО*

Жил да был один король,
Где, когда — нам неизвестно
(Догадаться сам изволь).
Спал без славы он чудесно.
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.
Право так!
Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Он обед и завтрак свой
Ел всегда без опасенья;
На осле шажком порой
Объезжал свои владенья,
И при нем достойно нес
Службу гвардии барбос,
Верный пес.
Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Был грешок один за ним:
Выпивал он преизрядно.
Но служить грешкам таким
Для народа не накладно:
Пошлин он не налагал,—
Лишь по кружке с бочки брал
В свой подвал.
Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Как умел он увлекать
Дам изысканного тона!
И «отцом» его мог звать
Весь народ не без резона.
Не пускал он ружей в ход;
Только в цель стрелял народ
    Дважды в год.
Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Он отличный был сосед:
Расширять не думал царства*
И превыше всех побед
Ставил счастье государства.
Слез народ при нем не знал;
Лишь как умер он, взрыдал
    Стар и мал...
Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Не забыл народ о нем!
Есть портрет его старинный:
Он висит над кабачком
Вместо вывески рутинной.
В праздник там толпа кутит,
На портрет его глядит
    И кричит
(Ха, ха, ха! Ну, не смешно ль?):
«Вот так славный был король!»

БЕДНОТА

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

Их песнею славить не надо,
Воздать по заслугам пора,
А песня — едва ли награда
За годы нужды и добра!

Хвала беднякам!.. и т. д.

У бедных проста добродетель
И крепкой бывает семья.
А этому верный свидетель
Веселая песня моя.

Хвала беднякам!.. и т. д.

Искать недалеко примера.
О песня! Ты знаешь сама:
Одно только есть у Гомера —
Высокий костыль и сума!

Хвала беднякам!.. и т. д.

Богатство и славу, герои,
Вы часто несете с трудом.
А легче не станет ли втрое,
Коль просто пойти босиком?

Хвала беднякам!.. и т. д.

Вы сыты докучною одой,
Ваш замок — мучительный плен.
Вольно ж вам! Живите свободой,
Как в бочке бедняк Диоген!*

Хвала беднякам!.. и т. д.

Чертоги — подобие клеток,
Где тучный томится покой.
А можно ведь есть без салфеток
И спать на соломе простой!

Хвала беднякам!.. и т. д.

Житье наше жалко и хмуро!
Но кто улыбается так?
То, дверь отворяя, амура
К себе пропускает бедняк.

Хвала беднякам!.. и т. д.

Чудесно справлять новоселье
На самом простом чердаке,
Где Дружба встречает Веселье
С янтарным стаканом в руке!

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

КАПУЦИНЫ*

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Мне, недостойному, награда!
Могу я вновь, моя Фаншон,
Хранитель божья вертограда*,
Напялить черный капюшон.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Пускай философы — их много —
Книжонок не плодят своих:
Мы, церкви рыцари, в честь бога
Готовы ринуться на них.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Несем от голода спасенье
Мы истощенным нищетой,
Давая им по воскресеньям
Кусочек просфоры святой.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Король — надежная опора,
А церковь — всех ханжей приют;
Глядишь — места министров скоро
Церковным старостам дадут.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Отведать лакомого блюда
Христовы воины спешат,
И даже господа — вот чудо! —
Их аппетиты устрашат.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Пусть, как отцам-иезуитам,
Вернут нам все! О, нас не тронь!
Хоть пеплом головы покрыты,—
Но затаен под ним огонь.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Стань набожной и ты, Фаншетта!
Доходно это ремесло,
И даже черт признает это,
Плюя в кропильницу назло.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ*

Как ты мила мне, память, в заточенье!
Ребенком я услышал за собой:
«К оружью! На Бастилию! Отмщенье!
В бой, буржуа! Ремесленники, в бой!»
Покрыла бледность щеки многих женщин.
Треск барабанов. Пушек воркотня.
Бессмертной славой навсегда увенчан
Рассвет того торжественного дня,
Торжественного дня.

Богач и бедный карманьолу* пляшут,
Все заодно, все об одном твердят.
И дружелюбно треуголкой машет
Примкнувший к делу парижан солдат.
Признанье Лафайета* всенародно.

Дрожит король и вся его родня.
Сияет разум. Франция свободна.
Таков итог торжественного дня,
Торжественного дня.

На следующий день учитель рано
Привел меня к развалинам тюрьмы:
«Смотри, дитя! Тут капище тирана.
Еще вчера тут задыхались мы.
Но столько рвов прорыто было к башням,
Что крепость, равновесья не храня,
Сдалась при первом натиске вчерашнем.
Вот в чем урок торжественного дня,
Торжественного дня».

Мятежная Свобода оглашает
Европу звоном дедовской брони
И на триумф Равенство приглашает*
Сих двух сестер мы знаем искони.
О будущем грома оповестили.
То Мирабо*, версальский двор дразня,
Витийствует: «Есть множество бастилий,
Не кончен труд торжественного дня,
Торжественного дня!

Что мы посеяли, пожнут народы.
Вот короли, осанку потеряв,
Трясутся, слыша грозный шаг Свободы
И Декларацию священных прав*.
Да! Ибо здесь — начало новой эры:
Как в первый день творенья, из огня
Бог создает кружащиеся сферы,
Чье солнце — свет торжественного дня,
Торжественного дня».

Сей голос старческий не узнаю ли?
Его речей не стерся давний след.
Но вот четырнадцатого июля
Я сам в темнице — через сорок лет...
Свобода! Голос мой не будет изгнан!
Он и в цепях не отнят у меня!
Пою тебя! Да обретет отчизна
Зарю того торжественного дня,
Торжественного дня.

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья,
Трубка со мной... Проводите
В отпуск бессрочный меня.
Был я отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера.
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова,—
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!.. и т. д.

Братцы! Солдатские годы,
Служба — в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Эх, наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!.. и т. д.

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись.
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива...
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!.. и т. д.

Кто там так громко рыдает?
А, я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой

Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!.. и т. д.

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз!
Близко, ребята. За дело!
Прочь! Не завязывать глаз!
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова.
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

СТАРЫЙ БРОДЯГА

Я стар и хил; здесь у дороги,
Во рву придется умереть.
Пусть скажут: «Пьян, не держат ноги».
Тем лучше,— что меня жалеть?
Один мне в шапку грош кидает,
Другой и не взглянув идет.
Спешите! Пир вас ожидает.
Старик бродяга и без вас умрет.

От старости я умираю!
Не умер с голода. Я ждал —
Хоть при смерти покой узнаю.
Да нет — в больницу не попал.
Давно везде народ набился,
Все нет ему счастливых дней!
Я здесь, на улице, родился,
Старик бродяга, и умру на ней.

Я смолоду хотел трудиться,
Но слышал в каждой мастерской:
«Не можем сами прокормиться;
Работы нет. Иди с сумой!»
У вас, твердивших мне о лени,
Сбирал я кости по дворам
И часто спал на вашем сене.
Старик бродяга благодарен вам.

Приняться мог за воровство я;
Нет, лучше по миру сбирать.
Дорогой яблоко чужое
Едва решался я сорвать.
Но двадцать раз меня сажают
В острог благодаря судьбе;
Одно, что было, отнимают:
Старик бродяга, солнца нет тебе!

Отечества не знает бедный!
Что в ваших тучных мне полях,
Что в вашей славе мне победной,
В торговле, в риторских борьбах?
Когда врагу ваш город сдался,
Поил-кормил гостей чужих;
С чего слезами обливался
Старик бродяга над подачкой их?

Что, люди, вы не раздавили
Меня, как вредного червя?
Нет, лучше б вовремя учили,
Чтоб мог полезен стать и я!
Я был бы не червём — пчелою...
Но от невзгод никто не спас.
Я мог любить вас всей душою;
Старик бродяга проклинает вас!

НИЩАЯ*

Зима, метель, и в крупных хлопьях
При сильном ветре снег валит.
У входа в храм одна, в отрепьях,
Старушка нищая стоит...
И, милостыни ожидая,
Она все тут с клюкой своей,
И летом, и зимой, слепая...
Подайте ж милостыню ей!

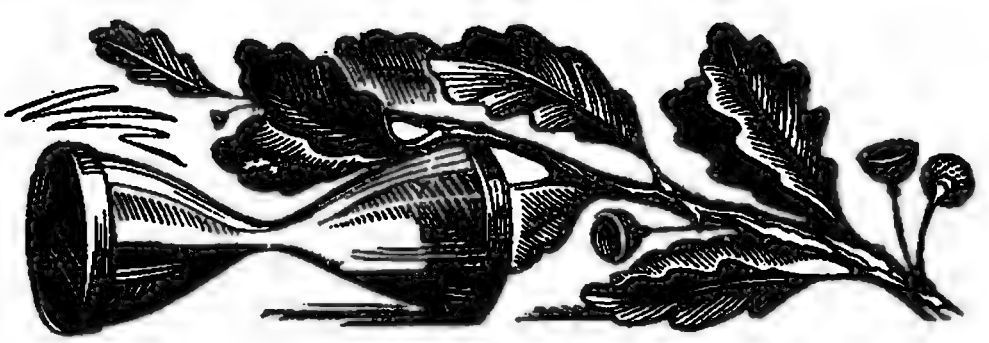
Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет тому жила!
Она была мечтой поэта,
И слава ей венок плела.
Когда она на сцене пела,
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела...
Подайте ж милостыню ей!

Бывало, после представленья
Ей от толпы проезда нет.
И молодежь от восхищенья
Гремела «браво» ей вослед.
Вельможи случая искали
Попасть в число ее гостей;
Талант и ум в ней уважали.
Подайте ж милостыню ей!

. . . . . .

Какими пышными хвалами
Кадил ей круг ее гостей —
При счастье все дружатся с нами;
При горе нету тех друзей...

Святая воля провиденья...
Артистка сделалась больна,
Лишилась голоса и зренья
И бродит по миру одна.
Бывало, бедный не боится
Прийти за милостыней к ней,
Она ж у вас просить стыдится...
Подайте ж милостыню ей!



АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

ЗЛОБНЫЙ ГЕНИЙ

Когда задумчивый, унылый
Сижу с тобой наедине
И, непонятной движим силой,
Лью слезы в сладкой тишине;
Когда во мрак густого бора
Тебя влеку я за собой;
Когда в восторгах разговора
В тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье

Пленяет мой ревнивый слух;
Когда любви очарованье
Волнует грудь мою и дух;
Когда главою на колена
Ко мне ты страстно припадешь
И кудри пышные гебена*
С небрежной негой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взор в огне твоих очей,—
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.
Ты окропляешь в умиленьи
Слезой горючею меня;
Но и в сердечном упоеньи
В восторге чувств страдаю я.
«О мой любезный! ты ли муки
Мне неизвестные таишь? —
Вокруг меня обвивши руки,
Ты мне печально говоришь.—
Прошу за страсть мою награды!
Открой мне, милый, скорбь твою!
Бальзам любви, бальзам отрады
Тебе я в сердце излию!»

Не вопрошай меня напрасно,
Моя владычица, мой бог!
Люблю тебя сердечно, страстно —
Никто сильней любить не мог!
Люблю... но змий мне сердце гложет;
Везде ношу его с собой,
И в самом счастии тревожит
Меня какой-то гений злой.
Он, он мечтой непостижимой
Меня навек очаровал
И мой покой ненарушимый
И нить блаженства разорвал.
«Пройдет любовь, исчезнет радость,—
Он мне язвительно твердит,—
Как запах роз, как ветер, младость
С ланит цветущих отлетит!..»

ОЗЕРО

Итак, всему конец! К таинственному брегу
Во мрак небытия несет меня волной,
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой.

Ах, озеро, взгляни: один лишь год печали
Промчался — и теперь на самых тех местах,
Где мы бродили с ней, сидели и мечтали,
Сижу один в слезах!

Ты так же со скалой угрюмою шептало
И грызло грудь ее могучею волной
И ветром пену с волн встревоженных кидало
На ножки дорогой.

О вечер счастия! где ты, когда я с нею
Скользил по озеру, исполнен сладких дум,
И услаждал мой слух гармонией своею
Согласных вёсел шум?

Но вдруг раздался звук средь тишины священной,
И эхо сладостно завторило словам,
Притихло озеро — и голос незабвенный
Понесся по волнам:

«О время, не лети! Куда, куда стремится
Часов твоих побег?
О, дай, о, дай ты нам подоле насладиться
Днем счастья, днем утех!

Беги для страждущих,— довольно их воззвала
Судьба на жизни путь! —
Лети и притупи их рока злое жало
И счастливых забудь.

Напрасно я прошу хоть миг один у рока:
Сатурн летит стрелой.
Я говорю: о ночь, продлись! — и блеск востока
Уж спорит с темнотой.

Любовь, любовь! Восторгов неужели
Не подаришь ты нам —
У нас нет пристани, и время нас без цели
Мчит быстро по волнам».

О время, неужель позволено судьбою,
Чтоб дни, когда любовь все радости свои
Дает нам, пронеслись с такой же быстротою,
Как горестные дни?

Ах, если бы хоть след остался наслаждений!
Неу́жели всему конец и навсегда,
И время воротить нам радостных мгновений
Не хочет никогда?

Пучины прошлого, ничтожество и вечность,
Какая цель у вас похищенным часам?
Скажите, может ли хоть раз моя беспечность
Поверить райским снам?

Ах, озеро, скалы́, леса и сумрак свода
Пещеры,— смерть от вас с весною мчится прочь!
Не забывай хоть ты, прелестная природа,
Блаженнейшую ночь!

ВИКТОР ГЮГО

ИСТОРИЯ

Ferrea vox

Vergilius

Железный голос

Вергилий

I

В судьбе племен людских, в их непрестанной смене
Есть рифы тайные, как в бездне темных вод.
Тот безнадежно слеп, кто в беге поколений
Лишь бури разглядел да волн круговорот.

Над бурями царит могучее дыханье,
Во мраке грозовом небесный луч горит.
И в кликах праздничных и в смертном содроганье
Таинственная речь не тщетно говорит.

И разные века, что братья исполины,
Различны участью, но в замыслах близки,
По разному пути идут к мечте единой,
И пламенем одним горят их маяки.

II

О муза! Нет времен, нет в будущем предела,
Куда б она очей своих не подняла.
И столько дней прошло, столетий пролетело,—
Лишь зыбь мгновенная по вечности прошла.

Так знайте, палачи,— вы, жертвы, знайте твердо,
Повсюду пронесет она бессмертный свет —
В глубины мрачных бездн, к снегам вершины гордой,
Воздвигнет храм в краю, где и гробницы нет.

И пальмы отдает героям в униженье,
И нарушает строй победных колесниц,
И грезит, и в ее младом воображенье
Горят империи, поверженные ниц.

К развалинам дворцов, к разрушенным соборам,
Чтоб услыхать ее, сберутся времена.
И словно пленника, покрытого позором,
Влечет прошедшее к грядущему она.

Так, собирая след крушений в океане,
Следит во всех морях упорного пловца,
И видит все зараз на дальнем расстоянье —
Могилу первую и колыбель конца.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Ubi defuit orbis.

Там, где кончается мир.

I

Так — я перелистал историю народов!
Все есть в той книге — скорбь, величье, блеск походов.
И дух мой трепетал при смене царств и лет,
Когда скрывала тьма мужей великих лица,
Гремя, откидывалась медная страница
И век злодеев шел вослед.

Теперь ту книгу мы закроем — не пора ли!
В надежде пламенной мы сфинкса вопрошали —
Немое чудище в личине божества,
Но разве разрешит его загадку лира?
Лишь кровью и огнем он в летописи мира
Заносит темные слова.

II

И кто поймет их смысл? — Искатель правды смелый,
Усни, усни, поэт, над лирой онемелой!
К чему нести на торг заветной думы плод?
Зачем ты пел, скажи, то гневно, то уныло?
Пытливой мысли нужно было
В движенье увидать народ.

Дух революции я вызвал беспокойный?
Но хаос нужен был, чтоб мир воздвигнуть стройный!
Я слышал некий глас в безмолвии ночном,
И я воззвал к толпе, чтобы могучим словом
Век отошедший с веком новым
Соединить одним звеном.

Народ внимающий необходим поэту —
Он должен жечь сердца, будить, вести их к свету,
Он должен видеть мир бескрайный пред собой,
Он к небу воспарил, раскрыв крыла впервые,
И что ж — он как в родной стихии
Над бездной моря голубой.

Он мощь обрел свою. Взмахнув крылом могучим,
То волн коснется он, то унесется к тучам,
В любой предел стремит безудержный полет.
Он в вихре кружится, как буря чужд покою,
Ногою став на смерч, рукою
Поддерживая небосвод.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Благосклонно молчанье луны.

Вергилий

Играет лунный свет на гребнях бурных вод.
В раскрытое окно струится ветер свежий.
Султанша смотрит в ночь, где море вдоль прибрежий
И среди черных скал седой узор плетет.

Гитара под рукой затихла. И ни звука.
Но что там вдалеке?.. Какой-то всплеск иль зов?
Возможно, тишину уснувших островов
Тревожит веслами тяжелая фелука?

А может быть, баклан ныряет под волну,
Весь в брызгах, весь дождем осыпан серебристым?
А может, пролетел какой-то джинн со свистом
И глыбы старых стен обрушил в глубину?

Ну что у стен дворца так волны возмутило?
Нет, это не баклан, обрызганный волной,
Не камни древние, не шумных вёсел строй,
Несущих парусник, когда висят ветрила.

Тяжелые мешки, откуда плач плывет.
Их море приняло в свои объятья смело.
Там что-то двигалось, похожее на тело...
Играет лунный свет на гребнях бурных вод.

РЫЖАЯ НУРМАГАЛЬ

Нет такого дикого зверя, которого
там не было бы.

Хуан Лоренсо Сегура де Астория

Меж черных скал холма крутого,
Ты видишь,— роща залегла;
Она топорщится сурово,
Как завиток руна густого
Между крутых рогов козла.

Там, в темноте сырой и мглистой,
Таятся тигры, там рычат
Шакал и леопард пятнистый,
Гиены выводок нечистый
И львица, спрятавшая львят.

Там чудища — отрядом целым:
Там василиск, мечтая, ждет,
Лежит бревном оцепенелым
Удав, и рядом — с тучным телом,
С огромным брюхом — бегемот.

Там змеи, грифы с шеей голой
И павианов мерзкий круг —
Свистят, шипят, жужжат, как пчелы,
И лопоухий слон тяжелый
Ломает на ходу бамбук.

Там каждой место есть химере;
В лесу — рев, топот, вой и скок:
Кишат бесчисленные звери,
И слышен рык в любой пещере,
В любом кусте горит зрачок.

Но я смелей пошел бы в горы,
В лес этот дикий, в эту даль,
Чем к ней, чьи безмятежны взоры,
Чей добр и нежен лепет скорый,—
Чем к этой Рыжей Нурмагаль!

* * *

Какие нежные шептала уверенья
Алина в пору роз и вешнего цветенья!
О легкий ветерок, ты мимо пролетал
И, верно, все богам беспечно разболтал.

Сегрэ

Взгляни на эту ветвь: она суха, невзрачна,
Упрямо хлещет дождь по ней струей прозрачной,
Но лишь уйдет зима и скроется вдали —
Появятся на ней зеленые листочки,
И спросишь ты тогда: как тоненькие почки
Сквозь черствую кору прорезаться могли?

Спроси ж меня: зачем, когда к душе угрюмой,
К душе, истерзанной тоской и тяжкой думой,
Ты прикасаешься, о милая, любя,—
Зачем, как прежде, кровь мне наполняет жилы,
Зачем душа в цвету, раскрывшись с новой силой,
Стихи, как лепестки, роняет вкруг себя?

Затем, что для всего есть время в мире этом,
Что мгла сменяется луны дрожащим светом,
Что радость следовать за горестью должна,
Что нужен ураган и нужен ветер зыбкий,
Что мне, скорбящему, даны твои улыбки,
Что кончилась зима и что пришла весна.

* * *

Where should I steer?
Byron

Куда мне плыть?
Байрон

Когда страницы книг, где мысль находит сон,
Когда домашний круг, семейные волненья
Иль ропот города безумного — гуденье,
В котором слышится так часто чей-то стон,—
Когда вся суета забав, несчастий, долга,
Что заполняет нам дней тесный кругозор,
Как гнет, мне голову давила слишком долго,
К земле души моей приковывая взор,—
Она вдруг вырвется! Спешит! В долину мчится,
Дорогой, что всегда ведет к одним местам,
Порой заблудится и снова возвратится,
Как осторожный конь, что путь находит сам.
Она летит вперед — туда, где тень лесная
Полна вся шелеста, лучей и голосов...
Под деревом Мечта сидит там, поджидая:
Тогда они вдвоем уходят в глубь лесов!

ГИМН

Те, кто за родину смиренно жизнь сложили,
Достойны, чтоб народ стекался к их могиле:
Нет славы выше их и равной нет другой.
Величье их имен с другими не сравнимо.
Подобно матери любимой,
Отчизна смертный их баюкает покой.

Мы славу пропоем отчизне
И тем, кто посвятил ей жизни,—
Самоотверженным борцам,
В ком вольности пылает пламя,
Кто жаждет места в этом храме
И кто готов погибнуть сам!

Для этих мертвецов вознес гостеприимно
Высокий Пантеон свой купол в небе дымном.
Тысячебашенный Париж внизу лежит.
Что перед ним и Тир и стены Вавилона?
Венцом уходят ввысь колонны,
И с каждою зарей он золотом горит.

Мы славу пропоем отчизне
И тем, кто посвятил ей жизни,—
Самоотверженным борцам,
В ком вольности пылает пламя,
Кто жаждет места в этом храме
И кто готов погибнуть сам!

Когда герои там улягутся в гробницы,
Забвенье, эта ночь, стирающая лица,
Не прикоснется к ним безжалостной рукой.
Как солнце ясное, так слава золотая,
Над ними каждый день вставая,
Их станет наделять все новой красотой.

Мы славу пропоем отчизне
И тем, кто посвятил ей жизни,—
Самоотверженным борцам,
В ком вольности пылает пламя,
Кто жаждет места в этом храме
И кто готов погибнуть сам!

* * *

Плачь, добродетель, если я умру...
Андре Шенье

Друзья, скажу еще два слова и потом
Без грусти навсегда закрою этот том.
Похвалят ли его или начнут глумиться?
Не все ль равно ключу, куда струя помчится?
И мне, глядящему в грядущие года,
Не все ли мне равно, в какую даль, куда
Дыханье осени умчит остатки лета —
И сорванный листок, и вольный стих поэта?

Да, я пока еще в расцвете лет и сил.
Хотя раздумья плуг уже избороздил
Морщинами мой лоб, горячий и усталый,—
Желаний я еще изведаю немало,
Немало потружусь. В мой краткий срок земной
Неполных тридцать раз встречался я с весной.
Я временем своим рожден, и заблужденья
В минувшие года туманили мне зренье.
Теперь, когда совсем повязка спала с глаз,
Свобода, родина, я верю только в вас!

Я угнетение глубоко ненавижу,
Поэтому, когда я слышу или вижу,
Что где-то на земле судьбу свою клянет
Кровавым королем истерзанный народ;
Что смертоносными турецкими ножами
Убита Греция, покинутая нами;
Что некогда живой, веселый Лиссабон
На пытку страшную тираном обречен;
Что над Ирландией распятой ворон вьется;
Что в лапах герцога, хрипя, Модена бьется;
Что Дрезден борется с ничтожным королем;
Что сызнова Мадрид объят глубоким сном;
Что крепко заперта Германия в темницу;
Что Вена скипетром, как палицей, грозится
И жертвой падает венецианский лев,
А все кругом молчат, от страха онемев;
Что в дрему погружен Неаполь; что Альбани
Катона заменил; что властвует в Милане
Тупой, бессмысленный австрийский произвол;
Что под ярмом бредет бельгийский лев, как вол;
Что царский ставленник над мертвою Варшавой
Творит жестокую, постыдную расправу
И гробовой покров затаптывает в грязь,
Над телом девственным кощунственно глумясь,—
Тогда я грозно шлю проклятия владыкам,
Погрязшим в грабежах, в крови, в разврате диком.
Я знаю, что поэт — их судия святой,
Что муза гневная могучею рукой
Их может пригвоздить негодованьем к трону,
В ошейник превратив позорную корону,
Что огненным клеймом отметить может их
На веки вечные поэта вольный стих.
Да, муза посвятить себя должна народу.
И забываю я любовь, семью, природу,
И появляется, всесильна и грозна,
У лиры медная, гремящая струна.

* * *

О ком я думаю? О детях, что далеко,
О вас, с которыми расстался я до срока,
Надежде, гордости и радости моей,
О новых отпрысках от полных сил корней,
О душах молодых, что ныне расцветают,—
Пускай лучи зари подольше им блистают!
Сперва о малышах я думаю, о тех,
Чьи слезы так легко переходили в смех...
Как звонок лепет их! Как радовали взоры
Их игры милые и милые раздоры
С утра до вечера... О старших, наконец,
Я часто думаю, встревоженный отец.
Они глядят на мир уже не шаловливо:
Одна — задумчиво, другой же — так пытливо...

Я песни слушаю, что мне поет матрос;
Печален, одинок, всхожу я на утес.
Оттуда я гляжу, как грудь морская дышит
Сквозь тысячи ноздрей, как бриз ее колышет,
И эхо гулкое от моря и земли
Доносится ко мне, чтоб замереть вдали.
Я думаю о вас... Встают воспоминанья:
Веселье за столом... В камине — дров пыланье,
Наш дом, где вас хранят заботливо от бед
И любящая мать и добрый старый дед...
Меж тем как океан неутомимо плещет
Внизу, у ног моих, и в нем луна трепещет,
И кормчий пробует, взглянув на небосвод,
С безбрежностью небес сравнить безбрежность вод,
Меж тем как предо мной бегут морские волны,—
О вас я думаю, о вас, любовью полный,
О милые, и нет границ любви моей:
Огромный океан так мал в сравненьи с ней!

* * *

Как хорошо в саду! Вот старых лип аллея...
В прохладной их тени, в густой траве белея,
Кадилом кажется раскрывшийся цветок.
С зари до вечера ложатся на песок,
На фавнов мраморных, на белые ступени
Горячий солнца луч, дерев сквозные тени.

Мечтатель, я любил — вы знаете меня! —
Часами наблюдать, в сиянье тихом дня,
В свои раздумия и грезы погруженный,
И ласточек полет, и трепетанье клена,
В то время как малыш, чей лоб я целовал,
Меня взяв за руку, нетерпеливо звал
Взглянуть скорей на грот, где плющ зеленой гривой
С камней, обросших мхом, свисает прихотливо...

ПИСАНО В 1853

О, родина! когда без силы
Ты пред тираном пала ниц,
Раздастся песня из могилы —
В ответ на стоны из темниц!

Изгнанник, стану я у моря,
Как черный призрак на скале,
И, с гулом волн прибрежных споря,
Мой голос зазвучит во мгле;

И эти яростные звуки
Вокруг сиянье разольют;
Как чьи-то пламенные руки,
Мечами сумрак рассекут;

Как громы, грянут на колонны,
На глыбы неподвижных гор,
Чтоб, светом молний озаренный,
Затрепетал тревожно бор;

Как некий колокол гудящий,
Угрюмых воронов вспугнут
И на могилах стебель спящий
Дыханьем вещим шелохнут!

Я крикну: «Горе беззаконным!
Насильники, убийцы — вам!»
И воззову я к душам сонным,
Как вождь к смутившимся бойцам.

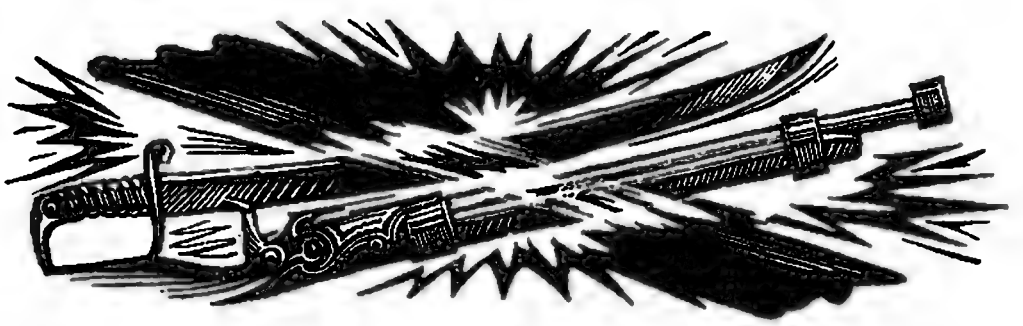
И верю: откликами встретят
Набат моих суровых слов.
Когда ж живые не ответят,
Восстанут мертвые на зов!

ОСАЖДЕННЫЙ ПАРИЖ

Париж, история твои прославит беды.
Убор твой лучший — кровь, и смерть — твоя победа.
Но нет, ты держишься. И всякий, кто смотрел,
Как цезарь, веселясь, в твоих объятьях млел,
Дивится: ты в огне находишь искупленье.
К тебе со всех концов несутся восхваленья.
Ты много потерял, но ты вознагражден
И посрамил врага, которым осажден.
Блаженство низкое есть то же умиранье.
В безумстве павшего тебя спасло страданье.
Империей ты был отравлен, но сейчас,
Благополучия позорного лишась,
Развратников изгнав, ты вновь себя достоин.
О город-мученик, ты снова город-воин.
И в блеске истины, геройства, красоты
И возрождаешься и умираешь ты.

ГЛУПОСТЬ ВОЙНЫ

Работница без глаз, предательская пряха
Качает колыбель для тлена и для праха;
Ведет она полки, ведет за трупом труп,
И, опьяненная безумным воем труб
И кровью сытая, потом с похмелья вянет,
Но человечество к своей попойке тянет.
Нагнав ораву туч и накликая ночь,
Все звезды, всех богов она сшибает прочь
И вновь безумствует на черных пепелищах,
В пороховом дыму, в тяжелых сапожищах.
Распространеньем зла, как прежде, занята,
Животных выгонит, но предпочтет скота
И может лишь одно придумать бестолково:
Снять императора, чтоб возвести другого.



* * *

За баррикадами, на улице пустой,
Омытой кровью жертв, и грешной и святой,
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.
«Ты тоже коммунар?» — «Да, сударь, не последний!» —
«Что ж! — капитан решил.— Конец для всех — расстрел.
Жди, очередь дойдет!» И мальчуган смотрел
На вспышки выстрелов, на смерть борцов и братьев.
Внезапно он сказал, отваги не утратив:
«Позвольте матери часы мне отнести!» —
«Сбежишь?» — «Нет, возвращусь!» — «Ага, как ни верти,
Ты струсил, сорванец! Где дом твой?» — «У фонтана».
И возвратиться он поклялся капитану.
«Ну живо, черт с тобой! Уловка не тонка!» —
Расхохотался взвод над бегством паренька.
С хрипеньем гибнущих смешался смех победный.
Но смех умолк, когда внезапно мальчик бледный
Предстал им, гордости суровой не тая,
Сам подошел к стене и крикнул: «Вот и я!»

И устыдилась смерть, и был отпущен пленный.

Дитя! Пусть ураган, бушуя во вселенной,
Смешал добро со злом, с героем подлеца,—
Что двинуло тебя сражаться до конца?
Невинная душа была душой прекрасной.
Два шага сделал ты над бездною ужасной:
Шаг к матери один и на расстрел — второй.
Был взрослый посрамлен, а мальчик был герой.
К ответственности звать тебя никто не вправе.
Но утренним лучам, ребяческой забаве,
Всей жизни будущей, свободе и весне —
Ты предпочел прийти к друзьям и встать к стене.
И слава вечная тебя поцеловала.
В античной Греции поклонники, бывало,
На меди резали героев имена,
И прославляли их земные племена.
Парижский сорванец, и ты из той породы!
И там, где синие под солнцем блещут воды,
Ты мог бы отдохнуть у каменных вершин.
И дева юная, свой опустив кувшин
И мощных буйволов забыв у водопоя,
Смущенно издали следила б за тобою.

ОГЮСТ БАРБЬЕ

ПРОЛОГ

Пусть риторы кричат, что резкий стих мой зол,
Что желчь вскипает в нем и ненависти пена,
Что пред кумирами увенчанными шел
Я без смущения, с бесстыдством Диогена,
Не ползал нищенски у золотых тельцов
И грязь бросал к подножью истукана,—
Я в вакханалии предателей-льстецов
Руки не оскверню трещоткой шарлатана.
Какое дело мне? Пусть, пафосом не раз
Торгуя по грошам, все плачут о разврате
И пляшут в мишуре, на поле звонких фраз,
В толпе, как гаеры на вздернутом канате...
Да, стих мой груб, и несдержим разбег
Слов проклинающих и слез негодованья,—
Но тем моим слезам рыданьем вторит век,
С моими воплями слились его страданья!..
Вот почему порой мутит так гнев и кровь
Мой желчный, резкий стих, все разорвавший узы.
А между тем — не злость, а кроткая любовь
Дрожит в рыданиях моей суровой Музы.

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

ПЕПИТЕ

Когда на землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа,
И чепчик развязался твой;

Когда кругом все тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда,—
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;
Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита...
Быть может, ровно ни о чем.

* * *

Не ждете ль вы, что назову я,
Кого люблю?
Нет! — так легко не выдаю я
Любовь свою.

Но я скажу вам (я смелее
Среди друзей),
Что спелый колос не светлее
Ее кудрей.

Живу, ее покорный воле,
И для нее
Я жизнь и, если нужно боле,
Отдам я все!

Любви отверженной мученья
До траты сил,
До горьких слез, изнеможенья
Переносил.

И, в сердце сдавленном скрывая
Любовь свою,
Погибну я, не называя,
Кого люблю.

* * *

Все время слышу погребальный звон,
Жду восемнадцать месяцев кончину,
С бессонницей борюсь, влачу кручину,
И веет холодом со всех сторон.
Чем жарче спорю с немочью моею,
Тем все острей предчувствую беду,
Слабеет сердце, двинуться не смею,
Боюсь: шагну — и навсегда уйду.
Все меньше сил, все круче перевалы,
Покой мой близок, но не кончен бой.
Как загнанный скакун, мой дух усталый
Вот-вот споткнется и — с копыт долой.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

ПЕРВАЯ УЛЫБКА ВЕСНЫ

Пока заботой повседневной
Мы заняты и смущены,—
Смеясь под ливнем, Март безгневный
Готовит таинства весны.

Выходит на лужок зеленый
И, притаясь, когда все спит,
Подснежников белит бутоны
И одуванчики желтит.

На все затеи пудры белой
Ему, проказнику, не жаль:
То яблоню осыпет смело,
То в иней уберет миндаль.

Природа спит, дыша устало,
Под долгий, скучный шум дождей,
А он, смеясь, на одеяло
Бутоны роз бросает ей!

Вбегая в лес гостеприимный,
Фиалки сеет он, а сам
Насвистывает тихо гимны,
Подсказывая их дроздам.

Он у ключа, где пьют олени,—
Пугливо дали оглядев,—
Выращивает, чуждый лени,
Прозрачных ландышей посев.

И меж ползучей повилики
Сажает пышные кусты
Лесной, пахучей земляники,
Чтоб летом веселилась ты!

И, видя, что в лесу и в поле
Его работа свершена,
Без ропота, покорный доле,
Он шепчет: «Приходи, весна!»

ЭЖЕН ПОТЬЕ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Гражданину Гюставу Лефрансе,
члену Коммуны

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира,
А наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по-иному —
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть — народу трудовому
А дармоедов всех долой!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Презренны вы в своем богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Все нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Довольно, королям в угоду,
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир народу!
Бастуйте, армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них,—
Убийцы, в вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ЯГУАР

За дальней завесью уступов, в алой пене
Всю местность выкупав, отпламенел закат.
В пампасах сумрачных, где протянулись тени,
Проходит трепета вечернего разряд.

С болот, ощеренных высокою осокой,
С песков, из темных рощ, из щелей голых скал
Ползет, стремится вверх средь тишины глубокой
Глухими вздохами насыщенный хорал.

Над тинистой рекой воспрянув из туманов,
Холодная луна сквозь лиственный шатер
На спины черные всплывающих кайманов
Накладывает свой серебряный узор.

Одни из них давно преодолели дрему
И голода уже испытывают власть,
Другие, к берегу приблизившись крутому,
Как пни шершавые, лежат, раскрывши пасть.

Вот час, когда в ветвях, присев на задних лапах,
Прищуривая глаз и напрягая нюх,
Прекрасношерстый зверь подстерегает запах,
Живого существа чуть уловимый дух.

Для предстоящих битв он держит наготове
И зуб и коготь. Весь в стальной собравшись ком,
Он рвет, грызет кору и в предвкушенье крови
Облизывается пунцовым языком.

Согнув спиралью хвост, он бешено им хлещет
Древесный ствол, затем, приняв дремотный вид,
Сникает головой на лапу и, в зловеще-
Притворный сон уйдя, неявственно храпит.

Но, вдруг умолкнув и простершись бездыханней
Гранитной глыбы, ждет, укрытый меж ветвей:
Громадный бык идет неспешно по поляне,
Задрав рога и пар пуская из ноздрей.

Еще два-три шага, и, ужасом объятый,
Бык замирает. Льдом сковав ему бока
И плоть его сверля, горят во мгле агаты,
Два красным золотом налитые зрачка.

Шатаясь, издает он жалобные стоны,
Мычит, влагая в рев предсмертную тоску,
А ягуар, как лук сорвавшись распрямленный,
На шею прыгает дрожащему быку.

От страшного толчка чуть не до половины
Вонзает в землю бык огромные рога,
Но вскоре, яростный, в бескрайние равнины
Мчит на своей спине свирепого врага.

По топям, по пескам, по скалам и по дюнам,
Необоримых чащ пересекая тьму,
Стремглав проносятся, облиты светом лунным,
Бык с хищным всадником, прикованным к нему.

И миг за мигом вдаль все глубже отступая,
Отходит горизонт за новую черту,
И там, где ночь и смерть, еще идет глухая
Борьба кровавых тел, сращенных на лету.

В ТЕМНУЮ НОЧЬ, В ШТИЛЬ, ПОД ЭКВАТОРОМ

Время, Пространство, Число
С черных упали небес
В море, где мрак и покой.

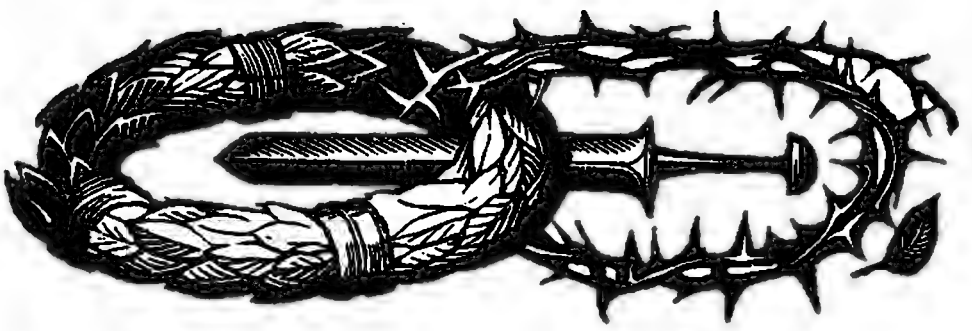
Саван молчанья и тьмы
Их поглотил без следа —
Время, Пространство, Число.

Тяжким обломком, немым,
Падает Дух в пустоту,
В море, где мрак и покой.

С ним, погруженным во тьму,
Тонут, рожденные им,
Время, Пространство, Число
В море, где мрак и покой.

ЗОЛОТОЙ ДИСК

Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий иней.
Грустно ветер вздыхает и веет с далеких высот,
Стелет длинные тени в оврагах и влажных долинах,
Тамаринды колышет, и в темных, угрюмых вершинах,
Где гнездилися птицы, и сон и покой настает.
И дыханье земли, как священных кадильниц дыханье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханьем лесов,
С ароматом плантаций в глубоком вечернем молчаньи.
Вот звезда задрожала жемчужной своей белизной,
В синем мраке ночном, как живая, горит величаво —
И пылают в волнах, ослепленных небесною славой,
Мириады светил, мириады огней над землей.
И душа, забываясь в молчании ночи всесильной,
Созерцая и мир, и величье ее красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
В вечный сон погружается,— в саван могильный.



ЖОЗЕ-МАРИА ДЕ ЭРЕДИА

СОНЕТЫ

АНТОНИЙ* И КЛЕОПАТРА*

С высоких стен дворца они вдвоем глядят:
Сменился душной мглой заката жар кровавый,
И режет дельту Нил волною мутно-ржавой,
В стремленье на Саис* не ведая преград.

И Римлянин забыл походы и солдат,
Без боя взятый в плен любовною отравой;
Он тело гибкое егúптянки лукавой,
Ликуя, чувствует сквозь холод медных лат.

Пред ним ее лицо белеет в прядях темных
Надушенных волос, ее зрачков огромных
Завороженный блеск, застывший взлет бровей...

И видит Триумвир в темно-зеленом взоре
Продолговатых глаз — всю необъятность моря,
В их искрах — призраки бегущих кораблей.

PONTE VECCHIO*

Антонио ди Сандро, ювелиру

Там мастер-ювелир работой долгих бдений,
По фону золота вправляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений.

Там пели по утрам с церквей колокола,
Мелькали средь толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать взгляд от руки прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной, как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

АЛЬБАТРОС

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.

Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжко влачит за собой.

Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Так, поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Свободный человек! Недаром ты влюблен
В могучий океан: души твоей безбрежной
Он — зеркало... Как ты, в движеньи вечном он,
Не меньше горечи в твоей груди мятежной.

Как по сердцу тебе в его волнах нырять,
На нем покоить взгляд! В его рыданьях гневных
И диких жалобах как любо узнавать
Родные отзвуки своих невзгод душевных!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно обвеяны молчаньем ледовитым.
Кто, море, знает ключ к твоим богатствам скрытым?
Твои, о человек, кто смерит глубины?..

И что же? Без конца, не зная утомленья,
Войну вы меж собой ведете искони!
Так любите вы смерть и ужасы резни,
О братья-близнецы, враги без примиренья!

СТАРЫЙ КОЛОКОЛ

Я знаю сладкий яд, когда мгновенья тают
И пламя синее узор из дыма вьет,
А тени прошлого так тихо пролетают
Под вальс томительный, что вьюга им поет.

О, я не тот, увы! над кем бессильны годы,
Чье горло медное хранит могучий вой
И, рассекая им безмолвие природы,
Тревожит сон бойцов, как старый часовой.

В моей груди давно есть трещина, я знаю,
И если мрак меня порой не усыпит
И песни нежные слагать я начинаю —
Всё, насмерть раненный, там будто кто хрипит.
Гора кровавая над ним всё вырастает,
А он в сознаньи и недвижно умирает.

СПЛИН

Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол,

И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта надломленным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.

Тюремщик — дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепа к нам перебрался жить...

И вдруг удар сорвался как безумный,—
Колокола завыли и гудят,
И к облакам проклятья их летят
Ватагой злобною и шумной.

И вот... без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развевает...

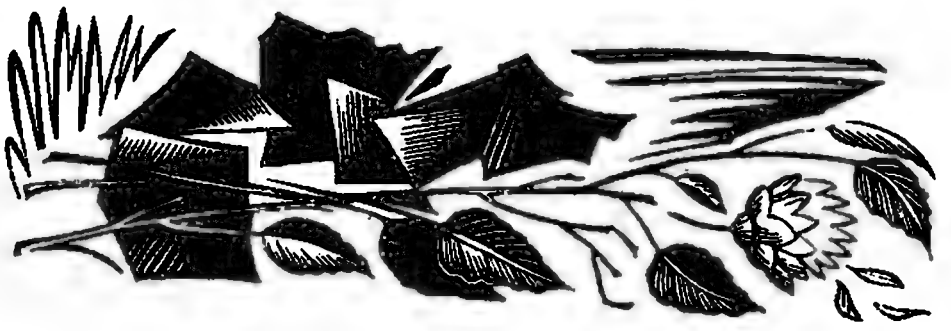
СЛЕПЫЕ

О, созерцай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме.
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.

И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?

А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогнам шумным

С их похотливою и наглой суетой,
Мне крикнуть хочется — безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»



АРМАН СЮЛЛИ-ПРЮДОМ

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
Рукою нежной и любимой,—
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его: оно разбито.

ИДЕАЛ

Прозрачна высь. Своим доспехом медным
Средь ярких звезд и ласковых планет
Горит луна. А здесь, на поле бледном,
Я полон грез о той, которой нет;

Я полон грез о той, чья за туманом
Незрима нам алмазная слеза,
Но чьим лучом, земле обетованным,
Иных людей насытятся глаза.

Когда бледней и чище звезд эфира
Она взойдет средь чуждых ей светил,—
Пусть кто-нибудь из вас, последних мира,
Расскажет ей, что я ее любил.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Сердце исходит слезами,
Словно холодная туча...
Сковано тяжкими снами,
Сердце исходит слезами.

Льются мелодией ноты
Шелеста, шума, журчанья,
В сердце под игом дремоты
Льются дождливые ноты...

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не хуже мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

МОЙ ДАВНИЙ СОН

Я свыкся с этим сном, волнующим и странным,
В котором я люблю и знаю, что любим,
Но облик женщины порой неуловим —
И тот же и не тот, он словно за туманом.

И сердце смутное и чуткое к обманам
Во сне становится прозрачным и простым,—
Но для нее одной! — и стелется, как дым,
Прохлада слез ее над тягостным дурманом.

Темноволоса ли, светла она? Бог весть.
Не помню имени — но отзвуки в нем есть
Оплаканных имен на памятных могилах,

И взглядом статуи глядят ее глаза,
А в тихом голосе, в его оттенках милых,
Грустят умолкшие, родные голоса.

СОЛОВЕЙ

Тревожною стаей, слепой и шальной,
Крылатая память шумит надо мной
И бьется и мечется, бре́дя спасеньем,
Над желтой листвою, над сердцем осенним,
А сердце все смотрится в омут глухой,
Над Заводью жалоб горюя ольхой,
И крики, взмывая в тоскующем вихре,
В листве замирают — и вот уже стихли,
И только единственный голос родной,
Один на земле, говорит с тишиной —
То голосом милым былая утрата
Поет надо мною, как пела когда-то,
Поет надо мной — о, томительный звук! —
Печальная птица, певунья разлук;
И ночь под луной, ледяной и высокой,
Неслышно и грустно приходит с востока,
И, тронуть боясь этот синий покой,
Ночная прохлада воздушной рукой
Баюкает заводь и в сумраке прячет,
А листья все плещут, и птица все плачет.

АРТЮР РЕМБО

РОМАН

I

Нет рассудительных людей в семнадцать лет! —
Июнь. Вечерний час. В стаканах лимонады.
Шумливое кафе. Кричаще яркий свет.
Вы направляетесь под липы эспланады.

Они теперь в цвету и запахом томят.
Вам хочется дремать блаженно и лениво.
Прохладный ветерок доносит аромат
И виноградных лоз и мюнхенского пива.

Виктор Гюго

II

Вы замечаете сквозь ветку над собой
Обрывок голубой тряпицы, с неумело
Приколотой к нему мизерною звездой,
Дрожащей, маленькой и совершенно белой.

Июнь! Семнадцать лет! Сильнее крепких вин
Пьянит такая ночь... Как будто бы спросонок,
Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,
А поцелуй у губ трепещет, как мышонок...

III

В сороковой роман мечта уносит вас...
Вдруг — в свете фонаря,— прервав виденья ваши,
Проходит девушка, закутанная в газ,
Под тенью страшною воротника папаши.

И, находя, что так растерянно, как вы,
Смешно бежать за ней без видимой причины,
Оглядывает вас... И замерли, увы,
На трепетных губах все ваши каватины.

IV

Вы влюблены в нее. До августа она
Внимает весело восторженным сонетам.
Друзья ушли от вас: влюбленность им смешна,—
Но вдруг... ее письмо с насмешливым ответом.

В тот вечер вас опять влекут толпа и свет,
Вы входите в кафе, спросивши лимонаду...
Нет рассудительных людей в семнадцать лет,
Среди шлифующих усердно эспланаду!

РУКИ ЖАН-МАРИ

Ладони этих рук простертых
Дубил тяжелый летний зной.
Они бледны, как руки мертвых,
Они сквозят голубизной.

В какой дремоте вожделений,
В каких лучах какой луны

Они привыкли к вялой лени,
К стоячим водам тишины?

В заливе с промыслом жемчужным,
На грязной фабрике сигар
Иль на чужом базаре южном
Покрыл их варварский загар?

Иль у горячих ног мадонны
Их золотой завял цветок,
Иль это черной беладонны
Струится в них безумный сок?

Или, подобно шелкопрядам,
Сучили синий блеск они,
Иль к склянке с потаенным ядом
Склонялись в мертвенной тени?

Какой же бред околдовал их,
Какая льстила им мечта
О дальних странах небывалых
У азиатского хребта?

Нет, не на рынке апельсинном,
Не смуглые у ног божеств,
Не полоща в затоне синем
Пеленки крохотных существ;

Не у поденщицы сутулой
Такая жаркая ладонь,
Когда ей щеки жжет и скулы
Костра смолистого огонь.

Мизинцем ближнего не тронув,
Они крошат любой утес,
Они сильнее першеронов,
Жесточе поршней и колес.

Как в горнах красное железо,
Сверкает их нагая плоть
И запевает «Марсельезу»
И никогда — «Спаси, господь».

Они еще свернут вам шею,
Богачки злобные, когда,
Румянясь, пудрясь, хорошея,
Вы засмеетесь без стыда!

Сиянье этих рук влюбленных
Мальчишкам голову кружит.
Под кожей пальцев опаленных
Огонь рубиновый бежит.

Обуглив их у топок чадных,
Голодный люд их создавал.
Грязь этих пальцев беспощадных
Мятеж недавно целовал.

Безжалостное солнце мая
Заставило их побледнеть,
Когда, восстанье поднимая,
Запела пушечная медь.

О, как мы к ним прижали губы,
Как трепетали дрожью их!
И вот их сковывает грубо
Кольцо наручников стальных.

И, вздрогнув, словно от удара,
Внезапно видит человек,
Что, не смывая с них загара,
Он окровавил их навек.

БЕЛЬГИЯ

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

О пробужденье на заре в янтарном свете!
Веселая игра теней, и тростники,
И золотых стрекоз полеты вдоль реки,
И мост, и солнца блик на белом парапете!

Конюшни, светлый луг, распахнутые клети,
Где кормят поросят; уже несут горшки,
В кормушки пойло льют. Дерутся кабанки.
И руки скотницы румяный луч отметил.

О пробужденье быстрое! Уже вдали
Крахмальные чепцы и блузы потекли,
Как овцы, в городок, где церковка белеет.

А вишни шпанские и яблоки алеют
Там, над оградами, сверкая поутру,
И мокрое белье взлетает на ветру.

ПЛОДОВЫЕ САДЫ

Здесь пели иволги, дрозда звучал напев.
Деревья старые, встав двадцатью рядами,
Подъяли ветви ввысь, этаж за этажами,
С апрельским солнышком опять помолодев.

Побеги, чувствуя живительный нагрев,
Как будто клейкими покрылись леденцами,
И пчелы медленно летали над цветами;
Коровы по траве брели, отяжелев.

Ложилась поутру, в лучах зари сверкая,
На яблони роса пахучая, густая,
Полдневный зной листву в дремоту погружал,

А к вечеру, когда пылало солнце в тучах,
Лучи блестели так среди ветвей могучих,
Как будто бы огонь по хворосту бежал.

АМБАРЫ

Укрыты бережно добротных крыш плащом,
Амбары грузные далеко простирались.
С дубовых крестовин под тяжким потолком
На нитях пауки безмолвные спускались.

Здесь жатвы нынешней запасы сохранились:
Рожь тут, пшеница там, ряды мешков кругом,
Овес в один сусек, ячмень в другой ссыпались,—
И прогибался пол под золотым зерном.

Как пруд в безветрие, глубокий и тяжелый,
Оно покоилось. Июля луч веселый
Багровой полосой поверх него скользил.

Попрятав мордочки по узким щелям, мыши
Старались не пищать, дышать как можно тише,—
А толстый белый кот на сите сторожил.

НОЯБРЬ

Вот листья, цвета гноя и скорбей,—
Как падают они в моих равнинах;
Как рой моих скорбей, все тяжелей, желтей,—
Так падают они в душе моей.

Лохмотьями тяжелых облаков
Окутавши свой глаз слепой,

Поник, под ветра грозный вой,
Шар солнца, старый и слепой.

Ноябрь в моей душе.

Над илом ивы чуть видны; в туманы,
Мелькая, черные уносятся бакланы,
И льется крик их, долгий, точно вечность,
Однообразный,— в бесконечность.

Ноябрь в моей душе.

О, эти листья, что спадают,
Спадают;
О, этот бесконечный дождь
И этот вой средь голых рощ,
Однообразный, рвущий все в душе!..

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Как страстно кличет их от медленных равнин
Сивиллы древний зов и в смутных окоемах
Влечет мерцанье глаз каких-то незнакомых —
Однажды вечером изведали они.

Вперед! Огромный мол. В накале белом лу́ны,
И флагов золото на мачтах корабля,
И юнги черные. Уходит вдаль земля.
Волна прибойная сосет песок лагуны.

О, это плаванье в сияющем ночном
Пространстве! Звездные узорные плетенья!
Ветров полуденных и шум, и свист, и пенье
К цветущим берегам уносят! А потом?

Как руки черные, воздетые высоко,—
Из камня сложенные башни городов,
Зрачки, горящие под крышами домов
На глади стен сырых в ночных глазницах окон.

Пустыни рыжие и степи — без границ,
Подвластные громам и ураганам бурным,
И солнца, саваном одетые пурпурным,
Туманным золотом вечерних плащаниц.

И храмы медные, где щит и меч тяжелый
У паперти, и крест над ними в вышине,
И старых кесарей, в оцепенелом сне
Навеки замерших, чугунные престолы.

Устои островов над мутно-голубой —
То бирюзовой, то опаловой — пучиной,
И дрожь, и тайный страх бескрайности пустынной,
И вдруг, как молоты гремящие, прибой!

Народы, что века покорно терпят муки,
Народы, что уже восстали для побед,
У портов маяки — слепящие яркий свет
Зажавшие в кулак бестрепетные руки.

Но вспыхнет в памяти, как самый нежный зов,
Все то далекое, что свято и знакомо:
Вот мать печальная, вот садик возле дома,
Вот равномерный бой больших стенных часов.

Пора вернуться вспять. Прощай, широкий, вольный
Мир — океан, прощай! И все же нет для них
Ни счастья мудрых душ, ни счастья душ простых,
Что жизнью медленной и дремлющей довольны.

Отныне будет их к закатным влечь кострам,
К закатным солнечным притягивать воротам,
Распахнутым мечте неистовой, заботам
Нездешним и любви к виденьям дальних стран.

СТАТУЯ БУРЖУА

Он глыбой бронзовой стоит в молчанье гордом.
Упрямы челюсти и выпячен живот,
Кулак такой, что с ног противника собьет,
А страх и ненависть на лбу застыли твердом.

На площади — дворцы холодные; она,
Как воля жесткая его, прямоугольна.
Высматривает он угрюмо, недовольно,
Не брезжит ли зарей грядущая весна?

Понадобился он для рокового дела,
Случайный ставленник каких-то темных сил,

И в сумрачном вчера успешно задушил
То завтра, что уже сверкало и звенело.

Был гнев его для всех единственный закон
В те дни; ему тогда бряцали на кимвалах,
И успокаивал трусливых и усталых
Порядок мертвенный, который строил он.

Как мастер, опытный в искусстве подавленья,
Он тигром нападал и крался как шакал,
А если он высот порою достигал,—
То были мрачные высоты преступленья.

Сумев закон, престол, мошну свою спасти,
Он заговоры стал придумывать, чтоб ложной
Опасностью пугать, чтоб ныне было можно
У вольной жизни лечь преградой на пути.

И вот на площади, над серой мостовою
Он, властный, и крутой, и злобствующий, встал
И защищать готов протянутой рукою
На денежный сундук похожий пьедестал.

ВО СЛАВУ ВЕТРА

Ты, убегающий вперед
По всем путям земли огромной,
Ты, непреклонный, ты, бездомный,
Куда твой дух тебя влечет?

Люблю я воздух, ветр, пространство,
Иду, куда — не знаю сам;
Как ветр, свистящий по лесам,
Несет меня непостоянство.

Под солнцем ветер раскален,
Но в комнате прохладен он;
Смотри: перстами рук багряных
Лаская целый небосклон,
Он травы клонит на полянах.

Юг, север, запад и восток,
Как мяч, руками огневыми
Иль кулаками ледяными
Бросают вдаль воздушный ток.

Он был в Неаполе, а после был в Мессине;
Он жестом божества зажег верхи валов;
Изрезав, положил пески в немой пустыне
Узором белым вкруг зеленых островов;
Истомен вздох его, дыханье слабо; с видом
Смущенным перед ним трава дрожит чуть-чуть;
А он меж тем, летя, коснулся к пирамидам
И сфинксу древнему бросал песок на грудь.

Но дни меняются, и ветр летит поляной,
В одежде из дождя, в лохмотьях из тумана,
Вот он приходит к нам из стран безвестной мглы,
С Британских островов, с холодных скал Джерсея,
Где тонут в небесах созвездия, бледнея,
Где белым инеем сверкают скал углы.
То — ветр без радости и без лучей; он стонет,
По океану он блуждает, как слепой;
Но лишь коснется он скалы иль камень тронет,
Подъемлет бездна грозный вой.

Когда весна поля к воскресшей воле будит,
Зеленую траву ветр беспощадно студит.

Вот он приходит к нам оттуда, где в Москву
Глядится древний Кремль и золотые главы,
Бросая в небеса багряный отблеск славы;
Где ветр, озлобленный и дикий, наяву
Вонзает зубы в степь; летит с полей Украйны
В Германию и рвет кустарники, крича
Медяным голосом, чтоб после, словно тайны,
Легенды повторять, где льется Рейн, журча...

Ветр, тот же ветр, зимой, в сияющие ночи,
И даль и небеса белит и жгуче точит.

Он с полюса пришел, где к леднику ледник
Дворцы молчания возвел на белом снеге;
Спокойный, дерзостный, упорствуя в разбеге,
Как острие копья он заостряет пик;
Овеяв хмурый Зунд, коснулся он Урала,
Во фьордах пробежал, к Исландии проплыл,
И над безбрежностью седых морей устало
Он перья снежные отряхивает с крыл.

Откуда б ветер ни пришел,
Он, возвращаясь из блужданий

По степи, лесу иль поляне,
Весь — блеск, здоровье, произвол.
Он землю целовал ґубами золотыми
Везде,
Над радостями был людскими
И был с людьми в беде.

Надежды, гордость, страсть, все, что бессмертно в мире,
Что жажда вечная во глуби душ зажгла,
Всё раздували в нас его четыре
Крыла!
В нем словно сердце есть, великое, святое,
Что бьется, плачет, буйствует, дрожит,
Он отдает его и в холоде и в зное,
И там, где счастье ждет, и там, где скорбь грозит.

О ветр! Тебя люблю, дивлюсь тебе, с волненьем
Тебя пою,
И твой текучий хмель, живучий, с умиленьем
До дна я пью.
Он существо мое величит, он, который,
Пред тем как проскользнуть сквозь легкие и поры
В меня и пламенем взыграть в моей крови,—
То грубо-сильно, то глубоко-нежно,
Безбрежно
Мир обнимал объятием любви.

ТРУД

Толпою яростной проходят сквозь века
Работники земли. Дорога нелегка,
Но впереди зато великие свершенья.
Могучи их тела, рассчитаны движенья:
Задержка, твердый шаг, усилие, разбег...
Какими знаками, о гордый человек,
Изобразить твое победное горенье?

О, как я вижу вас, плечистых молодцов,
Над спинами коней, тяжелый воз влачащих,
Вас, бородатые хозяева лесов,
Чьи топоры с утра поют в душистых чащах,
Тебя, старик седой,— когда в полях весна,
Разбрасываешь ты на пашне семена

Так, чтоб они сперва летели вверх и в этом
Полете солнечном хоть миг дышали светом.

Я вижу моряков — они готовы в путь
Под разметавшими созвездья небесами,
А ветер западный хлопочет с парусами,
И мачта чуть дрожит, и жадно дышит грудь.

Я вижу грузчиков — они, натужив спины,
Проносят тяжести с судов и на суда,
Которым плыть и плыть, которым навсегда
Покорны водные просторы и пучины.

И вас, искатели завороженных руд
В безмолвье белых стран, где снежные равнины
И мертвых берегов сияющие льдины
В морозные тиски бесстрашного берут;

И вас, в развилинах глубокого колодца
Шахтеры с лампочкой,— она ваш верный глаз,—
Ползущие туда, где угля черный пласт
Усилью вашему угрюмо поддается.

И вас, литейщики и кузнецы в цехах,
Где так чудовищны негаснущие горны;
Багровы отсветы на лицах и в зрачках,
Движенья плеч и спин разумны и упорны.
Века кипит ваш труд; для будущих побед
Овладевает он зловещим этим миром,
Где тесно в городах лохмотьям и порфирам.
Я с вами навсегда. Примите мой привет!

И мышц, и разума, и воли напряженье,
Труд, бесконечный труд — в долинах, в сердце гор,
Среди морей седых. И весь земной простор
Согласно обоймут единой цепи звенья.
Дерзанье пламенно, и пыл неутомим
Могучих этих рук, что по земному кругу
Во весь охват его протянуты друг другу,
Чтоб сделать целый мир воистину своим,
Печатью наших воль и наших сил отметить,
И вновь создать моря, равнины, горы эти,
Как мы отныне захотим.

ГЕРОИ ЛЬЕЖА

Клятвопреступная смертельная война
Прошла вдоль наших нив и побережий,
И не забудет ввек под солнцем ни одна
Душа — о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже.

Была суровая пора.
Как некая идущая гора,
Все сокрушая глыбами обвала,
Германия громадой наступала
На нас...

То был трагический и безнадежный час.
Бежали все к безвестному в смятенье.
И только Льеж был в этот час готов,
Подставив грудь, сдержать движенье
Людей, и пушек, и штыков.

Он ведал,
Что рок ему в то время предал
Судьбу
И всей Британии и Франции прекрасной,
Что должен до конца он продолжать борьбу
И после страстных битв вновь жаждать битвы страстной,
В сознанье, что победы ждать — напрасно!

Пусть там была
Лишь горсть людей в тот час глухой и темный,
Пред силами империи огромной,
Пред ратью без числа.
Все ж днем и ночью, напролет все сутки,
Герои пламенно противились врагу,
Давая битвы в промежутке
И убивая на бегу.

Их каждый шаг был кровью обозначен,
И падал за снарядами снаряд
Вокруг, что град;
Но полночью, когда, таинственен и мрачен,
На дымных небесах являлся цеппелин,
Об отступлении не думал ни один,
Бросались дружно все в одном порыве яром
Вперед,
Чтоб тут же под безжалостным ударом
Склониться долу в свой черед...

Когда велись атаки на окопы,
Борцы бесстрашные, тот авангард Европы,
Сомкнув свои ряды, как плотную мишень
Для быстрых, ровных молний пулемета,
Стояли твердо целый день
И снова падали без счета,
И над телами их смыкалась мирно тень...

Лонсен, Бонсель, Баршон и Шофонтен
Стонали, мужество свое утроив;
Века лежали на плечах героев,
Но не было для павших смен!
В траншеях, под открытым небом,
Они вдыхали едкий дым;
Когда же с пивом или хлебом
Туда являлись дети к ним,—
Они с веселостью солдатской неизменной
Рассказывали, вспоминая бой,
О подвигах, свершенных с простотой,—
Но в душах пламя тлело сокровенно,
Был каждый — гнев, гроза, вражда:
И не бывало никогда
Полков столь яростных и стойких во вселенной!

Весь город словно опьянел,
Привыкнув видеть смерть во взорах;
Был воздух полон славных дел,
И их вдыхали там, как порох;
Светились каждые глаза
Величьем нового сознанья,
И возвышали чудеса
Там каждое существованье,
Все чем-то сверхземным и дивным осеня...

Вы, люди завтрашнего дня!
Быть может, все сметет вдоль наших побережий
Клятвопреступная смертельная война,
Но не забудет ввек под солнцем ни одна
Душа о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже!

* * *

Нет, жить тобой душа не уставала!
Ты некогда в июне мне сказала:
«Когда бы, друг, однажды я узнала,
Что бременем я стану для тебя,—
С печалью в сердце, тихом и усталом,
Бог весть куда, но я б ушла, любя».

И тихо лбом к моим губам припала.

И снова:

«Есть и в разлуке радости живые,
И нужды нет в сцепленье золотом,
Что вяжет, словно в гавани, кольцом
Две наши тихие ладьи земные».

И слезы у тебя я увидал впервые.
И ты сказала,
Ты еще сказала:
«Расстанемся во что бы то ни стало!
Так лучше, чем спускаться с вышины
Туда, где будням мы обречены».

И убегала ты, и убегала,
И вновь в моих объятьях трепетала.

Нет, жить тобой душа не уставала.

НА СЕВЕР

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьею сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и го́рды.
Ветер попутный, серый и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданьи
С берега молча глядела...

В море, сквозь сумерки синие,
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы,
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцаньи тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...

Мерцали их лиры,
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя, дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...

И мимо прошел торжествующий сон,
Корабли, подобные лилиям,
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

ГЕРМАНИЯ

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

ОБЛИЧЕНИЕ ДЕНЕГ

Ныне повсюду на свете
великая милость монете.
Ныне деньгою велики
цари и мирские владыки.
Ради возлюбленных денег
впадет во грехи и священник.
И во вселенском соборе
у каждого — деньги во взоре.

Деньги то бросят нас в войны,
то жить нам позволят спокойно.
Суд решает за плату
все то, чего хочет богатый.
Все продают, покупают,
берут и опять отнимают.
Деньги терзают нас ложью,
вещают и истину божью.

Деньги — святыня имущих
и обетование ждущих.
Деньги женскую верность
легко превратят в лицемерность.
Деньги из знатных и важных
сделают тварей продажных.
Денег желая, правитель
становится сущий грабитель.

И из-за денег в народе
воров — как звезд в небосводе.

Деньги для каждого милы,
не в страх им враждебные силы.
Денег звонкое слово
для бедных людей злее злого.
Деньги — ведомо это —
глупца превращают в поэта.
С теми, кто деньги имеет,
и пир никогда не скудеет.
Деньги спасут от недуга,
купят подругу и друга.

Деньги с легким сердцем
съедают миногу под перцем.
Деньги сосут из кувшина
французские сладкие вина.
Деньги чванятся звоном,
что все перед ними — с поклоном.
Деньги пируют со знатью
и носят богатые платья.
Деньги могучи премного,
их все почитают, как бога.

Деньги больных исцеляют,
здоровым сил прибавляют,
Пошлое сделают милым,
любезное сердцу — постылым.
Станет хромой ходячим,
воротится зренье к незрячим.
Долго их можно славить,
одно лишь хочу я прибавить:

Видел я, видел намедни,
как деньги служили обедню:
Деньги псалом запевали,
и деньги ответ подавали.
Проповеди говорили
и слезы горькие лили.
А под слезами смеялись
затем, что с доходом остались.

Деньги повсюду в почете,
без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава —
с деньгами тебе честь и слава.

Нынче всякому ясно:
лишь деньги царят самовластно!
Трон их — кубышка скупого,
и нет ничего им святого,

Пляска кругом хоровая,
а в ней вся тщета мировая.
И от толпы этой шумной
бежит лишь истинно умный.

НИЩИЙ СТУДЕНТ

Я — кочующий школяр...
На меня судьбина
свой обрушила удар,
что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,
не для развлеченья —
из-за горькой нищеты
бросил я ученье.

На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,
в драном плащике бреду
под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа,
долго длится месса.
Только слушаю попа
я без интереса.

К милосердию аббат
паству призывает,
а его бездомный брат
зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
мне свою сутану,
и тогда я наконец
мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
я поставлю свечку,
чтоб господь тебе в раю
подыскал местечко.

* * *

Ложь и злоба миром правят.
Совесть душат, правду травят,
мертв закон, убита честь,
непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани!
Друг в беде бросает друга,
на супруга врет супруга,
и торгует братом брат.
Вот какой царит разврат!
«Выдь-ка, милый, на дорожку,
я тебе подставлю ножку»,—
ухмыляется ханжа,
нож за пазухой держа.
Что за времечко такое!
Ни порядка, ни покоя,
и господень сын у нас
вновь распят,— в который раз!

ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

НАСТОЯЩАЯ ПОХВАЛА

За красоту хвалите женщин — им по нутру такая дань,
Но для мужчины это будет так скользко, что сойдет за брань.
Пусть у него отважным, щедрым и постоянным будет дух,
И это третье — постоянство — отличный спутник первых двух.
Послушайте, что вам скажу я, и вы тотчас поймете сами,
Как надобно хвалить мужчину, чтоб не бесчестить похвалами:
В нем человека надо видеть, чтобы его понять сполна.
Когда по внешности мы судим, нам сердцевина не видна.
Есть много в мире чернокожих, в чьем сердце дух прямой и смелый,
И сердце черное как часто скрывается под кожей белой!

ГАНС САКС

О ВИТТЕНБЕРГСКОМ СОЛОВЬЕ, ЧЬЯ ПЕСНЬ СЛЫШНА ТЕПЕРЬ ВЕЗДЕ

Проснитесь! Утро настает!
Я слышу: соловей поет
Среди листвы в лесу зеленом;
Несется трель по горным склонам,
Звенит в долинах, ночь гоня,
И возвещает царство дня.
Заря восходит золотая,
И солнце, тучи разгоняя,
На землю шлет свои лучи.
Луна, сиявшая в ночи,
Теперь бледнеет и тускнеет
И власти больше не имеет
Над стадом жалобным овец,
Которых страшный ждал конец.

Страдает от попов народ,
Не перечесть его невзгод:
Зимой и летом гнет он спину,
Чтоб отдавать им десятину.
Коль не заплатишь — проклянут,
Изгонят, свечи вслед швырнут,
Другим чтоб было неповадно; .
Трудиться разве не досадно
Крестьянину по целым дням,
Чтобы поповским холуям
Сидеть в трактирах было можно,
Кутить и пьянствовать безбожно?
Есть у попов про всех товар —
Лишь покупай и млад и стар!
Известно — каждый поп и инок
Дом божий превращает в рынок:
Дают реликвии доход,
А главное — в церквах идет
Продажа индульгенций бойко.
Вот что и есть овечья дойка!
Толпа церковников жадна:
Привыкнув грабить издавна,
Живя бессовестным обманом,

Церковник ловко лжет мирянам:
За мощи выдав зуб быка,
Он им притронется слегка
К болящему — и дань сбирает.
Мирян церковник уверяет,
Что в братства надо им вступать
И чинш исправно отдавать.
Поистине — в алчбе неистов
Любой из братии папистов;
Они из края в край пешком
Бредут — всегда с большим мешком,
В котором индульгенций ворох,
С крестом, с хоругвями, и хор их
Звучит везде: «Спасенье тут!
Чистилища же избегут
И те на небо будут взяты,
Кто по природе тороваты.
Монета звякнет — ты спасен!»
Тот, кто нанес другим урон
И приобрел добро нечестно,
Благодаря им, как известно,
Выходит из воды сухим.
Всех обирает папский Рим
С настойчивостью и упорством.
Вот что зову я шкуродерством!
Епископов я до поры
Не поминал, а их дворы
С нотариусами, с писцами,
Глумящимися над истцами,
Что правосудья ищут там,
Отнюдь не безразличны нам.
Ведь здесь супругов разлучают,
Насильно браки заключают,
На бедняков наводят страх,
Честят, разносят в пух и прах:
Ах, еретик! Ах, еретичка!
В день постный смели съесть яичко!
Немедленно их отлучить!
Не жди того, чтоб облегчить
Здесь согласились наказанье:
Напрасно издавать стенанья,
О снисхождении моля.
Охотой потравлять поля
И прочие творить бесчинства,
Всемерно поощряя свинства
Своих наемников-солдат,

Что грабят всех людей подряд,
И вкупе с челядью разбойной
Вести бесчисленные войны,
Потоки крови проливать,
Людей нещадно убивать,
Сжигать их мирные жилища
И оставлять лишь пепелища
Там, где недавно жизнь цвела,—
Вот вам епископов дела!
Не значит ли то — жрать овечек?
Ягненок у волков ответчик
За ненасытный голод их;
Но часто и волков самих
Мы под овечьим зрим обличьем;
Овец так поудобней стричь им.
Но жадность волка выдает,
И всяк его опознает.

Нет хищников жадней и злее.
Теперь на очереди — змеи,
Или, иначе говоря,
Монахи. Племя их не зря
Веками кровь из нас сосало:
За деньги, яйца, свечи, сало,
За уток, кур, сыры, масла
Творили добрые дела
У нас монашеские братства —
На том и нажили богатство!
Повадки их теперь ясны:
Пустые выдумки и сны,
Нелепейшие измышленья
Нам выдают за откровенья,
А так как освятил их Рим,
Выходит — надо верить им
И не скупиться на монету!
Что в баснях этих правды нету,
А есть один обман и ложь,
Не так-то сразу и поймешь!
Вот и заводят понемножку
Тебя на скользкую дорожку.
Чтоб от Христа ушел ты прочь
В безверье иль — что то же — в ночь...

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ МОСКВЕ, В ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ

Сонет

Краса своей земли, Голштинии родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.

Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!

Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!

Прими пока сонет в залог того, что, снова
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услыхал мой Рейн напевы волжских вод.

ЭПИТАФИЯ

Господина Пауля Флеминга, д-ра мед., кою он сочинил сам в Гамбурге марта 28 дня лета 1640 на смертном одре, за три дня до своей блаженной кончины

Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастия, горд именитым родом,
Ничем не обделен — ни славой, ни доходом,
Я знал, что звонче всех в Германии пою.

Влекомый к странствиям, блуждал в чужом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!

Прощайте вы, господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она меня зовет, себя готов отдать я.

Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни.

АНДРЕАС ГРИФИУС

СОНЕТЫ

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА
(год 1636)

Мы все еще в беде, нам боль сердца буравит,
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч —
Все жрет наш хлеб, наш труд, свой суд неправый правит.

Враг наши церкви жжет, враг нашу веру травит.
Стенает ратуша!.. На пагубу обречь
Посмели наших жен — кому их оберечь?
Огонь, чума и смерть... Вот-вот нас жизнь оставит.

Здесь каждый божий день людская кровь течет!
Три шестилетия! Ужасен этот счет.
Скопленье мертвых тел остановило реки.

Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1650

Остались позади пожары, голод, мор.
Вложивши в ножны меч, свой путь закончив ратный,
Вкушает родина мир трижды благодатный.
И вместо хриплых труб мы слышим стройный хор.

Теперь нам щеки жжет любовь, а не позор...
Спадает с сердца гнет беды невероятный...
Все вынесло оно: разгул войны развратный,
И бешенство огня, и смертный приговор.

Боже, все мы испытали, все, что ты послал, снесли!
Кто знавал такие муки с сотворения земли,
Как народ наш обнищавший?

Мы мертвы, но мир способен снова к жизни нас вернуть.
Дай нам силу встать из праха, воздух мира дай вдохнуть,

Ты, спасенье обещавший!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стенал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мои стихи воспламенил.
Мне режущая боль перо вложила в руку!

«Что ж, лайте! — я кричу обидчикам моим.—
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все попранное вами!»

ГОТФРИД АВГУСТ БЮРГЕР

ЛЕНОРА

Баллада

Леноре снился страшный сон,
Проснулася в испуге.
«Где милый? Что с ним? Жив ли он?
И верен ли подруге?»
Пошел в чужую он страну
За Фридериком на войну;

Никто об нем не слышит;
А сам он к ней не пишет.

С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончив бой,
С музы́кой, песнями, пальбой,
С торжественностью ратной
Пустились в путь обратный.

Идут! идут! за строем строй;
Пылят, гремят, сверкают;
Родные, ближние толпой
Встречать их выбегают;
Там обнял друга нежный друг,
Там сын отца, жену супруг;
Всем радость... а Леноре
Отчаянное горе.

Она обходит ратный строй
И друга вызывает;
Но вести нет ей никакой:
Никто об нем не знает.
Когда же мимо рать прошла —
Она свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

К Леноре мать бежит с тоской:
«Что так тебя волнует?
Что сделалось, дитя, с тобой?» —
И дочь свою целует.
«О друг мой, друг мой, все прошло!
Мне жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»

«Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися».
«О друг мой, друг мой, все как сон...
Немилостив со мною он;
Пред ним мой крик был тщетен...
Он глух и безответен».

«Дитя, от жалоб удержись;
Смири души тревогу;
Пречистых таин причастись,
Пожертвуй сердцем богу».
«О друг мой, что во мне кипит,
Того и бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый».

«Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоит слез предатель;
Ему судья создатель».

«О друг мой, друг мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную назло
Мне провиденье дало...
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»

«Небесный царь, да ей простит
Твое долготерпенье!
Она не знает, что творит:
Ее душа в забвенье.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведет ко благу божий путь;
Смиренным рай награда.
Страшись мучений ада».

«О друг мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
С ним вместе — все небесный рай;
С ним розно — все мученье;
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
С ним розно умерла я
И здесь и там для рая».

Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...

Творца на суд она с собой
    Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, как ночь пришла
    И темный свод над нами
    Усыпался звездами.

И вот... как будто легкий скок
    Коня в тиши раздался:
Несется по полю ездок;
    Гремя, к крыльцу примчался;
Гремя, взбежал он на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
    В ней жилки задрожали...
    Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорей! сойди ко мне, мой свет!
    Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты иль нет?
    Смеешься ли, грустишь ли?»
«Ах! милый... бог тебя принес!
А я... от горьких, горьких слез
    И свет в очах затмился...
    Ты как здесь очутился?»

«Седлаем в полночь мы коней...
    Я еду издалёка.
Не медли, друг; сойди скорей;
    Путь долог, мало срока».
«На что спешить, мой милый, нам?
И ветер воет по кустам,
    И тьма ночная в поле;
    Побудь со мной на воле».

«Что нужды нам до тьмы ночной!
    В кустах пусть ветер воет.
Часы бегут; конь борзый мой
    Копытом землю роет;
Нельзя нам ждать; сойди, дружок;
Нам долгий путь, нам малый срок;
    Не в пору сон и нега:
    Сто миль нам до ночлега».

«Но как же конь твой пролетит
    Сто миль до утра, милый?
Ты слышишь, колокол гудит:

Одиннадцать пробило».
«Но месяц встал, он светит нам...
Гладка дорога мертвецам;
Мы скачем, не боимся;
До света мы домчимся».

«Но где же, где твой уголок?
Где наш приют укромный?»
«Далеко он... пять-шесть досок...
Прохладный, тихий, темный».
«Есть место мне?» — «Обоим нам.
Поедем! все готово там;
Ждут гости в нашей келье;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нежно обняла,
И вся к нему прильнула.
Помчались... конь бежит, летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И мимо их холмы, кусты,
Поля, леса летели;
Под конским топотом мосты
Тряслися и гремели.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам!»
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
«Зачем о них твердишь ты?»

«Но кто там стонет? Что за звон?
Что ворона взбудило?
По мертвом звон; надгробный стон;
Голосят над могилой».
И виден ход: идут, поют,
На дрогах тяжкий гроб везут,
И голос погребальный,
Как вой совы печальный..

«Заройте гроб в полночный час:
Слезам теперь не место;
За мной! к себе на свадьбу вас
Зову с моей невестой.

За мной, певцы; за мной, пастóр;
Пропой нам многолетье, хор;
Нам дай на обрученье,
Пастóр, благословенье».

И звон утих... и гроб пропал...
Столпился хор проворно
И по дороге побежал
За ними тенью черной.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И сзади, спереди, с боков
Окрестность вся летела:
Поля, холмы, ряды кустов,
Заборы, домы, села.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам!»
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
«О мертвых все твердишь ты!»

Вот у дороги, над столбом,
Где висельник чернеет,
Воздушных рой, свиясь кольцом,
Кружится, пляшет, веет.
«Ко мне, за мной, вы, плясуны!
Вы все на пир приглашены!
Скачу, лечу жениться...
Ко мне! Повеселиться!»

И лётом, лётом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всех сторон
Все мимо их бежало;
И все, как тень, и все, как сон,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам».
«Гладка дорога мертвецам!

Да что же так дрожишь ты?»
«Зачем о них твердишь ты?»

«Мой конь, мой конь, песок бежит;
Я чую, ночь свежее;
Мой конь, мой конь, петух кричит;
Мой конь, несись быстрее...
Окончен путь; исполнен срок;
Наш близко, близко уголок;
В минуту мы у места...
Приехали, невеста!»

К воротам конь во весь опор
Примчавшись, стал и топнул;
Ездок бичом стегнул затвор —
Затвор со стуком лопнул;
Они кладбище видят там...
Конь быстро мчится по гробам;
Лучи луны сияют,
Кругом кресты мелькают.

И что ж, Ленора, что потом?
О страх!.. в одно мгновенье
Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета;
Она в руках скелета.

Конь прянул... пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг... все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине,
Лежит Ленора в страхе
Полмертвая на прахе.

И в блеске месячных лучей,
Рука с рукой, летает,
Виясь над ней, толпа теней
И так ей припевает:
«Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
Твой труп сойди в могилу!
А душу бог помилуй!»

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

«Я ЗОВУ СЕРДЦА ВНЕМЛЮ!»
(1767—1778)

МОЕЙ МАТЕРИ

Пусть ни привета, ни письма тебе
Подолгу я не шлю, не допускай
Тревожной мысли в сердце, будто долг
Сыновней нежности к тебе мою
Покинул грудь. Нет, так же, как утес,
Что спит в реке на вечных якорях,
Свое не кинет место, пусть волна,
То бурная, то кроткая, над ним
Проносится, у глаз его отняв,
Так нежность к матери не кинет грудь
Мою вовек, пусть жизненный поток,
Подстегнут болью, то взметает вал,
То, тихо сглажен радостью, скользит
Поверх и прячет нежность, не дает
Ей к солнцу вскинуть голову, кругом
Свои лучи отбросить и тебе
Всечасно повторять, как чтит тебя твой сын.

ФРИДЕРИКЕ БРИОН

Проснись, восток белеет!
Как яркий день,
Твой взор, блеснув, развеет
Ночную тень.
Вот птицы зазвенели.
Будя сестер,
Поет: «Вставай с постели!»
Их звонкий хор.

Ты слов не держишь, видно,
Я встал давно.
Проснись же, как не стыдно!

Иоганн Вольфганг Гете

Открой окно!
Чу! Смолкла Филомела,
Всю ночь грустя,
Она смутить не смела
Твой сон, дитя.

Но рдеет на востоке.
Вот луч зари
Твои целует щеки,
О, посмотри!
Нет, ты прильнула к спящей
Сестре твоей
И грезишь вновь — тем слаще,
Чем день светлей.

Ты спишь! Гляжу украдкой,
Как тих твой сон.
Слезой печали сладкой
Я ослеплен.
И кто пройдет спокойный,
Кто будет глух?
Чей может, недостойный,
Не дрогнуть дух?

Ты спишь. Иль нежной снится —
О, счастье! — тот,
Кто здесь, бродя, томится
И муз клянет,
Краснеет и бледнеет,
Ночей не спит,
Чья кровь то леденеет,
То вновь кипит.

Ты проспала признанья,
Плач соловья,
Так слушай в наказанье:
Вот песнь моя!
Я вырвался из плена
Назревших строф.
Красавица! Камена!
Услышь мой зов!

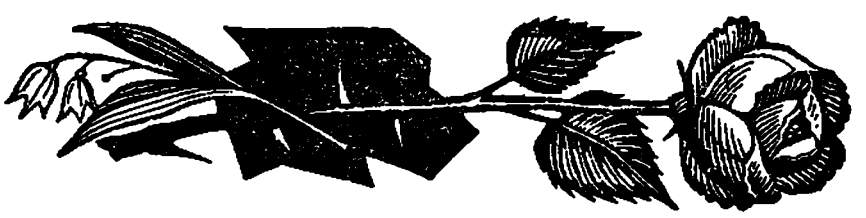
СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

В седло! Я зову сердца внемлю!
Лишь миг — и конь летел стрелой.
Уже баюкал вечер землю,
И ночь повисла над горой.
В тумане дуб, гигантом в латах,
Там возвышался в этот час,
Где тьма, таясь в кустах косматых,
Смотрела сотней черных глаз.

Луна сквозь дымку с гребня тучи
Смотрела грустно в вышине,
Крылатых ветров рой летучий
Свистел свирепо в уши мне.
Ночные страхи мчались с нами,
Но был я весел, бодр мой конь.
В моей душе какое пламя!
В моей крови какой огонь!

Мы вместе. Счастья неземного
Исполнен взор желанный твой.
Я был с тобой всем сердцем снова,
Мой каждый вздох — тебе одной.
Твой милый облик детски-строгий
Весны румянец озарил,
И этой нежности, о боги,
Я жаждал, но не заслужил.

Но ах! уже зари сиянье,
И сердце сжал разлуки страх.
Какой восторг в твоем лобзанье!
Какая боль в твоих очах!
Я уходил. Слезы участья
Ты не могла во взоре скрыть.
Но все ж любить какое счастье,
И счастье все ж любимым быть!



ДИКАЯ РОЗА*

Мальчик розу увидал,
Розу в чистом поле,
К ней он близко подбежал,
Аромат ее впивал,
Любовался вволю.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

«Роза, я сломлю тебя,
Роза в чистом поле!» —
«Мальчик, уколю тебя,
Чтобы помнил ты меня!
Не стерплю я боли».
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле.
Кровь алела на шипах.
Но она — увы и ах! —
Не спаслась от боли.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

МАЛЬЧИК С СУРКОМ*

По разным странам я бродил,
И мой сурок со мною.
И сыт всегда, везде я был,
И мой сурок со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.

Господ не мало я видал,
И мой сурок со мною.
И любит кто кого, я знал,
И мой сурок со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.

Девиц веселых я встречал,
И мой сурок со мною.

Смешил я их, ведь я так мал,
И мой сурок со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.

Прошу я грош за песнь мою,
И мой сурок со мною.
Попить, поесть я так люблю,
И мой сурок со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое;
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Всё, о чем ты так грустило,
Труд и отдых — всё прошло,—
До чего уже дошло!

Иль тебя цветком росистым
Эта девственность чела,
Взором кротким, нежно-чистым
Своевольно увлекла?
Вдруг хочу от ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорей
Вновь, увы, приводит к ней!

И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своенравною ручонкой
Держит девочка-дитя;
Красоты волшебной сила
Круг заветный очертила.
Что за странность — как во сне!
О любовь, дай волю мне!

«ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ Я В МИРЕ, ЭТО ЗНАЧИТ — БЫЛ БОРЦОМ!»

(1780—1829)

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА*

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты!

ВЕЧНОЕ В МГНОВЕННОМ

Ах, весна, останься с нами,
Погоди еще чуть-чуть!
...Но она уже цветами
Лету устилает путь...
Я бы радовался сени,
Свежей зелени листвы,—
Да ведь скоро ветр осенний
Оборвет ее, увы...

На ветвях плоды алеют —
Руку к ним скорей тяни:
Ведь едва-едва созреют —
И уже гниют они,
И смывает непогода
Все, что так пленяло глаз...
Да, два раза в те же воды
Не войдет никто из нас...

Мы... Ты видишь — перед нами
Вечные вершины гор.
Вспомни — теми ли глазами
Ты их видел до сих пор?
Эту дерзость молодую,
Поступь серны, этот рот
С вечной жаждой поцелуя —
Где они? Кто их вернет?

Где рука, что так любила
Созидать, дарить, ласкать?
Ты еще не лег в могилу,
Но т е б я — не отыскать.
Тот, кто носит самозванно
Имя прежнее твое —
Лишь волна из океана;
Океан — небытие...

И дано на этом свете
Вам одним, любимцы муз,
Узы временные эти
В вечный превратить союз!
Застывает бег явлений,
Слиться с вечностью спеша,
Если форму дарит гений,
Содержание — душа.

НАШЕЛ

Бродил я лесом...
В глуши его
Найти не чаял
Я ничего.

Смотрю, цветочек
В тени ветвей,
Всех глаз прекрасней,
Всех звезд светлей.

Простер я руку,
Но молвил он:
«Ужель погибнуть
Я осужден?»

Я взял с корнями
Питомца рос
И в сад прохладный
К себе отнес.

В тиши местечко
Ему отвел.
Цветет он снова,
Как прежде цвел.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ*

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися, младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец! В дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей;
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

ПЕВЕЦ*

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор—не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен — поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это — скудным даром!..

Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

КРЫСОЛОВ*

Певец, любимый повсеместно,
Я крысолов весьма известный
И в этом городе с моим
Искусством впрямь необходим.
Хоть крыс тут водится — дай боже,
Да и хорьков как будто тоже,—
Мне стоит только заиграть,
И вам их больше не видать.

Певец, хвалимый повсеместно,
Я так же детолов известный.
Под лютню запою, и вмиг
Стихают детский плач и крик!
И как мальчишки ни резвятся,
И как девчонки ни дичатся,—
По струнам проведу рукой,
И все они бегут за мной.

Певец, честимый повсеместно,
К тому ж я женолов известный.
Такого городишки нет,
Где мною не оставлен след.
Пускай девицы боязливы,
Молодки чинны и спесивы,
Все покоряются сердца
Искусству пришлого певца.

ИЗ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»*

Зачем тоска мне гложет грудь?
День долог, но краток жизненный путь.
И сердце рвется прочь всегда,
Не знаю — к небу ль, но туда,
В тот мир, в который нет пути,
И жаждет от себя уйти,

И только близ тебя, с тобой
Оно б могло найти покой,
А скорбь утрат и боль обид —
За них себя лишь пусть винит.

БЕЗГРАНИЧНЫЙ

Не знаешь ты конца — и тем велик.
Как вечность, без начала ты возник.
Твой стих, как небо, в круговом движенье.
Конец его — начала отраженье.
И что в начале и в конце дано,
То в середине вновь заключено.

Таинственно кипит, не иссякая,
В тебе струя поэзии живая.

Для поцелуев создан рот,
Из чистой груди песня льется,
Вина всечасно горло ждет,
Для блага ближних сердце бьется.
И что мне целый мир! Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Гафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия
Любовь и хмель пройду с тобою,
И в этом счастье — жизнь моя.

Но будь неповторимо, слово,
Ты старше нас, ты вечно ново.

*ИЗ «ЭГМОНТА»**

Радость и горе в живом упоеньи,
Думы и сердце в вечном волненьи,
В небе ликуя, томясь на земли́,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь любви...

*ИЗ РОМАНА «ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРИЗВАНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА»**

МИНЬОНА

1

Ты знаешь край? Лимоны там цветут,
К листве, горя, там померанцы льнут,
И нежный ветр под синевой летит,
Там тихо мирт и гордо лавр стоит.
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о милый, навсегда.

Ты знаешь дом? Колонны стали в ряд,
Сверкает зал, и комнаты блестят,
Стоят и смотрят мраморы, грустя:
«Что сделали с тобой — увы! — дитя?»
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о добрый, навсегда.

Ты знаешь гору с облачной тропой?
В тумане мул там путь находит свой.
В пещерах жив драконов древний род.
Крута скала, над ней же круча вод!
Ты знаешь их?
Туда, туда
Наш путь, отец,— умчимся ж навсегда.

2

Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.

Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.

И есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признанье,
А я молчу, и только бог
Разжать уста мне в состоянье.

3

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Гляжу я вдаль... нет сил...
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал — далёко!

Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

АРФИСТ

1

Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Все любят жизнь, кому нужда
Общаться с чудаком?
Оставьте боль мучений мне,
С тоской наедине
Я одинок, но не один
В кругу своих кручин.
Как любящий исподтишка
К любимой входит в дом,
Так крадется ко мне тоска
Днем и при свете ночника,
При свете ночника и днем,
На цыпочках, тайком.
И лишь в могиле под землей
Она мне даст покой.

2

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами

На ложе, плача, не сидел,
Тот не знаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья,
И после муками казнят:
Нет на земле проступка без отмщенья!

ФАУСТ

⟨Отрывки из трагедии⟩

Когда природа крутит жизни пряжу
И вертится времен веретено,
Ей все равно, идет ли нитка глаже
Или с задоринками волокно.
Кто придает, выравнивая прялку,
Тогда разгон и плавность колесу?
Кто вносит в шум разрозненности жалкой
Аккорда благозвучье и красу?
Кто с бурею сближает чувств смятенье?
Кто грусть роднит с закатом у реки?
Чьей волею цветущее растенье
На любящих роняет лепестки?
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских рощ?
Что это?—Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.

* * *

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть мильоны здесь людей живут,
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле,
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полян.
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:

Исправят мигом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело́ б веков теченье
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

К РАДОСТИ*

Ода

Радость, чудный отблеск рая,
Дочерь милая богам,
Мы вступаем, неземная,
Огнехмельные, в твой храм.
Власть твоя связует свято
Всё, что в мире врозь живет:
Каждый в каждом видит брата
Там, где веет твой полет.

Хор

Обнимитесь, миллионы!
В поцелуе слейся, свет!
Братья, над шатром планет
Есть отец, к сынам склоненный.

Кто изведал жребий ясный
С другом встретиться как друг,
Кто подругой горд прекрасной,
Влейся весело в наш круг!
Кто своей, в земных просторах,
Душу назвал хоть одну!
Кто не мог,— с тоской во взорах
Пусть отыдет в тишину!

Хор

Всё, что дышит в бездне зримой,
Будь союзом дружных сил!
Это — путь к огням светил,
Где царит Непостижимый.

Радость все уста земные
Из грудей Природы пьют;
К ней и добрые, и злые
Легким следом притекут.
В ней — и гроздья, и лобзанья,
Друг, в беде неколебим;
Утоляет червь алканья,
Бога видит херувим.

Хор

Вы простерлись, миллионы?
Ты творца провидишь, свет?
Там он над шатром планет,
Миру ставящий законы.

Радость, двигатель всесущий
Нескончаемых веков,
Радость, маятник, ведущий
Ход космических часов,
Из семян, из мглы небесной
Манит солнца и цветы,
Мчит миры среди безвестной
Звездочетам пустоты.

Хор

Как миры, за нею следом,
Мчатся огненным дождем,

Бодро, братья, в путь идем,
Как герой идет к победам!

В ярком зеркале познанья
Нас ее улыбка ждет.
Путь ее на холм венчанья
Страстотерпца приведет.
В лучезарных высях веры
Водружая знамена,
Светит в смертные пещеры
В сонме ангелов она.

Хор

Претерпите, миллионы!
Уготован лучший свет!
Где-то над шатром планет
Властный бог воздаст за стоны.

Не нужна богам отплата;
Счастлив, кто подобен им.
Опечаленного брата
К ликованью приобщим.
Месть и ненависть отложим,
Смертный недруг будь прощен,
Сожаленьем не тревожим
И слезой не отягчен.

Хор

Должникам своим забудем!
Примирен да будет свет!
Братья, над шатром планет
Судит бог, как здесь мы судим.

Брызжут радостью бокалы:
В пене гроздьев золотой
Черплют кротость каннибалы,
Храбрость — падшие душой.
Братья, встаньте, лейте брагу
Круговую до краев!
Выше искристую влагу:
Этот ковш — отцу миров!

Хор

Вторя гимнам сил бесплотных,
Хорам звездных голосов,

Этот ковш — отцу миров
Над шатром планет несчетных!

Непреклонность в тяжкой муке,
Помощь скорбному в нужде,
Верность клятвенной поруке,
Правда в дружбе и вражде,
Гордость мужа перед троном
И бестрепетность сердец,
Смерть неправедным законам,
Делу правому венец!

Хор

Станьте в круг кольцом железным
И клянитесь, братья, в том
Этим золотым вином,
Судией клянитесь звездным!

БАЛЛАДЫ

КУБОК*

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волненье легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал...
И дрогнули зрители, все возопив,—
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: *Кто венец возвратит,*
Тот с ним и престол мой разделит со мной!—
Меня твой престол не прельстит.

Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжко дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял.—
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;

Из трещины камня лилася вода,
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной и уродливый скат,
И ужас морей однозуб.
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человечьего слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался.. вдруг слышу ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить и разинулся рот..
Я в ужасе прочь от скалы!.
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой,
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова»

То слыша, царевна с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж до́лжно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься, ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет *она;*
Он видит: в *ней* жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет и не будет уж вечно.

ПЕРЧАТКА*

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит,
Кругом глаза угрюмо водит;

И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прянул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ*

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.
Владея даром песнопенья,
Оставив Регий вдалеке,
Он шел, исполнен вдохновенья,
С дорожным посохом в руке.

Уже его пленяет взоры
Акрокоринф, венчая горы,
И в Посейдонов лес густой
Он входит с трепетной душой.
Здесь всюду сумрак молчаливый,
Лишь в небе стая журавлей
Вослед певцу на юг счастливый
Станицей тянется своей.

«О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знамением дан
Мне ваш летучий караван.
Теперь равны мы на чужбине,—
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда!»

И бодрым шагом в глубь дубравы
Спешит певец, достойный славы,
Но, притаившиеся тут,
Его убийцы стерегут.
Он борется, но два злодея
Разят его со всех сторон:
Искусно лирою владея,
Был неискусен в битве он.

К богам и к людям он взывает,
Но стон его не достигает
Ушей спасителя: в глуши
Не отыскать живой души.
«И так погибну я, сраженный,
И навсегда останусь нем,
Ничьей рукой не отомщенный
И не оплаканный никем!»

И пал он ниц, и пред кончиной
Услышал ропот журавлиный,
И громкий крик и трепет крыл
В далеком небе различил.
«Лишь вы меня, родные птицы,
В чужом не бросили краю!
Откройте ж людям, кто убийцы,
Услышьте жалобу мою!»

И труп был найден обнаженный,
И лик страдальца, искаженный
Печатью ужаса и мук,
Узнал в Коринфе старый друг.
«О, как безгласным и суровым
Тебя мне встретить тяжело!
Не я ли мнил венком сосновым
Венчать любимое чело?»

Молва про злое это дело
Мгновенно праздник облетела,
И поразились все сердца
Ужасной гибели певца.
И люди кинулись к пританам,
Немедля требуя от них
Над песнопевцем бездыханным
Казнить преступников самих.

Но где они? В толпе несметной
Кто след укажет незаметный?
Среди собравшихся людей
Где укрывается злодей?
И кто он, этот враг опасный,—
Завистник злой иль жадный тать?
Один лишь Гелиос прекрасный
Об этом может рассказать.

Быть может, наглыми шагами
Теперь идет он меж рядами
И, невзирая на народ,
Преступных дел вкушает плод.
Быть может, на пороге храма
Он здесь упорно лжет богам
Или с толпой людей упрямо
Спешит к театру, бросив храм.

Треща подпорами строенья,
Перед началом представленья

Скамья к скамье, над рядом ряд,
В театре эллины сидят.
Глухо шумящие, как волны,
От гула множества людей,
Вплоть до небес, движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.

Кто здесь сочтет мужей Фокиды,
Прибрежных жителей Авлиды,
Гостей из Спарты, из Афин?
Они явились из долин,
Они спустились с гор окрестных,
Приплыли с дальних островов
И внемлют хору неизвестных,
Непостижимых голосов.

Вот перед ними тесным кругом,
Из подземелья друг за другом,
Чтоб древний выполнить обряд,
Выходит теней длинный ряд.
Земные жены так не ходят,
Но здесь родные их края,
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

Их руки тощие трепещут,
Мрачно-багровым жаром плещут
Их факелы, и бледен вид
Их обескровленных ланит.
И, к привиденьям безобидны,
Вокруг чела их, средь кудрей
Клубятся змеи и ехидны
В свирепой алчности своей.

И гимн торжественно согласный
Звучит мелодией ужасной
И сети пагубных тенет
Вкруг злодеяния плетет.
Смущая дух, волнуя разум,
Эриний слышится напев,
И в страхе зрители, и разом
Смолкают лиры, онемев.

«Хвала тому, кто, чист душою,
Вины не знает за собою!
Без опасений и забот

Дорогой жизни он идет.
Но горе тем, кто злое дело
Творит украдкой тут и там!
Исчадья ночи, мчимся смело
Мы вслед за ними по пятам.

Куда б ни бросились убийцы,—
Быстрокрылатые, как птицы,
Мы их, когда настанет срок,
Петлей аркана валим с ног.
Не слыша горестных молений,
Мы гоним грешников в Аид
И даже в темном царстве теней
Хватаем тех, кто не добит».

И так, зловещим хороводом,
Они поют перед народом,
И, чуя близость божества,
Народ вникает в их слова.
И тишина вокруг ложится,
И в этой мертвой тишине
Смолкает теней вереница
И исчезает в глубине.

Еще меж правдой и обманом
Блуждает мысль в сомненье странном,
Но сердце, ужасом полно,
Незримой властью смущено.
Ясна лишь сердцу человека,
Но, скрытая при свете дня,
Клубок судьбы она от века
Плетет, преступников казня.

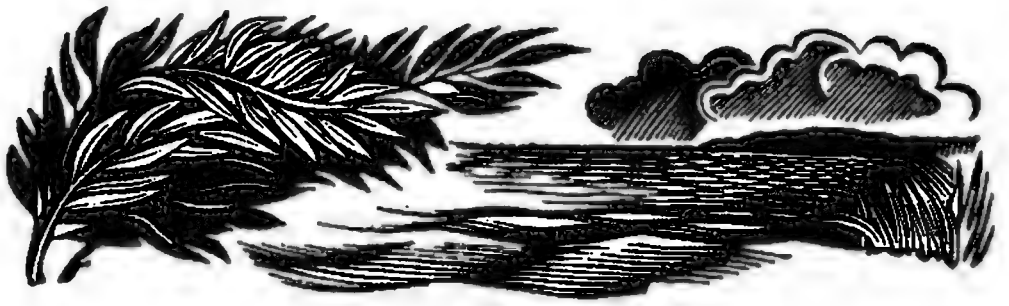
И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром, сквозь туман,
Промчался низко над землею
Пернатых грозный караван.

«Что? Ивик, он сказал?» И снова
Амфитеатр гудит сурово,
И, поднимаясь, весь народ
Из уст в уста передает:

«Наш бедный Ивик, брат невинный,
Кого убил презренный тать!
При виде стаи журавлиной
Что этот гость хотел сказать?»

И вдруг, как молния, средь гула
В сердцах догадка промелькнула,
И в ужасе народ твердит:
«Свершилось мщенье Эвменид!
Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого!
К суду того, кто молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Не отрекались от вины.
И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом,
Добыча праведная мести,—
Они предстали пред судом.



КЛЕМЕНС БРЕНТАНО

СЕРЕНАДА

Льется, плачет флейта снова,
и ручей звенит глубокий.
Причитанья золотого
слушай чистые упреки!

Просьба, сказанная нежно,
не останься без ответа!
Ночь вокруг меня безбрежна,
песня в ней — как проблеск света.

ПЕСНЬ РЕЙНУ

О ветер прохладный,
О лепет волны,
О берег отрадный,
Где мы рождены!

О зелень земная
В лазури небес!
Тебя вспоминая,
Я сердцем воскрес.

Раздумья! Как лозы,
Обвейтесь вокруг!
Здесь ласковы грозы,
И ветер мне друг.

Почти неприметный,
Над сердцем моим
Лепечет, приветный,
Что здесь я любим.

Небесные дали,
Как в райском саду;
И в люльке мне дали
Оттуда звезду.

О Рейн благодатный!
Ты вечно в пути.
Покой невозвратный
Ты мне возврати.

И в смутной надежде,
Хоть мельницы нет,
Стучит, как и прежде,
Мне сердце в ответ.

Отец, как тревожно
Блуждал я вдали,
Сказать невозможно,
Но ты мне внемли.

В твоем обаянье
Я здесь наконец.
Ты в лунном сиянье
Прими мой венец.

АДЕЛЬБЕРТ ШАМИССО

ВЕСНА

Земля пробудилась, приходит весна,
Вокруг расцветают цветы.
Душа моя снова от песен тесна,
И вновь я во власти мечты.

Сияя, встает над полями рассвет,
И ветер с листвой не суров.
А мне все казалось, что волос мой сед,—
Нет, это пыльца от цветов.

И птицы вовсю гомонят без конца,
Их щебет звенит надо мной.
И нет седины, это просто пыльца,
Я счастлив, как птицы весной.

Земля пробудилась, приходит весна,
Вокруг расцветают цветы.
Душа моя снова от песен тесна,
И вновь я во власти мечты.

* * *

Окрасился месяц багрянцем*.
Где волны шумели у скал.
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

— Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

— Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в прошлой, минувшей судьбе,

Ты помнишь, изменник коварный,
Как я доверялась тебе?

И это сказавши, вонзила
В грудь ножик булатный ему.
Сама с обессиленным сердцем
Нырнула в морскую волну.

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

ЛЮДВИГ УЛАНД

ТРИ ПЕСНИ

«Споет ли мне песню веселую скальд?» —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!*»

Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови*».

НАПУТСТВИЕ

В глухую ночь, в морской кромешной мгле,
Когда корабль давно идет сквозь темень
И в темном небе не найдешь звезды,
Тогда на палубе чуть светит огонек,
В безумстве бури бережно спасенный,—
И компас различает рулевой
И, стрелку видя, верный держит путь.
О друг, свой огонек в душе храни,—
И мрак любой — не властен над тобою.

К РОДИНЕ

К тебе, Отчизне возрожденной,
Устремлена мечта моя!
Надеждой новой окрыленный,
Твою свободу славлю я.

Ты кровью истекла в сраженьях.
О, сколько пало жертв святых!—
Теперь найдешь ли утешенье
В моих мелодиях простых?

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травою,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

ЙОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

ЗИМНИЙ СОН

И снилось мне, что будто снова
Передо мною отчий дом;
Что я лежу в долине старой
С веселым, радостным лицом;
Что ветерок играет легкий
С листвой в полдневной тишине;
Что цвет летит с родных деревьев
На грудь и на голову мне...

Когда ж проснулся я — за лесом
Всходила тусклая луна;
Вокруг меня в сияньи бледном
Лежала чуждая страна...
И, озираясь, на деревьях
Я видел иней, а не цвет;
Поля покрыты были снегом,
И сам я был уж стар и сед.

ПЛАВАНЬЕ ПЕВЦА

В сиянии безмолвном
Лазурный свод высок,
И мчит по светлым волнам
Нас юности поток.

Мы — аргонавтов племя
На гордом корабле,
Плывем сквозь даль и время
К полуденной земле.

Со звонким кубком полным
У мачты я стою,
У мачты, вторя волнам,
Один за всех пою.

Друзья, как небо ясно!
А снидет вечерняя мгла —

О жизнь, как была ты прекрасна,
Как быстро ты протекла!

Пою леса, долины,
И замок над скалой,
И мудрые седины
Земли моей родной!

Вам все готов отдать я —
А я, как царь, богат —
Берите сердце, братья,
И жизнь — бесценный клад!

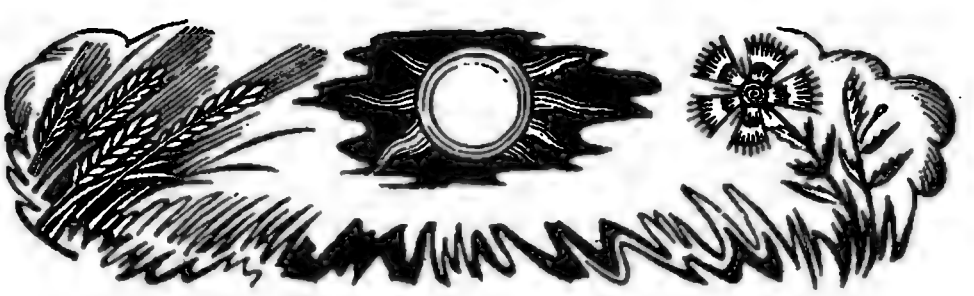
Счастливый путь вовеки!
То Рейн или Дунай —
Все праведные реки
Текут в блаженный край.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

И дол и лес объяты тьмой...
Необозримы, молчаливы,
Лежат поля передо мной...
И не колышет ветер нивы...

Вдали раздался где-то звон...
То бьют часы протяжно, мерно...
В испуге встрепенулась серна
И снова погрузилась в сон.

Вот на горе сосновый бор,
Шумя, вершины преклоняет:
Господь идет по высям гор
И спящий край благословляет.



ТЕОДОР КЁРНЕР

МОСКВА

Сонет

Как высоки́ церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои гражда́не руку подымают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!

О, пусть тебя поносит исступленье:
Ломитесь башни, рушьтеся палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,

Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял святый Георгий.

ВИЛЬГЕЛЬМ МЮЛЛЕР

В ПУТЬ

В движенье мельник жизнь ведет, в движенье,
В движенье мельник жизнь ведет, в движенье.
Плохой тот мельник должен быть,
Кто век свой дома хочет жить.
Всё дома, всё дома, всё дома, всё дома.

Вода примером служит нам, примером,
Вода примером служит нам, примером.
Ничем она не дорожит
И дальше, дальше все бежит.
Все дальше, все дальше, все дальше, все дальше.

Колеса тоже не стоят, колеса,
Колеса тоже не стоят, колеса.
Стучат, кружатся и шумят,
С водою в путь они хотят.
С водою, с водою, с водою, с водою.

Вертятся, пляшут жернова, вертятся,
Вертятся, пляшут жернова, вертятся.
Кажись бы, им и не под стать,
Да ведь нельзя ж от всех отстать.
Нельзя же, нельзя же, нельзя же, нельзя же.

Движенье — счастие мое, движенье,
Движенье — счастие мое, движенье.
Прости, хозяин дорогой,
Я в путь иду вслед за водой.
Далёко, далёко, далёко, далёко.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

ИЗ «КНИГИ ПЕСЕН»

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!

Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить Христа ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

ОТПЛЫТИЕ

Стоял я, к мачте прислонясь,
Следя валы глазами.
Прости, родимая страна!
Мой челн под парусами!

Вот милый дом на берегу,
На стеклах отсвет солнца;
Гляжу я долго, но никто
Не машет из оконца.

Не лейтесь, слезы,— вы глаза
Туманом мне застлали!
Больное сердце, не порвись
От горя и печали!

* * *

Я не сержусь: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,
А жадный змей все к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал...

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

* * *

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней,—
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яду с водой,—
Одни — своею любовью,
Другие — своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И меня не любила она.

* * *

Отравой полны мои песни —
И может ли ́иначе быть?
Ты, милая, гибельным ядом
Умела мне жизнь отравить.

Отравой полны мои песни —
И может ли иначе быть?
Немало змей в сердце ношу я
И должен тебя в нем носить!

* * *

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, тебя погребли,
И я проснулся в страхе,
И все еще слезы текли.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, забыт я тобой,
И я проснулся и долго
Рыдал над своей судьбой.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, мы вновь вдвоем,
И я проснулся, и слезы
Доныне льются ручьем.

* * *

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь;
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

* * *

Не знаю, что стало со мною,
Душа моя грустью полна.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.

День меркнет. Свежеет в долине.
И Рейн дремотой объят.
Лишь на одной вершине
Еще пылает закат.

Там девушка, песнь распевая,
Сидит высоко над водой.
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.

И кос ее золото вьется,
И чешет их гребнем она,
И песня волшебная льется,
Так странно сильна и нежна.

И силой плененный могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит под кручей,—
Он смотрит туда, в вышину.

Я знаю, волна, свирепея,
Навеки сомкнется над ним,—
И это все Лорелея
Сделала пеньем своим.

* * *

По роще брожу я, рыдая,
В ветвях замечаю дрозда,
И свищет мне птица лесная:
«Какая случилась беда?»

Сестер своих, ласточек сизых,
Спросил бы ты лучше о ней:
Гнездятся они на карнизах
У окон любимой моей.

* * *

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев,
Молча, бреду сквозь леса.

Светик далекий кажет
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед,
То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица-пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жмется отцовский пес.

* * *

Когда мне семью моей милой
Случилось в пути повстречать,
Все были так искренне рады:
Отец, и сестренка, и мать.

Спросили, как мне живется
И как родные живут.
Сказали, что я все такой же
И только бледен и худ.

И я расспросил — о кузинах,
О тетках, о скучной родне,
О песике, лаявшем звонко,
Который так нравился мне.

И после о ней — о замужней —
Спросил невзначай: где она?

И дружески мне сообщили:
Родить через месяц должна.

И дружески я поздравлял их,
И я передал ей привет,
И я пожелал ей здоровья
И счастья на много лет.

«А песик,— вскричала сестренка,—
Большим и злющим стал,
Его утопили в Рейне,
А то бы он всех искусал».

В малютке с возлюбленной сходство,
Я тот же смех узнаю
И те же глаза голубые,
Что жизнь загубили мою.

* * *

Мы были совсем еще дети,
Нам нравилось поутру
Забраться в старый курятник,
В соломе затеять игру.

А то принимались кудахтать,
Кукарекать наперебой,
И думали люди, что это
Петух, а не мы с тобой.

Собирали разную рухлядь,
Роскошный строили дом
И, оклеив обоями стены,
Гостей принимали в нем.

Соседская старая кошка
Спешила проведать нас,
Ее мы встречали поклоном
И множеством лестных фраз.

«Как ваше здоровье, фрау?»—
Мы спрашивали всерьез,
Мы каждой соседской кошке
Задавали тот же вопрос.

И, как старики, степенно
Часами сидели в тени,
Сокрушаясь, насколько лучше
Все было в прежние дни.

Любовь, и вера, и верность
Остались в жизни другой,
И деньги текут сквозь пальцы,
И кофе такой дорогой...

Ребячьи минули игры,
Любовь — кто вспомнит о ней?
Ни верности нет, ни веры,
Ни денег, ни прежних дней.

* * *

Довольно! Пора мне забыть этот вздор,
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства — все было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму.

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая —
О боже, я раненный насмерть играл,
Гладьятора смерть представляя!

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

* * *

Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя — благодать,
И очи твои так прелестны,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

К твоим очам прелестным
Я создал целую рать
Бессмертием дышащих песен,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

Очам твоим прелестным
Дано меня было терзать,
И ты меня ими сгубила,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

* * *

Меня ты не смутила,
Мой друг, своим письмом.
Грозишь со мной все кончить —
И пишешь целый том!

Так мелко и так много...
Читаю битый час...
Не пишут так пространно
Решительный отказ!

ДОКТРИНА

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей!

Сильнее стучи, и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл глубочайший искусства;
А сам маршируй впереди!

Вот Гегель! Вот книжная мудрость!
Вот дух философских начал!
Давно я постиг эту тайну.
Давно барабанщиком стал!

ИЗ КНИГИ «СТИХОТВОРЕНИЯ 1853—1854 ГОДОВ»

СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ*

Угрюмые взоры слезой не заблещут!
Сидят у станков и зубами скрежещут.
«Германия, саван тебе мы ткем,
Вовеки проклятье тройное на нем.
Мы ткем тебе саван!

Будь проклят бог! Нас мучает холод,
Нас губят нищета и голод,
Мы ждали, чтоб нам этот идол помог.
Но лгал, издевался, дурачил нас бог.
Мы ткем тебе саван!

Будь проклят король и его законы!
Король богачей, он презрел наши стоны.
Он последний кусок у нас вырвать готов
И нас перестрелять, как псов.
Мы ткем тебе саван!

Будь проклята родина, лживое царство
Насилья, злобы и коварства,

Где гибнут цветы, где падаль и смрад
Червей прожорливых плодят.
Мы ткем тебе саван!

Мы вечно ткем, скрипит станок,
Летает нить, снует челнок,
Германия старая, саван мы ткем,
Вовеки проклятье тройное на нем.
Мы ткем тебе саван!»

ЛЮДВИГ РЕЛЬШТАБ

СЕРЕНАДА

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья;
Звуки их, полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиленье
На душу они.
Дай же доступ их призванью
Ты душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

ЭДУАРД МЁРИКЕ

БЫЛОЕ СЧАСТЬЕ

Счастья дни, как скоры вы —
Скоры вы —
Скрылись и пропали!
Был мой друг бы верен мне —
Верен мне,—
Не знала бы печали!

По полянам, вкруг меня,
Вкруг меня —
Жницы распевают...
У меня лишь у одной,
У одной
Слезы набегают!

И брожу я, словно тень,
Словно тень,
Все под тем холмочком,
Где меня он столько раз,
Столько раз
Звал своим дружочком!

Там стою я, наклонясь,
Наклонясь
К речке тихоструйной.
Косы, что он так ласкал,
Так ласкал,
Треплет ветер буйный!

К ПОЛУНОЧИ

Ночь, прислонясь к уступам гор,
Забылась грезой; долгий взор
Покоится на чашах золотых
Весов, где мерный ход времен затих.
Одни только в долах ключи не молчат
И на ухо матери Ночи журчат
О свете,
О суетном солнечном свете.

Но их напев докучен ей,
Их колыбельной ей милей
Еще звучит лазурный небосвод,
Часов парящих невесомый гнет.
А струи ключей все журчат в тишине,
Немолчно лепечут еще и во сне
О свете,
О суетном солнечном свете.

КРАСАВИЦА РОТРАУТ

Как дочь короля Каэтана зовут?
— Ротраут, красавица Ротраут.
Негоже ей прясть и мести со двора.
Что делает юная Ротраут с утра?
— Охотится, удит.
О, если б служил я в охоте у ней,
Охотился с нею и бил лебедей!
— Молчи, мое сердце!

Вот месяц прошел,
О, Ротраут, красавица Ротраут!—
И юноша служит тебе, Каэтан,
Надел он охотничий темный кафтан
И в чащу умчался.
О, если бы я королевичем был!
Всем сердцем я Ротраут-красу полюбил.
— Молчи, мое сердце!

Под дубом они прилегли отдохнуть,
А Ротраут смеется:
«Зачем на меня ты, любуясь, глядел?
Дружок, поцелуй меня, если ты смел!»
Как боязно стало!
Но думает: «Этим не шутят спроста!»
И Ротраут-красу он целует в уста.
— Молчи, мое сердце!

И молча они поскакали домой.
Ротраут, красавица Ротраут!
А сердце ликует, как юный птенец:
«Надень хоть сегодня свой царский венец,
Но я не в обиде!
Узнайте, все листья в могучем лесу,
Что я целовал нашу Ротраут-красу!»
— Молчи, мое сердце!

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ»*

Не удар открытый в открытом бою,
А лукавые козни, коварство,—
Сломило, подкравшись, силу мою
Калмыков западных царство!
И выстрел из мрака меня сразил.
Умертвить мятежницу рады,
И вот лежу я в расцвете сил,
Убитая из засады!

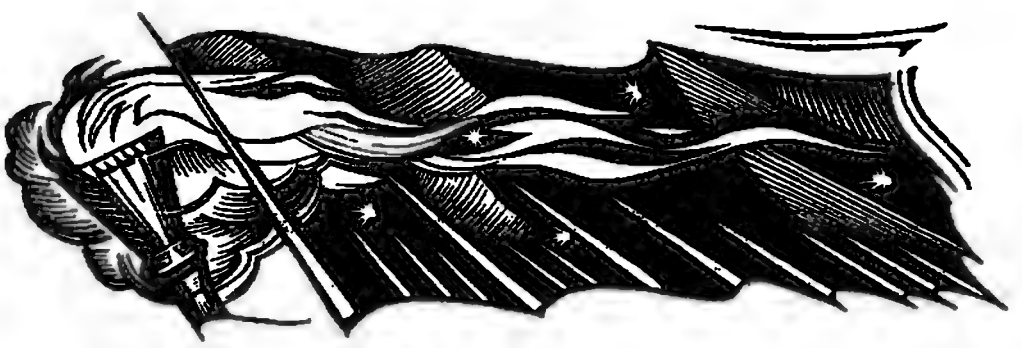
В усмешке презренье к врагам затая
И крепко сжимая шпагу,
«Восстанье!» — кричала пред смертью я,
Не сломили мою отвагу.
Охотно бы царь и прусский король
Могилу мне солью покрыли,
Но венгры и Пфальц*, затая в себе боль,
Салютуют моей могиле!

И в одежде рваной рабочий-бедняк
В могилу меня провожает
И мне на гроб, как участия знак,
Прощальные комья бросает.
Из березовых листьев и майских цветов
Принес он, полон печали,
Венок, который после трудов
Жена и дочь сплетали.

Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копья стальные!
Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!

И когда последний трон упадет
И когда беспощадное слово
На суде — «виновны» — скажет народ,

Тогда я вернусь к вам снова.
На Дунае, на Рейне словом, мечом
Народу восставшему всюду
Соратницей верной в строю боевом,
Бунтовщица гонимая буду!



ГЕОРГ ВЕЕРТ

ЛИТЕЙЩИК ПУШЕК

(Из «Ланкаширских песен»)

В рассветный час, под шум осин
И жаворонка пенье
У матери родился сын
На горе и мученье.

В шестнадцать лет — таков удел! —
Выносливый и сильный,
Он фартук кожаный надел
И стал к печи плавильной.

Он тяжкий уголь шуровал
Тяжелой кочергою,
И тек расплавленный металл
Медлительной рекою.

Он пушки лил. На всех морях
Те пушки громыхали,
Несли французам смерть и страх,
Китай опустошали.

Творили в Индии не раз
Суровую расправу.
И стон стоял, и кровь лилась
Британии во славу.

Трудился он в жаре, в пыли,
А старость приближалась.
И с горькой старостью пришли
Болезни и усталость.

К нему нет жалости теперь,
Он нищим, одиноким
Был просто выброшен за дверь
Хозяином жестоким.

Он шел — качалось все кругом
В глазах, слезой омытых,
А в сердце — ненависть и гром
Всех пушек, им отлитых.

И он сказал: — Не за горой
Тот день, проклятый Молох,
В тебя мы собственной рукой
Ударим из тяжелых!

АВСТРИЯ

ИОГАНН МАЙРХОФЕР

МЕМНОН*

Судьбы моей печален приговор.
Я глух и нем, пока в тумане горы.
Но лишь блеснет пурпурный луч Авроры,
С пустыней я вступаю в разговор.

Как легкий вздох гармонии живой,
Звучит мой голос скорбно и уныло.
Поэзии волшебное горнило
Миротворит мой пламень роковой.

Я ничего не вижу впереди,
Лишь смерть ко мне протягивает длани.
Но змеи безрассудных упований
Еще живут и мечутся в груди.

С тобой, заря, увы, с одной тобой
Хотел бы я покинуть эти своды,
Чтоб в час любви из ясных недр свободы
Блеснуть над миром трепетной звездой.

СВЕЖЕСТЬ

Как лес живительную тень
Дарует путникам усталым,
Как нам сияет летний день
Ручья прозрачнейшим кристаллом,

Так полон мир с тобою рядом
Нетленным духом бытия.
Все, что могу окинуть взглядом,
В долг миром взято у тебя.

ВОЛНА И ЦВЕТОК

Волна цветку сказала:
Прекрасно быть свободной,
На солнце золотистом
Искриться и шуметь!
Я с сестрами своими,
Обнявшись в легком танце,
Спешу к дельфинам резвым
В далекие моря.
Мне жаль тебя, увянет
Твоя пора младая
На суше, взаперти.

Волне цветок ответил:
Когда на луг прибрежный
Я лью благоуханья
И бабочки ликуют
Над чашею моей,
Я чувствую, как крепко
С корнями связан стебель,
Как я к земле привязан
Своею красотой,
Меня земля вспоила
И прах укроет мой.

ЙОЗЕФ ХРИСТИАН ЦЕДЛИЦ

БАЛЛАДЫ

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи-кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту:
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они и пароль тот и лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена.*
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в зыбучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,

И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ В КАМЫШАХ»

* * *

Вечер бурный и дождливый
Гаснет... Всё молчит кругом;
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый...
Слезы жгучие тоски —
Лейтесь, лейтесь... Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечера звезда.

* * *

Солнечный закат;
Черны облака,
Ветры прочь летят,
Душно, и тоска.

Молний огневых
Борозды бегут;
Быстрый образ их
Озаряет пруд.

Мнится, ты — со мной,
В четкости зарниц,
Волосы — волной,
Взоры — взмахи птиц.

ЛЕС

И вот вхожу в священный, темный
Дубовый лес. Едва блестя,
В траве ручей журчит укромный,
Как будто молится дитя.

Я весь охвачен странной жаждой,
И так шумит и ропщет лес,
Как будто хочет ветвью каждой
Раскрыть мне целый мир чудес.

И вот он дрогнул, он нагнулся
Доверить тайны божьи мне,
Но вдруг, опомнясь, ужаснулся
И замер в чуткой тишине.

МОРИЦ ГАРТМАН

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

Баллада

1

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он: гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом —
И взят в борьбе с могучим злом,
И к петле присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадные слетятся,
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.

Поутру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!
Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворец пойду рыдая;

Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбужу на троне...
И поутру, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
Коль в черном платье буду я,
Знай — неизбежна смерть твоя...
Не правда ль, сын мой! шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!»
И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать...
Ему все на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

2

Гудит набат; бежит народ...
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настежь. Сколько глаз
Его слезами провожает,
И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед, на площадь он глядит.
Там на балконе мать стоит —
Спокойна, в покрывале белом.

И заиграло сердце в нем!
И к месту казни шагом смелым
Пошел он... с радостным лицом
Вступил на помост с палачом...
И ясен к петле поднимался...
И в самой петле — улыбался!

Зачем же в белом мать была?..
О, ложь святая!.. Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

ИТАЛИЯ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

СОНЕТЫ

* * *

Все помыслы мне о Любви твердят,
Но как они несхожи меж собою:
Одни влекут своею добротою,
Другие мне неистово грозят*;

Одни надеждой сладостной дарят,
Другие взор не раз темнят слезою;
Лишь к Жалости согласною тропою
Стремит их страх, которым я объят.

За кем идти, увы, не знаю я.
Хочу сказать, но что сказать — не знаю.
Так средь Любви мне суждено блуждать.

Когда ж со всеми мир я заключаю,
То вынужден я недруга призвать,
Мадонну — Жалость, защитить меня.

* * *

Все, что мятежно в мыслях, умирает
При виде вас, о чудо красоты.
Стою близ вас,— Любовь остерегает:
«Беги ее, иль смерть познаешь ты».

И вот лицо цвет сердца отражает,
Опоры ищут бледные черты,
И даже камень словно бы взывает
В великом страхе: «Гибнешь, гибнешь ты!..»

Да будет грех тому, кто в то мгновенье
Смятенных чувств моих не оживит,
Кто не подаст мне знака одобренья,

Кто от насмешки злой не защитит,
Которой вы, мадонна, отвечали
Моим очам, что смерти возжелали.

* * *

Не раз теперь средь дум моих встает
То тяжкое, чем мне Любовь бывает,
И горько мне становится — и вот
Я говорю: увы! кто так страдает?

Едва Любовь осаду поведет,
Смятенно жизнь из тела убегает;
Один лишь дух крепится, но и тот
Со мной затем, что мысль о вас спасает.

В тот миг борюсь, хочу себе помочь,
И, мертвенный, бессильный от страданья,
Чтоб исцелиться, с вами встреч ищу;

Но лишь добьюсь желанного свиданья,
Завидя вас, вновь сердцем трепещу,
И жизнь из жил опять уходит прочь.

* * *

В своих очах Любовь она хранит*;
Блаженно все, на что она взирает;
Идет она — к ней всякий поспешает;
Приветит ли — в нем сердце задрожит.

Так, смутен весь, он долу лик склонит
И о своей греховности вздыхает.
Надмение и гнев пред нею тает.
О донны, кто ее не восхвалит?

Всю сладостность и все смиренье дум
Познает тот, кто слышит ее слово.
Блажен, кому с ней встреча суждена.

Того ж, как улыбается она,
Не молвит речь и не упомнит ум:
Так это чудо благостно и ново.

* * *

Придите внять стенаниям моим*,
Сердца благие, на призыв печали;
Когда б они в груди моей молчали,
Я б был убит терзанием своим.

Не исцелить целением иным
Моих очей, что скорби сожигали;
Они от слез отчаянья устали,
Питаемого сердцем молодым.

Он к вам дойдет не раз, мой зов, летящий
К мадонне, опочившей в вечной доле,
Достойной добродетели ее,

Затем, что одинок я в сей юдоли,
Отвергнутой душой моей скорбящей,
Утратившей спасение свое.

* * *

Над сферою, что шире всех кружится*,
Посланник сердца, вздох проходит мой:
То новая Разумность, что с тоской
Дала ему Любовь, в нем в высь стремится.

И вот пред ним желанная граница:
Он видит донну в почести большой,
В таком блистанье, в благости такой,
Что страннический дух не надивится.

Что видел он, то изъяснил; но я
Не мог постигнуть смысла в хитрой притче,
Как ни внимала ей душа моя.

Но явно мне: он о Благой вещал,
Зане я слышал имя: «Беатриче» —
И тайну слов, о донны, постигал.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

СОНЕТЫ

ПОСЫЛКА ПЛОДОВ*

Когда делящая часы небес планета,
К нам возвращаяся, приходит жить с Тельцом*,—
От пламенных рогов щедрота льется света,
Мир облекается и блеском и теплом.

Не только лишь земля с наружности одета,
Цветами дол пестрит и кроет злаком холм,
Но и в безжизненной внутрь влажности нагрета,
Плодотворительным чреватеет лучом

И сими нас дарит, другими ли плодами.
Подобна солнцу ты меж красными женами,
Очей твоих лучом пронзая сердце мне,

И помыслы родишь и словеса любовны,—
Но, ах! они к тебе колико ни наклонны,
В цветущей не живал я никогда весне.

* * *

Когда, как солнца луч, внезапно озаряет
Любовь ее лица спокойные черты,
Вся красота других, бледнея, исчезает
В сиянье радостном небесной красоты.

Смирясь, моя душа тогда благословляет
И первый день скорбей, и первые мечты,
И каждый час любви, что тихо подымает
Мой дух, мою любовь до светлой высоты.

Свет мысли неземной лишь от нее исходит,
Она того, кто вдаль последует за ней,
Ко благу высшему на небеса возводит,
По правому пути, где нет людских страстей.
И, полон смелостью, любовью вдохновленной,
Стремлюсь и я за ней в надежде дерзновенной!

ПРОГУЛКА*

Находятся с таким в природе твари зреньем,
Что быстро свой взносить на солнце могут взор:
Но суть и те, кому луч вреден удареньем;
А под вечер они выходят лишь из нор.

Иные ж некаким безумным вожделеньем
И на огонь летят, красот в нем зря собор:
Но лишь касаются, сгорают мановеньем.
И я, бедняк, сих толп и образ и позор!

Бессилен будучи сносить лучи светила,
Которым я прельщен; ни тени, коя б скрыла
Меня где от него, ни места, я не зрю:

Франческо Петрарка

Не с потупленными, слезящими очами
Влекусь чрез силу зреть на солнце меж женами,
Не мысля, ах! о том, хоть ею и сгорю.

* * *

Задумчивый, медлительный, шагаю
Пустынными полями одиноко;
В песок внимательно вперяя око,
След человека встретить избегаю.

Другой защиты от людей не знаю:
Их любопытство праздное жестоко,
Я ж, холоден к житейскому до срока,
Всем выдаю, как изнутри пылаю.

И ныне знают горы и долины,
Леса и воды, как сгорает странно
Вся жизнь моя, что недоступна взорам.

И пусть пути все дики, все пустынны,
Не скрыться мне: Амур здесь постоянно,
И нет исхода нашим разговорам.

* * *

Благословляю день, и месяц, и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину.

Благословляю скорбь и первую кручину,
В какую вверг меня Амур в жестоком мщенье,
И страшный лук его, и стрел его язвленье,
И боль сердечных ран, с которой жизнь покину.

Благословляю все те нежные названья,
Какими призывал ее к себе,— все стоны,
Все вздохи, слезы все и страстные желанья.

Благословляю все сонеты и канцоны,
Ей в честь сложенные, и все мои мечтанья,
В каких явился мне прекрасный образ донны!

* * *

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я: в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу, как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу не видя я — и молча призываю;
Ищу погибели — и помощи желаю;
Зову, гоню, кляну, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постыли —
Вот, Нина*, до чего я доведен тобой!

* * *

В какой стране небес, какими образцами
Природа, оживясь, умела нам создать
Прелестный образ тот, которым доказать
Свою хотела власть и в небе, и меж нами?

Богиня где в лесах иль нимфа над волнами,
Чьи локоны могли б так золотом блистать?
Чье сердце добротой так может удивлять,
Хотя мой век оно усеяло бедами?

Мечтатель пламенный, еще не встретясь с ней,
Божественных красот всей прелести не знает,
Ни томного огня пленительных очей;

Не знает, как любовь крушит и исцеляет,—
Кто звука не слыхал живых ее речей,
Не зная, как она смеется и вздыхает.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ*

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! — и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!

Все смерть похитила, все алчная пожрала —
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!

Все тщетно пред тобой — и власть, и волхвованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!

Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье —
И все с Лаурою в минуту потерял!

* * *

Ни ясных звезд блуждающие станы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадники в доспехах средь поляны,

Ни гости, с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны,—

Ничто не тронет сердца моего.
Всё погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.

Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

* * *

Я к той был увлечен таинственной мечтою,
Которую ищу напрасно на земле,
И там, где горний мир, она предстала мне
Не столь жестокою, еще светлей красою.

И молвила она, держа меня рукою:
«Хочу, чтоб был со мной в надзвездной ты стране;
Я дух крушила твой любви в тревожном сне,
И прежде вечера мой день был кончен мною.

Блаженству дивному как быть изъяснену!
Тебя жду одного и чем тебя пленяла —
Мою прекрасную земную пелену».

Увы! зачем она речей не продолжала
И руку отняла! — мне, ими прельщену,
Уж мнилось, что душа на небе обитала.

* * *

Когда она вошла в небесные селенья*,
Ее со всех сторон собор небесных сил,
В благоговении и тихом изумленьи,
Из глубины небес слетевшись, окружил.

«Кто это? — шепотом друг друга вопрошали.—
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам, в сияньи чистоты,
Столь строго девственной и светлой красоты».

И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает

И ждет, иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!
Я господа молю! Молю и жду — когда же?

ЛОДОВИКО АРИОСТО

Благополучная, приятная темница,
В которую меня не злость моих врагов,
Но обладающа душой моей царица
Повергла, чтоб явить свою ко мне любовь.
Другие узники, ключей услыша звуки,
Бледнеют и дрожат; а я как крин цвету,
Затем что не судьи, не казни злой, не муки,
Но друга милого, но жизни сладкой жду,
Жду ласковых речей, жду шуток, нежных взоров,
Приветливых жду слов, любовных разговоров,
Всех радостей, утех, какие только есть,
И поцелуев тьму, иль без конца начало,
Которых множество никак не можно счесть,
И все не досыта, все кажется их мало.

ДЖОВАННИ ДИ КАРЛО СТРОЦЦИ

НА СТАТУЮ «НОЧЬ» МИКЕЛАНДЖЕЛО

Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое.
Из камня Ангелом изваяна она,
И если спит, то жизнию полна:
Лишь разбуди,— заговорит с тобою!

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ

* * *

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

* * *

Он зрел картины божьего суда,
Он побывал в чистилище и, зная
Дорогу в рай, достиг при жизни рая,
Чтоб молвить правду, воротясь сюда.

Зачем, зачем горит его звезда
И над моим гнездом, не угасая,
Когда на свете нет такого края,
Где злее бы к нему была вражда?

О Данте речь. Его могучей лире
Неблагодарный не внимал народ:
Издревле слава недостойных — шире.

Когда б достиг я Дантовых высот,
И я бы счастью в этом злобном мире
Его печальный предпочел исход.

* * *

Не правда ли — примерам нет конца
Тому, как образ, в камне воплощенный,
Пленяет взор потомка восхищенный
И замыслом, и почерком резца?

Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца.

И я портретом в камне или в цвете,
Которым, к счастью, годы не опасны,
Наш век могу продлить, любовь моя,—

Пускай за гранью будущих столетий
Увидят все, как были вы прекрасны,
Как рядом с вами был ничтожен я.

ТОРКВАТО ТАССО

СОНЕТЫ

* * *

На тебя ли я смотрю,
На мое смотрю светило:
Всех красавиц ты затмила,
Лишь тебя боготворю.

Засмеешься — звонкий смех,
Словно в небе луч весенний.
Для меня ты совершенней,
Для меня ты краше всех.

Молвишь слово — счастлив я,
Словно птиц апрельских трели
В зимних кронах зазвенели,
Амариллис, боль моя.

* * *

Ровесник солнца, древний бог летучий,
Лежит на всем вокруг твоя печать,
Тебе дано губить и воскрешать,
Верша над миром свой полет могучий.

Со злополучьем и с обидой жгучей
Мое не в силах сердце совладать:
Лишь на тебя осталось уповать,—
Не уповать же без конца на случай.

Приди избавить сердце от тоски,
Забвеньем горькой помоги обиде,
Сановников изобличи во лжи,

И на поверхность правду извлеки
Из глубины, и в неприкрытом виде,
Во всей красе, другому покажи.

ВИНЧЕНЦО ФИЛИКАЙЯ

Италия! Италия! Зачем
Тебя судьба ущедрила красою?
Сей вредный дар неразлучим с тобою,
И корень он твоим несчастьям всем.

Будь менее прекрасна ты собою
Иль более сильна владеть мечом,
Чтоб не пылал к тебе любви огнем,
Чтоб не губил пришлец тебя войною.

Не зрел бы я с Альпийских гор тогда
Сходящих войск и хищного соседа
В кровавом По пиющие стада;

Врагов твоих я не нашел бы сле́да,
И налагать не смели бы всегда
Нам равных уз разбитье и победа.

УГО ФОСКОЛО

К ФЛОРЕНЦИИ

Сонет

Хвала тебе, о брег,— тебя в долине
Ласкает Арно столько лет подряд,
Степенно покидая славный град,
В чьем имени рокочет гром латыни.

Здесь вымещали гнев на гибеллине
И гвельфу воздавали во сто крат
У твоего моста, который рад
Прибежищем служить поэту ныне.

Ты, милый берег, мне милей вдвойне:
На эту почву поступью небесной
Ступала та, что всех дороже мне,—

Здесь я впервые встретил чистый взгляд,
Здесь я вдохнул — мне прежде неизвестный —
Ее волос волшебный аромат.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

К ИТАЛИИ

О родина, я вижу колоннады,
Ворота, гермы*, статуи, ограды
И башни наших дедов,
Но я не вижу славы, лавров, стали,
Что наших древних предков отягчали.
Ты стала безоружна.
Обнажены чело твое и стан.
Какая бледность! кровь! о, сколько ран!
Какой тебя я вижу,
Прекраснейшая женщина! Ответа
У неба, у всего прошу я света:
Скажите мне, скажите,
Кто сделал так? Невыносимы муки
От злых цепей, терзающих ей руки;
И вот без покрывала,
Простоволосая, в колени пряча
Лицо, она сидит, безмолвно плача.
Плачь, плачь! Но побеждать
Всегда — пускай наперекор судьбе,—
Италия моя, дано тебе!

Двумя ключами будь твои глаза —
Не перевесит никогда слеза
Твоих потерь, позора.
Вокруг все те же слышатся слова:
Была великой ты — не такова
Теперь. О, почему?
Была ты госпожой, теперь слуга.
Где меч, который рассекал врага?
Где сила, доблесть, стойкость?
Где мантий, лент златых былая слава?*
Чья хитрость, чьи старанья, чья держава
Тебя лишила их?
Когда и как, ответь мне, пала ты
Во прах с неизмеримой высоты?
И кто защитник твой?
Ужель никто? — Я кинусь в битву сам,
Я кровь мою, я жизнь мою отдам!
Оружье мне, оружье!*

О, если б сделать так судьба могла,
Чтоб кровь моя грудь итальянцам жгла!

Где сыновья твои?* Я слышу звон
Оружья, голоса со всех сторон,
Литавры, стук повозок.
Италия моя, твои сыны
В чужих краях сражаются*. То сны
Я вижу или явь:
Там пеший, конный, дым и блеск мечей,
Как молний блеск? Что ж трепетных очей
Туда не обратишь?
За что сражаются, взгляни в тревоге,
Там юноши Италии? О боги,
Там за страну чужую
Италии клинки обнажены!
Несчастен тот, кто на полях войны
Не за отчизну пал,
Семейного не ради очага,
Но за чужой народ, от рук врага
Чужого; кто не скажет
В час смерти, обратясь к родному краю:
Жизнь, что ты дал, тебе я возвращаю.

Язычества блаженны времена:
Единой ратью мчались племена
За родину на смерть;
И вы, превозносимые вовеки
Теснины фессалийские*, где греки,
Немногие числом,
Но вольные, за честь своей земли
И персов и судьбу превозмогли.
Я думаю, что путник
Легко поймет невнятный разговор
Растений, и волны, и скал, и гор
О том, как этот берег
Был скрыт грядою гордой мертвых тел
Тех, кто свободы Греции хотел.
И прочь бежал тогда
За Геллеспонт Ксеркс низкий и жестокий,
Чтобы над ним смеялся внук далекий;
На холм же, где, погибнув,
Они нашли бессмертье, Симонид*
Поднялся, озирая чудный вид.

Катились слезы тихие со щек,
Едва дышать, едва стоять он мог,
И в руки лиру взял;
Кто о самом себе забыл в бою,
Кто за отчизну отдал кровь свою,
Тот счастье испытал;
Вы, Грецией любимы, миром чтимы,
Какой любовью были одержимы,
Какая страсть влекла
Вас под удары горького удела?
Иль радостным был час, когда вы смело
Шаг сделали ужасный,
Что беззаботно улыбались вы?
Иль не могильные вас ждали рвы,
А ложе пышных пиршеств?
Тьма Тартара и мертвая волна
Вас ждали там; ни дети, ни жена
Вблизи вас не стояли,
Когда вы пали на брегу суровом,
Ничьим не провожаемые словом.

Но там и Персию ждала награда
Ужасная. Как в середину стада
Кидается свирепый лев,
Прокусывает горло у быка,
Другому в кровь загривок и бока
Терзает — так средь персов
Гнев эллинов ярился и отвага.
Гляди, средь мертвых тел не сделать шага,
И всадник пал, и конь;
Гляди, и побежденным не пробиться
Чрез павшие шатры и колесницы;
Всех впереди бежит
Растерзанный и бледный сам тиран;
Гляди, как кровью, хлынувшей из ран
У варваров, облиты
Герои-эллины; но вот уж сами,
От ран слабея, падают рядами.
Живите, о живите,
Блаженными вас сохранит молва,
Покуда живы на земле слова.

Скорее возопят из глубины
Морской созвездья, с неба сметены,
Чем минет, потускнев,
О вас воспоминанье. Алтарь* —

Гробница ваша: не забыв, как встарь
Кровь проливали деды,
С детьми в молчанье матери пройдут,
О славные, я простираюсь тут,
Целуя камни, землю;
Хвала и слава, доблестные, вам
Звучит по всей земле. Когда бы сам
Я с вами был тогда,
Чтоб эту землю кровь моя смягчила!
Но коль судьба враждебная решила
Иначе, за Элладу
Смежить не дозволяя веки мне
В последний раз на гибельной войне,—
То пусть по воле неба
Хоть слава вашего певца негромко
Звучит близ вашей славы для потомка!

ИСПАНИЯ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Слово песни — капля меда,
Что пролился через край
Переполненного сердца.

* * *

Я иду вперед, как пленник,
Тень моя идет за мною,
Предо мною — мысль моя.

* * *

Да, твоя любовь — как ветер,
А моя любовь — как камень,
Что недвижен навсегда.

* * *

Ты себя со мной сравнила!
Ты — из всех металлов слиток!
Я — беспримесный металл.

* * *

Как же ты безумна, крошка!
Ты — как колокол, в который
Каждый может позвонить.

* * *

Подожди еще, останься,—
Каждый раз, как ты уходишь,
Это жизнь уходит прочь!

* * *

Я по власти выше бога,—
Он простить тебе не может
То, что я тебе простил.

* * *

Два зеркала — твои глаза.
Я в них смотрюсь. Постой!
Не закрывай их, жизнь моя,
Не закрывай! Открой!

* * *

На лицо твое гляжу я,
Но не думал, что люблю:
Я на все гляжу на рынке,
Погляжу и — не куплю.

* * *

Хоть ухожу, не ухожу я.
Хоть ухожу, не отлучаюсь.
Хоть ухожу своею песней,
Не ухожу своей мечтой.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

СОНЕТ*

Святая дружба, легкими крылами,
Оставив долу лишь свой облик лживый,
Вознесшаяся в эмпирей счастливый
К блаженным душам высоко над нами,

Откуда указуешь временами
На скрытый покрывалом мир правдивый,
Где иногда сквозят к добру порывы,
Чтоб разразиться злобными делами,—

Сойди с небес иль запрети отныне,
Чтобы обман ходил в твоем уборе
И строил козни искреннему рвенью.

Затем что ложь царит в твоей личине
И бедная земля вернется вскоре
К первоначальной распре и смятенью.

* * *

Ладьею легкой управляя*,
Блуждал я по морю любви.
То страх, то смелость ощущая,
Нигде не открывал земли!

Одно прелестное светило
Сияло на пути моем;
Оно моей надеждой было,
Я видел путь, и плыл по нем.

Но ах! с тех пор, как туча скрыла
Его сиянье от меня,
С тех пор на небе нет светила,
С тех пор лишен надежды я!

Взойди опять, звезда златая,
И путь мой снова озаряй,
Меня от бури сохраняя,
Вовек, вовек не покидай!

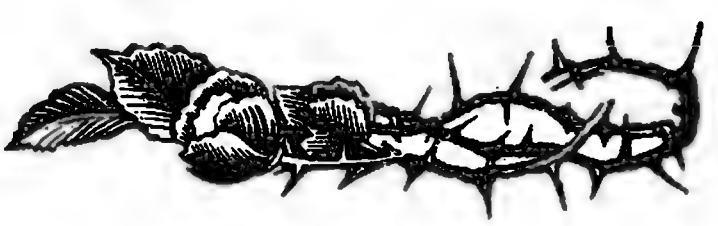
РЕВНОСТЬ

Едва зима войдет в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и дерева.

Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны;
Но все же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.

И прошлое вернется. И страница,
Прочитанная, снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.

И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.



ЛУИС ДЕ ГОНГОРА

* * *

Из хрусталя твоей, сеньора, длани
Я раз испил любви случайный яд,
И чувства все мои с тех пор горят,
Исполнены нектарных полыханий.

Вдали о грозном помню я тиране,
Метнувшем в грудь мою твой светлый взгляд,
Как дротик золотой, и все ж назад
К тебе стремлюсь, готовый к новой ране.

Под звон тобой наложенных цепей
Оплакиваю я свое изгнанье,
Меня, о серафим, ты пожалей:

Наперекор людскому пониманью
На мне — молю я! — развяжи скорей
Железные узлы хрустальной дланью.

* * *

Вальядолид. Застава. Суматоха!*
К досмотру все — от шляпы до штиблет!
Я опись ту храню, как амулет:
от дона Дьего снова жду подвоха.

Поосмотревшись, не сдержал я вздоха:
придворных — тьма. Двора же нет как нет.
Обедня бедным — завтрак и обед,
аскетом стал последний выпивоха.

Нашел я тут любезности в загоне,
любовь без веры и без дураков:
ее залогом — звонкая монета...

Чего здесь нет, в испанском Вавилоне,
где, как в аптеке, пропасть ярлыков
и этикеток, но не этикета!

* * *

Где башня Ко́рдовы гордой
по пояс в реке и в небе
купает в Гвадалквивире
короны гранитный гребень,
там правит в стремнине синей
челном Алкио́н влюбленный,
пуская в пучину невод
и ввысь испуская стоны.
А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

В пожаре тоски и страсти
сгорают жалкие стоны,
а тонкие сети с плеском
в бездонном затоне тонут.
Как весла взрезают воду,
так душу стенанья режут,
и частые вздохи чаще
тончайших рыбачьих мрежей.

А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

Так близко глядят с утеса
глаза ее злым укором,
но так далека свобода,
плененная этим взором.
Как весла с размаху рубят
волны́ голубые грани,
так светом очей прекрасных
печальный гребец изранен.
А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

И он, из сил выбиваясь,
торопится к ней, как будто
взметнулись над сердцем крылья
и парус над лодкой утлой.
А нимфа ничуть не дальше,
а нимфа ничуть не ближе...
В пяти шагах недоступна,
она его песню слышит:
«Разверзнись, возьми, пучина,
меня и мою кручину.

Взвиваясь на крыльях ветра,
взгляните, стенанья, сверху,
как вами пронзает смертный
небес голубую сферу.
Ступайте, милые сети,
на дно голубого плеса,
где вас в тишине отыщут
страдальца скупые слезы.
Разверзнись, возьми, пучина,
меня и мою кручину.

И тем отомсти жестокой,
к которой взывал я тщетно,
хотя и служил всем сердцем
ей верно и беззаветно.
У вас узелков так много,
мои любимые сети,
и все же отныне больше
причин у меня для смерти!
Разверзнись, возьми, пучина,
меня и мою кручину».

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

* * *

За нежный поцелуй ты требуешь сонета!
Но шутка ль быть творцом четырнадцати строк
На две лишь четки рифм! Скажи сама, Лилета?
«А разве поцелуй безделка?» — Дай мне срок!

Четыре есть стиха, осталось три куплета;
О, Феб! о, добрый Феб! не будь ко мне жесток!
Хотя на миг один парнасского мне света!
Еще строфа! Смелей! Уж берег недалек!

Но вот уж и устал! О мука! о досада!
Здесь Лилла — поцелуй! там рифмы — и надсада!
Как быть... Но Бог помог! еще готов терцет!

Еще б один — и все! Пишу! хоть до упада!
Вот... вот... почти совсем!.. О радость, о награда!
Мой, Лилла, поцелуй, и вот тебе сонет!

* * *

О, как нехорошо любить притворно!..*
Но как забыть, отдав ей больше году,
Свою любовь? Прогонишь в дверь природу,
Она в окно стучится вновь упорно.

Отвергнутой заискивать — позорно,
И верной быть неверному в угоду,—
Необходимо дать себе свободу —
Предмет любви избрать другой проворно.

Увы! Любить без чувства невозможно,
Как ни обманывай себя прилежно,
Тому не выжить, что в основе ложно.

Нет, лучше ждать настойчиво и нежно,
И, может быть, от искорки ничтожной
Он вспыхнет вновь, костер любви мятежной.

* * *

Она стояла гордо на террасе...*
Блеснув нежданно в очи мне
Всей силой красоты, их ослепила!..
Померкло все кругом в моих глазах,
И, озадаченный, смущенный, я
Пред ней невольно шляпу снял мою,
С ее чела два огненные глаза
Метали молнии вокруг. Они,
Не ведая жестокости своей,
Смертельно в сердце ранили меня!
Она стояла в длинном, черном платье,—
И даже в этом самом черном платье
Упорно состязалась с светлым солнцем!
При ней казалось небо всей Испаньи
Покрытым непроглядной ночи тьмой;
Она же среди этой тьмы горела
Румяною зарей. Сама она,
Сияя красотой, покрывшись мраком,
Казалась дивной ночью лучезарной,
Которой затмевался ясный день.
Она на светлом фоне ликований
Казалась черною чертой на солнце,
Но затмевала все его сиянье.

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН

* * *

Нет, меня не веселит*
Волн и сада состязанье,
Бурной зыби в океане,
Зыблющихся веток вид.
Для меня не развлеченье,
Что увлечены борьбой
Моря пенного прибой
И земля в цветочной пене.

У стихий старинный счет:
К морю сад давно завистлив;
Морем сделаться замыслив,
Раскачал деревьев свод.
С подражательностью рабьей
Перенявши все подряд,
Он, как рябью волн, объят
Листьев ветреною рябью.
Но и море не внакладе:
Видя, как чарует сад,
Море тоже тешит взгляд
Всей расцвеченною гладью.
Воду бурно замутив
Тиною со дна пучины,
Выкошенной луговиной
Зеленеется залив.
Друг для друга став подспорьем
И держась особняком,
Море стало цветником,
А цветник — цветочным морем.

СОНЕТ

Рассыпанные по небу светила
Нам темной ночью поражают взгляд
И блеск заемный отдают назад,
Которым солнце их, уйдя, снабдило.

На вид цветы ночные так же хилы,
Нам кажется, не дольше дня стоят
Горящие цветы садовых гряд,
А звезды выживают ночь насилу.

И наши судьбы — зданья без опор.
От звезд зависит наша жизнь и рост.
На солнечном восходе и закате

Основано передвиженье звезд.
На что же нам, затерянным в природе,
Надеяться, заброшенным в простор?

* * *

Ты видишь розу? Чистой и прекрасной
на свет цветов царица рождена.
Но, облаченная в шипы, она
защиту будет в них искать напрасно.

И ты... Не тщись загадкой быть неясной,
но уступи, поняв: скудеть должна
краса, что строгостью ограждена
и все же неизбежному подвластна.

Когда б желаньем розе не гореть,
пришлось бы ей, не испытав боренья
за цвет и аромат свой, умереть.

Смири свою красу — она в смиренье
затмит свой строгий облик; и приветь,
приветь расцвет своей поры весенней.

ХОСЕ ДЕ ЭСПРОНСЕДА

ПЕСНЬ ПИРАТА*

На бортах — по десять пушек,
паруса под ветром свежим
над морским парят безбрежьем —
бригантину в даль несут.

На носу — корсар суровый,
нареченный кличкой «Дьявол»,
нет морей, где он не плавал,
правя свой пиратский суд!

За кормой луна мерцает
серебром на зыбкой сини,

стонет ветер в парусине,
беспокоен волн разгул,

слева берег европейский,
азиатский берег справа,
и поет разбойник браво,
грозно глядя на Стамбул:

«Парус мой, пари в лазури
голубой!
В море ни враги, ни бури,
ни томительные штили
путь тебе не преградили,
верх не взяли над тобой!

Двадцать бригов
мы отбили
у флотильи
англичан,
мне несли
свои знамена
для поклона
сотни стран.

Мне корабль — дороже злата,
грозный ветер — мне судья,
воля — божество пирата,
в море — родина моя.

За клочок земли далекой
короли
в битве сходятся жестокой.
Я — владею невозбранно
всею ширью океана,
где бессильна власть земли.

Не найти
такого порта,
замка, форта,
где бы враг
стал палить
себе на горе,
видя в море
черный флаг.

Мне корабль — дороже злата,
грозный ветер — мне судья,

воля — божество пирата,
в море — родина моя.

Только крик раздастся «Судно!» —
видит бог,
от корсара скрыться трудно:
я — монарх державы этой,
убегаешь — не посетуй:
приговор мой будет строг.

Все добытое
на месте
честь по чести
я делю,
лишь красавицей
делиться
не годится
королю.

Мне корабль — дороже злата,
грозный ветер — мне судья,
воля — божество пирата,
в море — родина моя.

Присужден властями втуне
я к петле.
Верю я моей фортуне!
А судью — не пожалею,
вздерну я его на рею
у него на корабле.

Не страшится
смертной доли,
кто в неволе
пожил всласть,
кто однажды
сбросил путы,
казни лютой
не боясь.

Мне корабль — дороже злата,
грозный ветер — мне судья,
воля — божество пирата,
в море — родина моя.

Всех напевов мне милее
норда рев,

треск снастей и скрежет реи,
завыванье стихии,
черных волн грома глухие,
грозный гул моих стволов!

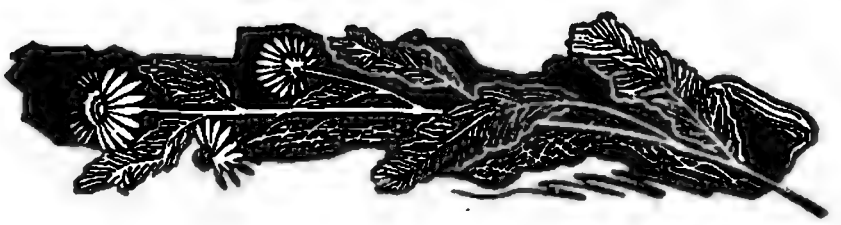
Что мне грохот
небывалый,
буря, шквалы,
ветра стон,—
под тайфуна
свист разбойный
я спокойный
вижу сон.

Мне корабль — дороже злата,
грозный ветер — мне судья,
воля — божество пирата,
в море — родина моя».

ГУСТАВО АДОЛЬФО БЕККЕР

* * *

В пыли, забытая, немая,
Стояла арфа золотая
в углу гостиной. Сколько в ней
таилось звуков нежных, страстных,
хранилось песен сладкогласных!
Ждала лишь арфа, чтоб пришли
и чтоб искусною рукою
извлечь сумели звук игрою.
«Ах,— думал я,— вот так в груди
порой глубоко дремлет гений,
и ждет он только откровений,
призыва свыше — «встань, иди!».



* * *

Черны мои кудри, как знойная ночь.
Горячего юга я знойная дочь.
Живу я минутой, бегу огорчений,
Я жажду блаженства, я жду наслаждений!
Меня ли ты ищешь, ответь мне, поэт?
Тебя ли? О нет!

Я севера дочь, с золотистой косой,
С холодным лицом и спокойной душой.
Чужды мне и страсти, и ревность, и злоба,
Но если люблю, так люблю уж до гроба.
Меня ли ты ищешь, ответь мне, поэт?
Тебя ли? О нет!

Я — сон, я — дитя своенравной мечты,
Я — греза, что создал фантазией ты.
Измучится тот и всю жизнь пострадает,
Кто ищет меня и напрасно желает.
Меня ли ты ищешь, душой полюбя?
Тебя, да, тебя!

* * *

Настала ночь. Мне не было приюта.
Томился жаждой... Слезы пил свои.
И голодом. Закрыл глаза, пытаясь
исчезнуть в забытьи.

Я был в пустыне! Хоть со мною рядом
кипела жизнь, катясь потоком дня,
я горьким сиротой был в этом мире
пустынном... для меня!

* * *

Я не помню, что мне снилось,—
Но печален был мой сон...
Я проснулся... Сердце билось...
Дух был грустен и смущен.

Видно, ночь меня терзала
Тяжким гнетом страшных грез
И подушку орошала
Жгучим ядом тайных слез.

Неужели сердце плачет
И страдать ему дано?
Слава богу! Это значит,—
Не мертво еще оно!

* * *

Цвет обрывает, сыплет листвою
ветер бессонный,
и в отголосках где-то далёко
слышатся стоны...

Там, где блуждают мысли ночные,
в прошлом теряясь будто в тумане,—
слышатся стоны, сыплются листья
воспоминаний...

ПОРТУГАЛИЯ

ЛУИС ДЕ КАМОЭНС

СОНЕТЫ

* * *

Как смерть в глаза видавший мореход,
Добравшись вплавь до берега чужого,—
Пускай «забыть о море» дал он слово,
Пусть он и ветер и волну клянет,—

Уже назавтра, с сердца сбросив гнет,
Он золота, он бури жаждет снова.
И вот воспрял, и длань его готова
Направить парус в гибельный поход,—

Так я от бури сладостного взора
Хотел бежать, я изменил отчизне,
Я слал проклятья ветру и волне,

Но возвращаюсь к вам, моя сеньора,
Чтоб снова там найти источник жизни,
Где лишь недавно смерть грозила мне.

* * *

Зарею ли румянит мир весна,
Сияет ли полдневное светило,
Я над рекой, где все теперь немило,
Былые вспоминаю времена.

Здесь убирала волосы она,
Здесь улыбнулась, тут заговорила,
Там отвернулась и лицо закрыла,
Моим вопросом дерзким смущена.

Там шла и тихо что-то напевала,
Тут села и ромашку обрывала,
И уронила голову на грудь.

Так, весь в минувшем, день и ночь тоскуя,
Сплю и не сплю, живу и не живу я,—
Пройдет ли это все когда-нибудь?

* * *

Когда брожу я по лугам зеленым,
Везде за мной летит пичужка вслед.
Она забыла счастье прежних лет
И наслажденье счастьем обретенным.

Я от людей бегу к речным затонам,
Она и здесь мой спутник, мой сосед.
Друг другу мы дарим забвенье бед,
Обоим легче в горе разделенном.

И все ж она счастливей! Пусть навек
Она былое благо утеряла,—
Ей не мешают в чаще плакать сиро.

Куда несчастней создан человек!
Чтобы дышать — и воздуха мне мало,
А чтобы жить — мне мало даже мира.

* * *

Найду ли сердцу я приют укромный,
От счастья ограждаемый судьбою,
Куда ни зверь неведомой тропою,
Ни человек не забредет бездомный,—

Пусть это будет черный лес огромный,
Безлиственный, подобный сухостою,
Где я печальный мрачный дом построю,
Как жизнь, печальный, как страданье, темный.

И, труп живой, один в лесу дремучем,
Меж диких скал влача свой век бесцельно,
Его я в скорбных жалобах растрачу.

Увы, мое страданье беспредельно,
В несчастный день я рад нависшим тучам,
А в день счастливый я невольно плачу

* * *

Деревня! Для изведавших крушенье
В житейском море ты надежный плот,
Убежище от бурных непогод,
Приют любви и в горе — утешенье.

И если нет ошибки в утвержденье,
Что смена мест меняет жизни ход,
Во мне пусть мир твой суетность убьет,
И я благословлю уединенье.

Здесь радует меня осенний плод,
Я наслаждаюсь шумом светлых вод,
Мне день приносит мир, а вечер — сладость.

Влюбленному внимаю соловью
И хороню тоску и скорбь мою,
Как хоронил в былое время радость.

* * *

Вы мчитесь, волны, мимо всех преград,
Пускай с трудом, но радуясь заране
Соединенью в вечном океане,
Который вас готов принять, как брат.

Но горе тем, чей путь трудней стократ,
Кто слезы льет, придя к последней грани,
Кто, затеряв мечту свою в тумане,
Ее причислил к тысячам утрат.

Вы мчитесь по извилистым дорогам
К морской груди — как бы к земному раю,
Вам тяжело, но радостен ваш бег,

А я иду, как будто проклят богом,
Я торный путь, ведущий к цели, знаю,
Но для меня закрылся он навек.

* * *

Туманный очерк синеватых гор,
Зеленых рощ каштановых прохлада,
Ручья журчанье, рокот водопада,
Закатных тучек розовый узор,

Морская ширь, чужой земли простор,
Бредущее в свою деревню стадо,—
Казалось бы, душа должна быть рада,
Все тешит слух, все восхищает взор.

Но нет тебя — и радость невозможна.
Хоть небеса невыразимо сини,
Природа бесконечно хороша,

Мне без тебя и пусто и тревожно,
Сержусь на все, блуждаю, как в пустыне,
И грустью переполнена душа.

Адам Мицкевич

ПОЛЬША

МИКОЛАЙ РЕЙ

МОНАХ

У бестии острижена башка,
Взгляните-ка на этого божка!
Как он хитер, как ловок, дьявол старый,
Как молится, как поучает он.
И за спиною, словно шаровары,
Монашеский темнеет капюшон.

Он шут безумья, но безумней те,
Кто по своей душевной простоте
Монахов принимают за святых
И кормят их. И даже поят их...

ЯН КОХАНОВСКИЙ

ФРАШКИ

ГАННЕ

Не ведаешь если, что бледность лица означает,
Когда человек этот, Ганна, тебе невпопад отвечает
И редко смеется, вздыхая при том бесконечно,—
Так, значит, не знаешь, что рядом томлюсь я сердечно.

НА СТЯЖАТЕЛЯ

Богаты истинно — кто разумом богаты,
Под ним находится и серебро и злато.
Кто счастья своего не упустил, тем паче
Всех прочих богачей, поверьте мне, богаче,
А кто на счетах лишь пощелкивать стремится
Да выведать, где есть продажная землица,
Пчеле подобен тот, нектар несущей в соты,
Чтоб кто другой вкусил плоды ее работы.

ГОСПОЖЕ

Свое ты имя, госпожа, находишь
В моих произведеньях многократно,
Понеже мне твердить его приятно,
Чтоб люди знали: всех ты превосходишь.

Когда б тебе я статую поставил
(Достойную красы твоей и нрава)
Из злата или мрамора, то, право,
Тебе бы крепче славы не прибавил.

Египетские стогны*, мавзолеи
Все ж не бессмертны; коль огонь и воды

Им нипочем, то все же их сильнее
Власть времени, ревнующие годы.

И слава в слове лишь не умирает,
Лет не боится, пропаду не знает.

ИЗ КНИГИ «ПЕСЕН»

⟨Отрывок⟩

Позор извечный, тяжкая недоля*,
Поляк! Опустошенье на Подолье,
И над Днестром засел язычник гнусный,
Ведя дележ своей добычи грустной.

Спустили псов коварны басурмане,
Затравлены твои прекрасны лани,
Нам не видать их с детками, как прежде,
На кромках рощ, увы, конец надежде!

Тех — за Дунай в турецкие серали*,
Других в орду далекую угнали.
Аристократов дочери (о боже)
Псам-нехристям срамные стелют ложа.

Орда убийц пошла на нас войною;
Ни городов, ни деревень не строя,
Лишь кочевать в шатрах она и может
И гложет нас, увы, бесстыдно гложет.

Так волчьи стаи, если дать им волю,
Сирот-овец растаскивают, коли
Нет пастуха у стада* и коль скоро
Нейдет за ним овчарок чутких свора.

Коль этот сброд мы одолеть не в силе,
Как возликуют турки! Не они ли
Навязывают даже короля нам?
Неужто подчинимся басурманам!

Эй, честный лях, очнись, пока не поздно,
Покуда Марса* приговора грозна

Не прозвучало — надобно бороться!
Ни шагу вспять! Вдруг счастье улыбнется!

Сосредоточь все помыслы отныне
На том, чтоб кровью за твое унынье
Враг заплатил, позор с тебя смывая,
За все страдания родного края.

На коней! Иль удерживают блюда?
Что бедны блюда ждут от добра люда?
Тому обед на серебре положен,
К кому бог Марс железный расположен!

На талеры* тарелки переплавим —
Для воинства мы деньги предоставим!
Иль те, кто зря мотали деньги эти,
Их не дадут, чтоб волю заимети?

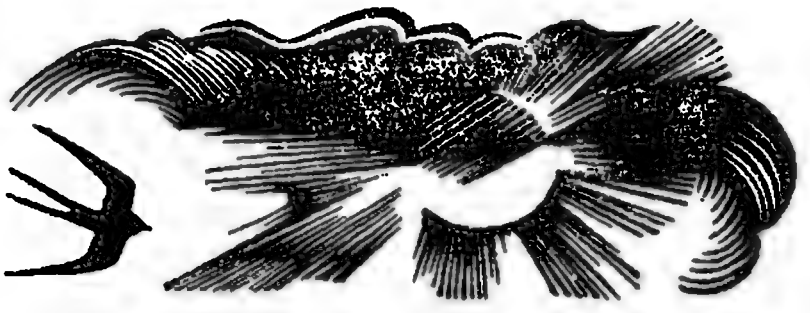
Дадим, дадим! Важнее, чем деньгами,
Владеть собой и совладать с врагами.
Допрежь щита не подставляйте груди
И куйте щит, пока вы живы, люди!

Есть стих: поляк умнеет после горя,
Но коли не опомнимся мы вскоре,
Так и другую поговорку сложим,
Что до и после глупы быть мы можем!

ИГНАЦЫ КРАСИЦКИЙ

ГИМН ЛЮБВИ К РОДИНЕ

Любить страну родную! Только тот,
Кто духом чист, имеет это право;
Для блага родины он все снесет,
Любая не страшна ему отрава,
Лишь был бы ей вовек неведом гнет,
Ничем ее не омрачалась слава.
За честь ее готов он сам страдать
И жизнь за счастье родины отдать!



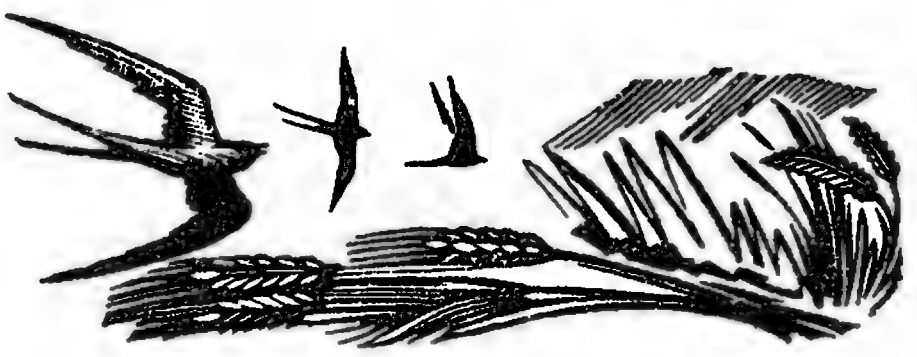
АДАМ МИЦКЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Когда пролетных птиц несутся вереницы*
От зимних бурь и вьюг и стонут в вышине,
Не осуждай их, друг! Весной вернутся птицы
Знакомым им путем к желанной стороне.

Но, слыша голос их печальный, вспомни друга!
Едва надежда вновь блеснет моей судьбе,
На крыльях радости промчусь я быстро с юга
Опять на север, вновь к тебе!



* * *

Над водным простором широким
Построились скалы рядами,
И их отраженья глубоко
В заливе кристальном застыли...

Над водным простором широким
Промчалися тучи грядами,
И их отраженья глубоко,
Как призраки дымные, плыли...

Над водным простором широким
Огонь в облаках пробегает,
Дрожит в отраженье глубоком
И, тихо блеснув, угасает...

Опять над заливом день знойный,
И воды, как прежде, спокойны,

В душе моей так же печально
И глубь ее так же кристальна...
И так же я скал избегаю,
И так же огни отражаю...

Тем скалам — остаться здесь вечно,
Тем тучам — лить дождь бесконечно...
И молньям на миг разгораться...
Ладье моей — вечно скитаться.

* * *

Полились мои слезы, лучистые, чистые,
На далекое детство, безгрешное, вешнее,
И на юность мою, неповторную, вздорную,
И на век возмужания — время страдания:
Полились мои слезы, лучистые, чистые...

ЛЮБОВНЫЕ СОНЕТЫ

* * *

Я размышляю вслух, один бродя без цели,
Среди людей — молчу иль путаю слова.
Мне душно, тягостно кружится голова.
Все шепчутся кругом: здоров ли он, в уме ли?

В терзаниях часы дневные пролетели.
Но вот и ночь пришла вступить в свои права.
Кидаюсь на постель, душа полумертва.
Хочу забыться сном, но душно и в постели.

И я, вскочив, бегу, в крови клокочет яд.
Язвительная речь в уме моем готова.
Тебя, жестокую, слова мои разят,

Но увидал тебя — и на устах ни слова,
Стою как каменный, спокойствием объят!
А завтра вновь горю — и леденею снова.

* * *

Впервые став рабом, клянусь, я рабству рад.
Все мысли о тебе, но мыслям нет стесненья,
Все сердце — для тебя, но сердцу нет мученья,
Гляжу в глаза твои — и радостен мой взгляд.

Не раз я счастьем звал часы пустых услад,
Не раз обманут был игрой воображенья,
Соблазном красоты иль словом обольщенья,
Но после жребий свой я проклинал стократ.

Я пережил любовь, казалось, неземную,
Пылал и тосковал, лил слезы без конца.
А ныне все прошло, не помню, не тоскую,—

Ты счастьем низошла в печальный мир певца.
Хвала творцу, что мне послал любовь такую,
Хвала возлюбленной, открывшей мне творца!

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichter's Lande gehen.

Goethe[1]

Спутникам путешествия по Крыму.

Автор

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана*.

Как тихо! Постоим. Далеко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,

Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет.
Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... Но в путь! Никто не позовет.

БУРЯ

В лохмотьях паруса, рев бури, свист и мгла...
Руль сломан, мачты треск, зловещий хрип насосов.
Вот вырвало канат последний у матросов.
Закат в крови померк, надежда умерла.

Трубит победу шторм! По водяным горам,
В кипящем хаосе, в дожде и вихре пены,

---

[1] Кто хочет поэта постичь,
Должен отправиться в страну поэта.— Г е т е *(нем.)*.

Как воин, рвущийся на вражеские стены,
Идет на судно смерть, и нет защиты нам.

Те падают без чувств, а те ломают руки.
Друзья прощаются в предчувствии разлуки.
Обняв свое дитя, молитвы шепчет мать.

Один на корабле к спасенью не стремится.
Он мыслит: счастлив тот, кому дано молиться,
Иль быть бесчувственным, иль друга обнимать!

АЛУШТА ДНЕМ

Гора с своих плеч уже сбросила пышный халат,
В полях зашептали колосья: читают намазы;
И молится лес — и в кудрях его майских блестят,
Как в четках калифа, рубины, гранаты, топазы.

Цветами осыпан весь луг; из летучих цветков
Висит балдахин: это рой золотых мотыльков!
Сдается, что радуга купол небес обогнула!
А там — саранча свой крылатый кортеж потянула.

Там злится вода, отбиваясь от лысой скалы;
Отбитые, снова штурмуют утес тот валы;
Как в тигра глазах, ходят искры в бушующем море:

Скалистым прибрежьям они предвещают грозу,
Но влага морская колышется тихо внизу:
Там лебеди плавают, зыблется флот на просторе.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок, прохладою лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдах,
Разбился, расточил багрянец на скалах
И гаснет. Тьма растет, молчанием пугая.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
Как будто в полусне журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов — дыханье роз в садах —
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул — и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! одалиска-ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнет —
Твой искрометный взор тотчас же снова вспыхнет!

АЮ-ДАГ

Люблю я, опершись на ска́лу Аю-Дага,
Смотреть, как черных волн несется зыбкий строй,
Как пенится, кипит бунтующая влага,
То в радуги дробясь, то пылью снеговой;

И сушу рать китов, воюя, облегает,
Опять стремится в бег от влажных берегов,
И дань богатую в побеге оставляет:
Сребристых раковин, кораллов, жемчугов.

Так страсти пылкие, подъемляся грозою,
На сердце у тебя кипят, младой певец;
Но лютню ты берешь,— и вдруг всему конец.

Мятежные бегут, сменяясь тишиною,
И песни дивные роняют за собою:
Из них века плетут бессмертный твой венец.

БАЛЛАДЫ

ВОЕВОДА*

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постели;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,

Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке, у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно,—
Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался,
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на пруссаков,
А на русских Кестут-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах,
Домы полны, богат их обычай.

А другой от пруссаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета,
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха;
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж, верно, оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет-пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ

РАЗЛУКА*

Разлучились, но помним и любим друг друга,
Между нами проносится голубь печали,
Он нам вести приносит: я знаю, одна ли
Ты в саду или в горнице,— плачешь, подруга!

Знаю час, когда боль тебя мучит нещадно,
Знаю слово, какое слезу вызывает,
И звездой ты мне светишь на небе отрадно,
Той, что плачет и синею искрой сверкает.

Не увижу тебя,— что мечтать мне впустую,—
Но я знаю твой дом, знаю сада сиянье,
И тебя и глаза твои в мыслях рисую,—
Ты в саду в белоснежном своем одеянье.

Тщетно ты бы мои создавала пейзажи,
Их луной золотя иль зарею нагорной,
Мне под окна, увы, не осмелишься даже
Сбросить небо, назвав его гладью озерной.

Разлучать бы ты озеро с небом не стала
Днем вершинами гор, ночью скал синевою;
Ты не знаешь, что тучи, как кудри на скалах,
Словно в трауре скалы стоят под луною;

Ты не знаешь, где всходит жемчужина эта,
Что избрал я твоею звездою счастливой;
Ты не знаешь, что два огонечка — два света
В двух оконцах горят под горой молчаливой.

Заозерные звезды печально люблю я,
Пусть кровавы они и мерцают туманно;
Я сегодня их снова увижу, тоскуя,—
Хоть и тускло, но светят они постоянно.

Ты ж погасла навек для скитальца, подруга!
И свидания час никогда не настанет.
Умолкаем и вновь призываем друг друга...
Соловьи так друг друга рыданием манят.

МОЕ ЗАВЕЩАНЬЕ

С вами жил я, и плакал, и мучился с вами.
Равнодушным не помню себя ни к кому.
А теперь, перед смертью, как в темном предхрамье,
Головы опечаленной не подниму.

Никакого наследства я не оставляю
Ни для лиры умолкнувшей, ни для семьи.
Бледной молнией имя мое озаряя,
Догорят средь потомства творенья мои.

Вы же, знавшие близко меня, расскажите,
Как любил я корабль натерпевшийся наш,
И до этой минуты стоял на бушприте*,
Но тону, потому что погиб экипаж.

И когда-нибудь, в думах о старых утратах,
Согласитесь, что плащ был на мне без пятна.
Не из милости выпрошенный у богатых,
А завещанный дедом на все времена.

Пусть друзья мое сердце на ветках алоэ
Сообща как-нибудь зимней ночью сожгут
И родной моей матери урну с золою,
Давшей сердце мне это, назад отнесут.

А потом за столом пусть наполнят бокалы
И запьют свое горе и нашу беду.
Я приду к ним и тенью привижусь средь зала,
Если узником только не буду в аду.

В заключенье — живите, служите народу,
Не теряйте надежды, чтоб ночь побороть.
А придется, каменьями падайте в воду
В светлой вере: те камни кидает господь.

Я прощаюсь со считанною молодежью,
С горстью близких, которым я чем-либо мил.
За суровую долгую выслугу божью
Неоплаканный гроб я с трудом заслужил.

У какого другого хватило б порыва
Одиноко, без всякой подмоги чужой,
Неуклонно, как кормчие и водоливы*,
Править доверху душами полной баржой.

И как раз глубина моего сумасбродства,
От которой таких навидался я бед,
Скоро даст вам почувствовать ваше сиротство
И забросит в грядущее издали свет.

В АЛЬБОМ ЗОФЬЕ БОБРОВОЙ*

Пусть Зося у меня стихов не просит;
Едва она на родину вернется,
Любой цветок прочтет канцону Зосе,
Звезда любая песней отзовется,
Внемли цветам, согретым знойным летом,
И звездам,— это лучшие поэты.

У них давно приветствие готово;
Внемли же их напевам чудотворным;
Мне любо повторять их слово в слово,
Я был лишь их учеником покорным.
Ведь там, где волны Иквы* льются звонко,
Когда-то я, как Зося, был ребенком.

Мое никак не кончится скитанье,
Все дальше гонит рок неотвратимый...
О, привези мне наших звезд сиянье,
Верни мне запахи цветов родимых.
Ожить, помолодеть душою мне бы!
Вернись ко мне из Польши, будто с неба.

* * *

На память вам дарю последний мой венец,
Венец былых надежд и грусти вдохновенной...
Что я мечтал свершить, безумец дерзновенный!
Народам путь открыть замыслил я, гордец!
А нынче хватит мне земли, где наконец
В дощатой ракушке уйду на дно вселенной.

* * *

Ничем уже меня не огорчить,
Меня в пути сомненье не тревожит.
Еще могу творить, страдать и жить,
А большего душа уже не может.

Ушли часы сияющего дня,
Часы любви и дружеских объятий,
И важные деянья ждут меня,
Печальные, как солнце на закате.

Здесь завершенье дней своих приму,
И дух мой в бездну отлетит, как птица.
О господи, так помоги ему
Повыше вольным жаворонком взвиться.

Скажу верней — душа на склоне дней,
Как ласточка, покинет землю эту.
Так помоги же ласточке моей
Возрадоваться вольности и свету.

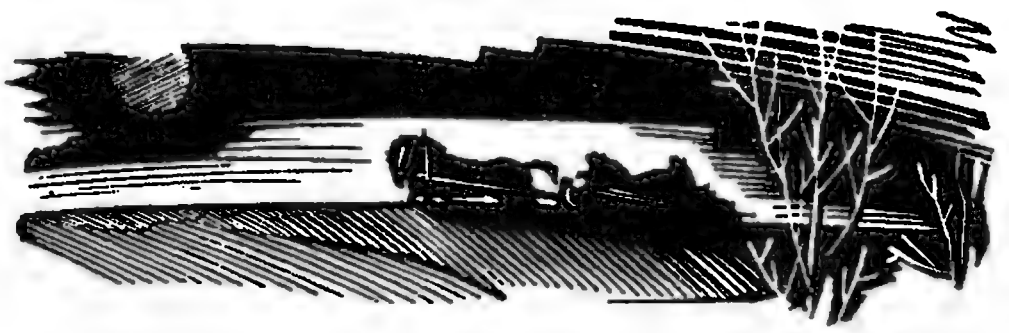
* * *

Друзья, надел земли мне дайте в Польше*,
Хотя б клочок, коль много запросил!
И друга дайте, одного — не больше,
Чтоб духом был свободен, полон сил,
И вместе с ним — две равных половины —
Мы явим людям образ двуединый.

Вы дайте мне одну из малых звезд,—
Пускай мелькнет кометой среди мрака
И над лесами свой расстелет хвост,
Означив смерть лишь одного поляка.
Я силу неземную обрету,
Расправлю крылья, взмою в высоту.

Когда молюсь я, лежа, как распятье,
За человека, за родимый край,
Я слышу: скачут рыцари — о, братья! —
Мне видится смятенье вражьих стай.
Под звезды сам бегу, как бесноватый,
Глумятся звезды надо мной: куда ты?

О дьявольский, холодный звездный свет!
Меня твоя сражает укоризна.
В беспамятстве твержу какой-то бред,
Мне чудится, что в пламени отчизна.
Разбрасываю тысячи огней,
Но это пламя лишь в груди моей.



ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

ЯМЩИК

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
И девки не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас,—
Веселым тебя не встречали.

— Мне горько и так, и без чарки вина,
Не мило на свете, не мило!
Но дайте мне чарку; поможет она
Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, водилась силенка.
И был я с трудом подневольным знаком,
Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днем;
На водку давали мне баря,
Рублевик получим, и лихо кутнем,
И мчимся, по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
Мы с ним побратался даже,
А лошади! Свистну — помчатся стрелой...
Держися, седок, в экипаже!

Эх, славно я ездил. Случалось, грехом,
Лошадок порядком измучишь;
Зато, как невесту везешь с женихом,
Червонец наверно получишь.

В соседнем селе полюбил я одну
Девицу. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
Чтоб вместе пробыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ:
«Живей отвези эстафету!»
Тогда непогода стояла у нас,
На небе ни звездочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
Мороз подирает по коже.
Две вёрсты мелькнули, на третьей версте...
На третьей... О господи боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит,
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив смотрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало.

И, как колокольчик разбитый, не в лад
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше — нет мочи!

МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ

* * *

Сияли мои очи меж листвою
В зеленых чащах,
Налились мои очи синевою
Ручьев кипящих.
Над косарем, как ласточки, метались
Утрами рано,
Подобно белой тучке, затмевались
Слезой тумана...
Бежали вместе с ветром, за волною
Пшеницы спелой,
Встречали за ночною пеленою
След зорьки белой.
Видали в небе тучи, налитые
Зарей пурпурной,
Отыскивали звезды золотые
Во мгле лазурной...
Но грустно им, моим очам бессонным,
Очам печальным,
Когда скользят по деревням зеленым,
По нивам дальним...
И забываешь о цветных покровах

И о закатах,
Когда глядишь на бедняков суровых
В убогих хатах.

* * *

Этот плуг, соха и поле —
Тем, кто любит их до боли,
Для кого не дик, не страшен
Вид родимых этих пашен,
Тем, кто знает наизусть
Их тоску, и боль, и грусть.

Тот пойдет за бороною
По своей земле весною,
Кто простой народ жалеет,
Чьи слова, как солнце, греют,
Кто помочь сердечно рад
Всем и каждому — как брат.

Лишь тому коса кривая,
У кого душа живая,
Кто не стынет на заре,
Серп не кинет на жаре...
Вы ж, холодные, как ночь,
С этих бедных пашен прочь!

* * *

Как король шел на войну*
В чужедальнюю страну,
Зазвенели трубы медные
На потехи на победные.
А как Стах шел на войну
В чужедальнюю страну,
Зашумела рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку...
Свищут пули на войне,
Бродит смерть в дыму, в огне,
Тешат взор вожди отважные,
Стонут ратники сермяжные.

Бой умолк; труба гремит,
С тяжкой раной Стах лежит,
А король стезей кровавою
Возвращается со славою.
И навстречу у ворот
Шумно высыпал народ,
Дрогнул замок града стольного
От трезвона колокольного.
А как лег в могилу Стах,
Ветер песню спел в кустах
И звонил, летя дубровами,
Колокольцами лиловыми...

ПРИЗЫВ

Не приходи ко мне поутру, в ясный день,
Когда цветут под майским небом розы.
Не приходи ко мне поутру, в ясный день,—
Я на чело твое тогда наброшу тень
И вызову нерадостные грезы.

Но приходи ко мне поутру, в грустный час,
В морозный день, осенний и туманный.
Но приходи ко мне поутру, в грустный час.
Пусть небо бледное тогда закроет нас
Одеждою своей, из мглы сотканной.

Не приходи ко мне в дни счастья и любви,
Когда подобна жизнь пылающей Авроре.
Не приходи ко мне в дни счастья и любви,
Когда огонь-пожар затеплится в крови
И вспыхнет грудь, волнуясь, словно море.

Но приходи ко мне смиренно в час ночной,
Когда роса холодная ложится.
Но приходи ко мне смиренно в час ночной,
Когда в груди моей, иссохнувшей, больной,
Лампада жизни, догорев, затмится.

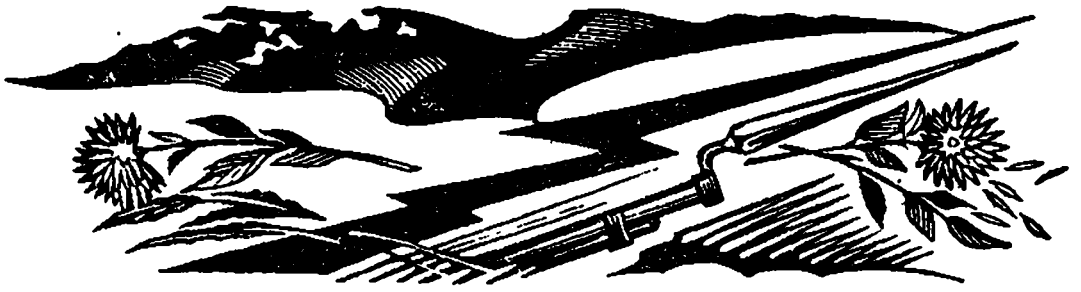
Приди, приди ко мне под гнетом мрачных дум
На кладбище, в час полночи унылой.
Приди, приди ко мне под гнетом мрачных дум
И вслушайся душой в баюканье и шум
Дремучих елей над моей могилой.

ПРИСЯГА*

Не осквернят враги наш дом
И наш язык не тронут больше,
От Пястов* мы свой род ведем,
Мы дети непреклонной Польши,
И мужество — побед залог.
Пусть нам поможет бог!

Держать мы будем Польши стяг,
Пока последний час не грянет,
Пока не рухнет мертвый враг
И крестоносных орд не станет.
Мы защитим родной порог,
Пусть нам поможет бог!

Не плюнет нам пруссак в лицо,
Наш край не будет онемечен,
Сомкнет нас в тесное кольцо
Свободный дух, который вечен,
И золотой затрубит рог,—
Пусть нам поможет бог!



ВАЦЛАВ СВЕНЦИЦКИЙ

ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед, *(2 раза)*
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны мильонам людей.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед, *(2 раза)*
Рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед, *(2 раза)*
Рабочий народ!

БОЛЕСЛАВ ЧЕРВЕНЬСКИЙ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Отживший рушится порядок.
В его паденьи — наш успех.
Нам будет труд совместный сладок,
И будет плод его для всех.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой, и мысль одна!

Кто скажет буре: стой на месте!
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

ЧЕШСКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ПОЭТЫ

ЯН КОЛЛАР

ДОЧЬ СЛАВЫ

(СОНЕТЫ ИЗ ПОЭМЫ)

* * *

Сдается мне: весь род славян — большая
Река, что, путь величественный свой
Хоть медленно, но мощно совершая,
Течет упорно к цели вековой;

И, на пути громады гор встречая,
Их та река обходит стороной
И льется, в рай пустыни превращая,
Чрез города живительной волной.

Другие ж шумно катятся народы,
Как вздутые напором вешним воды;
Но сбыл прилив — и светлый, злачный дол

Трясиной стал с упадком волн их мутных,
Развалинами стали кровы сёл,
А жители — сброд нищих бесприютных.

* * *

Горы вы, горы скалистые,
вздыбьте до синего неба хребты,—

может, увижу тогда с высоты
сердце далекое — близкое...
Горы вы, горы скалистые!

Реки вы, реченьки быстрые,
сквозь перекаты, запруды, кусты
к Ней вы мои донесите мечты —
слезы прозрачные, чистые...
Реки вы, реченьки быстрые!

Ветры, летите не мешкая,
вздохи мои осыпайте пред Ней,
вздохи мои безутешные...
Ветры, летите не мешкая!

Вас, повелители полночи,—
призраки, духи и сонмы теней,—
вас умоляю о помощи!
Вас, повелители полночи!

* * *

Сто долгих лет изменят нас, славяне,
изменят лик всего материка,
славянство, как весенняя река,
движенья своего раздвинет грани.

Германцы презирают наши знанья,
и наша речь им кажется низка,
а ей звучать везде, на все века
в устах людей, ее хуливших ране.

Войдут, проникнув в жизнь далеких стран,
науки наши, музыка и пенье,
их будут знать на Лабе и на Сене,

им будет путь во все пределы дан.
О, если бы воскреснуть на мгновенье
в час торжества великого славян!

КАРЕЛ ГИНЕК МАХА

МАЙ

⟨Отрывок из поэмы⟩

Многоуважаемому пану Гинеку Комму,
старожилу пражскому, страстному патриоту,
в знак уважения посвящает автор

Чехи — мы народ сердечный!
Если вдруг придет беда,
Обратиться надо к чеху —
Отзовется он всегда.
Чех и недругу поможет,
Словно не было вины.
Чехи — мы народ сердечный!
Все мы — Чехии сыны!

Хор

Друг и брат! И в наши дни
Сердце чешское храни!

Чехи — мы народ отважный!
Мы в бою стоим стеной.
Пусть забудет о победе,
Кто пойдет на нас войной!
Чехи бьются так, как будто
Все для славы рождены.
Чехи — мы народ отважный!
Все мы — Чехии сыны!

Хор

Друг и брат! И в наши дни
Сердце чешское храни!

Чехи — преданные люди.
Честь и верность — наш пароль!
Пусть надеются на чехов
И отчизна и король.
За отчизну и за бога
Чех стоит вернее всех!
Чехи — мы народ надежный!
Верен долгу каждый чех!

Хор

Друг и брат! И в наши дни
Сердце чешское храни!

Верный сын из рода чехов!
Должен ты навек сберечь
Дивный дар — наследье предков —
Чешский дух, родную речь.
Горы чешские и долы,
Чешский луг и чешский гай,
Чешский край — его просторы —
Радость взору, сердцу — рай.

Хор

Чех отчизну охраняет,
И ему венец сплетает
Благодарный чешский май!

I

Был поздний вечер — юный май,
Вечерний май — томленья час.
И горлинки влюбленной глас
Звучал, тревожа темный гай.
Был полон неги тихий мох,
Цветущий куст о грусти лгал,
И соловей изнемогал,
Услышав розы страстный вздох.
И озеро тайком грустило,
Тенистый брег ему внимал
И воды кру́гом обнимал;
А в небе дальние светила
Чредою голубой блуждали,
Как слезы страсти и печали.
Летели в храм любви они,
Дрожа, как маленькие свечи,
И в ожиданье сладкой встречи
Друг к другу мчались издалече
Те перелетные огни.
Луны прекрасной полный круг
Был ясно-бледным, бледно-ясным,
Но, словно перед взором страстным,
Румянцем заливался вдруг,

И, отраженный глубиною,
Он любовался сам собою.
Над брегом — белые дома
Спешили в маленьком селенье
Припасть друг к другу; в отдаленье
Их обнимала полутьма.
За ними, в синеватом лоне,
Деревья льнули — крона к кроне.
А дальше — силуэты гор.
Березы — к бору, черный бор —
К березам клонится. А волны
В ручье трепещут. И, безмолвный,
Любовью дышит весь простор.

Освещена зарей лучистой,
Под дубом девушка сидит,
Недвижна, с высоты скалистой
В просторы озера глядит.
Синеют волны перед ней,
Отсвечивают, отлетают,
А там — зеленым зацветают,
А там — становятся бледней.
По бесконечной глади вод
Блуждает взор ее усталый;
На бесконечной глади вод
Лишь отсвет звезд да отблеск алый.
Прекрасна, словно ангел падший,
Иль амарант, весной увядший.
Но эти чудные черты
Уже отмечены печатью
Тоски и страшного проклятья
И чуть поблекшей красоты.
Итак, двадцатый день минул.
Окрестный край во мгле заснул,
Поблекло зарево заката,
И небо бледно-розовато
Над цепью темно-синих гор.
«Его все нет! Не возвратится...»
Тоска в душе ее теснится,
Печалью затуманен взор.
От боли ей спасенья нет.
Ее мольбы, ее рыданья
Похожи на волны стенанья,
В слезах дробится звездный свет,
В слезах, что искрою текучей

По хладным катятся щекам,
Как горький след звезды падучей
Скользит по бледным небесам.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Ночь во мраке! Ночь в сиянье!
Обе сердце мне тревожат.
Мрачная толкает в бездну,
Ясная уносит к звездам.
Бездна черная ужасна.
К свету ж путь недосягаем.
Звезды, звезды надо мною!
К ним стремлюсь я всей душою,
Но земля — моя отчизна!
Человек я и погибну,
В лоне матери исчезну.
Мать, прияв, меня изменит
И вернет в обличье новом.
Звезды, звезды надо мною!
К ним стремиться мне душою,
Но земли я не покину!
Пусть, цветком благоухая,
Оживу я, свет вбирая,
Не позволит тьма земная
Мне уйти в жилище света.
Звезды, звезды надо мною!

* * *

«Влтава, что же ты тоскуешь?
Иль в единую струю
Ты сливаешь слезы наши,
Разгадав печаль мою?»

У Ворлика — скал громады,
Берега, как пышный сад.

Неужели волны эти
Повернуть нельзя назад?

«Нет, река, напрасно плачешь
Ты все ночи напролет:
Волны в море убегают,
И ничто их не вернет.

Все напрасно: ты не свяжешь
Оборвавшуюся нить.
Эти дни давно промчались,—
Их уже не повторить!

А когда-то я шагами
Мерил в юности моей
Возле бора Желетинки
Краткость сказочных ночей».

* * *

И не шумите и не надо жалоб *,
Что я у вас разрушил то строенье,
Которое само не устояло б!
Ведь, если крысы разнесли основу,
Весь этот дом под ветром разнесется,
И скудный кров к земле столь жалко гнется,
И кто ж под эту крышу хочет снова,
И кто ж под этой кровлею спасется?
И, если строить надо нам сначала,
Разумно ли оставить основанье,
Которое уже не удержало
Былого зданья, рухнувшего зданья!
Пусть будет новый дом заложен,
И ярость гроз страшна не будет крову,
И вас от зноя уберечь он сможет...
А коль почти готовое строенье
Падет, когда впаду в изнеможенье
(О, кто свою усталость превозможет),—
Пускай туда, где умер старый зодчий,
Какой-нибудь приходит подмастерье:
Своей рукой привычною, рабочей
Достроит он свой новый дом — я верю!

ПОСВЯЩЕНИЕ В СТИХАХ

Когда богемский лев
Взметнется над врагами,
Когда взовьется знамя,
Умру я, меч воздев.

Пока ж гривастый лев
Спит и лучи над нами,
Не трубы над полями
Звучат, а мой напев.

САМУЭЛЬ ТОМАШИК

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

Гей, славяне, гей, славяне! Будет вам свобода,
если только ваше сердце бьется для народа.
Гром и ад! Что ваша злоба, что все ваши ковы,
коли жив наш дух славянский! Коль мы в бой готовы!
Дал нам бог язык особый — враг то разумеет:
языка у нас вовеки вырвать не посмеет.
Пусть нечистой силы будет более сторицей!
Бог за нас и нас покроет мощною десницей.
Пусть играет ветер, буря, с неба грозы сводит,
треснет дуб, земля под ними ходенем заходит!
Устоим одни мы крепко, что градские стены,
проклят будь, кто в это время мыслит про измены!

АНДРЕЙ СЛАДКОВИЧ

МАРИНА

⟨Отрывки из поэмы⟩

*

Марина, громы ураганов
моей души не устрашат,
не страшен мне из недр вулканов
извергнутый подземный ад.
Я не боюсь кровавой сечи,
и даже роковые встречи
со смертью не затмят мне свет,—
но может мир разрушить целый
в моей душе, как молний стрелы,
одно твое решенье: «Нет!»

*

Могу к губам твоим не прикасаться,
могу руки твоей не пожимать,
могу, тоскующий, вдали скитаться,
могу тебе немилым стать,
могу изныть я, жаждою томимый,
могу тужить с несчастьями моими,
могу бродить в пустыне, нелюдимый,
могу не жить с живыми,
могу себя, изверясь, погубить,—
но не могу тебя я не любить!

*

Юная Словакия, родная,
ты, приют могил укромных,
мне два образа дала, внушая
две любви огромных!
Как любимая моя прекрасна,
как любовь моя к ней пылко-страстна,—
так в любви ты с ней едина.
Как прекрасен юный край родимый,
мною страстно, горячо любимый,—
так прекрасна и Марина!

*

О, прощай, народ родной, любимый,
о тебе и мысли и мечты!
Помни, что весь мир необозримый
смелым душам открываешь ты.
Всей душою о тебе радея,
я хочу служить святой идее,
жить, как сын, с тобой повсюду.
Разделю с тобой твои все беды,
а могучие твои победы
я встречать с восторгом буду!

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК-БОРОВСКИЙ

ТИРОЛЬСКИЕ ЭЛЕГИИ

〈Отрывки из поэмы〉

Ах, свети, румяный месяц,
сквозь туман и мрак;
разве не́ люб тебе Бриксен,
что ты хмурен так?
Не закатывайся в тучку,
рано, красный, спать,
я б хотел с тобой немного,
месяц, поболтать.
Не беги, я издалека,
здесь чужой всем, брат;
я не treu und bieder[1], в Бриксен
я в науку взят.

*

Я из края музыкантов *,
там-то мой тромбон,

[1] Верный и честный* *(нем.)*.

видишь,— все у венских панов
беспокоил сон.
Деловые люди, паны,
свой храня покой,
с полицейскими карету
выслали за мной.
Полночь. Спал я; но когда же
третий час пошел,—
с «добрым утром» поздравляя,
вдруг жандарм вошел.
А за ним в парадной форме
полицейских ряд,—
шарф на брюхе, а мундиры
золотом горят...
«Вам поклоны шлют из Вены,
Бах* целует вас,
вы здоровы ль — знать желает
и свой шлет приказ».
Добр на тощий я желудок,
нет игры страстям.
«Виноват я... я в рубашке...» —
я сказал гостям.
Но мой Джек — бульдог свирепый,
дерзкий грубиян,
к странным выходкам способен:
он из англичан.
Лишь один параграф стали
гости мне читать,
на жандармов под кроватью
начал Джек рычать.
Бросил я в него Законник *,
нет сильней угроз,
и — недаром, я догадлив:
стал как мертвый пес.

*

Верный долгу гражданина
и порядку дел,
при собранье — торопливо
я чулки надел,
а потом прочел бумагу.
Вот она — со мной,
если слог казенный знаешь,
прочитай, родной.

Бах, как доктор *, пишет: вреден
будто воздух мне
нашей Чехии, что лучше
жить в другой стране;
будто в Чехии мне душно,
и туман, и смрад,
что мое теперь здоровье
он поправить рад.
И затем за мной карету
он с поклоном шлет,
что могу я в путь пуститься
на казенный счет;
а жандармам дал приказ он
убедить меня,
если, в скромности, пред ними
заупрямлюсь я.

*

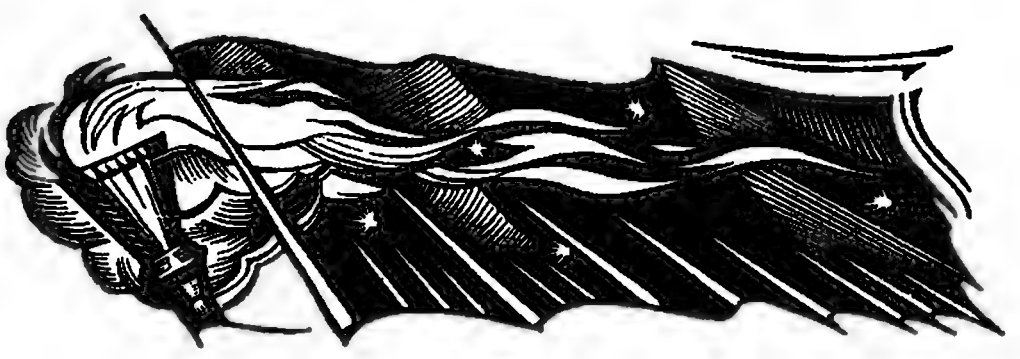
Каюсь! Глупая привычка!
Нужно же сказать:
не могу с штыком жандарму
в просьбе отказать.
Торопил меня Дедера *
ехать, чтоб за мной,
пробудившись, не бежал бы
целый Брод * толпой.
И просил Дедера — чтобы
сабли не́ брал я,
что они оружья взяли
охранять меня;
а пока меж Чехов едем —
был я нем и глух,
чтоб по Чехии тревожный
не пронесся слух.
Мне советов пан Дедера
много мудрых дал,
и, как Баха пациент, я
кротко им внимал.
И манил меня Дедера,
как сирену звал.
Я меж тем штаны с жилетом,
шубу надевал.
У крыльца жандармы, кони
сбруею гремят...
Братцы! Две еще минуты —
и я ехать рад.

*

Рог трубит, бегут колеса;
мы в Иглаве. В ряд
за каретою жандармы
с грохотом спешат.
Вот на горке церковь божья;
золоченый крест
грустно смотрит, провожая,
из родимых мест —
будто молвит: «Ты ли это?
Помню твой расцвет,
как учил тебя викарий,
и согбен и сед;
как ты вырос, и светильник
правды в руки взял,
и в краю родном дорогу
братьям освещал.
Видишь, как промчались годы,
ровно тридцать лет...
Но... зачем жандармы скачут
за тобою вслед?»

*

Так приехали мы в Бриксен,
в Бриксене и стали;
обо мне Дедере тотчас
там расписку дали.
И уехал он с бумагой,
выданной властями,
а меня орел австрийский
давит здесь когтями.
Так раскрылась надо мною
вечная обитель,
где один жандарм зловещий
ангел мой хранитель.

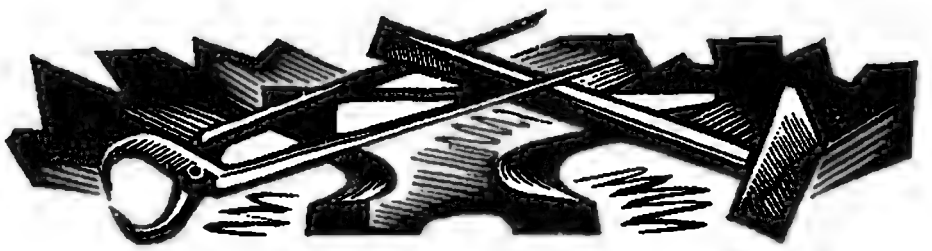


ЯНКО КРАЛЬ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Поется весело)

Солнце встало — край родной неузнаваем.
Так вперед же! Мы свободу добываем.
Это вольности простор сверкает новый,
это рабства разрываются оковы.
Солнце встало и над нашими полями.
Тот подлец, кто не пойдет сегодня с нами.
Слишком долго палачи нас истязали,
так подняться нам, словаки, не пора ли?
Ведь росой еще покрыты травы эти,
торопитесь же скосить их на рассвете.
Вести с юга прилетели к нам в долину.
Кто ж на барщине сгибать посмеет спину?
Соберемся же, сплотимся же, словаки,—
нам свободы не добыть себе без драки.
Никого не побоимся, встанем смело,
с нами бог, и справедливо наше дело!



ЯН НЕРУДА

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!*

Мы родились под бури грохотанье.
К великой цели пламенно стремясь,
Проходим шаг за шагом испытанья,
Лишь пред своим народом преклонясь.
Мы всё, что с нами будет, ожидали,
Мы не страшились бури и невзгод,
Мы с чешскою судьбой себя связали,—
И с ней — вперед и только лишь — вперед!

С народом нашим, что так чист и светел,
Как будто только что сейчас рожден,
Который сам свою судьбу наметил
И защищал ее во тьме времен!
За вольность человечью, что когда-то
Здесь расцвела,— как встарь стоит народ,
Мы гибли за нее, но — верим свято:
Она прославит нас, ведя вперед!

Вперед! Мы делом каждый час отметим,
Ведь новый день — для нового труда,
Хоть слава предков — украшенье детям,
Но славой сам укрась свои года!
Где настоящее дитятей плачет,
Там только древность отблеск славы льет,
Едва корабль жемчужный след означит —
Все к парусам, и только лишь — вперед!

Прочь в сторону, кто трусит и вздыхает,
Чья дрогнула от трудностей рука!
Ведь роза и тогда благоухает,
Когда над ней толпятся облака.
Долой того, кто дремлет у кормила:
Промедливший мгновенье — отстает,
Прошедшего ничья не сможет сила
Вернуть назад. Вперед, всегда вперед!

Над нами солнце, как везде, сияет,
И день встает за ночью, как иным,
Но к мужеству эпоха призывает:
Где вы, мои свободные сыны?
К нам, к нам прихлынь, бессмертия отвага,
Плечо к плечу сомкни за взводом взвод.
Расправь полет приспущенного флага,
Стремясь вперед и только лишь — вперед!

Не знаем мы, что в будущем таится,
Но непреклонен чешской воли дух,
И, чтоб победой новой огласиться,
Достаточно широк наш чешский луг.
И если гром сраженья снова грянет,
Гуситский гимн * иной размах возьмет,
В стране железа все оружьем станет,
В крови железо зазвучит: вперед!

Следите ж за движеньем корабельным,
О чехи — гвозди, скрепы корабля!
Да сохраним его большим и цельным,
Чтоб засияла чешская земля!
Но если б все насытились желанья
И стал бы светел чешский небосвод—
Как нет людскому морю затиханья,
Так будь и ты готов для испытанья,
Вперед, народ наш дорогой, вперед!

* * *

«Сильней всего люби отчизну!» —
Так надпись звездная сверкает.
И лучше этого закона
У звезд законов не бывает.

Вот почему сближает Солнце
Планеты для совместных странствий —
Любому звездному народу
Есть свой предел в пространстве.

Поэтому-то и комета,
Блуждая, в прах не разлетится —
Ведь хочет каждый странник-атом
К отчизне возвратиться.

* * *

Все в себе ношу я молча,
Часто горе сердце гложет.
Но пускай печаль и радость
Мать мою не потревожат.

Как же, матушка, случилось,
Что узнать вы все умели?
Если радость ликовала,
Вы в глаза мои глядели.

Как же, матушка, откуда
Все вы знали о сыночке?
Если сердце тосковало,
Вы грустили в уголочке.

СВАТОПЛУК ЧЕХ

БУДЬ СЛАВЕН ТРУД!*

В немую вечность рухнули столетья,
Столетья, где цвели обман и лесть,
Где ради власти и великолепья
Орава трутней попирала честь,
Давил кулак державный год за годом
Бесправный люд,
Пока не грянул первый клич свободы:
Будь славен труд!

И что осталось от державной славы?
Лохмотья, плесень — вот ее плоды!
Но скромный труд, стирая пот кровавый,
Возделал пашни, вырастил сады,
Настроил города, где пред дворцами
Фонтаны бьют
И где кричит строенья каждый камень:
Будь славен труд!

О, этот лозунг грозный и прекрасный!
Срывает путы он с согбенных плеч,
Сметает в прах кумиров самовластных,
Смиряет зло и повергает меч.
Заря займется, и расправит плечи
Рабочий люд,
И зазвучит, как песня, ей навстречу:
Будь славен труд!

Будь славен труд, в поту творящий благо!
Бей молотом, направь на пашни плуг,
Вяжи снопы, бери перо, бумагу,
Ваяй, твори не покладая рук!
Ты победишь трусливых трутней касту,
И меч, и кнут.
В тебе равны — кирка, перо и заступ.
Будь славен труд!

Сотрут века пустое славословье,
Начертанное на шелку знамен,
Утихнет спор религий и сословий,
И успокоится вражда племен.

Умолкнет бой и бранные фанфары,
Мечи падут,
Но будет всё звучать, как в песне старой:
Будь славен труд!

Все вы, кто ныне встал над жарким горном,—
Пускай другим дано плоды пожать,—
Вы победите мрак трудом упорным,
И будет вам весь мир принадлежать!
О братья! Пусть терновник и крапива
Ступни вам жгут,
Вперед — вас лавр украсит горделивый!
Будь славен труд!

ПАВОЛ ОРСАГ ГВЕЗДОСЛАВ

* * *

Вы слыхали о Яношике* лихом,
вы слыхали о разбойнике лесном,
что разбойничал с двенадцатью дружками?
Были соколы они как на подбор,
а кто видел их зеленые рубахи,
тем казалось, будто двигается бор.
С песнями веселыми шли мóлодцы,
как Яношик смелый вел их на разбой;
глотки резали по знаку атамана,
а господское добро везли с собой.
Может, вы слыхали ненароком
о Яношике, разбойнике жестоком?

Много песен о Яношике слагали —
о крестьянине о добром вы слыхали,
что добро свое делил меж бедняками?
И сукно и золотые отдавал он,
потому что хорошо про бедных знал он:
все на свете создается их руками.

А когда он видел девушек поющих,
вся душа его слезами исходила,
только в Татрах от владычества чужого
не избавилась для милого Далила... *
Вы слыхали о разбойнике о вольном,
о Яношике о нашем сердобольном?

* * *

В царство лесное!
В зеленом настое
я сердце омою и боль успокою.
У леса есть свойство лечить беспокойство,
чтоб люди забыли невзгоды любые.

В царство лесное!
Опять предо мною
причастные чуду и с тайной повсюду
палаты без солнца. В них нет ни оконца,
зато в них такое величье покоя!

В царство лесное!
Где пахнет листвою,
где только вглядеться — и встретится детство,
где сказка живая бредет, напевая,
по сумрачной чаще, легендой звучащей.

В царство лесное!
И вот колдовское
вдыхаю дыханье и жажду признанья,
что молод я снова, но чаща сурово
свистит мне: спесс-сивый, и шепчет: плешш-шивый.

* * *

Приди, приди на землю, мир желанный,
оливковою веткою своей
кровавое безумие развей,
стань силой нашей, разумом, охраной.

Довольно крови, ужаса, смертей,
пусть наконец земля залечит раны,
пусть женщины не плачут неустанно
над трупами мужей и сыновей!

О мир!.. К заветной цели нас веди,
нас счастье ожидает впереди.
К свершеньям человечество готово.
О светлый мир! Людей благослови!
Приди, о царство братства и любви,
Триумф свободы и добра святого.

ЯРОСЛАВ ВРХЛИЦКИЙ

УТРО

Раздвинут мрак веселым светлым утром.
Оно в реке сверкает перламутром.

Улыбка утра на горах искрится,
И песнь о нем уже поет синица.

Ту песнь мычат стада на водопое...
Какая тишь, спокойствие какое!

А облако плывет, как челн, в котором
Всплывало утро над земным простором,

Лишь ночь ему дорогу уступила,—
В упругом ветре — мужество и сила,

Порыв вперед и радость пробужденья —
И вот уже стряхнули сон растенья.

Пылают в окнах солнечные блики.
Вот муравьи вершат свой труд великий.

И рыболов взялся уже за дело,
И пойманная рыба заблестела.

Над водной гладью, солнечной и синей,
Кукушка где-то плачется в ложбине.

Дым золотой. Цветов благоуханье.
Во всем — любовь, восторг и ликованье.

ПОДСОЛНЕЧНИКИ

Круговые подсолнечники,
золотые подсолнечники,
для чего, любопытные,
к нам взглянули в окно?

О, как жадно тянулись вы здесь,
как тенились, светились вы здесь,
дотянулись вы мягкой рукой
до подушки ее.

Там ее был красивейший лик,
то лицо близ лица моего,
и прозрачно рыдали вдали
звонковспевы дрозда.

О большие подсолнечники,
золотые подсолнечники,
вы смеялись, в светлицу глядя,
в золотое окно.

ЧЕХИЯ

Лесов могущество, просторы желтой нивы,
И древность городов, и скромность мирных сел,—
Отчизна, это ты, и я, твой сын счастливый,
Тебя с восторгом бы в свои напевы вплел.
Но робость леденит горячие порывы:
Я нищ, а над тобой — величья ореол.
Я — сын мгновения, ты — вечности царица.
С твоими звездами венок мой не сравнится.

Ты опираешься на каменные склоны.
На солнечном лугу я видел не тебя ль?
И скалы стройные возносятся, как троны,
И лик твой заросли прикрыли, как вуаль.
Изгибы вечных вод прозрачны и бездонны,
Колосьев океан уходит вширь и вдаль...
А горы за руки взялись,—они тебя же
Хранят заботливо, они стоят на страже.

Ты серебром воды, как ризою, одета.
И волны мечутся, их давят берега,
Берет в груди твоей истоки манна эта,—
О, красота твоя и волнам дорога:
Они красе твоей поют слова привета,
И в русых локонах сверкают жемчуга.
Волшебный образ твой, бессмертный, идеальный,
Весь отражается в их чистоте зеркальной.

Подобно золоту прудов твоих сверканье
В роскошной зелени ольхи или берез.
Над нивой ветерок твое пронес дыханье.
Вот пламя в очагах приветливо зажглось,—
Теснятся женщины и слушают преданье...
А травы сочные блестят от свежих рос,
Из леса движутся на пастбища олени.
И на челе твоем луна, как украшенье.

Тревожны крики птиц в лесах твоих дремучих,
Вот зверя хищного раздался в чаще рев.
За пышной пестротой твоих цветов пахучих
И песни слышу я, и стуки топоров.
Кукушка вторит им. Дрозды шумят на сучьях.
А там смиренный вол свой плуг влачить готов,
Он шею гнет в ярме в покорном безразличье.
И в окрик пахаря ворвался смех девичий.

О, пусть укрыты города родного края,
Равнины пестрые увенчаны рекой,—
Их окна путника приветствуют, сверкая,
И дышат улицы легендою живой.
Луна волшебная, и сталь щитов седая:
Твое минувшее, о мать, передо мной.
Вот полночь пробило уже, и слезы сами
Струятся по щекам горячими ручьями.

Но сердце сердца твоего — святая Прага.
Твое дыхание в ее ночной тиши.
В ней все сокровища: в ней чудо и отвага,
Оружье верное, насущный хлеб души.
Как в чаше, в ней всегда живительная влага,
И все черты ее бессмертно хороши.
Она — твой дух, твой мозг, твое сердцебиенье,
Рука рабочая, дыханье и мышленье.

Здесь гневаться нельзя, когда хоть на мгновенье
Покров поднимется над прошлою судьбой,
И грудь вздымается в томительном волненье,
И зреет в сумраке расцвет грядущий твой.
Все радости твои рождаются в мученье,
Но все же ты полна надеждою живой.
Природа вся твоя поет о воскресенье,
Надежды пламенной расцвел цветок весенний.

Вот замки древние — руины и обломки
В угрюмых зарослях,—все превратилось в прах.
Лишь ветер по ночам тревожит их потемки,
И мир тот сказочный распался и зачах.
Но семя прадедов несут в себе потомки,
И всюду жизнь бурлит — в селеньях, в городах,
Порабощения ярмо уничтожая...
В рай превратишься ты, о родина святая.

Страна идей и слез, тяжел твой путь кровавый,
Но все в судьбе твоей прекрасно и светло,
Стряхни покров теней и диадемой славы
Величья прежнего опять укрась чело.
Благослови своих детей на подвиг правый,—
В любви и в радости их сердце расцвело.
Тебе все помыслы, мечты и силы наши,
Чтоб только стала ты счастливее и краше.

Открой нам прелести свои — лесов дремучесть,
Сиянье рек своих, озер зеркальных гладь,
И будем плакать мы, твою увидев участь,
И будем с радостью твой образ созерцать.
К спасенью приведем тебя, в боях измучась,
И пристань тихую ты обретешь опять...
Твое величие оценим мы, о мать!
Прочь, рабство гнусное! Наш жребий — умирать!

Но вознесешься ты главою непокорной,
Величья царственный сбирая урожай.
Вновь станешь Гуса ты землею чудотворной,
Ты, давший Карла* нам и Жижку*, светлый край.
Весть эта нас найдет уже в могиле черной.
Но жизнь проснется в нас и хлынет через край...
И будешь царствовать ты в славе всенародной,
И снова станешь ты могучей и свободной.

И веру мы в сердцах проносим осторожно,
Что сроки близятся, что верные сыны
Проснутся наконец, и станет все возможно,
Что будут новые созвездья зажжены.
И Бланик* явится, пророчество не ложно.
Ты видишь — короля сверкнули седины,
И над челом его уже парит орлица,
И к славе звездный мост блестит и серебрится.

ЙОЗЕФ БОЛЕСЛАВ ПЕЦКА

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Что терпеть нам муки,
Голодать в нужде,
Пусть окрепнут руки —
И конец беде!
Грянем песню братства
Богачам на страх,

Пусть с высот богатства
Упадут во прах!
Эй, вперед!
Лозунг наш таков:
Пусть господ не будет
Так же, как рабов!

Капитал нас мучит,
Гляньте — что за вид,
Их от оргий пучит,
Каждый толст и сыт!
Кулаки рабочих
Могут все добыть,
Могут цепи рабства
Вдребезги разбить!
Эй, вперед!
Лозунг наш таков:
Пусть господ не будет
Так же, как рабов!

Мы хотим жить лучше,
Жить не хуже их,
Без шипов колючих
И без терний злых.
Ярко, небывало
Розы зацветут —
Иго капитала
Сбросит вольный труд.
Эй, вперед!
Лозунг наш таков:
Пусть господ не будет
Так же, как рабов!

Наша цель — свобода,
Благо всех людей,
Власть всего народа,
А не богачей.
Вместо тюрем — школы
Просветят народ,
Мир, как гость веселый,
В каждый дом войдет!
Эй, вперед!
Лозунг наш таков:
Пусть господ не будет
Так же, как рабов!

Будем жить в расцвете
Солнечной весны,
Чтоб нигде на свете
Не было войны,
Чтоб капиталисты
Не смогли опять,—
На руку нечисты,—
Кровью торговать!
Эй, вперед!
Лозунг наш таков:
Пусть господ не будет
Так же, как рабов!

ВЕНГРИЯ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ЖЕНА ИШТВАНА ГЕРГЁ

— Ты отпусти меня, муж мой любезный,
Ты отпусти меня нынче в дорогу:
Младшую дочку хочу навестить я —
Бедных она, говорят, не жалеет.

Вот и отправилась, как загадала,
Вот и слугу у ворот увидала.

— Добрый слуга, попроси ты хозяйку —
Может быть, даст она бедной старухе
Хлеба кусок и позволит напиться?

— Барыня, добрая барыня наша,
Там у ворот ожидает старуха,
Может, вы хлеба немного дадите,
Может, напиться вы ей разрешите?

— Нищенке хлеба?! Да я его лучше
Брошу собаке своею рукою.
Нищенке воду?! Да лучше в хоромах
Тою водою полы я помою.

— Добрая барыня, где вы родились?
Дочерью чьей до замужества были?
— Младшею дочерью Иштвана Гергё.

— Были вы дочерью Иштвана Гергё,
Я же ему прихожуся женою.

— Матушка, я же тебя не узнала!
Что ж ты стоишь? Заходи поскорее!
Вкусный обед я велю приготовить,
Лучшую дам для тебя я рубаху,
Дам я хоромы тебе расписные,
Дам я тебе дорогую коляску,
Будешь кататься ты в ней шестернею.

— Пусть твой обед пожирают собаки,
Пусть унесет ураганом рубаху,
Пусть твой дворец от пожара погибнет,
Пусть твои лошади сдохнут от мора,
Ржа дорогую коляску покроет!
Крохи одной от тебя не приму я,
Ты и сама не нужна мне такая!

КУРУЦ В ИЗГНАНИИ

〈Из песен куруцев*〉

На чужой, на неприютной,
На неласковой земле
Он — один в лесу дремучем
С горькой думой на челе.
На него деревья тихо
Осыпают желтый лист.
И, на скорбный плач похожий,
Раздается птичий свист.

Конь пасется не расседлан,
У седла повис кинжал —
Тот, которым прямо в сердце
Куруц немцев поражал.
Белый плащ турецкий брошен
На помятую траву.
На него склоняет куруц
Непокрытую главу.

Все печальней птичье пенье,
Все тревожней лес шумит.
И одна на сердце дума —
Спит ли куруц иль не спит:

«Что за мир, когда в изгнанье,
В край чужой солдат идет.
Если мать о нем не плачет,
То народ его клянет.

Что за мир, коль нет приюта
Для солдата, для бойца.
Только горы, только скалы,
Только темные леса.
Нашу скорбную дорогу
Заметает листопад,
И оплакивают птицы
Нашу славу, друг-солдат.

Я уйду — и не узнать вам,
Где, в какой я стороне.
А узнали б, так, наверно,
Тоже плакали б по мне.
Я возьму поводья в руки,
Ногу в стремя я вложу:
Из родного края в Польшу
Ухожу я, ухожу*.

Бог с тобой, земля родная,
Что ты стала вдруг чужой.
Но одну тебя люблю я
Всею кровью, всей душой».
Так он с родиной простился,—
Нет ему пути назад.
Под печальный шум деревьев
Едет изгнанный солдат.

Пусть же тень его укроет,
Пусть тропа его ведет,
Пусть хотя б в воспоминаньях
Утешенье он найдет.
Эту песню мы сложили
Там — над Ужем, над рекой,
В час, когда мы уходили,
Покидая край родной.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Если в Буду* ты придешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,
Ты в казарму загляни,
Сквозь окошко загляни,
дорогая.
Там меня в солдатской форме
встретишь сразу.
Сбриты волосы мои,
Сняты черные мои
по приказу.

Если в Буду ты придешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,
Загляни в окно тюрьмы,
Посмотри в окно тюрьмы,
дорогая.
Там в цепях, как птица в клетке,
Сын твой бьется.
И не диво, коль твое,
Сердце бедное твое
разорвется.

ПЕТЕР БОРНЕМИССА

Как грустно, что с тобой расстаться должен я,
Благословенная Мадьярия моя.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Проклятый турок взял весь наш мадьярский юг,
А немец взял весь Верх*, не выпустит из рук.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

От немца чванного мне просто нет житья,
Средь турок-нехристей проходит жизнь моя.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Наскучила мне знать. Все наши господа
Ученье божие забыли без стыда.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Благословенная Мадьярия, прощай,
Отныне ты пустой и разоренный край.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Я Борнемисса Петр, я в замке Хуста* был,
И там в веселый час я эту песнь сложил.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

МИХАЙ ЧОКОНАИ ВИТЕЗ

ВЕЧЕР

Уходит солнца шар средь блеска и сиянья
В распахнутую дверь ущерба, увяданья;
Горячие лучи бледнеют, умирая,
Свой жар за горизонт багряный погружая,
И гаснут в вышине на золоченых тучах.
И вечер на крылах прохладных и могучих
Летит с улыбкою, летит, роняя росы,
Как сладостный бальзам, в раскрывшиеся розы.
Пичуги малые, в остывших сидя гнездах,
Печальной жалобой тревожат сонный воздух,
И плачет соловей, и плачет, и рыдает,
И жаворонка трель все выше улетает.
В нору забрался волк и дремлет, а в берлоге
Испуганный медведь ревет, рычит в тревоге.
Придите, вечера, дохнув очарованьем,
Наполните, летя, мой слух своим звучаньем,
Пусть душу скорбную ваш тихий ветер тронет,
Утешит нежностью и горечи схоронит.

Зефиры легкие, летите, вейте, вейте,
Веселье, радость, жизнь мне в душу щедро лейте!
И вот уж окружен я ветерком крылатым,
Он дышит мне в лицо небесным ароматом,
На радость грациям, широкий, шелестящий,
Какие игры он устраивает в чаще,
Как он колеблет гор далеких очертанья,
Едва заметные сквозь лунное сиянье,
Как, сумрак шевеля, он открывает дали
Для грусти сладостной, для радостной печали!
Не торопись, о ночь, с угрюмыми часами
И радость не гони холодными крылами,
Мне отдыха не даст безмолвие ночное,
Ничто моей душе не принесет покоя.
Наш мир, он для меня, признаться, слишком шумен,
Крик чванных и скупых неистов и безумен,
Все люди вкруг меня от злобы и испуга
Вопят, как пьяные, галдят, давя друг друга.
Род человеческий, безумный, бестолковый,
Зачем ты сам себе, скажи, надел оковы?
Земля-кормилица, она была твоею,
А ныне лишь скупец, гордец владеет ею.
Зачем, разгородив простор полей межами,
Посеял ты раздор, разлад меж сыновьями?
Везде «твое», «мое». Насколько было краше,
Когда про все кругом могли сказать мы: «наше».
Был век, когда земля для всех плодоносила,
Принадлежала всем и щедро всех кормила,
И войны хищные в безумном исступленье
Народы не влекли на смерть, на истребленье.
Законом бедняки тогда не презирались,
Все были равными, все в равенстве рождались,
И пограничный столб, и веха межевая,
Твердящая нам всем, что здесь земля — чужая,
Не нарушали встарь ни дружества, ни братства,
Людей не гнали прочь от общего богатства.
И баре чванные, украсив дом гербами,
Не правили еще безгласными рабами
И не лишали их последней корки малой,
Чтобы паштетами наесться до отвала.
Не правили цари десятками мильонов,
Не драли шкуру с них при помощи законов,
Не разоряли их во имя самовластья,
Лишая их гнезда, уюта, жизни, счастья.
Скупец тогда еще не прятался от взора,
Не избегал людей, чтоб деньги скрыть от вора,

Который воровать у них же научился,
Ибо никто на свет воришкой не родился.
Чему дивиться тут, когда в полях зеленых,
Куда ни глянь — межа, столбы границ на склонах,
И даже вольный лес весь окружен оградой,
Чтоб дикий зверь, и тот был барскою усладой,
Когда заборами обнесены и реки,
Чтоб их от бедняков отгородить навеки!
О зарево зари, о ясное сиянье!
Лишь ты одно пока ничье не достоянье.
О ветер сладостный, о воздух животворный!
Лишь ты один ничей, привольный и просторный.
Заката музыка, греми! Твоим фанфарам
Все сыновья земли еще внимают даром.
Шуми, широкий лес! В зеленые чертоги
И свинопас придет, и землекоп убогий,
И праздник радостный, услады даровые
Для них устроят мир и все его стихии.
Природа милая, тебе одной я внемлю,
Ты подарила мне и небеса, и землю,
И их помощником я буду век за веком
Лишь оттого, что я родился человеком.

КЛЯТВА

Я клянусь тебе, о Лила,
Что с тех пор, как покорила
Красота меня твоя,
Перед девою иною,
Пред огнем и пред стрелою
Не раскрою сердца я.

Я клянусь тебе! Священной,
Нерушимой, неизменной
Клятвой связан я с тобой.
Так ответь такой же точно
Клятвой твердой, клятвой прочной
Мне на клятву, ангел мой.

Я клянусь твоей рукою,
Ртом румяным, что с тобою
Не расстанусь ни за что.
Я клянусь: пока живу я,
На другую не взгляну я,
Или Лила, иль — никто.

МИХАЙ ВЁРЁШМАРТИ

ГЕРБ ВЕНГРИИ

Родина, как ты прекрасна! Сменяются горы и долы,
Пересекают тебя мощных четыре реки,
Но благодатной природы дары и мертвы и бездушны,
Воля твоих сыновей — вот в чем величье твое!

ПРИЗЫВ

Мадьяр, за родину свою
Неколебимо стой,
Ты здесь родился, здесь умрешь,
Она всегда с тобой.

Другой отчизны не ищи
И смертный час тут встреть —
В беде иль в счастье должен ты
Здесь жить иль умереть.

По этим нивам столько раз
Струилась кровь отцов.
Земля хранит их имена
В течение веков.

Здесь за отчизну в славный бой
Арпад* войска водил,
И рабства гнусное ярмо
Здесь Хуняди* разбил.

Свобода! Здесь носили твой
Окровавленный стяг,
И пали лучшие из нас
За родину в боях.

Средь стольких мук, средь стольких бед,
Несчастий и невзгод,
Хоть поредев, но не сломясь,
Живет здесь наш народ.

Народам мира мы кричим,
Столпившимся вокруг:
«Мы заслужили право жить
Тысячелетьем мук».

Не может быть, чтоб крови зря
Так много пролилось,
Чтоб столько преданных сердец
В тоске разорвалось.

Не может быть, чтоб сила, ум
И воля навсегда,
Не одолев проклятий груз,
Иссякли без следа.

То время, славное вовек,
Должно прийти, придет,
Когда исполнится все то,
О чем молил народ.

Или прекрасно умереть
Решится в битве он,
И будет вся страна в крови
Во время похорон.

Могилу Венгрии твоей
Народы окружат
И, над умершею скорбя,
Слезами оросят.

Мадьяр, за родину свою
Неколебимо стой,
Ты ею жив, и будешь ты
Укрыт ее землей.

Другой отчизны не ищи
И смертный час тут встреть —
В беде иль в счастье должен ты
Здесь жить иль умереть.

ДА, Я СЕРЖУСЬ...

(Лауре)

Да, я сержусь — на черноту кудрей,
На синь очей, на их лукавый взгляд,
Меня связавший крепче всех цепей,
И на уста, что так меня язвят.

Сержусь на то, что сгинул мой покой,
Что сердце добродетельно твое,
Что пленена твоею красотой
Душа моя и не вернуть ее.

ПРОКЛЯТИЕ

Зовется Гёргеем* тот негодяй позорный,
Кто предал родину, свой долг презрев.
Так пусть всегда, везде, до гроба и за гробом,
Его преследует господень гнев.

Ста тысяч храбрых вождь, вождь пламенных героев
В победе славен и в беде велик!
А он отбросил честь, отверг он путь к величью,
Подножный корм найдя, к нему приник.

Ему вручен был меч карающий народа,
Народа сердце было вручено.
Он предал их врагу, как шалопай побитый,—
За плату, даром ли, не все ль равно.

Умолк орудий гром, умолкли наши ружья,
Зловещая настала тишина,
Гайдук не мчится в бой, висит гусара сабля,
Не кровью, а слезой окроплена.

Пасть, не изведав битв, все сдать врагу без боя!
Переглянувшись, шлют ему вослед
Его соратники суровое проклятье,—
Тому проклятью вечно смерти нет.

«Кто создал Гёргея, бог иль коварный дьявол?»—
Так спрашивают воины с тоской.
Нет, если б создал бог ничтожество такое,
Отрекся бы от бога род людской.

Пусть высохнет трава, где отдохнуть он сядет,
Пусть, ветку увидав, на ней повиснет он,
Пусть терпит голод он, пусть корчится от жажды,
Вовек людским презреньем заклеймен.

Пусть гонятся за ним повсюду беды, словно
Озлобленные псы, пусть он живет
До гроба в нищете, в терзаниях и в сраме,
А после гроба муки обретет.

ШАНДОР ПЕТЁФИ

ИЗДАЛЕКА

Скромный домик, домик у Дуная...
Я о нем мечтаю, вспоминаю,
Что ни день, мне домик этот снится —
И в слезах, в слезах мои ресницы.

Там и жить бы до скончанья века,
Но мечты уносят человека,
Будто крылья сокола, высоко...
Домик мой и мать моя далеко!

Матушку целуя на прощанье,
Я зажег в груди у ней страданье,
Не могла залить мучений пламя
Ледяными росами-слезами.

Если б сил у матушки хватило,
Так она меня б не отпустила,
Да и сам бы я решил остаться,
Если б мог в грядущем разобраться.

Манит жизнь в лучах звезды рассветной,
Будто сад волшебный, сад заветный,

И поймешь уже гораздо позже —
Жизнь на дебри дикие похожа!

Озарен я был надежды светом...
Да уж что там толковать об этом,—
Странствуя по жизненной дороге,
О шипы я окровавил ноги.

Вы, друзья, на родину спешите.
Матушку мою вы навестите!
Не пройдите мимо, повидайте,
От меня поклон ей передайте.

Ей скажите: пусть она не плачет,
Сыну, мол, сопутствует удача...
Знала б, как страданья тяжки,
Сердце бы разбилось у бедняжки.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Я твой и телом и душой,
Страна родная,
Кого любить, как не тебя!
Люблю тебя я!

Моя душа—высокий храм!
Но даже душу
Тебе, отчизна, я отдам
И храм разрушу.

Пусть из руин моей груди
Летит моленье:
«Дай, боже, родине моей
Благословенье!»

Не буду громко повторять
Молитвы эти,—
Что ты дороже мне всего
На белом свете.

Вслед за тобой я — тайный друг —
Иду не тенью:
Иду всегда — и в ясный день,
И в черный день я!

Шандор Петёфи

Он меркнет, день; все гуще тень
И мгла ночная.
И по тебе растет печаль,
Страна родная.

Иду к приверженцам твоим...
Там, за бокалом,
Мы молимся, чтоб вновь заря
Твоя сверкала.

Я пью вино. Горчит оно,
Но пью до дна я,—
Мои в нем слезы о тебе,
Страна родная!

СОЛДАТ ОТСТАВНОЙ Я...

Солдат отставной я, не что иное,
Не унтер, а просто солдат отставной я!
В солдатчине молодость вся и осталась,
До дома со мной добрела только старость.

Всю жизнь в аккурат прослужил до отказа,
Исправный — наказан я не был ни разу.
Награда? В награду рука генерала
Меня, старика, по плечу потрепала.

ЧТО ЕЛА ТЫ, ЗЕМЛЯ?

Что ела ты, земля,— ответь на мой вопрос,—
Что столько крови пьешь и столько пьешь ты слез?

ОДНО МЕНЯ ТРЕВОЖИТ...

Одно меня тревожит: неужели
Среди подушек я умру в постели;
Увяну тихо, как цветок, точимый
Какой-то тлею, еле различимой;
Истаю, как свеча средь комнаты пустой...
Нет, господи, хочу кончины не такой!

Пусть буду я — как дуб, а смерть — как молний пламя;
Пусть буря налетит и вывернет с корнями;
Пусть буду, как утес, низвергнут я с высот
Грозой, которая все в мире потрясет —
От недр земных до небосвода!
Когда невольники — народы
Терпеть не пожелают боле
Постыдного ярма неволи
И выступят на поле брани
Под красным знаменем восстанья,
И гневом воспылают лица,
И на знаменах загорится
Святой девиз: «Свобода мировая!»,
Когда от края и до края
С востока к западу раздастся трубный глас
И при последнем издыханье тираны ринутся на нас,—
Пусть упаду тогда я,
Пусть хлынет кровь младая,
Из сердца моего пускай она польется!
И, если с уст моих крик радости сорвется,
Пускай его поглотит канонада!
Я упаду! Жалеть меня не надо!
К победе завоеванной скача,
Меня растопчут кони сгоряча.
...Настанет день великих похорон,
И мой найдется прах, и собран будет он,
И унесен под траурное пенье
В сопровожденье траурных знамен,
К могиле братской всех сынов народа,
Погибших за тебя, всемирная свобода!

НА ХЕВЕШСКОЙ РАВНИНЕ

Бледнеющие Матры*
Степная даль туманит.
Садящееся солнце
Их синий лоб румянит.

Снега в огне заката
Подобны синеглазой
Красавице в вуали
Из розового газа.

Телеги тарахтенье,
Пощелкиванье плети,

И ни души, ни звука
На целом белом свете.

Садится солнце. Свежесть
Сменяет дня удушье.
Вдали на горизонте
Горит костер пастуший.

Костер ли это, или
Звезда на самом деле,
Сошедшая на землю
Послушать плач свирели?

Взошла луна, бледнее,
Чем в гробовых покровах
Умершая невеста
В объятьях жениховых.

Она, быть может, вправду
Тень мертвой нареченной,
На крыльях духа к небу
Из гроба вознесенной?

Как вид ее печален!
Я от лучей унылых,
Меня привороживших,
Глаз отвести не в силах.

Как вид ее печален!
В нее глаза вперяя,
Я самый страшный в жизни
Свой час припоминаю.

Не знаю, что со мною:
Луна ли виновата,—
Но хочется мне плакать,
Как плакал я когда-то.

МУЖЧИНА, БУДЬ МУЖЧИНОЙ...

Мужчина, будь мужчиной,
А куклой — никогда,
Которую швыряет
Судьба туда-сюда!
Отважных не пугает
Судьбы собачий лай,—
Так, значит, не сдавайся,
Навстречу ей шагай!

Мужчина, будь мужчиной!
Не любит слов герой.
Дела красноречивей
Всех Демосфенов! Строй,
Круши, ломай и смело
Гони врагов своих,
А сделав свое дело,
Исчезни, словно вихрь!

Мужчина, будь мужчиной!
Ты прав — так будь готов,
Отстаивая правду,
Пролить за это кровь!
И лучше сотню раз ты
От жизни откажись,
Чем от себя! В бесчестье
К чему тебе и жизнь!

Мужчина, будь мужчиной!
Ведь не мужчина тот,
Кто за богатства мира
Свободу отдает!
Презренны — кто за блага
Мирские продались!
«С котомкой, но на воле!» —
Пусть будет твой девиз.

Мужчина, будь мужчиной!
Отважен будь в борьбе.
И ни судьба, ни люди
Не повредят тебе!
Будь словно дуб, который,
Попав под ураган,
Хоть выворочен с корнем,
А не согнул свой стан!

СОБАЧЬЯ ПЕСНЯ

День, как волчиха, сер,
И ветер воет зло,
Льет дождь, а вместе с тем
И снегу намело.

А нам-то что: лежим
В тепле у очага,
Куда толкнула нас
Хозяйская нога.

И сыты будем всласть:
Хозяин, да и гость,
Всего ведь не съедят —
Собакам бросят кость.

Конечно, иногда
Зловеще свистнет хлыст —
Ой, больно бьет он! — что ж,
Ведь пес не пессимист.

За гневом ласки ждем.
Вот кликнул нас наш бог,—
Как весело лизать
Хозяину сапог!

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

День, как волчиха, сер,
И ветер воет зло,
Льет дождь, а вместе с тем
И снегу намело.

Пуста степная ширь:
Вот наш унылый дом.
Пристанища нам нет,
Ни кустика кругом.

Снаружи мучит лед
И голод изнутри,
И так страдаем мы
С зари и до зари.

А вот и третий враг —
Коварный ствол ружья,
Окрашен кровью снег,
И это кровь моя.

И голод, и мороз,
И в ребрах злой свинец,
И всё ж свободен волк,
Глухих степей жилец!

ВЕНГЕРЕЦ Я!

Венгерец я! На свете нет страны,
Что с Венгрией возлюбленной сравнится.
Природой все богатства ей даны,
В ней целый мир, прекрасный мир таится.
Все есть у нас: громады снежных гор,
Что из-за туч глядят на Каспий дальный,
Степей ковыльных ветровой простор,
Бескрайный, бесконечный, безначальный.

Венгерец я! Мне дан суровый нрав,—
Так на басах сурова наша скрипка.
Забыл я смех, от горьких дней устав,
И на губах — лишь редкий гость улыбка.
В веселый час я горько слезы лью,
Не веря в улыбнувшееся счастье,
Но смехом я скрываю скорбь мою,
Мне ненавистны жалость и участье.

Венгерец я! За морем прошлых дней
Я, гордый, вижу скалы вековые —
Деянья славной родины моей,
Твои победы, Венгрия, былые.
Европу сотрясала наша речь,
Мы были не последними на свете.
Дрожали все, узнав венгерский меч,
Как молнией напуганные дети.

Венгерец я! Но что моя страна!
Лишь жалкий призрак славного былого!
На свет боится выглянуть она:
Покажется — и исчезает снова.
Мы ходим все, пригнувшись до земли,

Мы прячемся, боясь чужого взора,
И нас родные братья облекли
В одежды униженья и позора.

Венгерец я! Но стыд лицо мне жжет,
Венгерцем быть мне тягостно и стыдно!
Для всех блистает солнцем небосвод,
И лишь у нас еще зари не видно.
Но я не изменю стране родной,
Хотя бы мир взамен мне обещали!
Всю душу — ей! Все силы — ей одной,
Сто тысяч раз любимой в дни печали!

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ*

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:
Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе!
Вольным предкам нет покою
Здесь, под рабскою землею.
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Низок, мерзок и ничтожен
Тот, кому сейчас дороже
Будет жизнь его дрянная,
Чем страна его родная!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Блещет цепь, но вдвое краше
Засверкает сабля наша.

Так зачем носить оковы?
Пусть клинки сверкают снова!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Имя венгра величаво
И достойно древней славы.
Поклянемся перед боем,
Что позор столетий смоем!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Где умрем — там холм всхолмится,
Внуки будут там молиться,
Имена наши помянут,
И они святыми станут.
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

ОСЕНЬ ВНОВЬ...

Осень вновь, опять чаруя,
Красит мне мое житье,
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю, люблю ее.

Утоплю глаза в просторах;
С косогора средь травы
Сяду слушать тихий шорох
Опадающей листвы.

Солнце на землю с улыбкой
Смотрит, с кротостью светя,
Словно мать, качая зыбку,
На уснувшее дитя.

У земли на самом деле
Сонный, а не мертвый вид.
Нет, она в своей постели
Не кончается, а спит.

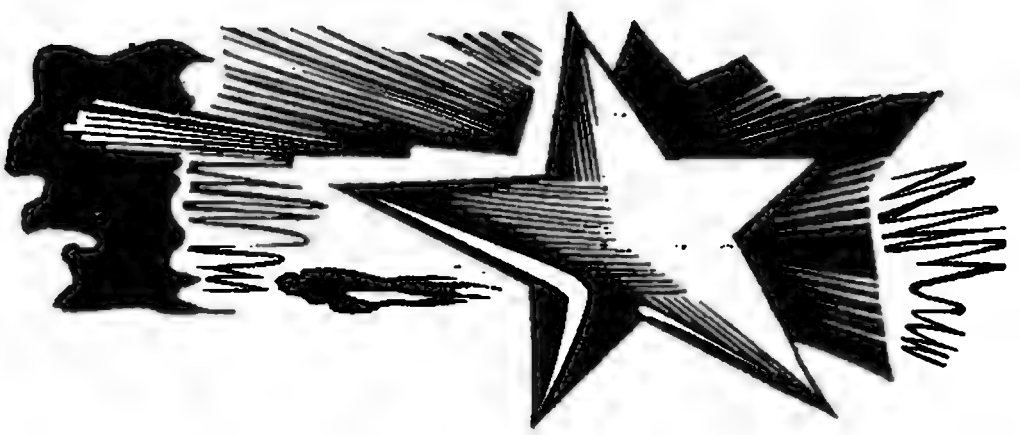
Снявши платье дорогое,
Положила на кровать,
Чтобы было под рукою,
Как придется надевать.

Спи, красавица природа,
Спи до первых дней весны.
Пусть тебе до их прихода
Снятся сладостные сны.

Кончиками пальцев трону
Лиру тихую свою.
Легкий звук скользнет к затону,
Призывая к забытью.

Сядь, дружок, со мной в прохладе.
До тех пор молчи, пока
Смолкнет звук над водной гладью,
Словно шепот ветерка.

Если целоваться станем,
Чуть коснись губами губ,
Чтоб не разбудить касаньем
Дремлющих древесных куп.



ЭНДРЕ АДИ

ВНУК ДЁРДЯ ДОЖИ*

Я Дёрдя Дожи внук, я дворянин в лаптях,
Скорбящий за народ... Эй, господа, эй, баре,
Вам не пора ль с народом-косарем
Поговорить? Ведь летний зной в разгаре!

В разгаре сенокос, в лугах сверканье кос,
Но это не для ваших дряблых рук...

А если весь народ, потомство Дёрдя Дожи,
В великой ярости на вас нахлынет вдруг?

Куда бежать вы броситесь из замка —
Разбойничьего вашего гнезда,
Когда придет народ и с громом все ворота
Захлопнет перед вами, господа?

ЗВЕЗДА ЗВЕЗД

Вовеки не померкнешь ты, Красная звезда!
Давно ушли Венера, и Солнце, и Луна,
И на восточном небе царишь лишь ты одна.

Так никогда не блещет падучая звезда —
Небесных недр причуда лилова, зелена,
Бледна и синевата, но только не красна.

О, падай, падай, падай, падучая звезда;
Твоим паденьем скорбным — я знаю — счета нет!
Лишь под звездою Красной рождается рассвет!

Владычь, сияя в небе, ты, Красная звезда!
С тех пор как смотрим в небо, ты, Красная звезда,
Была надеждой нашей и будешь ей всегда!

РАТНЫЙ ПУТЬ*

Красные знаки на Ратном пути:
В Гуннии* что-то готовится!
Рваная рать развеселых бойцов
Храбро в ряды становится.

Венгрия нынче страна огня,
Пламень пронзил ей промерзшую грудь.
Чудо случилось: наземь упал,
Полнится толпами Ратный путь.

С сотнями тысяч пращей Давид*
С песней готовит их для атак:
Эй вы, хорошие господа,
Что ж Голиафы* струсили так?

Вот он, народ, но не Чабы* народ,
Тот, о котором легенда звучит.

Нет! Это просто восставший народ.
Это-то именно нас и страшит!

С гулкой земли алоцветный привет
Бодро и весело солнцу мы шлем.
Станет священным потоком огня
Каждая улица, где мы пройдем.

Новое войско на Ратном пути,
Новые песни, сказания...
Это свершившийся будущий день,
Яви венгерской пылание.

Были повержены тысячу раз,
И прозябали мы тысячу лет,
Все же великой мы силой полны,
В нас этой жизни веселье и свет!

Пушки, клинки, вероломство господ —
Это ничто уже нас не проймет,
Если умрем, так, значит, умрем,
А уж умрем, так и все здесь умрет.

Мы — Справедливость! И Будущность — мы!
И приговор и прощение в нас.
Если добром вы не примете нас,
Мы возвестим вам погибельный час!

Кроме терпенья, богаты мы всем,
Не поколеблет нас окрик ничей.
Все величавей наш голос звучит —
Мы вызываем на суд палачей!

Эта страна — уже наша страна,
Здесь уже строит наша рука.
Вы пировали и ночи и дни.
Хватит! Ведь это уж длится века!

Слава и песня бушуют сейчас
В селах, степях и у стен городских.
Вот он, народ! Это Ратным путем
Мчится, могуч, человеческий вихрь.

Вот он, народ! Воцарится он здесь,
Тот, кто в земле копошился всегда.
Судит народ, будет судить!
Горе вам, грешные господа!

ПЕСНЬ ВЕНГЕРСКОГО ЯКОБИНЦА

Сочится кровь из наших пальцев,
Когда коснемся мы тебя.
С тобой мертвы мы или живы,
О Венгрия, страна моя?

Глаза болят у нас и души.
Дождемся ль наконец времен,
Чтоб Вавилон рабов-народов
Был для свободы пробужден!

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, словно сталь,
Печаль славян, румын и венгров —
Всегда единая печаль.

Ведь родственны в тысячелетьях
Позор и горести людей.
Пора бы встретиться, ликуя,
На гребнях баррикад идей!

Один и Олта* и Дуная
Глухой и мертвый разговор.
И горе тем в стране Арпада,
Кто не насильник и не вор.

Когда же мы объединимся,
Чтоб величавый дать ответ?
Мы, угнетенные народы,
Воспрянем снова или нет?

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?

О, Венгрия, край скорбных нищих,
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, Грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!

БОЛГАРИЯ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

МИРЧО И БОЯНА

Где это видано, люди,
Девица — чтоб воеводой,
В бой чтобы шла, как Бояна?
Она девять лет водила
Дружину храбрых юнаков*,
Пошел десятый годочек —
Мирчо Бояну просватал,
Юнак, воевода Мирчо.
В приданое ей давали
Двенадцать ниток червонцев,
Меди тринадцать ниток
Да пуд без малого шелку.
Как стали готовить свадьбу,
Жених одарил Бояну
Тонкой серебряной прялкой
И золотым веретенцем:
Тонких даров напряла бы,
Всех одарила б юнаков.
Села Бояна за пряжу,
Шелк села прясть для подарков,
А Мирчо в лес удалился.
Турки схватили юнака,
За спину руки скрутили,
Цепь повязали на шею,
Ноги забили в колодки,
К Тырново* Мирчо погнали.

Им повстречался торговец,
Мирчо торговцу промолвил:
«Эй, базиргенче, торговец!*
В мой дом поезжай скорее,
Ты расскажи Бояне,
Что турки меня схватили,
Что голову мне отрубят».
Погнал скакуна торговец,
Мигом приехал на место,
И говорил он Бояне:
«Эй, молодая Бояна,
Твой Мирчо турками схвачен,
В Тырново гонят юнака,
Голову Мирчо отрубят.
Иди же навстречу туркам,
Вызволи Мирчо из плена».
Услышала весть Бояна,
Бросила тонкую прялку
И веретено золотое,
Схватила саблю-френгию*,
Большое ружье схватила,
За пояс — два пистолета.
Встретила турок Бояна,
Издали им поклонилась,
Вблизи им «селям» сказала.
Молвили турки Бояне:
«Эй, молодая Бояна,
Садись-ка, Бояна, с нами,
Выпьем с тобой и закусим».
Молвила туркам Бояна:
«Ой же вы, турки-сердары*,
Приехала я не в гости,
Приехала биться насмерть».
Турки мигнуть не успели,
Всех зарубила Бояна,
Спасла от гибели Мирчо,
Сняла с него тяжкие цепи,
Сняла железные цепи,
Тяжкие сбила колодки.
Молвил Бояне Мирчо:
«Эй, молодая Бояна,
К счастью тебе воеводство,
К счастью супружество наше!
Спасла ты меня, Бояна,
Спасла от врагов заклятых».

ТРИ ВЕРЕНИЦЫ НЕВОЛЬНИКОВ

Пастух беседовал с лесом:
«Лес ты мой, лес ты зеленый!
Вчера ты, лес, был зеленый,
А нынче ты, лес, весь высох.
Пожары ль тебя спалили?
Морозы ли остудили?»
И лес пастуху ответил:
«Пастух, молодой пастух мой!
Пожары меня не палили,
Морозы не застудили,
Но тут вчера проходили
Невольников вереницы.
Как в первой-то веренице
Всё молодые девчата.
Только девчата заплачут —
Лес наклоняет верхушки,
Широкий путь подметает.
Девчата плачут и стонут:
«Боже мой, господи боже!
Где наши холсты льняные?
Ткали мы их — не доткали,
Белили — не добелили.
Кто наши холсты доткет нам?
Кто их доткет и добелит?
Кто их узорами вышьет?
Кто обошьет бахромою?»
Как во второй веренице
Всё молодые молодки.
Только молодки заплачут —
В лесу опадают листья.
Молодки плачут и стонут:
«Боже мой, господи боже!
Где ж наши малые детки?..
Встанут, а матери нету.
Заплачут они да спросят:
«Где мама? Доит корову?»
Доила б мама корову,
Телята бы не мычали.
«Где мама? По воду ходит?»
Ходила б по воду мама,
Тогда бы ведра бренчали».
Как в третьей-то веренице
Всё молодые юнаки.

Только юнаки заплачут —
Ветки в лесу засыхают.
Юнаки плачут и стонут:
«Боже мой, господи боже!
Где ж они, буйволы наши?
Впряжены — нераспряжены.
Кто же теперь распряжет их?
Где наши черные пашни?
Пахали — не допахали.
Кто же теперь их допашет?
Где ж она, наша пшеница?
Сеяли — не успели.
Кто же пшеницу досеет?»

ДОБРИ ЧИНТУЛОВ

ВОССТАНЬ, ВОССТАНЬ, ЮНАК БАЛКАНСКИЙ!

Восстань, восстань, юнак балканский!
От сна глубокого буди
И против власти оттоманской
На битву всех болгар веди!

Кровавые льет слезы в муке
Под игом рабства наш народ,
Он к небу простирает руки,
Да бог спасенья не дает.

Итак, терпели мы немало,
Доколе ж будем мы терпеть,—
Такими станем, как бывало,
Иль лучше всем нам умереть!

Доколе будем мы рабами
Иль сил своих не соберем,
Иль мы себя погубим сами
И вымрем в рабстве под ярмом.

Смотрите, как живут народы,
И с них пример возьмем себе,—
Как добиваются свободы
И прославляются в борьбе.

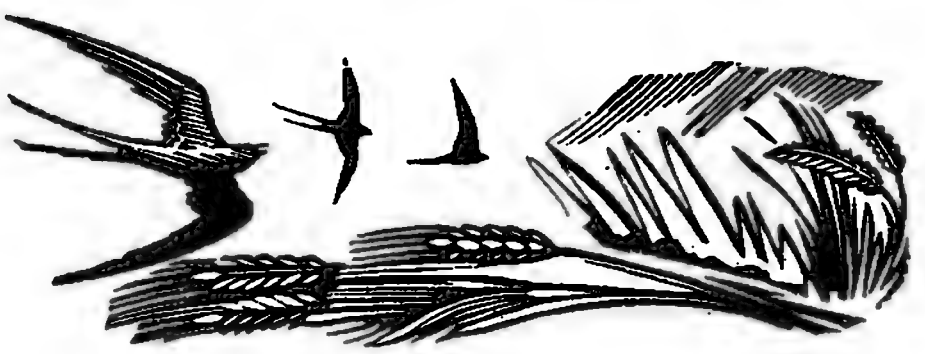
Вставайте, братья, все к оружью,
И смело двинемся вперед,
Готовьте к бою сабли, ружья!
Ведь скоро помощь к нам придет.

Поднявшись, сербы, черногорцы
Помогут нам сражаться тут,
И с севера на помощь скоро
Герои русские придут.

Змею раздавим мы ногами,
Пока она еще мала,
И смело вступим в бой с врагами,
Чтоб вновь свобода ожила.

Пускай восстанет лев балканский*,
Повеяв бурей, грозен, смел,
Чтоб полумесяц оттоманский
За темной тучей потускнел!

Поднимем знамя боевое,
Свободной будет вся страна!
Пускай прославятся герои!
Да сгинут вражьи племена!



ПЕТКО РАЧЕВ СЛАВЕЙКОВ

КАНУН

Вставай! Пришел к тебе я с песней,
чтоб пробудить тебя от сна.
Вставай! Встречай восход чудесный.
Вставай, гляди, как даль ясна.

Уж птички певчие на воле
в лесу зеленом гомонят,
ржет жеребец в широком поле —
пойми, чему он тоже рад!

Вставай! Проснуться не пора ли?
Иль будет спать и тот, кто юн?
Иль долгим сном мы все не спали?
Вставайте! Праздника канун!

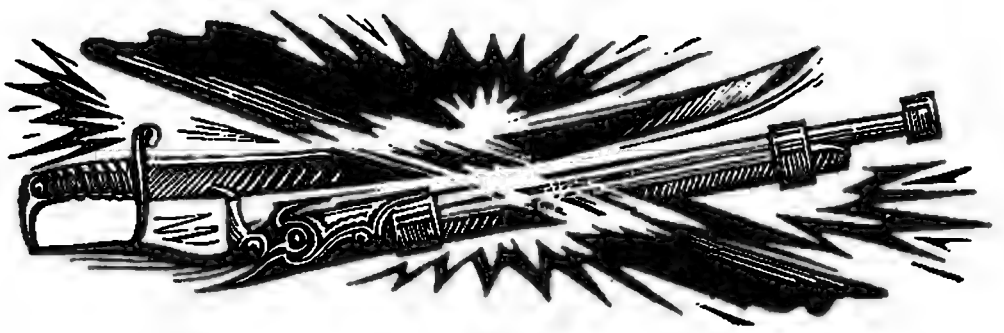
ОТЧИЗНА

Как прекрасна ты, отчизна,
ты для нас — как будто рай,
сердце юной силой жизни
бьется для тебя, наш край.

Милы мне всех гор вершины
и на север, и на юг,
все долины и равнины,
пашни, что вспахал наш плуг.

Полны сладостного шума
твой язык и твой приют,
где Дунай и Вардар, Струма
и Марица* вдаль текут.

И пока сияет солнце,
свет в очах моих живет,
как святыню, будет сердце
чтить наш край и наш народ.



ХРИСТО БОТЕВ

ПРОЩАНЬЕ

Не плачь ты, мать, не кручинься,
что сделался я гайдуком.
Гайдук теперь, бунтовщик я,
оставил тебя, бедняжку,
в печали за первое чадо!
Но, мать, кляни, проклинай ты
турецкую черную силу,
что юношей прогоняет
с родной стороны на чужбину,
чтоб там нам пришлось скитаться
без крова, любви и счастья.
За то меня, мать, и жалеешь,
что молод погибну, быть может,
ах, завтра переправляясь
через Дунай белый, тихий.
Ну, что же поделать, родная,
коль мне ты сама подарила
мужское юнацкое сердце,
которому не стерпеться
с туретчиной, если глумится
она над отеческим кровом,
где ты меня грудью кормила,
где люба моя дорогая
впервой на меня поглядела
с застенчивой тихой улыбкой
и взор очей ее черных
навек вошел в мое сердце,
где ныне отец и братья
мрачны, за меня кручинясь.
О матушка, мать юнака,
прости меня и простимся!
Берусь я сейчас за оружье,
спешу я на зов народа
сразиться с врагом неверным
за все, что мне любо и свято,—
за мать, за отца, за брата!
За все я восстану, а там уж...
А там уж — как сабля укажет
и честь моя, честь юнака!
Когда же услышишь, мама,

что пуля запела над крышей,
когда молодцы подоспеют,
ты кинься им, мать, навстречу,
спроси, где родное чадо.
А если ответят на это,
что где-то сражен я пулей,—
не плачь, мать моя, не слушай
людей, которые скажут:
«Он был тебе не кормилец!»,
а дома поведай сердечно,
поведай ты младшим братцам,
чтоб знали они, не забыли
юнака, старшего брата,
который погиб в сраженье
затем, что не мог, бедняга,
сгибать перед турками спину
и видеть бедняцкое горе.
Поведай, чтоб мальчики знали,
ходили бы да искали
в горах мое белое тело
меж скал на орлиных высотах,
а кровь мою вы ищите
в землице, мать, в черной землице!
Авось и ружье найдется,
ружье, мать, да вместе с саблей.
А встретится неприятель —
пусть пулей его привечают
да саблей его приласкают!
А если, мать, тебе слезы
сказать не дадут им об этом,
тогда, как сойдутся девицы
водить хоровод перед домом,
и сверстники там соберутся,
и любу мою дорогую
туда приведут подружки,
и ты, мама, с братьями вместе
иди туда и послушай
мою юнацкую песню
о том, где и как я умер,
какие слова сказал я
пред смертью и перед дружиной.
Ты, мать, посмотришь печально
на тот хоровод веселый,
и встретится взор твой со взором
моей красавицы любы.
И обо мне глубоко

вздохнут два милые сердца —
ее и твое, о мама,
и капнут горячие слезы
на старую грудь и младую!
И братья пусть это увидят.
И мать, когда вырастут братья,
они такими же станут,
и будут они так же сильно
любить, как и ненавидеть.

А если, о мать родная,
жив-здоров возвращусь в село я,
жив-здоров, в руках держа знамя,
приду с боевыми друзьями,
со львами златыми на шапках,
да с ружьями за плечами,
да с саблями-змеями сбоку,
тогда, о, тогда, мать юнака,
и ты, моя милая люба,
цветы вы в саду собирайте,
плющ рвите и журавлинник,—
оружье нам украшайте
и головы наши венчайте!
Ко мне, мать, с венком и с букетом
придешь и в чело поцелуешь,
увенчанное словами:
«Свобода иль смерть юнаку!»
А любу рукой кровавой
через плечо обниму я,
чтоб услыхала, как бьется,
играет сердце юнака.
Ей плач заглушу поцелуем,
устами сглотну ее слезы...
Тогда... Но прощай, родная,
помни, люба, меня, дорогая.
Тронулась наша дружина;
путь ее страшен, но славен!
Быть может, погибну в битве,
но хватит мне той награды,
что скажет народ когда-то:
«Он умер, бедняга, за правду,
за правду и за свободу!»

ХАДЖИ ДИМИТР*

Жив еще, жив он. Там, на Балканах,
лежит и стонет в крови горючей
юнак отважный в глубоких ранах,
в расцвете силы юнак могучий.

Обломок сабли он бросил вправо,
отбросил влево мушкет свой грубый.
В очах клубится туман кровавый,
мир проклинают сухие губы.

Лежит отважный. В выси небесной
исходит зноем круг солнца рдяный.
Жнея по полю проходит с песней.
Сильнее кровью сочатся раны.

В разгаре жатва... Пойте, рабыни,
напев неволи! Встань, солнце, выше
над краем рабства! И пусть он сгинет,
юнак сраженный... Но, сердце, тише!

Кто в грозной битве пал за свободу,
тот не погибнет: по нем рыдают
земля и небо, зверь и природа,
и люди песни о нем слагают...

Днем осеняет крылом орлица,
волк ночью кротко зализжет раны;
и спутник смелого — сокол-птица —
о нем печется, как брат названый.

Настанет вечер — при лунном свете
усеют звезды весь свод небесный.
В дубравах темных повеет ветер —
гремят Балканы гайдуцкой песней!

И самодивы* в одеждах белых,
светлы, прекрасны, встают из мрака,
по мягким травам подходят смело,
садятся с песней вокруг юнака.

Травою раны одна врачует,
водой студеной кропит другая,
а третья в губы его целует
с улыбкой милой — сестра родная.

«Где Караджа*, расскажи, сестрица,
найди, сестрица, мою дружину.
Душа юнака — моя расплата,—
пусть, бездыханный, я здесь остыну».

Сплели объятья, всплеснув руками,
и льются песни, и крылья свищут,
поют, летая под облаками,
дух Караджи до рассвета ищут...

Но ночь уходит... И на Балканах
лежит отважный, кровь бьет потоком,—
волк наклонился и лижет раны,
а солнце с неба палит жестоко.

КАЗНЬ ВАСИЛА ЛЕВСКОГО*

О мать родная, родина милая,
о чем ты плачешь так жалобно, слезно?
Ворон! А ты, проклятая птица,
над чьею могилой каркаешь грозно?

О, знаю, знаю, плачешь, родная,
потому, что черная ты рабыня.
Знаю, родная, твой голос священный —
голос беспомощный, голос в пустыне.

О мать Болгария! Мертвое тело
в граде Софии, на самой окраине,
тяжестью страшной в петле тяготело...
Сын твой казнен был. Рыдай в отчаянье!

Каркает ворон зловеще, грозно,
псы и волки воют в поле...
Детские стоны, женские слезы,
старцев горячее богомолье.

Зима поет свою злую песню,
тернии ветер по полю гоняет,
мороз, и стужа, и плач безнадежный
скорбь на сердце твое навевают!

ИВАН ВАЗОВ

ГДЕ БОЛГАРИЯ?

Если спросят, где впервые
я зари увидел свет,
где края мои родные,
те, милей которых нет,—

там, где синего Дуная,
я скажу, струя течет,
где, бушуя и сияя,
море Черное ревет,

там, где в небо громоздится
Стара-планины* гряда,
где во Фракии* Марицы
льется сонная вода,

там, где Вардар, полон силы,
вдаль летит, не зная сна,
где в снегах сияет Рила,
бьется Охрида волна,

там, где мой народ в неволе,
в муке вечной и в тоске,—
плачет он и бога молит
на родимом языке.

Там рожден я! Наши деды
в нашей спят земле. Они
славны были в дни победы,
в дни войны и в мира дни.

Власть их до вершин карпатских
простиралась в те года
и твердыни стен царьградских
потрясала иногда.

Возле Тырнова, Преслава*
спят развалины, взгляни.
Миновавшей нашей славы
гордый памятник они.

О Болгария родная!
Я, твой сын, тебя люблю!
О земля! К тебе взывая,
я тебе поклоны шлю.

Милы мне твои Балканы,
реки быстрые, леса
и веселые поляны —
изобилье и краса.

Мне близки твои страданья,
старину твою люблю,
были давние, преданья,
бедность светлую твою.

Где б я ни был, улетаю
думой в милые края.
Там рожден я, там желаю
умереть свободным я.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, БРАТУШКИ!*

«Мама, мама! Вон, взгляни...» —
«Что там?» — «Ружья, сабли вижу...
Русские!..» — «Да, то они.
Встретить их пойдем поближе.
Это их послал сам бог,
чтобы нам помочь, сынок».
Мальчик, позабыв игрушки,
побежал встречать солдат,
словно солнцу рад:
«Здравствуйте, братушки!»

Едет генерал-орел,
а за ним вслед эскадроны.
Пахарь с пашни подошел,
их встречает, изумленный:
кажется, что это сон...
Налетели — топот, звон,
словно вихрь потряс верхушки...
Пахарь шапку снял, глядит,
с поля им кричит:
«Здравствуйте, братушки!»

Шипка!* Шипка! Слышен гром.
Гурко* перешел Балканы!
Шумно, празднично кругом.
И нарядны и румяны,
к храбрым девушки спешат,
и в цветах ряды солдат,
ружья, сабли, кони, пушки...
Словно братьев дорогих,
все встречают их:
«Здравствуйте, братушки!»

Ну и храбрый же народ!
Сколько сил в нем молодецких!
Вот один казак ведет
целый полк солдат турецких.
А народ, смеясь, глядит:
жалкий у злодеев вид,
тащатся, как побирушки!
Русских храбрецов солдат
все благодарят:
«Здравствуйте, братушки!»

ВЫ БЫ ПОГЛЯДЕЛИ!

Всюду я встречаюсь с неизбывным криком,
он мутит мне душу, в плоть мою проник он.
Всюду — на дороге, в хижине, в корчме ли —
беспросветность горя тлеет в стоне диком:
«Вы бы поглядели!»

В хатах дым и копоть. Облик невеселый.
Воздух, как в темнице,— смрадный и тяжелый...
Здесь в лохмотьях грязных на немытом теле
спят вповалку люди на земле на голой:
«Вы бы поглядели!»

Здесь царят неволя, горе, бедность злая,
в очаге лепешка корчится ржаная;
здесь в морщинах лица, души отупели;
дети с колыбели чахнут, увядая...
«Вы бы поглядели!»

Безысходность рабства, мерзость запустенья,
вкруг навозной кучи сорные растенья;
радости витают далеко отселе,

вместо них недугов смертных наваждень...
«Вы бы поглядели!»

Бедность вековая, тяжкая работа,
вечная работа — до седьмого пота;
радостные песни нынче онемели,
нищета заела — горе и забота:
«Вы бы поглядели!»

Здесь под бедным кровом меркнет луч сознанья,
здесь затменье мысли, жизни угасанье;
люди здесь поникли, волей оскудели,
всюду воцарилось злое прозябанье...
«Вы бы поглядели!»

«Вы бы к нам, несчастным, заглянули, может,
вскормленные нами мудрые вельможи!
Ваши пересуды вам не надоели?
Вас дурные мысли ночью не тревожат?
Вы бы поглядели!»

«Мы зовем к нам в гости сытых и богатых,
весело живущих в расписных палатах.
Вот когда бы к нам вы заглянуть посмели,
страшно б испугались вы за свой достаток!
Вы бы поглядели!»

«Вспомнив о мужицкой горестной судьбине,
вы бы позабыли о своей гордыне,
и сердца бы ваши вправду заболели,
хоть такого в жизни не было поныне...
Вы бы поглядели!»

МОИ ПЕСНИ

И я уйду, когда мой час настанет,
и надо мною вырастет трава,
и кто добром, кто злом меня помянет,—
но песнь моя останется жива.

Имен немало с легкою их славой
безжалостные годы в прах сотрут,
их заглушат забвеньем плесень, травы,—
мои ж стихи и песни не умрут.

Призыв в них слышен к правде и свободе,
в них чувства добрые, любовь и труд,
и отражен в них светлый лик природы,—
мои стихи и песни не умрут.

В них дуновение Балканских кряжей,
напевы гор гармонией живут,
в них слышен гром народной славы нашей,—
мои стихи и песни не умрут.

Ведь в них всю душу я излил всецело,
с ее цветами, жемчугом, до дна,
и в них живет все, чем она горела,
и в них трепещет и звенит она.

Меня не тронет злобный вой нестройный
и зависти и ненависти гнев,
и в будущее я гляжу спокойно,—
к нему дойдет моих стихов напев.

В них отражен болгарский дух народный,
а он бессмертен так же, как народ,
и будет жить в веках наш край свободный,—
и песнь моя в народе не умрет!

РОДНАЯ РЕЧЬ

Д-ру Ив. Д. Шишманову

Люблю тебя, родная речь,
милей тебя на свете нету —
то арфа ты, то — острый меч
в руках у мастера-поэта.

Люблю тебя, язык родной!
Ты — наших душ бессмертный пламень.
Алмазный, солнечный, стальной,
то гибок ты, то тверд, как камень.

Язык родной моей страны,
ты льешься гордо и свободно.
Язык любви, язык войны —
звучишь ты равно благородно.

Я опьянен тобой, пленен!
И пусть навеки сладость эта
живет и в песнях наших жен,
и в пламенных стихах поэта!

РОССИЯ!

〈Отрывок из стихотворения〉

...Повсюду там, где вздох суровый,
где неутешно плачут вдовы,
где цепи тяжкие влакут,
ручьи кровавые текут,
и узник-мученик томится,
и обесчещены девицы,
и рубища сирот сквозят,
и старики в крови лежат,
и в прахе церкви, села в ранах,
и кости тлеют на полянах,
у Тунджи, Тимока и Вита*,
где смотрит жалкий раб забитый
на север, среди темных бед,—
по всей Болгарии сейчас
одно лишь слово есть у нас,
и стон один и клич: Россия!

Россия! Свято нам оно,
то имя милое, родное.
Оно, во мраке огневое,
для нас надеждою полно.

Напоминает нам, скорбящим,
что, всем забыты миром, мы
любовью сладостной, хранящей
озарены средь нашей тьмы.

Земля великая, Россия,
всей ширью, светом, мощью ты
с небесной только схожа синью,
с душою русской широты.

Там все моленья наши слышат,
и в нынешний печальный час
восьмидесяти мильонов дышат
сердца, волнуяся за нас.

О, скоро нам свою протянет
могучую десницу брат
и кровь поганых литься станет,
Балканы старые взгремят.

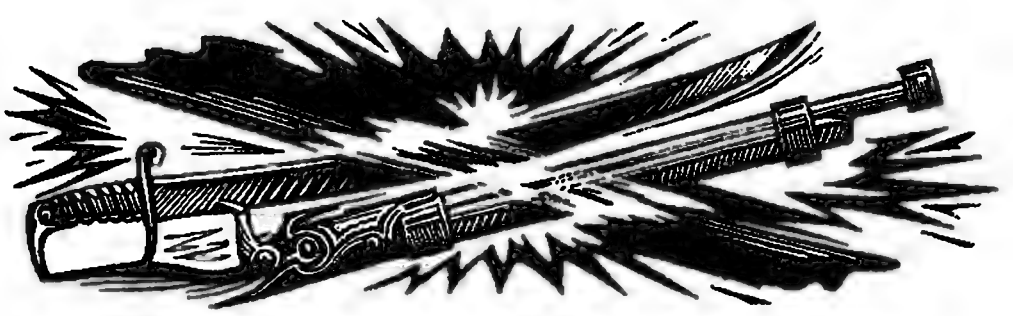
. . . . . .

И вот Камчатки ветер дикий
и гневной Балтики ветра
сошлись в единый шквал — и крики
слились в единое — «Ура!»

О, здравствуй, Русь, в красе и мощи,
мир вздрогнет, услыхав тебя;
приди, царица полуночи,
зовем тебя, зовем любя.

Народ зовет единокровный,
и час настал — к своим приди,
что предназначено, исполни,
завет великий воплоти!

Ведь ты для нас славнее славных,
тебе на свете нету равных,
вместила в ширь границ своих
народы, царства, океаны,
не обозреть пространства их.
Сам бог хранил от силы вражьей
тебя, стоящую на страже,
тебя, восставшую крушить
Мамая орды, Бонапарта;
умеешь ты врага страшить,
лишь на твою он взглянет карту.
И мы тебя зовем святой,
и, как сыны, тебя мы любим,
и ждем тебя мы, как Мессию,—
ждем, потому что ты — Россия!



ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВ

Тихими слезами плачет ночь,
с горьким горем свыкнуться невмочь,—
белый день о ней не вспоминает,
белый день о ночи знать не знает,
знать не хочет — отчего она
вечною тоской омрачена.

А когда заря заблещет снова,—
сколько в травах бисера ночного,
слез ночных, и в каждую росинку,
в каждую горючую слезинку
поглядится день с улыбкой ясной
и пройдет — беспечный, безучастный...

ГРЕЦИЯ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

БУКОВАЛЛ*

Что за шум, что за гром раздается кругом?
Не быков ли то бьют, не зверей ли травят?
Нет, то бьют не быков, не зверей то травят:
То сражается с турками клефт Буковалл.
И сражается он против тысячи их;
От Керассово* дым до Кенурио* лег,
Белокурая дева кричит из окна:
«Перестань, Буковалл, воевать и стрелять;
Пусть уляжется пыль, пусть поднимется дым,
Сосчитаем, узнаем, скольких у нас нет».
Сосчиталися турки, их нет пяти сот;
Сосчиталися клефты, троих не дочлись.
Отлучились с побоища два храбреца:
За водою один, за едою другой;
А третий, храбрейший, стоит под ружьем.

СКИЛЛОДИМ*

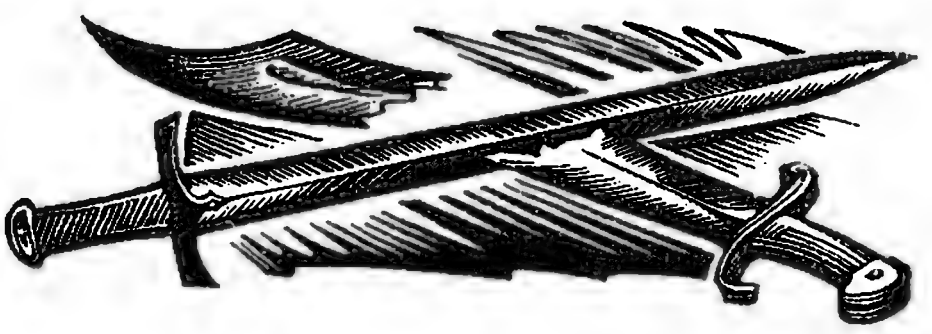
Под зелеными елями ужинать сел Скиллодим.
И вино наливать при себе посадил он Ирену.
«Наливай мне, красавица, пить наливай до утра,
До восхода денницы, как ты, полонянка, румяной.
Поутру я тебя отпущу с паликарами* в дом».—

Генри Уодсворт Лонгфелло

«Не рабыня я, Дим, чтоб вино для тебя наливать:
Я невестка Проеста*, я дочь городского архонта!*»
На заре, на рассвете два лесом прохожих идут,
С бородами отросшими, с черными лицами оба;
К Скиллодиму подходят, приветствуют оба его:
«Скиллодиму день добрый!» — «Добро вам пожаловать! Кто вы?
Да и как вам, прохожим, известно, что я Скиллодим?» —
«Принесли мы поклон Скиллодиму от Спироса-брата».—
«От любезного брата? но где вы видали его?» —
«Мы видали его во Янине, в глубокой темнице;
По рукам и ногам он заклепан железом сидел».
Зарыдал Скиллодим и с тоски побежал от прохожих.
«Воротись, Скиллодим! Ты от брата бежишь, капитан!
Не узнал ли ты брата? Скорее обнять себя дай мне!»
И узналися братья, и крепко они обнялись,
Целовалися сладко, в уста целовались и в очи.
Взговорил Скиллодим и любезному брату сказал:
«Но садися, брат милый, садись и скорее поведай:
И когда ты и как от албанских избавился рук?» —
«В одну ночь, от цепей свободивши и руки и ноги,
Я решетку сломал, я скакнул из окошка на топь,
Я сыскал там челнок, через озеро птицей проплыл,
И вот третия ночь, как взошел я на вольные горы».

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ КЛЕФТА*

Бросайся, пускайся, на берег противный плыви,
Могучие руки раскинь ты на волны, как весла,
Грудь сделай кормилом, а гибкое тело челном.
И если дарует господь и пречистая дева
И выплыть и видеть и стан наш и сборное место,
Где, помнишь, недавно томбрийскую козу пекли;
И если товарищи спросят тебя про меня,
Не сказывай, друг, что погиб я, что умер я, бедный!
Одно им скажи, что женился я в грустной чужбине;
Что стала несчастному черна земля мне женой
И тещею камень, а братьями — остры кремни!



КОНСТАНТИН РИГАС

ВОЕННЫЙ ГИМН

Что ж, братья паликары,
До коих будем пор
Мы, словно львы, гнездиться
По кручам диких гор?
В лесах да по ущельям,
Вдали от городов
И от людей таиться,
Чтоб не носить оков?
Бежать всего, что сердцу
Дороже и милей:
Семьи, друзей и кровных —
И родины своей?

Дохнуть и час свободой
Отрадней, чем в тюрьме
Прожить хоть полстолетья
В невольничьем ярме.
Что проку в долгой жизни,
Коль цепь на нас гремит,
Коль произвол нам смертью
И день и ночь грозит?
Визирь ли ты, паша ли,
Носи в душе боязнь,
Что и тебя, быть может,
Неправая ждет казнь!
Как ни служи тирану,
Как ни клонись главой,

Твоей он жаждет крови,—
И час ударит твой!
Вспомянем лучших греков,
Красу Фанара!* В том,
Что было с ним, ясно
Мы свой удел прочтем.
Князей отважных, граждан,
Священников, мирян,
Больших и малых резал,
Как одурев, султан.
А что ромейцев!* турок!

Все жертвы счесть нет сил...
Кто стал безвинно нищим,
Кто голову сложил.

Пора! Пусть вспыхнет сердце
У всех святым огнем!
Сюда! Обет священный
Дадим перед крестом.
Совет из верных, честных
Сынов земли родной
Пусть все ведет и рядит
Разумною рукой;
А им да правит свято
Во всем закон один!
Из их среды пусть выйдет
И вождь родных дружин!
Как рабство, безнарядье
Нам пагубно теперь,
Где люди рвут друг друга,
Как зверя дикий зверь.
Поднимем руки к небу!
Душой и языком
Торжественную клятву
Пред богом принесем!

«Твоею вечной правдой,
О господи, клянусь:
Пред волею тиранов
Челом я не склонюсь.
Моей не сломят воли
Ни зло их, ни приязнь,
Ни золото, ни голод,
Ни почести, ни казнь.
Пока дышу, мной править
Святая будет месть;
В фаланги турок буду
Я меч и пламя несть.
Как верный сын отчизны,
На шаг не отступлю
Пред грозной силой,— жизни
Позором не куплю!
И если слово клятвы
На миг забуду я,
Да грянет гром твой, боже!
И разразит меня!»

Восток и Запад, Север
И Юг — куда ни глянь,
Всё за родную землю
В святую рвется брань.
Болгары! арваниты!*
Ромейцы! сербы! в бой!
Кто с островов, кто с твердой
Земли — все в дружный строй!
Все в битву за свободу
Из горькой рабства тьмы!
Пусть видит мир, что стоим
Отцовской славы мы!
И вы, что на чужбине,
На гибель злым врагам,
Владеть мечом учились,
Скорее, братья, к нам!
Скорей сюда! Эллада
В объятья вас зовет.
Здесь ждет вас дом, ждет дружба,
Ждет слава, счастье ждет!
Скорей домой! Довольно
Служил ваш меч чужим.
Скорей домой! победа
Нужна теперь своим.
Какая слава выше,
Какой святей почет,
Чем смерть на ратном поле
За волю, за народ!

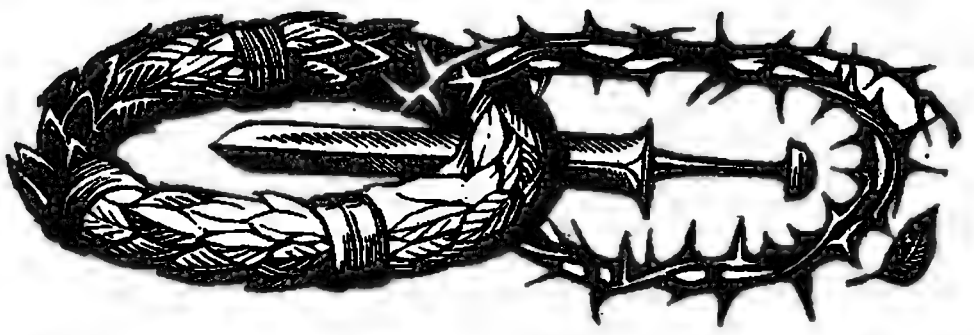
Майноты!* сулиоты!*
Недаром славны вы.
Вставайте! по берлогам
Дремать довольно, львы!
И вы, львы Мавровуни!*
Орлы Олимпа! в бой!
Вы, соколы Аграфы!*
В один смыкайтесь строй!
Вы, христиане с Савы*,
С дунайских берегов!
Идите к братьям! вместе
Ударим на врагов!
Пусть дрогнет правой злобой
В вас сердце! Стар и млад,
Клянитесь — мстить злодеям,
Пока в руке булат!
Вставайте, македонцы!

Как тигры вы в бою.
Залейте вражьей кровью
Святую месть свою!
Вы, с островов драконы,
Дельфины с вод морских,
Врагов разите наших!
Как молнья гряньте в них!
Неситесь, чайки Гидры!*
Вы псариоты!* Миг
Настал: святой отчизны
Призывный громок клик.

За меч, сыны Эллады!
Сряжайте корабли!
Огнем твердыни вражьи
Снесем с лица земли!
Одна да будет воля,
Один в нас дух! Вперед!
Пока наш меч тиранству
Корней не подсечет.
Зальем все земли турок
Пожаром— от полей
Боснийских до бесплодных
Аравии степей!
Пусть на знаменах наших
Священный крест горит!
И враг наш, как перуном
Сраженный, побежит.
Не думайте, что с силой
Своей он тверд теперь.
Нет! он дрожит от страха,
Как всполошенный зверь.
От трех сот кирсалидов*
Узнал уж он, как слаб
И с пушками пред храбрым
Тот, кто душою раб.

Что ж медлите! Проснитесь!
Без споров, без вражды
Друг друга выручайте
От общей всем беды!
Как древле предки наши,
Орлы и львы душой,
Вставали за свободу,
Кидались в ярый бой,—
Так мы восстанем, братья!

За ружья! за мечи!
Дружнее в бой! и дрогнут
Пред нами палачи.
Как стаю кровожадных
Волков, разгоним их;
Не унести из боя
Им рабских душ своих!..
Да сгинет бич тиранства!
И с битвы мы придем
Свободны — жить в свободном
Отечестве своем!



АНДРЕАС КАЛЬВОС

ОДА СВЯТОМУ ПОЛКУ*

Пусть не прольется потоком
туча, и ветер жестокий
пусть никогда не развеет
землю святую, что вас покрывает.

Пусть ее окропляет
серебряными слезами
розоперстая дева, и вечно
пусть расцветают цветы.

Славные дети Эллады,
доблестно павшие в битве,
орден великих героев,
новая слава отчизны.

Лавры победы у вас
судьба отняла и взамен
из мирта и кипариса
сплела вам венок иной.

Но если герой погибает
за родину, то бесценной
наградой становится мирт
и доброю — ветвь кипариса.

С той поры, когда в очи
первого человека природа
предусмотрительно страх пролила,
и золотые надежды, и день,

сразу же лик земли,
обширной и плодоносной,
взору его открыл
бесконечность курганов могильных.

Мраком они покрыты,
только совсем немногим,
избранным волей небес,
звезды бессмертия светят.

Греки, вы были достойны
древней отчизны и предков,
вас обошла, миновала
горькая участь безвестья.

Старец завистливый, злой,
подвигов недруг
и памяти ненавистник,
море и сушу обходит свирепым дозором.

Льет из кувшина старик
обильные воды забвенья.
Где ни пройдет — исчезают
города, королевства, народы.

Стоит, однако, ему
приблизиться к вашей могиле,
время меняет свой путь,
память о вас почитая.

Час не замедлит, Элладе
вручим мы порфиру и скипетр,
матери сыновей
будут сюда приводить.

Будут в слезах целовать
священную землю кургана.
«Станьте такими же,— скажут,—
как славные эти герои».

РУМЫНИЯ

ВАСИЛЕ АЛЕКСАНДРИ

ДОЙНА*

Дойна, дойница!
Где ты, милая девица,
В золотых цветах косицы,
Губы — ярче заряницы?

Хорошо с такою милой,
С голубицей сизокрылой,
С сердцем, полным гордой силой!

С белокурой недотрогой,
Схожей с ланью быстроногой,
Нежной полною тревогой!

Соловей неутомимый,
Я в прохладе нелюдимой
Спел бы дойну о любимой!

*

Дойна, дойница!
Ружьецом бы мне разжиться
Да с топориком сродниться,
Не тужить — а веселиться!

Под седло б мне вороного,
Что черней греха людского,—
Горделивого и злого!

Семерых бы мне с мечами
Братьев с гневными очами,
На конях, чье имя — пламя!

Мне б орлиный лет и зренье,
Пел бы яростно весь день я
Дойну гнева и отмщенья!

*

Дойна, дойница!
Слышишь, милая моя, ты,
Всем клянусь, что сердцу свято,
Стать тебе роднее брата!

А коню наказ мой краток:
Ты лети быстрей касаток,
Бурей вдоль лесов косматых.

Братьям молвлю: — Вот что, братья,
Клятву дам пред вашей ратью
Басурманов убивать я!

Гей, пошло на битву братство,
Час настал освобождаться
От языческого рабства!

ЗВЕЗДЫ

Дойна

Нет, не годы и не версты —
Между нами только звезды!

А подумаешь: так просто
Это слезы, а не звезды,—

Что из глаз моих скатились,
В чистом небе засветились,
Как росинки в час рассвета
На цветах любого цвета.

Много слез я пролил в жизни
За судьбу моей отчизны!

За изгнанников, живущих
Лишь мечтой о милых пущах,

Сколько раз я плакал горько!
А счастливых слез восторга

Обронил лишь только две я —
Эти звезды всех светлее!

ПЕРЕД ПЕЧКОЙ

Сидя ночью перед печкой, в час, когда бушует вьюга,
Только в пламени веселом нахожу себе я друга,
Я в огонь смотрю устало, и в глазах моих встает
Милых сказочных видений фантастический полет.

Вот чудесная жар-птица в небесах с драконом бьется:
Вот мостами золотыми со звездой олень несется;
Кони мчат быстрее мысли; бьет хвостом крылатый змей,
Что в волшебном подземельи держит царских дочерей.

Вот орлы, что в крепких клювах из-за гор, из дальней дали
Гордых витязей приносят, чтоб красавиц покоряли;
Вот на озере молочном феи плещутся в волнах,—
Возле них шутник Пепеля* в майских спрятался цветах.

Что ж меня так привлекает, что еще там, погляди-ка:
То Иляна-Косынзяна*, в волосах поет гвоздика,
И сижу я до рассвета, загляделся, загрустил —
Снова вспомнилось мне чудо, что когда-то я любил!

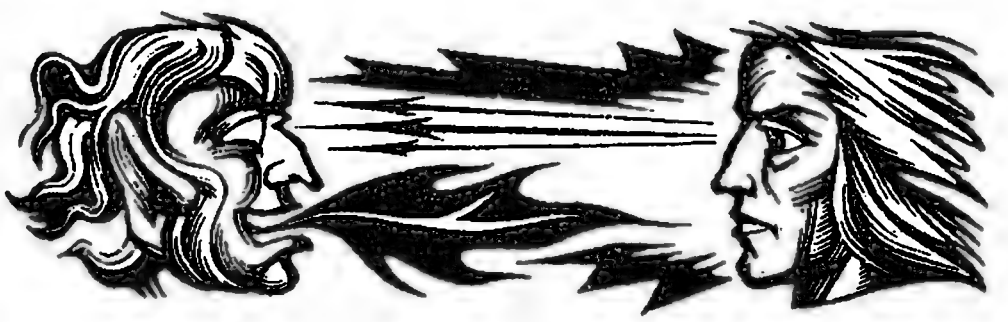
ПЛУГИ

В добрый час! С рассветом вышли в поле, вышли пахари румыны,
Шесть волов упряжку тянут, напряженно выгнув спины.
Парень жмет на рукояти — углубилась в землю сталь,
Длинной черной полосою борозда уходит вдаль.

От борозд широких поле — с каждым часом все чернее,
Батраков — парней безусых — голоса звучат слышнее.
А под солнцем сохнет нива, на ветру чуть-чуть дымясь,
Аисты в раздумье важно вдаль идут не торопясь.

Вот и полдень. Тут же в поле отдыхать садятся люди,
Им еду несут подруги в узелках, в простой посуде.
Плуг лежит, а мальчик славный, черноглаз и чернобров,
Шумно гонит к водопою утомившихся волов.

Земледельца труд священный, труд, завещанный от века,
Братской дружбою с землею ты связуешь человека!..
...Но уже заходит солнце, и, свершив свой труд дневной,
Вместе с плугами крестьяне возвращаются домой.



МИХАИЛ ЭМИНЕСКУ

БОЛТОВНЕ ОТВЕТ — МОЛЧАНЬЕ

Болтовне ответ — молчанье.
Ни похвал, ни порицанья.
Ты пляши себе как хочешь
И не жди рукоплесканья.
Только я плясать не стану
Под фальшивое бренчанье.
Правду я ищу лишь в сердце —
Вот оно, мое призванье.

ИЗ ОКНА ГЛЯДИТ ЦАРЕВНА...

Из окна глядит царевна —
Волны плещутся о скалы...
Дно морское, дно морское
Красоту ее украло...

А с челна, бросая сети,
Смотрит вглубь рыбак несчастный.
Дно морское, дно морское
Отражает лик прекрасный.

— Никогда не поднимал я
Глаз на замок, на вершины —
Дно морское, дно морское
Тянет в синие глубины.

СНОВА МАЧТЫ ПОКИДАЮТ...

Снова мачты покидают
Берега беспечные.
Сколько их переломают
Ветры, волны вечные?

Снова птиц зима торопит,
Гонит над раздольями.
Сколько в море их утопят
Волны, ветры вольные?

Идеалам ли обеты,
Судьбы ль бессердечные —
Гонят всех по белу свету
Ветры, волны вечные.

В песнях темными пребудут
Мысли подневольные —
За собой влекут их всюду
Волны, ветры вольные.

ЗВЕЗДА

Звезды новорожденной свет,
Стремясь к земле, проводит
В пространстве сотни тысяч лет,
Пока до нас доходит.

Быть может, он уже угас
В просторах мирозданья
В тот самый миг, когда до нас
Дошло его сиянье.

Звезда потухла, умерла,
Но свет струится ясный:
Пока не видели — была.
А видим — уж погасла.

Была любовь, ее уж нет,
Затмилась мраком ночи.
Но все любви угасшей свет
Мне ослепляет очи.

АЛБАНИЯ

НАИМ ФРАШЕРИ

ПЕСНЬ СВЕТИЛЬНИКА

Средь вас, о люди, и для вас
Во тьме кромешной рдею.
Рожден я, чтобы вам светить,
Чтоб делать вас мудрее.

Сгорю, по каплям изойду,
Истаю весь, счастливый,
Чтобы себя, друзей, весь мир
Полней познать могли вы.

Когда ж угасну наконец,
Не сокрушайтесь — верьте:
Я жизнь с отрадой отдал вам,
Я не страшился смерти!

Я вездесущ, я воплощен
В животворящем свете;
Я в вас самих, я вам родной,
Роднее всех на свете.

Великой доблести пример,
Сурового терпенья,
К самозабвенью вас зову
И к самоотреченью.

Придите ж, сядьте вкруг меня,
Шутите, пойте, пейте,

В душе предела нет любви —
Для вас она,— владейте!

Для вас, для вас мой каждый вздох,
Печаль моя и радость.
Отдав вам все, хочу вкусить
Великой жертвы сладость.

Ведь я люблю людей, люблю
Всем сердцем, всею кровью,—
Так полюбите и меня
Такою же любовью!

Любите жизнь, любите труд,
Друг друга полюбите!
О легкокрылые сердца,
На мой огонь летите!

Он обжигает плоть, зато
Врачует дух недужный.
Пред очистительным огнем
Откиньте страх ненужный.

Да, я ваш самый лучший друг,
Я с давних пор вам ведом,
Я вашим пращурам светил,
И прадедам, и дедам.

Подобно им, я испытал
Немало превращений:
Бывал и глиной, и водой,
И стеблями растений;

Взметался жертвенным костром,
Тлел огоньком болотным.
Искрился в чаше круговой
И в зелье приворотном.

Я отпрыск вечного огня,
Родня светил далеких,
Властитель облачных высот,
Владыка недр глубоких...

Сказал бы больше, да боюсь
Прослыть за многослова,—
И для бумаги ль сотворен
Язык огня святого?!

СВИРЕЛЬ

Ты слышишь, песня раздалась
Свирели одинокой?
Вновь повела она рассказ
Об участи жестокой:

«С тех пор как, дома и друзей
Лишась, брожу по свету,
Нет у меня счастливых дней,
Минуты доброй нету.

Лила я слезы, грудь свою
Терзала я в печали,
И люди, чуя боль мою,
Скорбели и рыдали.

Потом, страданье затая,
Я примирилась с виду,—
Делю с веселым радость я,
С обиженным — обиду.

Но нет забвенья мне ни в чем:
В беседе ль, за трудами —
Исходит сердце день за днем
Незримыми слезами.

Взирают люди на меня,
Но как заглянешь в душу?
Им не понять того огня,
Что жжет меня и сушит.

Теснясь назойливо вокруг,
Помочь они не властны,
Не пережив ни этих мук,
Ни этой жажды страстной».

Все, кто от родины вдали
Обречены скитаться,
В свирели друга обрели,
Навеки с ней роднятся.

Напев свирели! Наделен
Он прелестью манящей;
Ему весь мир внимает, он —
Огонь животворящий.

Он светом сумрак озарит,
Вино играть заставит,
Надеждой душу опьянит
И лед в сердцах расплавит.

Дал звучный голос соловью,
Цветку — благоуханье,
Смысл вдохновенный — бытию
И стройность — мирозданью.

Он к небесам свой жар вознес
И в бездне опаленной
Зажег мильоны ярких звезд —
Могучих солнц мильоны.

Крупицу этого огня
Взял бог — творец природы
И, в землю искру зароня,
Дал жизнь людскому роду.

О пламя чистое, гори,
Пылай в душе поэта!
Захочешь жизнь мою — бери,
Но не оставь без света!

СТАДА И ПАШНИ

⟨Отрывок из поэмы⟩

Край, где бьют ключи из камня, где ветра поют в дубравах,
Где цветы неосторожно прячутся в зеленых травах,
Где звучит рожок пастуший над извилистой тропою,—
Я туда стремлюсь мечтою! Край мой, я всегда с тобою!
Там щедрее солнце греет, там яснее месяц светит,
Только там любовь и счастье сердце ищущее встретит.
Даже ночи там прекрасней, даже дни ясней и чище,
Боги там в зеленых чащах обрели себе жилище...
От волненья городского, от движенья и от шума,
Через горы, через долы пусть туда умчится дума,
Где простая речь кукушки раздается над долиной,
Крик разумной куропатки, взрывы страсти соловьиной.
Я хочу туда, где роза жадно пьет росу устами,
Я хочу, чтоб эту песню подхватили птичьи стаи,
Я хочу туда, где горы дремлют в облачном снегу,
Где стада овец белее ракушек на берегу;

Я хочу увидеть снова чашу неба голубую,
Я хочу потрогать землю, эту землю дорогую!
Девушка моя, пастушка! До локтей рукав закатан,
Ты несешь ягнят, прижавши щеки к мордочкам мохнатым;
На губах твоих улыбка, ты не ведаешь про горе,—
Заплутавшееся счастье я в твоем увидел взоре.
Ты идешь легка, спокойна, от улыбки хорошея,
За тобой идет ягненок с колокольчиком на шее.
Ты скажи мне, ради бога, не встречала ли ты стадо?
«Как же! Я иду оттуда... Вон оно, у водопада».
Господи! И я увидел — вдалеке, как рой пчелиный!

Да сияют мир и радость над моей родной долиной!..
На холмах лежат ягнята лепестками белой розы,
На отрогах меж кустами бродят дымчатые козы.
Как люблю я видеть стадо на холме в часы заката,
Где, вытягивая морды, матерей сосут ягнята,
Где в тени деревьев овцы прилегли и присмирели...
Колокольчик и бубенчик вторят голосу свирели.
Склоны горные покрыты непримятою травою.
Хорошо дышать на свете! Радуется все живое!
Тонконогий жеребенок мчится по полю игриво;
Для птенцов гнездо готовя, в небе ласточка счастлива;
Напролом несется ослик, словно конница в атаку,
Из себя изображая настоящего вояку;
Птицы песни распевают, окружая куст цветущий,
Словно ангелы господни посреди небесных кущей;
Жаворонок выше, выше мчится в небо голубое,
Словно к господу стремится со счастливой похвалою.

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ И СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

СЕРБСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

СЕСТРА И БРАТЬЯ

Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два брата родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?»
Отвечает Радулова люба:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
Вот пошла Павлиха к водопою

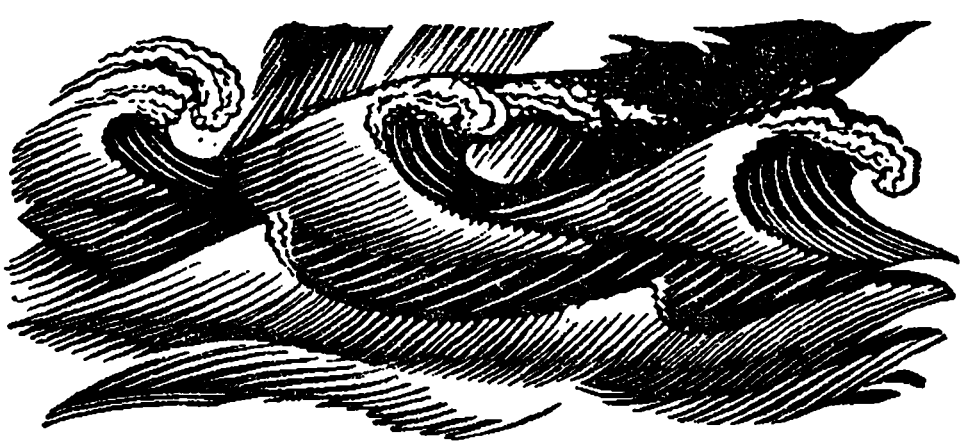
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? Скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? Скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченый».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченый.
Из ножен вынул его Павел,—
Нож злаченый весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:

«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает,—
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! Прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко́ней
И пусти их по чистому полю».
Своей любы послушался Павел.
Привязал ее к хвостам своих ко́ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,

На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

СЕСТРА ОСВОБОЖДАЕТ БРАТА*

Получили в Дубице* бумагу:
Чтоб собрались парни дубичане,
Чтобы шли они к султану в войско.
Провожают мать с отцом сыночка,
Брат с сестрою провожают брата,
Йована ж никто не провожает,
Лишь одна сестра его родная.
Проводили все до полдороги,
С полдороги стали возвращаться.
Не вернулась Йована сестрица,
А до синя моря проводила.
Как на берег на морской ступила,
Замутила море все слезами,
Плачем лодки все остановила.
Турки в час тот милостивы были,
Меж собою тихо говорили:
«Боже правый, мы отпустим брата,
Брата милого вернем сестрице,
Может, море снова отстоится,
Снова лодки двинутся по морю».
Брата милого к сестре пустили,
Сразу же все море посветлело,
Сразу лодки легкие поплыли.
Скрылись лодки, в море уплывая,
Скрылся Йован, песню распевая.



ПЕТАР ПЕТРОВИЧ НЕГОШ

ПЛАЧ СЕСТРЫ БАТРИЧА*

〈Отрывок из поэмы «Горный венец»〉

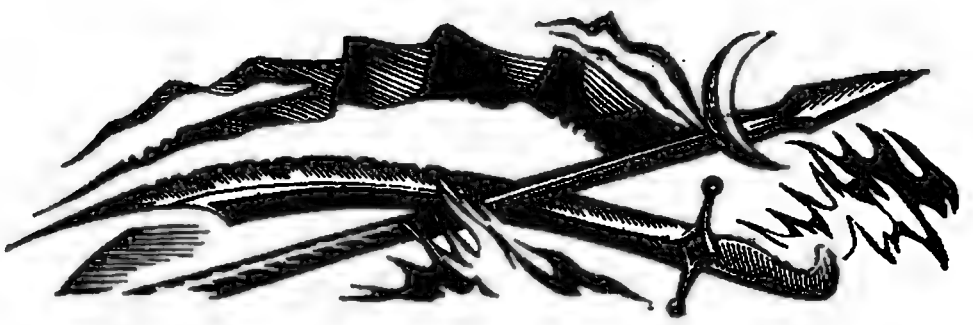
От меня куда ты скрылся,
сизый сокол!
Улетел от дивной стаи,
брат-кормилец!
Иль не знал неверных турок,
бог их проклял!
Что они тебя обманут,
дивноглавый!
Для меня весь свет потерян,
брат мой, солнце!
И не будет исцеленья
лютой ране!
Свет очей моих затмился,
свет небесный!
На кого оставил братьев,
брат любимый!
И отца, седого Перо,
горе Перо!
И сестер трех незамужних,
трех кукушек!
И семь снох, остригших косы,
горемычных!
Голову что ж молодую
не сберег ты?
Усладил убийцу ею,
брат мой славный!
Отрубили ее турки
вероломно!
И украшен дивно Травник*,—
месть им будет! —
Головой твоей прекрасной,
плач и горе!
Кто ж возглавит наши четы,
ты ведь вождь их!
Защитит кто крылья войска,
сизокрылый!
Головы кто туркам срубит
острой саблей?

Лучше б сгинул ты в злой сече,
воин смелый!
Там, где сербские юнаки,
брат мой юный!
В плен берут врагов с оружьем,
пал со славой!
Был ты верен вероломным,
слову верный!
Лучше б потерять мне разум,
горемычной!
Чтоб забыть, размыкать горе
мне, кукушке!
С головой своей премудрой,
брат мой юный!
Мог сидеть ты у престола,
как советник!
Мог быть визирем ты царским,
мне на радость!
С королем сидеть мог рядом,
мой владыка!
Мог бы стать ты воеводой,
розан алый!
Ох, хотя б поговорить мне,
мое сердце!
С головой твоею мертвой,
мне, несчастной!
В очи черные взглянуть бы,
очи брата!
Мертвые уста лобзала б
вместо брата!
Расчесала б гребнем кудри,
ох, мне горе!
Новую чалму надела б
сестра брату!*
Ты теперь в руках злодейских,
месть им будет!
Ты в крови, обезображен
палачами!
Много там голов увидим,
нам на горе!
Наших соколов отборных,—
плачьте, братья! —
В Травнике торчат на кольях,
в распроклятом!
Не узнать голов всех братских,
ой, беда нам!

Так над ними надругались
басурмане!
Что с твоей женою будет,
молодою!
Двое деток-малолеток,
сиротинки!
Ты оставил деда Байко,
брат мой Батрич!
Он тебя кормил и нянчил,
тяжко деду!
Раны лютые простятся,
брат мой Батрич!
Не простятся злые козни,—
горе роду! —
Отуречилась страна вся,
божья кара!
Главари окаменели,
камень в дом их!

ЛОВЧЕНУ*

Ловченская гордая вершина,
ты главою тучи задеваешь
и надменно видишь под собою
чудные творения природы:
Черногории кровавый камень*,
Боснии равнины и Албанию,
Турции поля, латинский берег!
У себя за пазухой ты прячешь,
как невеста яблоки дареные,
молнии за тысячи столетий.
Никого ты не считаешь ровней,
кто на Милоша, на Карагеоргия*,
на орла и волка не походит.
Вуковцев*, предателей народа,
ядовито предаешь проклятью.



ТЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Над многоочитым звездным сводом
и под самой верхней сферой неба,
там, где взгляд людской достичь не может
юных солнц бессменное рожденье,—
выбитые из кремня творца рукою,
осыпаются они роями,—
там и был зачат твой гений
и поэзией миропомазан;
из тех мест, где вспыхивают зори,
к людям прилетел твой гений.
Все, что может совершить геройство,
на алтарь чудесный я слагаю,
посвящаю я святому праху
твоему, певец счастливый
своего великого народа.

БРАНКО РАДИЧЕВИЧ

Громче, четче, тамбур, тамбурица!
Гряньте, струны! Будем веселиться!
Мы живем, а завтра нас не будет.
В коло*, братья, коло всех пробудит!..
Коло, коло,
Круг веселый,
Дружный, тесный
И чудесный,
Круг проворный
И узорный,
Голосистый
И цветистый!
Братья, в дружном коло нашем,
Все собравшись, вместе спляшем!
Серб, ты всем на удивленье!
Ты живой огонь в движенье!
Ой, хорват, ты без изъяна,

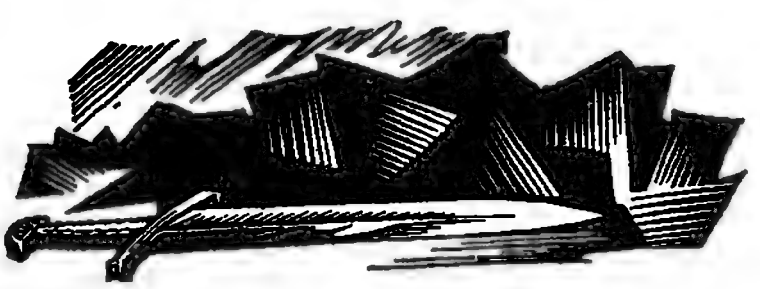
Нет в душе твоей обмана!
Ой, босниец, ведь издавна
Ваша верность слову славна,
Твердостью ты словно камень,
Затаивший искру — пламень!
Ой, герцоговинец верный,
Побратим и друг примерный,
Словно молния несешься,
Славно бьешься, не согнешься!
Ой, сремчанин, змей ты лютый.
По-юнацки рвешь ты путы!
Черногорец, царь ты малый,
Ты свои прославил скалы,
Саблей ты сечешь, сверкаешь
И свободу добываешь!..
Ой ты, далматинец, сокол,
Ты над морем взмыл высоко!
Ой ты, дубровчанин смелый,
И сегодня день наш белый
Полон песен старой славы,
Что так дивны, величавы!
Ой, словенец, тонкий, стройный,
Ой, банатец ты спокойный.
Бачванин, ой, в круг наш тесный,
Дьявольски силен ты в песне!
Наши братья вдоль Дуная,
Там, где Драва голубая,
Собирайтесь отовсюду,
Спляшем дружно коло-чудо!..

ДЖУРА ЯКШИЧ

ОТЧИЗНЕ

Даже камни кряжей горных сербских,
Что сквозь облако грозятся солнцу,
Сумрачно кремнистый лоб нахмурив,
Повествуют о веках далеких
И показывают молчаливо
На лице глубокие морщины.

Это мрачный след веков прошедших,
Это борозды расщелин черных,
Камни эти, словно пирамида,
Поднимаются из праха к небу.
То гора костей окаменелых,
Что в борьбе с заклятыми врагами
Вольно наши прадеды сложили,
Кровью сердца своего скрепляя
Мышцы мощные костей разбитых,
Чтобы внукам крепость приготовить,
Где б могли они бесстрашно встретить
Хищные грабительские орды.
Может, ты дойдешь до этих кряжей,
До твердыни этой,
Даже ступишь здесь ногой поганой,
Но дерзнешь ли дальше? Ты услышишь,
Как вдруг тишину земли свободной
Громы страшным грохотом разрушат.
Ты поймешь тогда пугливым сердцем
Смелый голос громовых раскатов,
Будешь ты о каменные глыбы,
Обезумевши от страха, биться,
Голым теменем своим обритым*,
Мысль одну, одно лишь изреченье
Ты услышишь средь борьбы смертельной:
«Здесь отчизна сербов!»



ЙОВАН ЙОВАНОВИЧ ЗМАЙ

БРАТЬЯМ БОЛГАРАМ

Здравствуйте, соседи.
Добрый день вам, братья.
Здравья и свободы
Рад вам пожелать я.

Пусть всегда нас греют
Братские объятья.
Братья мы по крови
И по духу братья.

Сербы край свой любят,
Отчий дом свой старый.
Сербы любят волю
Так же, как болгары.

Пусть грозят нам беды,
Мы их одолеем,
Вместе наши руки
Во сто раз сильнее!

ВЗВЕЙСЯ, ВЕТЕР!

Взвейся, ветер, пусть иссякнет
Море слез моей отчизны,
В этом море пять столетий
Тонет повесть сербской жизни*.

Всякий, кто глаза имеет,
Пусть увидит, пусть читает,
Как один народ безмерно
В рабской участи страдает.

Взвейся, ветер, разнеси ты
Вздох наш тяжкий в край из края,
Пусть везде узнают люди,
Как томимся мы, страдая.

И замри, пусть самый малый
Лепесток не шевельнется,
Чтобы мы могли услышать,
Чье нам сердце отзовется.

* * *

Как этот мир
    Дивно широк,
Там розы цвет,
    А здесь поток.
Там нивы блеск,
    Здесь светлый сад.
То солнца жар,
    То лютый хлад.
В золоте весь
    Дунай течет,
Там зелень трав,
    Жасмин цветет!
Там соловья
    Слышится песнь,
Моя душа
С твоею здесь.

* * *

С лепестков росистый жемчуг
Солнце утром собирает,
День угаснет, ночь настанет,
И роса опять сияет.

Солнце вновь росу осушит,
Вновь блеснет роса ночная.
И сегодня так, и завтра,
Что ни ночь — роса иная.

Наконец устало солнце,
А роса не утомилась...
Солнце поняло, какая
В лепестках роса искрилась.

* * *

Роясь в книгах и бумагах,
Между пыльными томами
Песню старую нашел я,
Что лежала здесь годами.

В этой песне вздохи сердца,
Счастья первая примета,
В ней моя былая радость
И любовь моя воспета.

Слышится в ней отзвук рая
На порывы жизни юной,
Что с вершин надежд слетая,
Задевали сердца струны.

Только кто посмел бы ныне
Вспоминать о солнце лета!
Я и сам боюсь сегодня
Песни, спрятанной от света.

Предо мной свеча трепещет,
Свет простерла над листками,
Я поднес к свече бумагу,
И ее пожрало пламя.

Пламя вспыхнуло внезапно,
На мгновение окрепло,
И бумага почернела,
Но слова видны средь пепла.

Я читаю вздохи сердца,
Счастья свет, свет жизни целой,
Я читаю все, что было
На бумаге обгорелой.

Значит, в нас любовь святую
Смерть сама не уничтожит!
Значит, все святые чувства
Сохранить и пепел может!

Он не тронет дорогого,
Ибо это — святотатство.
Ой ты, песня — мое горе,
Пепел — все мое богатство!

ИВАН МАЖУРАНИЧ

ДАНЬ

〈Отрывок из поэмы
«Смерть Смаил-аги Ченчича»〉

Хорошо на поле Гатском,
Коли там не мучит голод,
Лютый голод, лютая неволя!
Да на горе поле придавили
Войско злое, светлое оружье,
Боевые кони и палатки,
Тяжкие оковы и колодки.

Для чего ж там войско и оружье?
Для чего там кони и палатки,
Тяжкие оковы и колодки?
Смаил-ага дань взимает кровью
И на поле Гатском, и в округе.
Середь поля он шатры раскинул,
Сборщиков он разослал повсюду,
Пусть их, лютых, волки растерзают!
Требует с души он по цехину*,
С очага — по жирному барану,
Каждую ночь — новую девицу.

Едут турки-сборщики с востока,
Тянут райю* голую арканом,
Едут, змеи, с севера и юга,
Тянут райю голую арканом.
Руки бедным за спиной скрутили,
Тянут их за конскими хвостами.
Боже, в чем же райя виновата?
В том, что злоба на душе у турок?
В том, что их сердца позаржавели?
Виновата в чем? За что расплата?
Нет того, что туркам на потребу:
Золота нет, белого нет хлеба.

У аги скакун горячий,
Пред шатром ага верхом маячит,
Держит он копье десницей храброй,
Смотрит зорко, словно кречет.

Борзый конь аги быстрей всех скачет,
А копье ага всех метче мечет.
Воин добрый, только сам не добрый!
Увидав, что на арканах
Сборщики волочат пленных,
Он стрелой на них понесся
На коне буланом борзом,
И на всем скаку с разлета
Он копье метнул рукою правой
В голову валаха* для забавы.

Но подчас и у юнака
Храбрая рука задремлет:
Так и тут вдруг по-иному вышло,
Борзый конь аги споткнулся,
Свистнуло копье в полете,
Пролетело легкокрыло мимо,
Поразило не ягненка — волка,
У Сафера, что волок валаха,
Выбило один глаз светлый.

На зеленую траву глаз вытек,
Брызнула кровь темною струею,
Взвизгнул турок и змеей взметнулся.
Пламенем живым ага тут вспыхнул,
Ведь позор для славного юнака
Собирать и не собрать всей дани,
Целиться копьем и промахнуться,
Не валаха ослепить, а турка
На злорадный смех всем христианам,
Пламенем живым ага зарделся,
Боже, на кого падет расплата,
Ведь всегда валахи виноваты!

— Эй вы, Муйо, Хаса, Омер, Яшар,
Во всю прыть коней гоните,
Пусть за вами на аркане
Поспевают христиане! —
Словно лютый бык, ага вдруг рявкнул.

Слуги быстро все повиновались,
Во всю прыть коней они пустили,
Хлопают плетьми и с гиком гонят.
Топают под всадниками кони,
За конями сзади райя стонет.
Мнится в первый миг, что райя мчится,
Ласточкой коней перегоняет,
Во второй миг разобрать не можешь,

Кто быстрее — кони или люди,
А в четвертый миг — не поспевая,
Повалилась на землю вся райя.
Всех волочат кони за собою
И по грязи, и по пыли,
Словно тело Гектора вкруг Трои,
Когда Трою боги позабыли*.

Сам ага со свитой смотрит, стоя,
Тешит зрелищем жестоким
Гневные и злые очи.
Утоляет кровожадность
Влашской кровью, влашской мукой.
А когда их сердце разыгралось,
Громко турки засмеялись,
Любо им — упала райя,
Люди ползают, будто собаки.
Так хохочут дьяволы, от скуки
Грешникам придумывая муки.

ПЕТАР ПРЕРАДОВИЧ

МОЯ ЛОДКА

Мчись, ладья! В бескрайной шири
Выбирай пути.
Цель найдешь, которой в мире
Я не смог найти.

Если рок тебя забросил
В неизвестный край —
Напряги удары весел,
Парус распрямляй.

Доверяйся ветра власти,
Слушай волн напев —
И лети навстречу счастью,
К небу стяг воздев!

ЗВЕЗДНЫЙ ХОРОВОД

На лазурном небосводе
Звезды ходят в хороводе;
Все столпились в тесный ряд
И о страннице печальной,
О Земле многострадальной,
Робко, нежно говорят.

Тихо молвила Денница*:
«Наша бедная сестрица
И печальна и темна.
Не судите Землю строго:
У нее заботы много.
Истомилася она.

Сколько ног босых блуждает,
Твердой почвы ожидает
На мельчайшей из планет!
Сколько рук там крепких страждет
И работы алчет, жаждет,
А работы — нет как нет!

Сколько там сердец, с любовью,
Обливающихся кровью
И болящих за народ!
Не будите Землю! Тише!»
И, смотря на Землю свыше,
Разошелся хоровод.

ФРАНЦЕ ПРЕШЕРН

ЗДРАВИЦА

Други! Нам родили лозы
Это сладкое вино,
осушает наши слезы,
в жилах буйствует оно.

С ним тоска
не горька,
радость кажется близка.

Здравицу кому в веселье
мы певали искони?
Подарил господь нам земли,
боже, всех славян храни —
не развей
сыновей,
верных матери своей!

Пусть над недругами рода
разразится горний гром!
Как при пращурах, свобода
пусть войдет в словенский дом,
пусть смелы,
как орлы,
мы разнимем кандалы!

Единенье, счастье, право
пусть вернутся на века,
пусть твои потомки, Слава,
встанут об руку рука,—
все, как есть,
чтобы честь
рядом с мощью стала цвесть.

Сохрани словенок, боже,
пусть цветут они в любви!
Не на розу ли похожи
наши сестры по крови?
Пусть родят
нам орлят,
тех, что недругов сразят!

И за юношей с весельем
пьем из чаши круговой!
Не отравят гнусным зельем
их любовь к земле родной.
Ибо нас
в этот час
вновь зовет отчизны глас.

Пьем за вечную свободу
всех народов и племен.
Да не будет злу в угоду
мир враждою осквернен.

За межой —
не чужой,
друг-товарищ дорогой.

За себя поднимем чашу!
Выпьем, други, под конец
за святую дружбу нашу,
за согласие сердец.
Там, где пьют,
там и льют,
веселится добрый люд!

ПРОСЬБА

Я не ропщу и втайне,
что смотришь на других,
но любоваться дай мне
сияньем глаз твоих!

Цветы к земле склонились
под хмуростью небес,
и птицы затаились,
притих звенящий лес.

И не кружатся пчелы
над липой молодой,
рыбешек плеск веселый
не слышен над водой.

Печалится любое
живое существо,
коль солнце золотое
уходит от него.

Умолкли птицы в чаще,
фиалок нет в саду,
не слышно пчел летящих,
рыбешек нет в пруду...

А мысли, что таятся
в сердечной глубине
и вырваться стремятся
в строке, в ее огне...—

чтобы взлететь к высотам,
в их крыльях силы нет,

покуда не блеснет им
очей небесных свет.

Чтоб вольного полета
не погубил мороз,
чтоб средь словенцев кто-то
твой образ превознес,—

взгляни хоть ненароком,
пусть я тебе не мил,
и в горе одиноком
найду источник сил.

СИМОН ГРЕГОРЧИЧ

ВЕСЕЛЫЙ ПАСТУХ

В руке моей — палка кривая,
за поясом пестрым цветы.
В горах королем пребываю,
гоняя овечьи гурты.

Ведомый лишь разумом здравым,
брожу по вершинам один,
чужим не потворствуя нравам,
лишь сам я себе господин.

Я здесь никому не помеха,
и мне не помеха никто,
смеюсь, если хочется смеха.
Один, но свободен зато!

Не хмурился здесь я ни разу,
я радуюсь горным ветрам,
пою, веселюсь до отказу,
и эхо летит по горам.

Другие, по свету кочуя,
пусть ищут богатство и власть,

здесь счастье мое, здесь хочу я
покоем насытиться всласть.

С отарой путем моим длинным
шагаю и песню пою,
вверяя горам и долинам
счастливую душу мою.

Мой посох отдать пожалею
за скипетр и клясться готов —
мне царской короны милее
венок мой из диких цветов.

АНТОН АШКЕРЦ

Дымится черное, распаханное поле...
Проходит селянин по свежей борозде
И семена рукою неустанной
Бросает в землю, словно мимоходом.
И мудрая кормилица Земля
Встречает радостно весенние посевы,
Скрывая их в таинственные недра,
Откуда золотом они заколосятся.
Дымится черное, распаханное поле,
Проходит сеятель по свежей борозде,
Бросая семена... Не так ли ты, поэт,
В сердца людей свои роняешь мысли?

РУССКИЙ ЯЗЫК

Язык прекрасный русского народа,
Как ты пленителен, как близок мне!
Какие тайные созвучья-струны
Родишь ты вдруг в душевной глубине!

Великий, мощный, благозвучный,
Язык славянский, ты — язык и мой.

В твоих ласкающих так сладко звуках
Не говорила ль мать моя со мной?

Ты — нежная, серебряная арфа
В руках у вдохновенного певца,
И райский звук твоей волшебной песни
Волнует мощным эхом все сердца.

Она то млеет вся, как страсти шепот,
То плач отчаянья, то тяжкий стон
В ней слышится, то вопль тоски безбрежной.
Она летит, то плавная, как звон

Колоколов, зовущий властно и призывно,
То грозная, как гром из тучи грозовой,
То шумная, как моря гул прибрежный,
То разудалая, как вихрь степной.

Ты — царь. Властительное молвишь слово,
И вмиг сынов твоих бессчетный строй
На твой призыв встает и смело рвется
За родину и за свободу в бой.

Мыслителю ты — крепкой стали молот.
Он из тебя кует победной правды меч,—
И, мыслей новых искрами сверкая,
Твоя несется пламенная речь.

Гигант славянства, рабства ты не знаешь!
Не может быть невольником герой.
Не даст себя он заковать в оковы,
Ему несносен мрак тюрьмы сырой.

О нет, ты не орудье силы темной:
Ты света властелин, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Из тьмы ты к солнцу правды нас ведешь!

Да светит же твой яркий, мощный светоч
От дальних Балта синего брегов
Чрез горы, дол, чрез тундры и чрез реки
До океана Тихого валов!

От солнца Индии до стран полночи
Простертых в прахе к счастью да зовет,
Народы к жизни воздвигает новой
И всем им весть спасения несет!

ДАНИЯ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

ХОЛЬГЕР ДАТСКИЙ* И СИЛАЧ ДИДРИК*

Силен был Дидрик, груб и смел,
А жил он возле Берна
И триста родичей имел,
Я говорю вам верно.
А бились мы в Ютландии.

«Мы весь завоевали свет,
Теперь земли нам хватит.
Но Хольгер Датский, наш сосед,
Еще нам дань не платит».

Тут Свертинг *, злобой обуян,
Вскричал что было духу:
«Давайте мне хоть сто датчан,
Прихлопну их, как муху!»

«Потише, Свертинг, черный тролль.
Датчан не взять без боя.
У них не трус и сам король,
И войско недурное».

Но Свертинг лишь плечом пожал:
«Постыдный страх отбросьте!
Покуда Хольгер не сбежал,
К нему нагрянем в гости».

Наутро двинулись в поход
Шестнадцать тысяч конных,
Чтоб датский покорить народ,
Сломить непокоренных.

Вперед отправили послов:
Пусть платят дань датчане,
А нет — так пусть без лишних слов
Спешат на поле брани.

Ответил Верландсен * послам:
«Меч воинов рассудит.
Тому, кто в дом вломился к нам,
Пути назад не будет».

Сошлись враждебные войска
На вересковом поле,
И мнилось, Дания близка
К позору и неволе.

Рубились воины три дня,
Пришельцев много пало,
Ни шагу датская броня
Врагам не уступала.

Угрюмо Свертинг проворчал:
«От нас осталась сотня.
Не одолеем мы датчан
Ни завтра, ни сегодня».

И Дидрик, мощный, как гора,
Ответил, хмурясь грозно:
«Я вижу, прочь бежать пора,
Пока еще не поздно».

Помчался Дидрик по холмам,
Он зря, выходит, бился.
За ним бежал и Свертинг сам,
Хоть больше всех хвалился.

И Йерн сказал пришельцам вслед,
Оглядывая дали:
«Немало знали вы побед,
Теперь позор узнали».

Шестнадцать тысяч верховых
Навеки стали прахом.

Бежали семьдесят живых,
Гонимы смертным страхом.

Остыл недавней битвы жар,
Но кровь бежит потоком,
И солнце сквозь кровавый пар
Глядит багровым оком.
А бились мы в Ютландии.

СТИГ-ЗНАМЕНОСЕЦ

Юного Стига зовут к королю:
«Быть знаменосцем тебе я велю».
Со Стигом случилась беда.

«Я еще молод, не видел войны.
Как повезу я знамя страны?»

«Только горячие руки юнца
Знамя удержат в бою до конца».

«Пусть же мне новое знамя сошьют,
Многих под знаменем этим убьют.

Пусть же три цвета ведут нас на бой:
Красный, желтый и голубой*».

Весело мчался со знаменем Стиг,
Он неприятеля первым настиг.

Стрелы летели как сено, пучком,
В красный рукав вонзались торчком.

Стрелы летели как головни,
В белую руку вонзались они.

Крикнул король ему: «Знамя бросай!
Ты еще молод, себя и спасай!»

«Нет, не услышит невеста моя,
Что знаменосцем бесчестным был я.

Брошу я знамя — грош мне цена,
Буду я проклят на все времена».

Стиг от мечей и от стрел не бежал:
Мертвой рукою он знамя держал.

Грудами трупов враги полегли,
Но не подняться и Стигу с земли.

Гордо король свое войско ведет,
Стига невеста навстречу идет.

«Милости просим к родным очагам,
Славно вы дали острастку врагам».

«В честном бою одолели мы их,
Честно со знаменем пал твой жених».

Скорбно невеста закрыла лицо,
С белой руки покатилось кольцо.

«Я не люблю, когда долго скорбят.
Рыцарь мой Карл и пригож, и богат».

«Карлу не стану я верной женой,
И не разделит судьбу он со мной.

Правда, что он и богат, и пригож,
Только на Стига твой Карл непохож».
Со Стигом случилась беда.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОД

Девушка парню сказала так:
«Теперь-то мы не тужим.
На сердце грусть.
Но чем ты прокормишь меня, бедняк,
Если мне станешь мужем?
А лес зазеленел.

Вставать не люблю я рано
И спину гнуть не люблю». —
«Что ж, рыбаком я стану
И рыбы тебе наловлю».

«А вдруг ни леща, ни щуки
Ты не сможешь добыть?» —
«Что ж, цеп возьму я в руки,
Пойду на ток молотить».

«А если вдруг от града
Погибнет рожь на корню?» —
«Стану пасти я стадо,
Пастуха заменю».

«А вдруг за долги скотину
Продадут, на беду?» —
«Топор из-за пояса выну
И в лесорубы пойду».

«А вдруг топор откажет,
Ни щепки не отколоть?» —
«Мельник меня уважит,
Возьмет муку молоть».

«А если прорвет запруду
О весенней поре?» —
«Копье себе добуду,
Буду служить при дворе».

«А если прикажут слугам
Прогнать тебя в тумаки?» —
«Что ж, за гончарным кругом
Буду лепить горшки».

«А если в сарае дыры
И смерзнется глина в ком?» —
«Что ж, пойду в ювелиры,
Буду со знатью знаком».

«А если не хватит на перстни
Золота господам?» —
«Сваляю шляпы из шерсти
И выгодно продам».

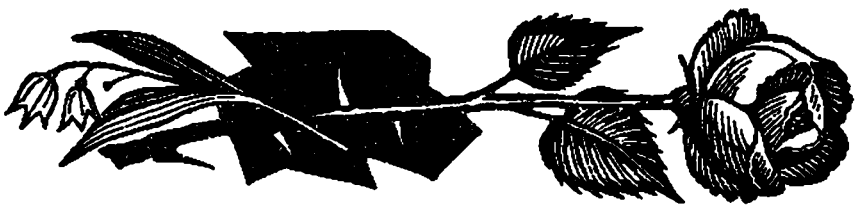
«А если шляп не купят
И горю ничем не помочь?» —
«Ну, значит, час наступит
Уйти из дома прочь».

«А если в пустыне мертвой
Ты пищи не найдешь?» —
«Тогда пошлю тебя к черту,
Сама не знаешь, что врешь».

«А вдруг я псалом прочитаю
И черт меня не возьмет?» —

«В песок тебя закопаю,
Меня ты вогнала в пот».

«А если и пески
Не примут твою подружку?»
На сердце грусть.
«До гробовой доски
Любить тебя буду, болтушку!»
А лес зазеленел.



ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

ДАНИЯ — МОЯ РОДИНА

В цветущей Дании, где свет увидел я,
Берет мой мир свое начало;
На датском языке мать песни мне певала,
Шептала сказки мне родимая моя...
Люблю тебя, родных морей волна,
Люблю я вас, старинные курганы,
Цветы садов, родных лесов поляны,
Люблю тебя, отцов моих страна.

Где ткет весна узорные ковры
Пестрей, чем здесь, богаче и душистей?
Где светит месяц ярче и лучистей,
Где темный бук разбил пышней свои шатры?..
Люблю я вас, леса, холмы, луга,
Люблю святое знамя «Данеборга»*,—
С ним видел бог победной славы много!..
Люблю я Дании цветущей берега!..

Царицей севера, достойного венца,
Была ты — гордая своею долей скромной;
Но все же и теперь на целый мир огромный
Звенит родная песнь и слышен звук резца!..

Люблю я вас, зеленые поля!
Вас пашет плуг, места победных браней!..
Бог воскресит всю быль воспоминаний,
Всю быль твою, родимая земля!..

Страна, где вырос я, где чувствую родным
И каждый холм, и каждый нивы колос,
Где в шуме волн мне внятен милый голос,
Где веет жизнь пленительным былым...
Вы, берегов скалистые края,
Где слышны взмахи крыльев лебединых,
Вы — острова, очаг былин старинных,
О, Дания! О, родина моя!..

РОЗА

Ты улыбнулась мне улыбкой светлой рая...
Мой сад блестит в росистых жемчугах,
И на тебе, жемчужиной сверкая,
Одна слеза дрожит на лепестках.

То плакал эльф о том, что вянут розы,
Что краток миг цветущей красоты...
Но ты цветешь,— и тихо зреют грезы
В твоей душе... О чем мечтаешь ты?

Ты вся любовь,— пусть люди ненавидят! —
Как сердце гения, ты вся одна краса,—
А там, где смертные лишь бренный воздух видят —
Там гений видит небеса!..

НОРВЕГИЯ

ХЕНРИК ИБСЕН

РУДОКОП

С громом рушься, твердый свод!
Крепко тяжкий молот бьет.
Я скалу дроблю упорно,
Слыша гул породы горной.

В недрах гор поет руда
И зовет меня туда,
Где алмазы и бериллы,
Где златые блещут жилы.

Там, во глубине земной,
Мир и вечности покой.
Пролагай же путь единый
В сердце тайны, в мрак глубинный!

Мальчиком смотреть любил
Я на стройный хор светил,
По лугам бродил весною
С детски ясною душою.

Но забыта мной весна
В шахте, что, как ночь, темна,
Где не слышен гул природы,
Где на душу давят своды.

В первый раз, мечту тая,
Под землею, думал я,
Знают духи гор, конечно,
Тайну этой жизни вечной.

Но такого духа нет,
Чтобы мог мне дать ответ,
Луч не вышел ни единый
Осветить земли глубины.

Я ошибся? Нет пути,
Чтобы к ясности вести?
Вверх гляжу — мрачнее ночи
Свет дневной слепит мне очи.

Нет, я дальше вглубь уйду,
Мир и вечность там найду.
Молот, путь тебе единый —
В сердце тайны, в мрак глубинный!

Все сильнее, молот, бей
До моих последних дней!
Ведь заря вовек не встанет,
И надежды луч обманет.

БЬЁРНСТЬЕРНЕ БЬЁРНСОН

О, ЕСЛИ Б ТЫ ЗНАЛА!

Не смею с тобой завести разговор,
Не смеешь ты кинуть мне ласковый взор,
Брожу здесь, и думаю все об одном,
И вижу тебя за высоким окном,
И мысли плывут, словно челн без причала,
А нам ни спросить, ни взглянуть, как бывало.
О, если б ты знала!

Когда я стоял тут на страже всегда,
Была ты со мной холодна и горда.
Стал редким я гостем, но видел не раз,
Что ты не отводишь от улицы глаз.
Два глаза людей погубили немало.
Лишь тех, кто не сдался, беда миновала.
О, если б ты знала!

Но ты не узнала, и в горькой судьбе
Стихи, как письмо, написал я тебе.
С каким бы восторгом взлетело оно
Туда, где ты, нежная, смотришь в окно!
Уйду — чтоб не видела ты, не слыхала.
Храни тебя небо от лютого шквала!
О, если б ты знала!

МАРШ РАБОЧИХ

Раз, два! Строй! Равненье!
Строй — залог удач в сраженье!
В строй — и масса станет целым,
Слабый — сильным, робкий — смелым!

Веселей в строю дорога,
Цель видней в строю намного:
Предстает нам четкой, близкой,
Как в бинокль артиллерийский!

Раз, два! Строй! Равненье!
Строй — залог удач в сраженье!
Если сотня выйдет строем,
Кое-кто кошель раскроет;
Если тысячи сплотятся,
Шум такой начнется, братцы,
Что от этакого шума
Содрогнутся толстосумы!

Раз, два! Строй! Равненье!
Строй — залог удач в сраженье!
Если встанем, строй равняя,
Все, от края и до края,
От границы до границы,
Недруг силе покорится,
И тогда, простой народ,
Все у нас на лад пойдет.

ШВЕЦИЯ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

ГУСТАВ ВАСА* И ДАЛЕКАРЛИЙЦЫ

Густав в Даларну * едет верхом,
С ним небольшая дружина.
А Кристьерн в Стокгольме сидит петухом,
Пьет дорогие вина.
Там не считается грехом
Краденая свинина.

«Далекарлийцы, отбросьте страх!
Напрасно вы ждете чуда.
Идем на Стокгольм с оружьем в руках
И выбьем датчан оттуда!»

Далекарлийцы ответили так:
«Сила подвластна силе.
Ворвался к нам могучий враг,
Датчане нас разбили».

«Не вам кряхтеть от старых ран,
На прошлое озираться.
А чтобы одолеть датчан,
Дружнее надо браться».

«Мы белке попадаем в глаз,
И нас не пугает драка.
О Кристьерн, твой наступит час,
Кровавая ты собака!»

Далекарлийцы без дальних слов
Стали вооружаться.
И скоро каждый был готов
С датчанами сражаться.

Вставала рать за рядом ряд
На вересковом поле.
Их было сколько охватит взгляд,
А может, и поболе.

Поехал Густав впереди,
Повел их к месту брани.
Такой грозы не ждали, поди,
Надменные датчане.

Раскинут под Стокгольмом стан,
Все силы в полном сборе.
Посыпались стрелы на датчан,
Как будто град на море.

Глухо ударил барабан,
Луки поднялись тучей.
Посыпались стрелы на датчан,
Как будто песок летучий.

Весь город был в большой суете,
Стояло облако пыли,
И двое датчан на длинном шесте
Третьего потащили.

Тут мельничиха давай голосить:
«Эй, ошалели, что ли?
Зачем обратно мешки носить?
Ведь мы всю рожь смололи».

«Какой же это тебе мешок?
Твой крик нам, женщина, странен.
Не видишь разве — это стрелок,
Прекраснейший датчанин,
Хотя он нынче в правый бок
Стрелою шведской ранен».

«Ох как болит моя голова
От далекарлийского пива!
Болотная, видно, в нем трава,
И крепко оно на диво.

Ох как болит утроба моя
От далекарлийской салаки!
Несвежей салаки отведал я,
И мне уже не до драки».

Народ смотрел, кто откуда мог,
От велика до мала:
Датчане пустились наутек,
Словно их припекало.

Рыцарь Эрик бежал как баран,
А мог любого обидеть.
«Господь помилуй нас, датчан,
Ютландию нам не увидеть!»

Густав на высоком коне
Едет по бранному полю.
«Далекарлийцы, вы по сердцу мне,
Отважно вы бились за волю.

Пора очистить всю страну,
А Густав вас не обманет:
Какой бы враг ни начал войну,
За мною дело не станет!»

БАТРАЧКА С РУЧНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ

Инге запела, зерно меля,
Так хорошо.
Сон отлетел от короля,
Так хорошо она пела.

Тихо король подзывает слугу:
«Что там за птица, понять не могу».

«Инге-батрачка мелет муку
И лучше поет, чем кукушка — ку-ку».

«Ну-ка, слуга, за Инге пойди,
На галерею ко мне приведи».

«Инге, король послал за тобой,
Поторопись, на месте не стой».

«Мне к королю идти чудно́,
Я ведь одета в простое рядно».

«Если тебе оказана честь,
Значит, смело ступай в чем есть».

Инге пошла, скрывая страх,
В козловых стоптанных башмаках.

Дверь отворила, скрывая стыд.
Нежно король на нее глядит.

«Спой мне, Инге,— за песню твою
Рубашку шелковую отдаю».

«Рубашку шелковую возьму,
Да только не буду петь никому».

«Спой мне, Инге,— за песню твою
Замок каменный отдаю».

«Замок я каменный возьму,
Да только не буду петь никому».

«Спой мне, Инге,— за песню твою
Полкоролевства отдаю».

«Полкоролевства я возьму,
Да только не буду петь никому».

«Спой мне, Инге,— за песню твою
Сердце и жизнь тебе отдаю».

«Не про меня подарок такой,
Но петь тебе буду день-деньской».

Поет она песню, поет она две,
Затанцевали щепки в траве.

Поет она три, поет она пять,
Весь двор короля пошел танцевать.

Поет она шесть, поет она семь,
Сама танцует на зависть всем.

Долго с Инге король говорил,
Кольцо золотое подарил.

Нынче Инге обручена,
Так хорошо.
Трон с королем разделит она,
Так хорошо она пела.

ЭСАЙАС ТЕГНЕР

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Все пальмы над Нилом лишились теней,
А солнце палит все сильней и сильней...
О, как мы тоскуем по отчему краю!
Нас Север зовет! Мы слетаемся в стаю,
И вот уж под нами, на солнце горя,
Земля зеленеет, синеют моря.
Там штормы бушуют, там буйствуют бури,
А мы, словно тучки, скользим по лазури.
Высоко в горах расстилается луг.
Спускается стая. Пустынно вокруг.
Там яйца кладем мы под ласковым взглядом
Полночного солнышка, с полюсом рядом.
Ни зверь, ни охотник тех мест не сыскал,
Лишь гномы там золото ищут средь скал,
Крылатые эльфы играют там в салки
И бродят в зеленых нарядах русалки.
Но вот возвращается стужа опять
И снежным крылом начинает махать.
И всюду бело, лишь рябины багряны,
И мы собираемся в теплые страны.
К лугам зеленеющим, к теплым волнам
И к пальмам пора уже трогаться нам.
И там, отдохнув от похода большого,
Начнем тосковать мы о Севере снова.

ВЕЧНОЕ

Насилье секирою строит свой мир,
орлом его слава ширяет.
Но миг — и осколки летят от секир,
и стрелы орлов усмиряют.
Насилье не властно творить на века,—
как буря в песках, его власть коротка.

Ведь истина с нами — меж пик и секир
стоит и спокойно и строго.
Пред ней — пустотою пугающий мир
и к миру иному дорога.
Ведь истина вечна: из рода в род
глагол ее вечным потоком течет.

И вечно живет справедливость — ее
не вытоптать злобной ораве.
И в мире, где власть завоюет зверье,
ты алкать справедливости вправе.
Обступят тебя и насилье и ложь —
но ты справедливость в душе сбережешь.

И воля в груди, чей огонь не угас,
чье мужество — бога орудье,
даст мощь — справедливости, истине — глас,
и встанут к свершениям люди.
Все жертвы твои и лишенья летят,
как звезды, из Леты и строятся в ряд.

Стихи — многоцветью цветов не чета
и радуге в пестром свеченье,
не прах — воплощенная в них красота
и взглядам несет просветленье.
Прекрасное вечно: как в толще морской,
мы во времени ищем песок золотой.

Возьми справедливость и истину в путь,
твори красоту вдохновенно.
Всем трем — не погибнуть и не обмануть,
к ним тянется дух неизменно.
Что время дарует — то дар твой вернет.
Лишь вечное в сердце поэта живет.

КАРЛ ЮНАС АЛЬМКВИСТ

ПЕСНЯ РЫБАКА С БЕРЕГОВ КАЛЬМАРА*

Скорей, скорей домой
дорогой волновой
в камыш береговой!
И пестрых, пестрых сигов,
лососей, щук, плотву
я высыплю, как золото, в прибрежную траву.

Пускай, пускай угрями,
навагой и хамсой
сверкает луг зеленый,
как дорогой парчой.
Плыви, плыви, рыбарь!
И молодой и старый
рыбарь на море — царь!

Вдали от родных берегов,
с морем один на один
он ветрам господин.
Но лишь кончится лов,
как от мрачных валов
он, подхлестнут тоской,
поспешает домой:
в нем сердце изныло,
все сделалось мило,
все дразнит душу —
и песни, и пляски, и женские ласки!
На сушу, на сушу, на сушу!

Добыт мой улов
у мрачных валов —
дорогая цена
за него дана.
На родном берегу,
на зеленом лугу
ждут и песни, и пляски, и ласки!

ВИКТОР РЮДБЕРГ

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Солнце садится. В печали, медленно шествуют тучи,
застя кипящую ширь, распластавшись над шепчущим лесом.
Плачут чайки над гладью шхер,
кречет, облюбовав скалу,
прячет клюв в обессилевших крыльях,
нехотя чистит намокший пух.

Солнце погасло. Все гуще тени под кронами сосен,
дремлет, закутавшись в мох, ручья потускневшая влага.
Изжелта-белые пятна лучей
медлят на западных склонах холмов,
гаснет прощальная ласка светила —
крепнущей тени резная кайма.

Дождь заунывно бормочет долгую, грустную сказку —
сказку, рожденную в муках мрачно настроенной тучей.
Берег кромсая, хнычет волна,
жалуясь вслух на злодейство ветров,
и из глубин ошалевшего леса
птицы в паническом страхе кричат.

И у подножья утеса, омытого черною влагой,
в оцепененье блаженном смотрит и слушает путник.
Внемлет ли сердце звукам шальным —
песне, летящей в беззвездную ночь,—
и одолеет ли боль и тревогу
осени мощно звучащий псалом?

НИССЕ*

Ночь морозная. Звездный узор
В небе бездонном стынет.
Спит одинокий крестьянский двор
В снежной глухой пустыне.
Месяц проходит свой древний круг,
Дремлют белые поле и луг,
Дрёма всю землю объемлет,
Ниссе один не дремлет.

Серый, почти неприметный на взгляд,
Ниссе стоит у сарая,
Так же, как многие зимы назад,
Тот же простор озирая.
Смотрит на черный, безмолвный бор,
Двор обступивший, словно забор,
И на луну над поляной,
И о загадке странной
Он размышляет опять и опять
В призрачном лунном свете.
«Нет. Этой тайны не разгадать
Мне ни за что на свете».
И, как обычно, мысли о ней
Ниссе отбрасывает скорей.
Ночь на земле настала —
Ждет его дел немало.

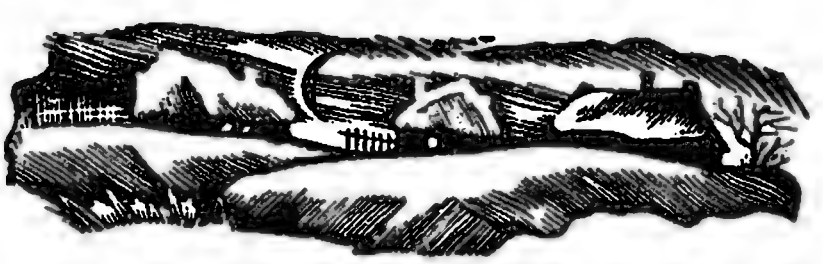
Он проверяет при свете луны
Двери, замки, засовы.
В стойлах прекрасные летние сны
Смотрят сейчас коровы.
Спит и Буланка в конюшне своей.
Сено в кормушке. Забыты над ней,
Полной благоуханья,
Все дневные страданья.
Ниссе заходит проведать ягнят —
Спят ли, все ли на месте.
Смотрит в курятник, где куры сидят
В ряд на уютном насесте.
К Шарику в гости заходит потом.
Пес, просыпаясь, виляет хвостом,
Носом в карманах шарит —
Сахару просит Шарик.

После к хозяевам милым своим
Ниссе идет, безмятежный,
Муж и жена не скрывают, что им
Дорог их Ниссе прилежный.
Ну, а сейчас ребятишек черед.
Ниссе на цыпочках к детям идет.
Нет для него на свете
Зрелища лучше, чем дети!
Видит он: сын сменяет отца —
Снова знакомое чудо!
Век за веком — и так без конца.
Вся эта жизнь — откуда?

Род возникал, исчезал без следа.
Цвел, увядал, уходил. Но куда?
Снова загадка эта
Тщетно ждала ответа.

Вот и опять он в сарае сенном
Рядом со старой ивой.
Здесь он живет, под самым гнездом
Ласточки хлопотливой.
Пусто в гнезде, но наступит весна,
Все расцветет, и вернется она
С мужем щеголеватым
Снова к родным пенатам.
Будет о многом она щебетать,
Но не поведает птица
Ниссе о тайне, что он разгадать
Столько столетий тщится.
Месяц сквозь щелку в стене сенника
Светит на бороду старика.
В призрачном этом свеченье
Он погружен в размышленье.

Мир застыл, молчалив и угрюм.
Лес — как глухая ограда.
Лишь издалёка слышится шум.
Слышится шум водопада.
Кажется Ниссе, будто ему
Слышно, как время струится сквозь тьму.
Где же начало потока?
Кто побывал у истока?
Ночь морозная. Звездный узор
В небе бездонном стынет.
Будет спать до рассвета двор
В снежной глухой пустыне.
Месяц проходит свой древний круг,
Дремлют белые поле и луг,
Дрема всю землю объемлет.
Только Ниссе не дремлет.



ЮХАН АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

Ветер стих, светлы морские дали,
спит ветряк, и паруса опали.
По раздолью пастбищ мирно бродит стадо,
всё и вся отдохновенью радо.

Вальдшнепова зова ждет охотник,
песни на гумне поет работник,
крыльца чисты, и в саду порядок,
ладен куст сирени, влажна почва грядок.

Притулились детские игрушки
в цветнике на травяной подушке,
затаились стебли, мяч скрывая,
и рожок скрывает бочка дождевая.

Ставни глухи — встретить ночь готовы,
заперты задвижки и засовы,
мать семьи сама везде огонь потушит,
и ничто покоя не нарушит.

Ночь июньская тепла и дрёмна,
сад раскинул свой шатер огромный.
Еле слышно волны зашумели —
в мертвой зыби отзвук бурных дней недели.

ФИНЛЯНДИЯ

ЮХАН ЛЮДВИГ РУНЕБЕРГ

НАШ КРАЙ

Наш край, наш край, наш край родной,—
О, звук, всех громче слов!
Чей кряж, растущий над землей,
Чей брег, встающий над водой,
Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?

Ступай, надменный чужевер.
Ты звону злата рад!
Наш бедный край угрюм и сер.
Но нам узоры гор и шхер —
Отрада, слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Нам люб потоков наших рев,
Ручьев бегущих звон,
Однообразный шум лесов,
Свет звезд, прозрачность вечеров,
Все, все, чем слух был поражен,
Чем взор был полонен.

Здесь с мыслью, с плугом и с мечом
Отцы ходили в бой,
Здесь ночь за ночью, день за днем
Народный дух пылал огнем —

В согласье с доброю судьбой,
В борьбе с судьбою злой.

Кто счет народным битвам вел,
Когда все вновь и вновь
Война неслась из дола в дол,
Мороз и глад за ним пришел,—
Кто мерил пролитую кровь,
Терпенье и любовь?

Да, здесь, вот здесь та кровь текла,
За нас текла тогда,
Душа народа здесь цвела
И тяжким вздохом изошла
В давно прошедшие года
Под бременем труда.

Здесь наше все, здесь светлый рай,
Отрада наших дней!
Как рок жестокий ни пытай,
Он все при нас, родимый край.
Что ж нам любить еще полней,
Святей и горячей?

И здесь и там блуждает взор,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный простор,
Вон берега, вон рябь озер,
Взгляни на все, как я взгляну
На милую страну.

И пусть на нас прольется свет
Из тверди золотой,
Пусть станет жизнь игрой планет,
Где слез не льют, где вздохов нет,
А всё — убогий край родной
Мы помянем с тоской.

О край, многоозерный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!

Он расцветет, твой бедный цвет,
Стряхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блеск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.

ЛЕБЕДЬ

Июньский вечер в облаках
Пурпуровых горел,
Спокойный лебедь в тростниках
Блаженный гимн запел.

Он пел о том, как север мил,
Как даль небес ясна,
Как день об отдыхе забыл,
Всю ночь не зная сна;

Как под березой и ольхой
Свежа густая тень;
Как над прохладною волной
В заливе гаснет день;

Как счастлив, счастлив, кто найдет
Там дружбу и любовь;
Какая верность там цветет,
Рождаясь вновь и вновь.

Так от волны к волне порхал
Сей глас простой хвалы;
Подругу к сердцу он прижал
И пел над ней средь мглы.

Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.

У РУЧЬЯ

На берегу твоем, ручей,
Слежу я облака,
Как их ведет в волне твоей
Незримая рука.

Вот улыбнулось мне одно,
Как розы первоцвет.
Прости! Уже ушло оно,
Ему возврата нет.

Но столь же ясно и светло
Скользит другое — вот...
И с той же быстротой прошло,
Исчезло в свой черед.

Вот третья туча; но, мрачна
И тяжела на вид,
Неспешно двигаясь, она
Твои струи мрачит.

И я, ручей, тебя готов
Сравнить с душой моей:
Немало светлых облаков
Промчалось и над ней;

В нее и тучи по пути
Свою бросали ночь,
Являлись быстро, но уйти,
Ах, не спешили прочь!

И пусть я знал наверняка,
Под бурей и в тиши,
Что это — только облака
Над зеркалом души;

Но свет и темная пора
Зависят все ж от них...
Когда же кончится игра,
Ручей, в волнах твоих!

ЗАХАРИАС ТОПЕЛИУС

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

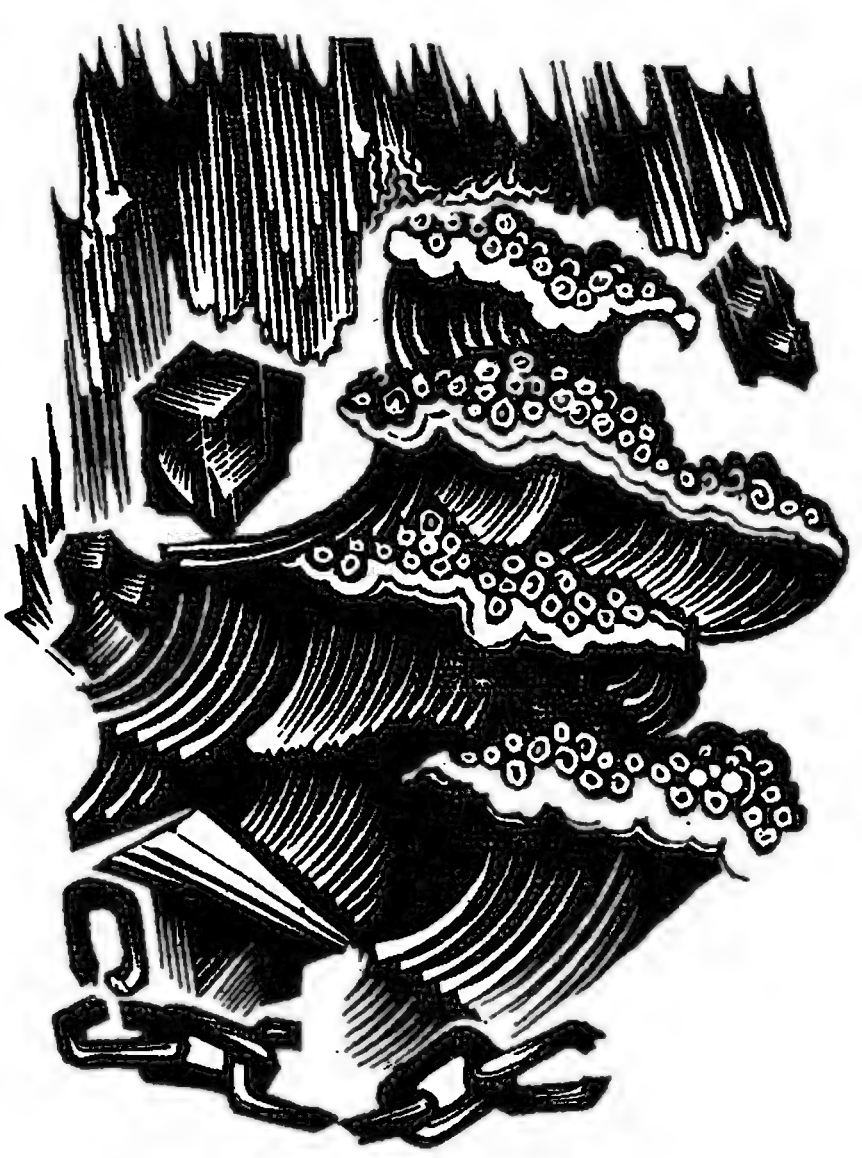
Рабочие-други, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.
Мы мерим глубины озер и запруд,
Мы правим ремесла и пашем.
Упорным трудом
Мы ставим ей дом,
Чтоб мать не осталась на месте пустом,
В нужде не увяла,
Не стала рабой,
От нас получала
Свой хлеб и покой.
Рабочие-други, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.

Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает,
И сердца биенья мы слушаем все,
Лишь только борьба затихает.
Чтоб долг отплатить,
Добро отдарить,—
Мать в жемчуг и в золото надо рядить.
В поток полноводный
Ей любо смотреть;
Нам — жить с ней, свободной,
И с ней умереть.
Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает.

КААРЛО КРАМСУ

НАД ВОДОПАДОМ

В раздумье стоял я вечерней порой
один на краю водопада.
Кипящие волны неслись предо мной,
как смелое, буйное стадо.
Могуч был их голос — так мог бы звучать
один только голос свободы!
И вот что, казалось, хотели сказать
мне бодрые, шумные воды:
«Ломая преграды, несемся вперед
мы, царства подводного дети,
мы знаем, что тот, кто оковы порвет,
пред роком не будет в ответе.
И как бы, о люди, вам рок ни грозил,
вы счастья бы тоже добились,
когда бы, в сознании собственных сил,
порвать все оковы решились».



Поэзия народов Американского континента

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

По прериям
взглядом брожу я,
лето
в весне различая.

* * *

Туча нависает,
тайну слов моих
нежно повторяет.

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Думала я —
это крик гагары...
Нет, плеск весла твоего,
любимый!

ОЛЕНЬЯ ПЕСНЯ

Едва вышел я —
на земле растянулся:
Звон тетивы меня обессилил.

Едва вышел я —
на горе поскользнулся:
Свист стрелы меня обессилил.

ЧТО МОЖЕТ СОВА

Сова ухнет раз — и зажжется звезда.
Ухнет другой — и наступит рассвет.

ПЕСНЯ ГРОМА

Глас, украшающий мир!
Глас с вершин,
Глас громовый.
В тучах черных
Вновь и вновь раздается
Глас, украшающий мир.

Глас, украшающий мир!
Глас с низин,
Кузнечиков глас.
В травах густых
Вновь и вновь раздается
Глас, украшающий мир.

МОЛИТВА О ТРОПЕ КРАСОТЫ

Дом, тканный рассветом,
Дом, тучами тканный,
Дом, тканный закатом,
Дом, ливнями тканный,
Дом, тканный туманом,
Дом, дождями тканный,
Дом, тканный пыльцою,

Дом, из кузнечиков тканный,
Светлая туча вход укрывает,
Темная туча выход скрывает,
Зигзаги молний его венчают.

О Дух!
Приношенье прими.
Вот для тебя священный дым!
Ступни мои восстанови,
Ноги восстанови,
Тело мое восстанови,
Разум восстанови.
Заклятье с меня свое сними!
Чую, как прочь оно улетает.
Счастливо все во мне оживает,
Счастливо сила моя прибывает,
Счастливо буду я дальше идти.
Духом разбуженный, буду идти.
Болью оставленный, буду идти.
Печали забывший, буду идти.
Чувством оживший, буду идти.
Словно днями былого, буду идти.
Счастливо я пройду.
Счастливо в тучах обильных пройду,
Счастливо в ливнях обильных пройду,
Счастливо в злаках обильных пройду,
Счастливо Тропой Красоты я пройду,
Счастливо я пройду!
Все впереди — прекрасно будь.
Все позади — прекрасно будь.
Все, что ниже,— прекрасно будь.
Все, что выше,— прекрасно будь.
Все вокруг — прекрасно будь.
Песней своей Красоту пробуждая,
В Красоте завершаю.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ФИЛИП ФРЕНО

АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ

(Картинка с натуры)

Не для гостиных вид его убогий,
Просить, как нищий, гордость не велит,
Сражался раньше он под Саратогой*,
Теперь — на деревяшках инвалид.

Он вспоминает битвы, кровь и пламя,
Другим — награды за его труды,
Его же кормят только похвалами
Среди лишений горьких и нужды.

Благ не добыл он доблестью похвальной,
И в залах в блеске множества свечей
Его не встретить в сутолоке бальной
И на больших приемах богачей.

Где ж то оружье, что он брал в походы,
Где сила, что британцев прочь гнала?
Солдату завоеванной Свободы
Даны в награду — *голод* и *хвала!*

ЭДГАР АЛЛАН ПО

МОЛЧАНИЕ

Сонет

Есть свойства — существа без воплощенья,
С двойною жизнью: видимый их лик —
В той сущности двоякой, чей родник —
Свет в веществе, предмет и отраженье.
Двойное есть Молчанье в наших днях,
Душа и тело — берега и море.
Одно живет в заброшенных местах,
Вчера травой поросших; в ясном взоре,
Глубоком, как прозрачная вода,
Оно хранит печаль воспоминанья,
Среди рыданий найденное знанье;
Его названье: «Больше Никогда».
Не бойся воплощенного Молчанья,
Ни для кого не скрыто в нем вреда.
Но если ты с его столкнешься тенью
(Эльф безымянный, что живет всегда
Там, где людского не было следа),
Тогда молись, ты обречен мученью!

ВОРОН

Поэма

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
Будто глухо так затукал в двери дома моего.
«Гость,— сказал я,— там стучится в двери дома моего.
Гость — и больше ничего».

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме*, ангелы зовут Линор,—
Безыменной здесь с тех пор.

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
«Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость — и больше ничего».

И, оправясь от испуга, гостя встретил я, как друга.
«Извините, сэр иль леди,— я приветствовал его.—
Задремал я здесь от скуки, и так тихи были звуки,
Так неслышны ваши стуки в двери дома моего,
Что я вас едва услышал»,— дверь открыл я: никого,
Тьма — и больше ничего.

Тьмой полночной окруженный, так стоял я, погруженный
В грезы, что еще не снились никому до этих пор;
Тщетно ждал я так, однако тьма мне не давала знака,
Слово лишь одно из мрака донеслось ко мне: «Линор!»
Это я шепнул, и эхо прошептало мне: «Линор!»
Прошептало, как укор.

В скорби жгучей о потере я захлопнул плотно двери
И услышал стук такой же, но отчетливей того.
«Это тот же стук недавний,— я сказал,— в окно за ставней,
Ветер воет неспроста в ней у окошка моего,
Это ветер стукнул ставней у окошка моего,—
Ветер — больше ничего».

Только приоткрыл я ставни — вышел Ворон стародавний,
Шумно оправляя траур оперенья своего;
Без поклона, важно, гордо, выступил он чинно, твердо:
С видом леди или лорда у порога моего,
Над дверьми на бюст Паллады* у порога моего
Сел — и больше ничего.

И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале,
Видя важность черной птицы, чопорный ее задор.
Я сказал: «Твой вид задорен, твой хохол облезлый черен,
О зловещий древний Ворон, там, где мрак Плутон* простер,
Как ты гордо назывался там, где мрак Плутон простер?»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»[1].

Выкрик птицы неуклюжей на меня повеял стужей,
Хоть ответ ее без смысла, невпопад, был явный вздор;

---

[1] Никогда *(англ.)*.

Ведь должны все согласиться, вряд ли может так случиться,
Чтобы в полночь села птица, вылетевши из-за штор,
Вдруг на бюст над дверью села, вылетевши из-за штор,
Птица с кличкой «Nevermore».

Ворон же сидел на бюсте, словно этим словом грусти
Душу всю свою излил он навсегда в ночной простор.
Он сидел, свой клюв сомкнувши, ни пером не шелохнувши,
И шепнул я вдруг, вздохнувши: «Как друзья с недавних пор,
Завтра он меня покинет, как надежды с этих пор».
Каркнул Ворон: «Nevermore!»

При ответе столь удачном вздрогнул я в затишье мрачном,
И сказал я: «Несомненно, затвердил он с давних пор,
Перенял он это слово от хозяина такого,
Кто под гнетом рока злого слышал, словно приговор,
Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
Слышал в этом «Nevermore».

И с улыбкой, как вначале, я, очнувшись от печали,
Кресло к Ворону подвинул, глядя на него в упор,
Сел на бархате лиловом в размышлении суровом,
Что хотел сказать тем словом Ворон, вещий с давних пор,
Что пророчил мне угрюмо Ворон, вещий с давних пор,
Хриплым карком: «Nevermore».

Так, в полудремоте краткой, размышляя над загадкой,
Чувствуя, как Ворон в сердце мне вонзил горящий взор,
Тусклой люстрой освещенный, головою утомленной
Я хотел склониться, сонный, на подушку, на узор,
Ах, она здесь не склонится на подушку, на узор
Никогда, о nevermore!

Мне казалось, что незримо заструились клубы дыма
И ступили серафимы в фимиаме на ковер.
Я воскликнул: «О несчастный, это Бог от муки страстной
Шлет непентес — исцеленье от любви твоей к Линор!
Пей непентес, пей забвенье и забудь свою Линор!»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»

Я воскликнул: «Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Дьявол ли тебя направил, буря ль из подземных нор
Занесла тебя под крышу, где я древний Ужас слышу,
Мне скажи, дано ль мне свыше там, у Галаадских гор*,
Обрести бальзам от муки, там, у Галаадских гор?»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»

Я воскликнул: «Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Если только бог над нами свод небесный распростер,
Мне скажи: душа, что бремя скорби здесь несет со всеми,
Там обнимет ли, в Эдеме, лучезарную Линор —
Ту святую, что в Эдеме ангелы зовут Линор?»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»

«Это знак, чтоб ты оставил дом мой, птица или дьявол! —
Я, вскочив, воскликнул: — С бурей уносись в ночной простор,
Не оставив здесь, однако, черного пера как знака
Лжи, что ты принес из мрака! С бюста траурный убор
Скинь и клюв твой вынь из сердца! Прочь лети в ночной простор!»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижном взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу он тень простер,
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о nevermore!

АННАБЕЛЬ ЛИ

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель Ли,
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.
Но любили мы больше, чем любят в любви,—
Я и нежная Аннабель Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно
В королевстве приморской земли,—
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель Ли;
И родные толпой многознатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли,—
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли),—
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель Ли.

Но, любя, мы любили сильней и полней
Тех, что старости бремя несли,
Тех, что мудростью нас превзошли,—
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель Ли;
И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной — с невестой — с любовью моей,—
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА*

Поэма

1

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшебно наслажденье — наслажденье нежным сном.

Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,

И, внимая им, горят.
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем,
Молчаливым обаяньем
Вместе с звоном, вместе с пеньем о забвеньи говорят.

2

Слышишь: к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят,
Из призывных дивных келий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упадая, брызги светлые летят,
Вновь потухнут, вновь блестят
И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов,
Возвещаемых согласьем золотых колоколов.

3

Слышишь: воющий набат,
Словно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов твердят.
Точно молят им помочь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликают свой испуг,—
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться и кричать, кричать, кричать!
Только плакать о пощаде
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!
А меж тем огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горит,
То из окон, то по крыше
Мчится выше, выше, выше
И как будто говорит:
Я хочу

Выше мчаться, разгораться — встречу лунному лучу,—
Иль умру, иль тотчас-тотчас вплоть до месяца взлечу!
О, набат, набат, набат,
Если б ты вернул назад
Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд,
Этот первый взгляд огня,
О котором ты вещаешь с плачем, с воплем и звеня!
А теперь нам нет спасенья:
Всюду пламя и кипенье,
Всюду страх и возмущенье!
Твой призыв,
Диких звуков несогласность
Возвещает нам опасность,—
То растет беда глухая, то спадает, как прилив!
Слух наш чутко ловит волны в перемене звуковой,
Вновь спадает, вновь рыдает медно-стонущий прибой!

4

Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сон,—
Звук железный возвещает о печали похорон!
И невольно мы дрожим,
От забав своих спешим
И рыдаем, вспоминаем, что и мы глаза смежим.
Неизменно-монотонный
Этот возглас отдаленный,
Похоронный тяжкий звон,
Точно стон —
Скорбный, гневный
И плачевный —
Вырастает в долгий гул,
Возвещает, что страдалец непробудным сном уснул.
В колокольных кельях ржавых
Он для правых и неправых
Грозно вторит об одном:
Что на сердце будет камень, что глаза сомкнутся сном.
Факел траурный горит,
С колокольни кто-то крикнул, кто-то громко говорит.
Кто-то черный там стоит,
И хохочет, и гремит,
И гудит, гудит, гудит,
К колокольне припадает,
Гулкий колокол качает,—
Гулкий колокол рыдает,
Стонет в воздухе немом
И протяжно возвещает о покое гробовом.

ГЕНРИ УОДСВОРТ ЛОНГФЕЛЛО

ПСАЛОМ ЖИЗНИ

Не тверди в строфах унылых:
«Жизнь есть сон пустой!» В ком спит
Дух живой, тот духом умер:
В жизни высший смысл сокрыт.

Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг!
И умрет не дух, а плоть.
«Прах еси и в прах вернешься»,—
Не о духе рек господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цель: она зовет
Нас к труду, в котором бодро
Мы должны идти вперед.

Путь далек, а время мчится,—
Не теряй в нем ничего.
Помни, что биенье сердца —
Погребальный марш его.

На житейском бранном поле,
На биваке жизни будь —
Не рабом будь, а героем,
Закалившим в битвах грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй!

Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути,—

След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит совесть в них.

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!

ДНЯ НЕТ УЖ...

Дня нет уж... За крыльями Ночи
Прозрачная стелется мгла,
Как легкие перья кружатся
Воздушной стезею орла.

Сквозь сети дождя и тумана
По окнам дрожат огоньки,
И сердце не может бороться
С волной набежавшей тоски,

С волною тоски и желанья,
Пусть даже она — не печаль,
Но дальше, чем дождь от тумана,
Тоска от печали едва ль.

Стихов бы теперь понаивней,
Помягче, поглубже огня,
Чтоб эту тоску убаюкать
И думы ушедшего дня,

Не тех грандиозных поэтов,
Носителей громких имен,
Чьи стоны звучат еще эхом
В немых коридорах Времен.

Подобные трубным призывам,
Как парус седой кораблю,
Они наполняют нас бурей,—
А я о покое молю.

Мне надо, чтоб дума поэта
В стихи безудержно лилась,
Как ливни весенние хлынув,
Иль жаркие слезы из глаз,

Поэт же и днем за работой,
И ночью в тревожной тиши,
Все сердцем бы музыку слышал
Из чутких потемок души...

Биенье тревожное жизни
Смиряется песнью такой,
И сердцу она, как молитва,
Несет благодатный покой.

Но только стихи, дорогая,
Тебе выбирать и читать:
Лишь музыка голоса может
Гармонию строф передать.

Ночь будет певучей и нежной,
А думы, темнившие день,
Бесшумно шатры свои сложат
И в поле растают, как тень.

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Я вдаль по ветру стрелу пустил,—
Взвилась, умчалась, и след простыл.
И верно: догонит ли взгляд стрелка
Стрелу, улетевшую в облака?

Я вдаль по ветру песню пустил,—
Взвилась, умчалась, и след простыл.
И точно: какой уследил бы взгляд
За песней, пущенной наугад?

Я эту стрелу через год нашел
В лесу далеком вонзенной в ствол.
И песню мою после всех разлук
От слова до слова пропел мне друг.

КЛЮЧ И ВОЛНА

Из родного утеса источник
Выбивается, тихо журча,
И бегут по песку золотому
Серебристые ножки ключа.

Далеко от него, в океане,
На просторе несется волна —
То вздымается с воем сердитым,
То печально ложится она.

Но, вперед и вперед подвигаясь,
Ключ сошелся с волною — и в ней
Успокоил мятежное сердце
Безмятежной прохладой своей!

СОН НЕГРА

Измучен зноем и трудом,
Он наземь бросился ничком.
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.

Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом:
Он в том народе был царем.

Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней, ласкаясь, льнут
И в лес — отца искать — зовут...
И вот — сквозь сон, горячий сон —
В бреду заплакал тихо он...

И снова чудится во сне:
На борзом мчится он коне.
Как вольный вихорь конь летит,
Взбивая прах из-под копыт,
Златою сбруею звеня,—
И сабля бьет в бока коня...

Что миг — свободней дышит грудь!
Что шаг — торжественнее путь!
Всё ближе горы. Лев рычит,
Кричит гиена, змей свистит,

И тяжело по тростникам
Идет к реке гиппопотам.

Под небом темно-голубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь в дали, крылами бьет,
Как знамя красное,— и вот
Ему открылся кафров стан,
И в очи глянул океан!

И встал он там, и слышит вдруг:
Подобный трубам, мощный звук
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес...
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.

И вздрогнул он, услыша клич...
И уж не чувствовал, как бич
По нем скользнул и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «Издох!..»

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ*

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,

С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги*».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага,—
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовэйк, зуек, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу»,—
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такою речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый — летом,
Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам серебристым — летом,
По туману — в день осенний,

По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате,—
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются,—
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка,—
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет

Провидение незримо,—
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На запущенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

ДЖОН ГРИНЛИФ УИТТЬЕР

ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ

Вы слышите рог? На охоту, скорей!
На гонку, на ловлю, на травлю людей!
Вперед, через горы, леса и болота
Почтенные граждане мчат на охоту.
Чу! Крики загонщиков, топот и рев,
И лай, и рычание спущенных псов...
Отличнейший спорт! Благородное дело!
Дай боже, чтоб дичью земля не скудела!
Гей, все на охоту! За нами, скорей —
На гонку, на ловлю, на травлю людей!

Удачи охотникам! Мчит вереница,
Азартом и гордостью светятся лица:
Священник в сутане, политик, солдат —

На травлю веселую дружно спешат;
И трезвый, и пьяный, и чистый, и грешный —
Все едут, все жаждут охоты успешной...
И добрая женщина,- мать и жена,
Охотою славною увлечена:
Для блага несчастных,— скорей же, скорей —
На гонку, на ловлю, на травлю людей!

О, вид грандиозный! Узрите, народы:
В свободном краю, и во имя свободы,
Министр и священник, купец и солдат
Садятся в седло и на травлю спешат,—
На травлю людей, что родиться посмели
Курчавыми, с черною кожей на теле!
Ату негодяев! Они не спасутся,
Охотники бравые вихрем несутся,
Сердца их не дрогнут... Скорей же, скорей —
На гонку, на ловлю, на травлю людей!

Но все тяжелее охотники дышат,
И клич боевой все слабее и тише...
На помощь! Пусть каждый в стране патриот
Посильную лепту в охоту внесет.
На помощь! Устали собаки и кони,
Лицом беглецы обернулись к погоне;
Как смеют они посягать на права
В стране, где Свобода покуда жива?!
Поможем охотникам! Пусть поскорей
Отправятся снова на травлю людей!

Поможем охотникам! Можно ль скупиться?
Мрачнеют их гордые, славные лица!
Священник отстал, и бесстрашный солдат,
Оставшись один, воротился назад;
Политик вздыхает, и в мудрых очах —
Взгляните — мелькают сомненья и страх...
На помощь, коль живы еще патриоты!
Отступит сенатор — не станет охоты;
И кто же помчится тогда средь полей —
На гонку, на ловлю, на травлю людей?!

УОЛТ УИТМЕН

ШТАТАМ

Говорю всем Штатам, и каждому из них, и любому
городу в Штатах:
«Побольше противься — подчиняйся поменьше».
Неразборчивое послушание — это полное рабство,
А из полного рабства нация, штат или город не
возвратятся к свободе.

СЛЫШУ, ПОЕТ АМЕРИКА

Слышу, поет Америка, разные песни я слышу:
Поют рабочие, каждый свою песню, сильную и зазывную.
Плотник — свою, измеряя брус или балку,
Каменщик — свою, готовя утром рабочее место или
покидая его ввечеру,
Лодочник — свою, звучащую с его лодки, матросы
свою — с палубы кораблей,
Сапожник поет, сидя на кожаном табурете, шляпник —
стоя перед шляпной болванкой,
Поет лесоруб, поет пахарь, направляясь чем свет на
поля, или в полдень, или кончив работу.
А чудесная песня матери, или молодой жены, или
девушки за шитьем или стиркой,—
Каждый поет свое, присущее только ему,
Днем — дневные песни звучат, а вечером — голоса
молодых, крепких парней,
Распевающих хором свои звонкие, бодрые песни.

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРЕЙ

Не закрывайте дверей предо мною, надменные
библиотеки,
Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало на
ваших тесно уставленных полках, то, что вам нужнее
всего,
Ибо и я, и моя книга взросли из войны;
Слова моей книги — ничто, ее стремление — все,

Одинокая книга, с другими не связанная, ее не
постигнешь рассудком,
Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется на
каждой странице.

ПОЭТАМ, КОТОРЫЕ БУДУТ

Поэты, которые будут! Певцы, музыканты, ораторы!
Не нынешний день оправдает меня и ответит, зачем я,
Нет, люди породы иной — коренной, атлетической, куда
величавее прежних.
Явитесь! Вам надо меня оправдать.

Я сам напишу для будущих дней два-три указующих
слова,
Выступлю только на миг, чтоб уйти опять в темноту.
Я — тот, кто, слоняясь в толпе, на ходу вас глазами
окинет и снова лицо отвернет,
Вам предоставив его разгадать и создать отчетливый
образ,
Главного жду я от вас.

ИЗ БУРЛЯЩЕГО ОКЕАНА ТОЛПЫ

Из бурлящего океана толпы нежно выплеснулась
ко мне одна капля
И шепчет: «*Люблю тебя до последнего дня моей жизни.*
*Долгим путем я прошла, лишь бы взглянуть на тебя и
прикоснуться к тебе.*
*Ибо я не могла умереть, не взглянув на тебя хоть
однажды,*
Ибо мне было так страшно, что я потеряю тебя».

Ну вот, мы и повстречались с тобою, мы свиделись, и все
хорошо.
С миром вернись в океан, дорогая,
Я ведь тоже капля в океане, наши жизни не так уж
раздельны,
Посмотри, как круглятся великие воды земли, как все
слитно и как совершенно!
Но по воле непреклонного моря мы оба должны
разлучиться,

И пусть оно разлучит нас на время, но оно бессильно
разлучить нас навек;
Будь терпелива — и знай: я славлю и сушу, и море, и
воздух
Каждый день на закате солнца ради тебя, дорогая.

Я ВИДЕЛ ДУБ В ЛУИЗИАНЕ

Я видел дуб в Луизиане,
Он стоял одиноко в поле, и с его ветвей свисали мхи,
Он вырос один, без товарищей, весело шелестя своей
темной листвой,
Несгибаемый, корявый, могучий, был он похож на меня,
Но странно мне было, что он мог в одиночестве, без
единого друга, шелестеть так весело листвой, ибо я на
его месте не мог бы,
И я отломил его ветку, и обмотал ее мхом,
И повесил ее на виду в моей комнате
Не затем, чтобы она напоминала мне о милых друзьях
(Я и без того в эти дни ни о ком другом не вспоминаю),
Но она останется для меня чудесным знамением
дружбы-любви,
И пусть себе дуб средь широкого поля, там, в
Луизиане, искрится, одинокий, под солнцем,
Весело шумя своей листвой всю жизнь без единого
друга,—
Я знаю очень хорошо, что я не мог бы.

В ТОСКЕ И В РАЗДУМЬЕ

В тоске и в раздумье сижу, одинокий,
И в эту минуту мне чудится, что в других странах есть
такие же люди, объятые тоской и раздумьем,
Мне чудится, что сто́ит мне всмотреться, и я увижу их
в Германии, в Италии, в Испании, во Франции
Или далеко-далеко — в Китае, в России, в Японии, они
говорят на других языках,
Но мне чудится, что если б я мог познакомиться с ними,
я бы полюбил их не меньше, чем своих земляков,
О, я знаю, мы были бы братьями, мы бы влюбились друг
в друга,
Я знаю, с ними я был бы счастлив.

ПРИСНИЛСЯ МНЕ ГОРОД

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы
напали на него все страны вселенной,
Мне снилось, что это был город Друзей, какого еще
никогда не бывало,
И превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь,
И каждый час она сказывалась в каждом поступке
жителей этого города,
В каждом их слове и взгляде.

НОЧЬЮ У МОРЯ ОДИН

Ночью у моря один.
Вода, словно старая мать, с сиплой песней
баюкает землю,
А я взираю на яркие звезды и думаю думу о тайном
ключе всех вселенных и будущего.

Бесконечная общность объемлет все,—
Все сферы, зрелые и незрелые, малые и большие, все
солнца, луны, планеты,
Все расстоянья в пространстве, всю их безмерность,
Все расстоянья во времени, все неодушевленное,
Все души, все живые тела самых разных форм, в самых
разных мирах,
Все газы, все жидкости, все растения и минералы,
всех рыб и скотов,
Все народы, цвета, виды варварства, цивилизации,
языки,
Все личности, которые существовали или могли бы
существовать на этой планете или на всякой
другой,
Все жизни и смерти, все в прошлом, все в настоящем
и будущем —
Все обняла бесконечная эта общность, как обнимала
всегда
И как будет всегда обнимать, и объединять,
и заключать в себе.

ИДИ С ПОЛЯ, ОТЕЦ*

Иди с поля, отец,— пришло письмо от нашего Пита,
Из дома выйди, мать,— пришло письмо от любимого сына.

Сейчас осень,
Сейчас темная зелень деревьев, желтея, краснея,
Овевает прохладой и негой поселки Огайо, колеблясь
от легкого ветра,
Созрели яблоки там в садах, виноград на шпалерах.
(Донесся ль до вас аромат виноградных гроздий
И запах гречихи, где пчелы недавно жужжали?)
А небо над всем так спокойно, прозрачно после дождя,
с чудесными облаками;
И на земле все так спокойно, полно жизни и красоты —
на ферме сейчас изобилье.

В полях тоже везде изобилье.
Иди же с поля, отец, иди,— ведь дочь тебя кличет,
И выйди скорее, мать,— выйди скорей на крыльцо.
Поспешно идет она, недоброе чуя,— дрожат ее ноги,
Спешит, волос не пригладив, чепца не поправив.

Открыла быстро конверт,
О, то не он писал, но подписано его имя!
Кто-то чужой писал за нашего сына... о несчастная мать!
В глазах у нее потемнело, прочла лишь отрывки фраз:
*«Ранен пулей в грудь... кавалерийская стычка...
отправлен в госпиталь...
Сейчас ему плохо, но скоро будет лучше».*

Ах, теперь я только и вижу
Во всем изобильном Огайо с его городами и фермами
Одну эту мать со смертельно бледным лицом,
Опершуюся о косяк двери.
«Не горюй, милая мама! (взрослая дочь говорит, рыдая,
А сестры-подростки жмутся молча в испуге),
Ведь ты прочитала, что Питу скоро станет лучше».

Увы, бедный мальчик, ему не станет лучше (он уже
не нуждается в этом, прямодушный и смелый),
Он умер в то время, как здесь стоят они перед домом,—
Единственный сын их умер.
Но матери нужно, чтоб стало лучше:
Она, исхудалая, в черном платье,
Днем не касаясь еды, а ночью в слезах просыпаясь,

Во мраке томится без сна с одним лишь страстным
желаньем —
Уйти незаметно и тихо из жизни, исчезнуть и скрыться,
Чтобы вместе быть с любимым убитым сыном.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО СОЛДАТУ*

Прощай же, солдат,
С тобой мы делили суровость походов,
Быстрые марши, житье на бивуаках,
Жаркие схватки, долгие маневры,
Резню кровавых битв, азарт, жестокие грубые забавы,
Милые смелым и гордым сердцам, вереницу дней,
благодаря тебе и подобным тебе
Исполненных войной и воинским духом.
Прощай, дорогой товарищ,
Твое дело сделано, но я воинственнее тебя,
Вдвоем с моей задорной душой
Мы еще маршируем по неведомым дорогам, через
вражеские засады,
Через множество поражений и схваток, зачастую сбитые
с толку,
Все идем и идем, все воюем — на этих страницах
Ищем слова для битв потяжелее и пожесточе.

О КАПИТАН, МОЙ КАПИТАН!*

О Капитан, мой Капитан, корабль доплыл до цели,
Шторма и рифы — позади, мы все преодолели.
Порт на виду, на берегу — пестро и многолюдно,
Там сотни глаз глядят на нас, на стройный очерк судна.
Но боже мой, о боже мой!
Но крови страшный вид!
На палубе мой Капитан,
Закоченев, лежит.
О Капитан, мой Капитан, восстань и оглянись —
Не для тебя ль трубит горнист и флаг взметнулся ввысь!
Гирлянды, ленты и цветы — все это в честь тебя,
Тебя народ у трапа ждет, волнуясь и кипя.
Отец! дай руку мне, очнись!
Ведь это сон дурной,
Что ты на палубе лежишь,
Холодный и немой.

Меня не слышит Капитан, ответа не дает,
Бесчувственна его рука, бескровен сжатый рот.
Корабль наш, цел и невредим, уже на якорь стал,
В пылу борьбы, в огне пальбы победу он достал.
Ликуй, толпа! труби, труба! —
Корабль вернулся в порт!..
На палубе мой Капитан
Погибший распростерт.

НА БЕРЕГАХ ШИРОКОГО ПОТОМАКА*

На берегах широкого Потомака снова старые голоса.
(Все бормочешь, все волнуешься, неужели ты не можешь
прекратить свою болтовню?)
И старое сердце снова ликует, и снова всем существом
ждешь возвращенья весны,
Снова в воздухе свежесть и аромат, снова в летнем небе
Виргинии ясное серебро и синева,
Снова утром багрец на дальних холмах,
Снова неистребимая зеленеет трава, мягка и бесшумна,
Снова цветут кроваво-красные розы.

Напои мою книгу своим ароматом, о роза!
Осторожно промой каждый ее стих своею водой, Потомак!
Дай мне сохранить тебя, о весна, меж страниц, пока они
еще не закрылись!
И тебя, багрец на холмах, пока они еще не закрылись!
И тебя, неистребимая зелень травы!

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

* * *

Вот все — что я тебе принесла!*
Это — и сердце мое.
Это — и сердце мое — все поля —
Летних лугов разлет.
А если хочешь сумму узнать —
Пересчитай подряд
Это — и сердце мое — всех Пчел —
Что в Клевере гудят.

* * *

Успех всего заманчивей
На самом дне беды.
Поймешь — как сладостен нектар —
Когда — ни капли воды.

Никто в пурпурном воинстве —
Сломившем все на пути —
Не смог бы верней и проще
Слова для Победы найти —

Чем побежденный — поверженный...
Сквозь смертной муки заслон
Он слышит так ясно — так ясно —
Триумфа ликующий стон.

* * *

Вспыхнет золотом —
Погаснет багрянцем —
Леопардом прыгнет на небосвод —
Потом — к ногам Старика Горизонта
Склонив пятнистую морду — умрет.

Пригнется — в окошко к Бобру заглянет —
Коснется крыш —
Расцветит амбар —
Колпачок свой снимет — прощаясь с поляной —
Миг — и откланялся День-Жонглер.

* * *

Говорят — Время смягчает.
Никогда не смягчает — нет!
Страданье — как сухожилия —
Крепнет с ходом лет.

Время — лишь Проба горя —
Нет снадобья бесполезней —
Ведь если оно исцелило —
Не было — значит — болезни.

* * *

Колодец полон тайны!
Вода — в его глуши —
Соседка из других миров —
Запрятана в кувшин.

Не видим мы ее границ —
Лишь крышку из стекла.
Ты хочешь в Бездну заглянуть?
Здесь — рядом — залегла.

Я удивляюсь каждый раз
Мужеству травы.
Прильнет к тому — что нас страшит —
В безвестное обрыв.

Но морю тростники сродни —
Глядят в него в упор.
И лишь для нас Природа
Чужая до сих пор.

Другой все знающий о ней —
Как бы ее посол —
В дом — полный привидений —
Ни разу не вошел.

Но кто — по правде говоря —
С ней коротко знаком?
Ведь мы тем дальше от нее —
Чем ближе подойдем.

ДЖО ХИЛЛ

БРОДЯГА

Коль себе заткнете рот,
Я спою вам в свой черед,
Как один молодчик мучился в беде.
Вовсе не был он лентяй,
Ему работу подавай,
Но один ответ он получал везде:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Он по улицам бродил,
Пока не выбился из сил.
Видит — в доме леди варит свой обед.
Тут он к ней: «Привет, мадам,
Дров не наколоть ли вам?»
А она ему отрезала в ответ:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Видно, надпись неспроста:
«Потрудитесь для Христа».
Он подумал: «Здесь работу я найду».
Кланялся он до земли
Так, что ноги затекли,
Получил же отповедь, а не еду:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Вдруг, как будто бы из стен,
Появился полисмен,

Спрашивает: «В город к нам попал ты как?
Тебя к судье отправлю я».
Сказал судья: «Здесь власть моя.
С нас и так довольно нищих и бродяг.

Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Вот настал счастливый час —
Он, отмаявшись, угас
И уверен, что пойдет на небо в рай.
Но у золотых ворот
Петр-апостол, старый крот,
Дал ему такой хороший нагоняй:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

КЭЙСИ ДЖОНС — СКЭБ*

Рабочие на Эс-Пи лайн* волнуются опять,
Но Кэйси Джонс, наш машинист, не хочет бастовать.
Его котел давно течет, и не в порядке ось,
Подшипники колес скрипят, весь паровоз хоть брось...
Кэйси Джонс, трудись как окаянный,
Кэйси Джонс, награду получай.
Кэйси Джонс медалью деревянной
Награждается за службу Эс-Пи лайн.

Рабочие к нему: «Бастуй! Участие прими».
А Кэйси им: «Я не вожусь с подобными людьми».
Но с рельс расхлябанных сошел негодный паровоз,
И Кэйси в реку вместе с ним свалился под откос.
Кэйси Джонс, катись на дно по кочкам,
Кейси Джонс, хребет себе ломай.
Кэйси Джонс, ты станешь ангелочком,
Прямо в небо поезжай по Эс-Пи лайн.

У райских золотых ворот, торжественно представ,
Сказал он так: «Я, Кэйси Джонс, товарный вел состав».—
«Ну что ж,— ответил Петр ему,— бастует хор как раз.
Работу можешь ты найти штрейкбрехером у нас».
Кэйси Джонс нашел работу в небе,
Кэйси Джонс нашел себе там рай.
Кэйси Джонс у ангелов за скэба,
Так же как среди рабочих Эс-Пи лайн.

Собранье ангелы тогда устроили — и вот
Сошлись на том, что Кэйси Джонс и к ним не подойдет.
Союз их номер двадцать три*,— он есть там, говорят,—
По лестнице его спустил, пинком поддавши в зад.
Кэйси Джонс летел с небес до ада.
«Кэйси Джонс,— сказал тут дьявол,— знай:
Выгребать тебе здесь серу надо
За штрейкбрехерство твое на Эс-Пи лайн!»

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖО ХИЛЛА

(Написано в тюрьме 18 ноября 1915 года, накануне казни)

О завещанье ль думать мне?
Ведь нечего делить родне.
К чему ее притворный вздох:
«К камням лавин не липнет мох».
А тело? Был бы выбор мой,
Я сжег бы пепел огневой,
Чтоб ветры весело в полях
Развеяли цветам мой прах,
Чтоб увядающий цветок
Опять воскреснуть к жизни мог.
Вот все, о чем бы я просил.
Желаю счастья вам.

Джо Хилл

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

* * *

Наденьте красивые ваши одежды* —
день радости ныне —
и кущи волос расчешите.
Наденьте красивые ваши одежды
и лучшую обувь,
повесьте тяжелые серьги
на мочки ушей, облачитесь
в накидку, на вашу точеную шею
повесьте дары и округлости рук
блестящим браслетом обвейте.
Должны вы покраше одеться
и всех превзойти красотою,
чтоб с вами никто не сравнился
на площади в нашем селенье.
Люблю вас, моя госпожа,
хочу, чтобы всех вы затмили
одеждой своей, чтобы стали
вы с дымчатой схожи звездой,
своей красотой пробуждая томленье
в луне и цветах луговых.
Чисты и белы одеянья девичьи.
Дарите же радостью вашего смеха
и в сердце своем благосклонность храните
в минуты веселья всеобщего к тем,
кто к вам благосклонность
хранит в своем сердце.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ*

Вечный свет,
наше солнце,
наш отец
и создатель!

На Великого
Инку
обрати
свои взоры.

Он с мольбою
к тебе
обращается
ныне.

На губах
у него
остывает
дыханье.

Свет извечный,
приди
и яви
свою милость.

Ты избавь
от болезни
Великого
Инку!

О своем
повелителе
молится
Куско.

Все мы плачем
о нем,
на тебя
уповаем.

Возврати
ему жизнь,
а рабам своим —
радость.

Сто огней
в твою честь
город Куско
засветит.

И весельем
твое
переполнится
сердце.

* * *

Был ты жизни путем, нежной дерева был тенью,
водопада струею ты был для меня
чистой.

Не в твоих ли ветвях мое сердце гнездо свило,
не в твоей ли тени расцветала моя
радость?

Как же так, что ушел ты, меня здесь одну кинув,
и уже на меня своего ты не бросишь
взгляда?

По какой же тропе ты ушел, меня здесь кинув?
Для меня не раскроются больше твои
губы?

У какого же дерева мне попросить
тени?
И какой водопад мне подарит свою
песню?

Как посмел ты уйти и меня здесь одну
кинуть?
Для меня мир — пустыня, когда тебя нет
рядом.

БРАЗИЛИЯ

ТОМАС АНТОНИО ГОНЗАГА

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой
Дева сонною рукой
Отирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку,

На тенистые брега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:

«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Стройный стан и косы темны».

Так певал, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя?!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

КАСТРО АЛВЕС

ПЕСНЬ АФРИКАНЦА

В жалкой хижине в полночный час
Так темно! Очаг почти погас...
Только слышен тихой песни стон —
Это раб тоскует в полусне
О далекой, милой стороне,
Что неволею покинул он.

А рабыня, кроткая жена,
В песню ту душой погружена,
Глаз не сводит с сына своего;
Колыбель качает без конца,
Словно все боится, что отца
Сын услышит — и поймет его!..

«Земля моя так далёко,
Солнце оттуда встает;
Земля моя так красива,
Там свобода моя живет!

Там пески золотые
Под солнцем горят, как в огне,
То небо с вечерней звездою
Все вспоминается мне...

Там земля широка, как море,
И пальмы ее высоки.
Как хотел бы я снова увидеть
Ее золотые пески!..

Там жили мы все на воле,
Там в праздник народ танцевал,
Никто там людей свободных
За деньги не продавал...»

Раб умолк. Очаг совсем погас
В этот темный бесприютный час.
Колыбель недвижна. Мальчик спит.
Может быть, в глубокой тишине
Хоть его, в его невинном сне,
Светлая Свобода посетит!..

Раб ложится: поутру опять
Раньше солнца должен он вставать,
Вместе с солнцем — в путь...
Опоздаешь — бич над головой
Вмиг взовьется черною змеей,—
Раб ты, не забудь!..

А рабыня смотрит на сынка
И целует. С нею он пока...
«Спи, дитя мое...»
И страшится, мучась и грустя:
Вдруг войдет хозяин — и дитя
Вырвет у нее!..

ЧИЛИ

ЭУСЕБИО ЛИЛЬО

1810 ГОД*

Год вечной славы! Восемьсот десятый!
Приходишь ты ко мне издалека.
Я вижу твой солдатский плащ крылатый
и кровь на лаврах твоего венка.

В те дни на битву за свободу Чили
вставали сотни пылких храбрецов.
Бесстрашные, они провозгласили:
«Нет больше ни тиранов, ни рабов!»

Увидел ты, год восемьсот десятый,
людей могучих, с волею стальной,
с телами крепкими, как бронза статуй,
и великанов сердцем и душой.

Ни смерти, ни соблазнам хитрой лести
не удалось отважных одолеть.
Они хотели, ве́рны долгу чести,
иль жить свободными, иль умереть.

Чтоб мысль высокая торжествовала,
их кровь струилась, землю напоив.
Пусть хлеба им и ружей не хватало —
все возмещали вера и порыв!

Свои сердца, горевшие отвагой,
они всецело отдали борьбе,

чтоб жарким словом и стальною шпагой
служить достойно, родина, тебе.

Они вступали в бой ожесточенный,
грудь подставляя пулям и клинкам...
Но что же от свободы, нам врученной,
мы сохранили? Что ответить нам?

Позор! Отцы народ объединили,
чтоб свергнуть власть господ и королей,
а мы, презренные, восстановили
кровавые законы прежних дней*.

Отцы сражались против угнетенья,
тиранов сильных повергая в прах.
Мы покорились без сопротивленья,
и нам любой тиран внушает страх.

Мы лишены их мужества и силы,
мы телом хрупки, ум наш оскудел.
Для гнева и борьбы мы слишком хилы,
и слава, честь — увы! — не наш удел!

О наших предков доблестные тени!
Пусть вас могил скрывает глубина!
Потомки ваши, в страхе и смятенье,
тревожат мир, но их страшит война.

Ничтожны их победы и невзгоды,
они — игрушки собственных страстей,
и так проводят месяцы и годы
среди пустых ребяческих затей.

Кровь не кипит, а стынет в наших венах.
Тираны подымаются опять,
но нет уже героев вдохновенных,
готовых стойко братьев защищать.

И может быть, свободы нашей знамя,
развернутое ветром Сентября,
уже не взмоет больше над полками,
в победных криках торжеством горя.

Год незабвенный! Восемьсот десятый!
Уходишь вновь ты в глубину времен.
Мы — карлики — стыдимся этой даты,
наш взор твоею славой ослеплен!

ЭКВАДОР

ХОСЕ ХОАКИН ОЛЬМЕДО

ПОБЕДА ПРИ ХУНИНЕ. ПЕСНЬ БОЛИВАРУ*

⟨Отрывок из оды⟩

Кто шагает размеренным, медленным шагом
по холму над Хунином? Кто пространства седые
с высоты озирает, в уме назначая
поле будущей славы, место грозное боя,
исчисляет противников спящее войско,
им удар и разгром небывалый готовя,
предвещает потоки дымящейся крови.
Так орел, в синем небе высоко кружась,
зорким глазом нацелясь, овцу выбирает
на земле, в охраняемых плохо стадах.
Кто спускается быстро с холма над Хунином
молча, ликом суровый, готовый к сраженью,
в темно-красном плаще, словно в туче кровавой,
что несет в себе бурю? И отблеском славы
меч блистает его. Взгляд горит огневой...
Кто подобно грозе устремляется в бой,
как крылатый и пламенный вестник победы,
и, подобно какому-то грозному чуду,
на летящем коне появляется всюду?
Это — он. Это — Марса прославленный сын!
Чу! Гремит его голос: «Перуанцы, глядите!
Вот они, угнетатели ваши, как тени
грозовых облаков. Рядом с вами в зените

гордой славы победных и тяжких сражений
колумбийцы идут. Трепещи, лютый враг!
С ним сражаться вы шли с берегов Ориноко*.
Пусть и сила и мощь на его стороне,
но у вас есть бесстрашье и дух величавый.
Так смелее вперед, будет вашею слава.
Если дух у бойцов за отчизну высок,
это первый и верный победы залог.
Перуанцы! Ни шагу назад, не сдавайтесь!
Побеждает, кто храбро вперед устремлен.
Кто не верит в победу, лишь тот побежден».

Так сказал он. И тут же был отдан сигнал
к нападенью. И тотчас, подобно квадригам,
полетевшим по гулкой широкой арене,
в тучах пыли клубящейся, в вихрях песчаных,
где земля содрогается и стоголос
рев толпы, накаляются спицы колес,
и возницы могучие, полные рвенья,
напрягают бразды и бичами свистят,
трепеща, что другие их опередят...
Так, рванувшись, помчались на бой эскадроны,
многоцветною радугой перьев блестя.
Подымая горящие солнцем знамена,
с криком ринулись в бой. Кто подумал бы тут,
что отваги своей они жертвой падут?
Ужасающий грохот и бой барабанов
слышен в армии этой и в армии той,
и трубы боевой громовое звучанье,
и коня исступленное звонкое ржанье;
он весь в мыле, но, голову гордо подняв,
мчится, по ветру гриву, как дым, разметав,
прямо в пламя, в смятение битвы жестокой.
Слышен пуль пролетающих посвист и вой,
там, где царствуют смерть и смятенье...

Вот он миг роковой столкновенья!

...Лес нависших, железом окованных пик,
блеск и скрежет мечей, исступленье и крик,
и сверкание кованых лат обагренных.
Груды тел и доспехов, голов отсеченных,
уносимых ужасным кровавым ручьем.
Но еще нападают, не отступают,
все жесточе, чем более ран получают,

отвечая сторицей за каждый удар,
умирая, сражаются и не сдаются...

Но уж птица победы в сей миг возвещает
день, записанный в книгу великую судеб,
день, в который народ, полон жаждою мщенья,
вам, кастильцы, за все отомстил оскорбленья.

КУБА

ХОСЕ МАРИА ЭРЕДИА

БУРЯ

Все ближе буря! Ближе ураган!
Свое горячее дыханье
нам шлет в грядущем урагане
Владыка неба, грозный великан.
Глядите: на могучих крыльях ветра
он рассекает молнией пространство;
угрюм, безмолвен, страшен и велик,
он правит свой полет. И беззащитно
смятенная земля в испуге
взирает на его ужасный лик.
Глядите: это — бык. Гигантский бык.
Изранив землю топотом громовым,
он тишь таранит мощными рогами
и, рассевая из ноздрей и пасти пламя,
взывает к буре разъяренным ревом.

Какие тучи! В дрожь бросает солнце.
Затмился лик его клубами дыма,
и, тая в струях грозной круговерти,
он льет не свет, а траурную тень,
преобразуя в полночь ясный день...

Тревожный свет, угрюмый полог смерти!
Грядет гроза из глубины небес,
и мечутся испуганные птицы,

и горы дальние озарены зарницей,
и блеску молний вторит треском лес.

Глядите: вот он! Видите, он плещет
плащом над нами — царственный и страшный!
Приветствую тебя, Владыка неба!
Как бахрома плаща его трепещет
и развевается в кипящем ветре!..
Смотрите, из-за гор крутых
он вырос, длань над нами простирая,
и горизонт от края и до края
до хруста сжал в объятиях своих.

И пала мгла на мир. И взвихрил ветер
пыль по дорогам и полям.
А по лиловым облакам
загрохотала колесница, высекая
из неба искры быстролетных молний,
разящих землю, жгущих лоно вод,
заливших мертвым светом небосвод.

А это что за рев? Кипящий ливень
низвергнулся каскадом, в хаос вверг
смятенный мир... Последний свет померк...
Леса и реки, облака и горы,—
где вы теперь? Угрюмый ураган
все поглотил... Ни зги не видно... С неба
обрушился на землю океан,
погребший все в бушующей пучине...
Прощай, несчастный мир, исчезнувший в волне!
Я с бурей остаюсь наедине.

Коснись же, ураган, меня крылом!
Твоею страстью пламенной объятый,
я предаю забвенью мир проклятый
и вдаль взираю с поднятым челом.
Ведь только труса жалкая душа
боится бури... Крылья урагана
несут меня к господнему престолу,
а гром — как эхо голоса Владыки...
И, смахивая со щеки слезу,
благоговейно я внимаю буре,
ликуя, вслушиваюсь в ярую грозу.

ХОСЕ МАРТИ

* * *

Свинцовый полог туч угрюмых*
вдруг луч багряный разорвал.
Корабль невольничий из трюма
на берег негров выгружал.

А пальмы гнулись. Гневный ветер
вздымал кустарник на дыбы.
В страну чужую на рассвете
шли вереницею рабы.

Ломилась буря в дверь барака,
ломая ветки впопыхах!
И мать-рабыня шла, и плакал
ребенок на ее руках.

В тумане солнца диск багровый
встал над пустынею морской.
На ветке дерева, в оковах,
висел невольник молодой.

Нет, мальчику не позабыть,
как он в слезах любви и боли
над трупом клялся отомстить
за тех, кто жизнь влачит в неволе.

* * *

О тиране? Скажи про тирана
Все — и больше того! Присуди
Всей яростью рабской груди
К бесчестью, к позору тирана!

О неправде? Скажи о неправде,
Как крадется она осторожно
В темноте; скажи все, что можно,
О тиране и о неправде.

О женщине? Даже развенчанный,
Отравленный,— умирай,
Но жизни своей не пятнай,
Говоря дурное о женщине!

ГЕРОИ

Мраморные снились мне палаты.
В них в молчанье стоя почивали
мраморные статуи героев*.
Душу я свою зажег как факел.
Ночью говорил я с ними, ночью.
Проходил вдоль каменного строя,
каменные руки целовал я,
каменные губы шевелились,
каменные бороды дрожали,
каменные очи открывались,
каменные слезы исторгали,—
и сжимали каменные руки
рукоятки каменных мечей.
Молча целовал я руки статуй.
Ночью говорил я с ними, ночью.
Проходил вдоль каменного строя.
И с рыданьем приглушенным обнял
мраморную статую героя.
«О, скажи мне, каменный воитель,
слышал я, что пьют твои потомки
из чужих отравленных бокалов
не вино, а собственную кровь.
Что они язык свой позабыли,
говорят на языке господском
и вкушают горький хлеб бесчестья,
сидя за столом окровавленным.
И теряют в болтовне ненужной
свой огонь последний. О, скажи мне,
ты, воитель спящий, мрамор белый,
может быть, твое угасло племя!»
Но герой, которого я обнял,
на землю поверг меня ударом
своего копья и мне на горло
наступил, и поднялась десница,
засверкав, как солнце. Грозным гулом
камни отозвались, и к оружью
руки устремились, и в сраженье
мраморные ринулись герои.

ГВАТЕМАЛА

ХОСЕ БАТРЕС МОНТУФАР

САН-ХУАН

Зверьем заселенный, лесами заросший,
раскинулся край, недвижим, как стена.
Озера и реки, ущелья и рощи
забыты историей... Глушь, тишина.

Без имени горы, леса без названья.
Над ними плывут и плывут облака.
Не дав никому ни легенд, ни сказаний,
безлюдны, стоят эти дебри века.

В долинах не зреет богатая нива,
не режет земли ни лопата, ни плуг,
в танцующий круг не ведут горделиво
веселые парни нарядных подруг.

Не высятся храмы, дороги не вьются,
не тронут киркою базальт и гранит,
молитвы и песни нигде не поются,
и колокол медный нигде не звонит.

Ручьи не текут у лозы виноградной,
в загоны откормленный скот не бредет,
дымок не курится над кровлей отрадной,
домашняя птица зерна не клюет.

Здесь только порою дикарь краснокожий
по рекам проводит свой утлый челнок
да хищный кайман, тишину потревожа,
ползет из воды на горячий песок.

Да белка метнется по веткам с испуга
в тот миг, как змея еле слышно скользит,
кольцо за кольцом развивает упруго
и влажную борозду в травах чертит.

Зубчатые горы, подобно короне,
венчают парящего в небе орла.
Он ринется долу — и воздух застонет,
засвищет под страшным напором крыла.

Там лапами злой ягуар невозбранно
печатает след у речных камышей.
На раненых кедрах зарубки и шрамы
видны от его беспощадных когтей.

Как спящий гигант, распростершись всем телом,
лежит колдовской этот край, недвижим.
Он темен и глух, он жесток без предела,
и смерть, словно ангел, витает над ним.

Он синим и желтым цветным одеялом
с хребта до глубоких подножий укрыт.
Там горы охвачены отблеском алым,
и бурное море под ними кипит.

К востоку бегут белопенные волны.
Как воет, как хлещет наотмашь прибой!
Он реки глотает и, ярости полный,
грызет побережье, скалу за скалой.

Ни статуй, ни плит, ни кумиров, ни тронов —
неведом безликому времени счет,—
лишь пальмы вздымают высокие кроны,
но молния выжжет их, буря сметет.

И плещет, и брызжет, и льет на граниты
багровую лаву зловещий вулкан,
твой сумрачный воздух как дым ядовитый,
ты черную гибель несешь, Сан-Хуан!

Ты дышишь миазмами, пеплом горящим,
ты весь как виденье из страшного сна,

в твои первобытные, дикие чащи
не в силах проникнуть ночами луна.

Мой брат отошедший носил твое имя*.
В плену твоем темном, совсем молодым,
как странник, заснувший под чарами злыми,
он умер, отравленный ядом твоим.

Я славлю тебя, Сан-Хуан, проклиная!
Храни мои слезы на лике своем,
заросший лесами от края до края,
безгласный, безлюдный, кишащий зверьем!

ПЕРУ

МАНУЭЛЬ ГОНСАЛЕС ПРАДА

БЕЛЫЕ КОНИ

Что́ так колеблется почва
и убегают, оглохнув от грохота, тучи?
Снова титаны пришли выкорчевывать горы?
Снова снегами исторгнуты неумолимые гунны
или несметное буйволов стадо несется?
Нет, не титаны, не варвары это, не буйволов стадо —
это прекрасные белые кони.
По ветру гривы, огнистые очи,
плавно пространство стригущие мощные ноги,
ровным галопом проходят они и проходят,
катятся снежной лавиной по шири степной,
бело-слепящим, полощущим шарфом
скучную неба лазурь рассекают.
Вот и прошли. Лишь покой горизонта
застлан редеющей пылью и тающим гулом.
Только их след на равнине багрится широкой
алою лентой.
Бедные, бедные белые кони!
Все они ранены.
Насмерть.

МИТА*

— Сын, пора мне: над вулканом
озарился неба край;
принеси мою котомку,
посох пальмовый подай.

—Вот, отец, твоя котомка,
вот и посох — не забудь,
но скажи: о чем ты плачешь
и куда ты держишь путь?

— Властью белых я оторван
от родного очага:
ждут меня нужда и голод —
горький жребий батрака.

— А когда к родному дому
возвратишься ты, отец?
— В день, когда с полей в пустыню
перейдут стада овец.

— А когда, скажи мне, овцы
перейдут в пустыню жить?
— Тигр лесной в тот день захочет
в море жажду утолить.

— А когда, из леса выйдя,
тигр воды морской попьет?
— В день, когда крылатый кондор
змей высиживать начнет.

— А когда же станет кондор
выводить смертельных змей?
— В день, когда у белых сердце
станет мягче и добрей.

— Если сердце их смягчится,
возвратишься ты сюда?
— Знай, сынок, что сердце белых
не смягчится никогда.

МЕКСИКА

МАНУЭЛЬ АКУНЬЯ

ИДАЛЬГО*

Колокола Долорес — точно гром!
Набатом вторит эхо с небосвода.
При блеске молний родилась свобода,
глухая ночь внезапно стала днем.

Зовя восстать на смертный бой с врагом,
идальго бросил гордый клич народу,
и родина, забыв страданий годы,
воспрянула в цветенье молодом.

Благословенны будь воспоминанья
о тех, кто жизнью жертвовал в борьбе

за то, чтоб правда восторжествовала,
о тех, кто смело поднимал восстанье
и шел навстречу гибельной судьбе
путем, который совесть указала.

НИКАРАГУА

РУБЕН ДАРИО

СИМФОНИЯ СЕРЫХ ТОНОВ

В море, как будто покрытое ртутью,
падает небо, как цинковый лист;
серым дымком сквозь далекие тучи
стелются стаи серебряных птиц.

Солнце стеклянное тускло и сонно,
словно больное, вползает в зенит;
ветер морской отдыхает на тени
мягкой и легкой, как черный батист.

Волны вздымают свинцовое чрево,
стонут у мола и шепчутся с ним.
Старый моряк, примостившись на тросе,
трубкой дымит, вспоминая с тоскою
берег далекий туманной страны.

Волку морскому лицо обжигали
солнца бразильского злые лучи;
под завыванья тайфунов Китая
пил он из фляги спасительный джин.

К запаху моря, селитры и йода
нос его сизый давно уж привык,
грудь великана — под блузой матросской,
чуб непокорный ветрами завит.

В облаке буром табачного дыма
видит он берег туманной страны:
вечером знойным под парусом белым
в море тогда уходил его бриг...

Полдень тропический. Волку морскому
дремлется. Дали туман затопил.
Кажется, что горизонт растушеван
серою тушью до самых границ.

Полдень тропический. Где-то цикада
старческой хриплой гитарой бренчит,
ну а кузнечик на маленькой скрипке
все не настроит трескучей струны.

AMO, AMAS[1]

Любить всегда, любить всем существом,
любить любовью, небом и землею,
ночною тенью, солнечным теплом,
любить всей мыслью, всей душою.

Когда же станет дальше бесполезным
тяжелый путь по жизни крутизне —
любить зажженную любовью бездну,
сгореть самим в горящем в нас огне!

---

[1] Я люблю, ты любишь *(лат.)*.

Поэзия народов Востока

КИТАЙ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ О ДЕВУШКЕ, СОБИРАВШЕЙ СЛИВЫ

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи с другой.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

* * *

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,
Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:
Три месяца был ты вдали!

Сбирать ли душистые травы иду,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три времени года я жду!

Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!

ДВОЕ ДЕТЕЙ САДЯТСЯ В ЛОДКУ

Двое детей садятся в лодку простую,
Тени, я вижу, на глади колеблются вод,
К ним я душою стремлюсь в думе о детях:
В сердце сомненье, в сердце тревога растет.

Двое детей садятся в лодку простую,
Лодка, колеблясь, уходит по глади воды.
К ним я душою стремлюсь в думе о детях —
В сердце тревога: не было б с ними беды.

* * *

Господин мой! Ты в сраженье всех смелей.
Ты размахиваешь палицей своей.
Ты, великий полководец, впереди.
За тобою следом войско и вожди.

С той поры, как ты уехал на восток,
Волосы мои как высохший вьюнок.
И зачем теперь причесываться мне?
И какой бальзам теперь бы мне помог?

Хоть бы дождика дождаться наконец!
Солнце яркое сверкает и палит.
Господин мой! Как я сохну по тебе!
Сердце бьется, голова моя болит.

Если бы трава забвения росла
Возле дома, тут, под северной стеной!
Господин мой! Как я сохну по тебе!
Тяжело мне год за годом быть одной.

ПЕСНЬ О ТРУДОЛЮБИВОМ ДРОВОСЕКЕ И СОВЕТНИКЕ КНЯЗЯ

I

Удары звучат, далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит деревья свои...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда,—
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук,—
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли бы считать,—
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

II

Удары звучат далеко, далеко...
Колесные спицы привычной рукой
Тесал дровосек над рекой.
На берег он сложит те спицы свои.
Над ровною водною гладью покой,
Прозрачна речная вода.
Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,
Вы в жатву не знали труда.
Откуда же, сударь, так много снопов
На ваших полях тогда?
Мы вас благородным могли бы счесть,
Когда б перестали вы в праздности есть
Хлеб, собранный без труда!

III

Далеко, далеко топор прозвучал,—
Ободья колес дровосек вырубал.
Колеса — обтесанный, крепкий сандал —
Он сложит на берег реки.
Кругами расходится медленный вал,
Прозрачна речная вода...

Нет, наш господин ни в посев не знал,
Ни в жатву не знал труда,—
Откуда же триста амбаров его
Наполнены хлебом тогда?
Он с нами охоты не вел заодно,
И дичи из лука не бил он давно,
Откуда же вдруг перепелок полно
На этом дворе тогда?
Коль он благородным себя зовет,
Так пусть он не ест без тревог и забот
Хлеб, собранный без труда!

ТАО-ЮАНЬ-МИН

* * *

Здесь, в глуши деревенской,
дел мирских человеческих мало:
Переулок убогий
чуть тревожат повозка и конь.
Белый день наступает,
и терновую дверь затворяю,
Чтоб в жилище пустое
не проникла житейская мысль.
Постоянно и снова
по извилистым улочкам узким,
Стену трав раздвигая,
мы проходим из дома и в дом.
И, встречая соседа,
мы не попусту судим да рядим,
Речь о тутах заводим,
как растет конопля, говорим.
Конопля в моем поле,
что ни день набирается силы;
Мной взрыхленные земли
с каждым днем разрастаются вширь.

Я все время в боязни:
вдруг да иней, да снег на посевы —
И конец моим всходам,
и закроет все дикий бурьян!

* * *

Вот бобы посадил я
на участке под Южной горою,
Буйно травы пробились,
робко тянутся всходы бобов,
Утром я поднимаюсь —
сорняки из земли вырываю,
К ночи выглянет месяц —
и с мотыгой спешу я домой.
Так узка здесь дорога,
так высоки здесь травы густые,
Что вечерние росы
заливают одежду мою.
Пусть промокнет одежда,
это тоже не стоит печали:
Я хочу одного лишь —
от желаний своих не уйти.

* * *

С давних пор так бывало —
ухожу я и в горы и к рекам,
Среди вольной природы
знаю радость лесов и равнин...
И беру я с собою
сыновей и племянников малых;
Сквозь кусты продираясь,
мы идем по пустынным местам.
И туда и обратно
мы проходим меж взгорьем и полем,
С сожаленьем взираем
на жилища старинных людей.
Очага и колодца
там следы во дворах сохранились,
Там бамбука и тута
полусгнившие видим стволы.

— Ты не знаешь,— спросил я
дровосека, рубившего хворост,—
Тех селений, в какие
эти люди отсюда ушли? —
Дровосек распрямился,
поглядел на меня и ответил:
— Эти умерли люди,
их в живых уже нет никого...—
«Поколенье другое —
с ним дворцы изменились и площадь».
Значит, слов этих старых
до сих пор еще правда жива,
Значит, жизнь человека
состоит из игры превращений,
И в конце ее должен
возвратиться он в небытие.

* * *

Послушная ветру
сосна на высоком обрыве —
Прелестный и нежный,
еще не окрепший ребенок.
И лет ей от силы
три раза по пять миновало;
Ствол тянется в выси.
Но можно ль к нему прислониться?
А облик прекрасный
таит в себе влажную свежесть.
Мы в ясности этой
и душу провидим и разум.

ВАН ВЭЙ

ДОМ В ГОРАХ ЧЖУННАНЬ

К срединным годам
возлюбил я истины суть.
Близ Южной горы
поселился в пору седин.
Радость вкусив,
всегда гуляю один,
К лучшим местам
наилучший ведаю путь.

К началу ручья
дойду дорогой прямой,
Присяду, смотрю,
как встают облака над горой,
Старик-дровосек
навстречу выйдет порой:
Смех, болтовня,—
забываем, что время домой.

ПОЛЯ И САДЫ НА РЕКЕ

Над плесом Цишуй
в благой живу тишине.
Нет гор на востоке.
Бескрайны дали полей.
За тутовой рощей
простор в закатном огне.
Меж сел побережных
река сверкает светлей.
В деревне подпасок
тропой бредет луговой.
Охотничий пес
бежит за владельцем, как тень.
Чем занят отшельник?
Ответа нет не впервой.
Калитка из веток
с рассвета закрыта весь день.

ЗАВОДЬ, ГДЕ ЦВЕТУТ ЛОТОСЫ

Плыву что ни день
по лотосы в утлом челне.
Остров велик.
Допоздна замедляю возврат.
Толкаюсь шестом,
не плещу, скользя по волне:
Боюсь увлажнить
цветов червленый наряд.

ЛИ БО

* * *

Белых волос тысячи три саженей!
Грусть ведь моя так бесконечно долга!
Я не пойму: в зеркале светлом и чистом
где я добыл иней осенний висков?

ДУМЫ ТИХОЙ НОЧЬЮ

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней? —
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко.

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

ПРОВОЖУ НОЧЬ С ДРУГОМ

Забыли мы
Про старые печали —

Сто чарок
Жажду утолят едва ли,

Ночь благосклонна
К дружеским беседам,

А при такой луне
И сон неведом,

Пока нам не покажутся,
Усталым,

Земля — постелью,
Небо — одеялом.

ЛЕТНИМ ДНЕМ В ГОРАХ

Так жарко мне —
Лень веером взмахнуть.

Но дотяну до ночи
Как-нибудь.

Давно я сбросил
Все свои одежды —

Сосновый ветер
Льется мне на грудь.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Вижу белую цаплю
На тихой осенней реке;

Словно иней, слетела
И плавает там, вдалеке.

Загрустила душа моя,
Сердце — в глубокой тоске.

Одиноко стою
На песчаном пустом островке.

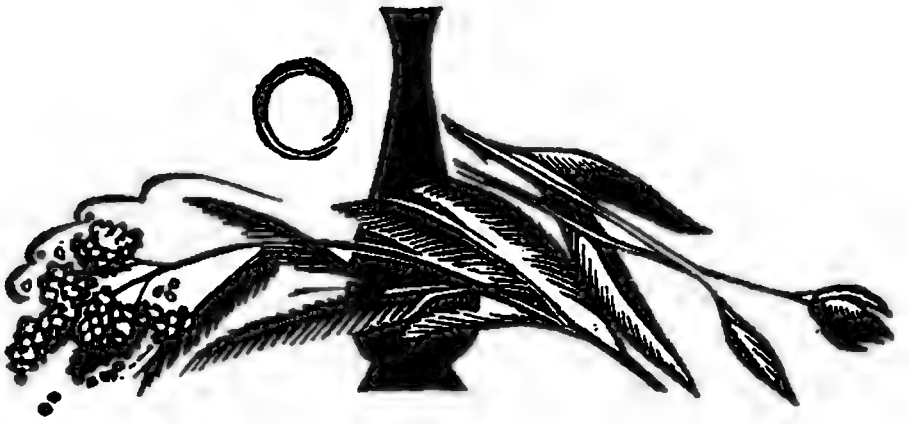
ОДИНОКО СИЖУ В ГОРАХ ЦЗИНТИНШАНЬ

Плывут облака
Отдыхать после знойного дня,

Стремительных птиц
Улетела последняя стая.

Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,

И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая.



ДУ ФУ

В ОДИНОЧЕСТВЕ

В синем небе кружит
Одинокая хищная птица,

А под нею — две чайки
Плывут по реке не спеша.

Хищник может легко
За добычею вниз устремиться,

Но не знает тревоги
Беспечная чаек душа.

Надвигается вечер,
Росой покрывается поле,

А паук на ветвях
Паутину плетет и плетет.

И законы природы
Близки человеческой доле —

Одиноко стою
Среди тысячи дел и забот.

ОТДАЮСЬ СВОИМ МЫСЛЯМ

На мокрой ветке
Иволга щебечет,

И чайка плавает
У островка.

Цветы совсем поникли
В этот вечер,

И стала неспокойною
Река.

Седой старик —
Варю вино из проса.

Стучится дождь
У моего окна.

Я на судьбу
Не взглядываю косо:

В уединенье
Слава не нужна.

ВЕЧЕРНИЙ ХОЛОДОК

Туман укрыл
Деревья на равнине,

Вздымает ветер
Темных волн поток.

Поблекли краски,
Яркие доныне,

Свежее стал
Вечерний холодок.

Забили барабаны,
И поспешно

Смолк птичий гам
У крепостного рва.

Я вспомнил пир,
Когда по лютне нежной

Атласные
Скользили рукава.

БО ЦЗЮЙ-И

ПОСВЯЩАЮ ПЕЧАЛЬНОМУ СТРАННИКУ

Прибрежной ивы холодная тень
    на сырой от дождя земле.
Прилетного лебедя частый крик
    в обещающей снег высоте.
Причалил к песку одинокий гость,
    чтобы на ночь прервать свой путь.
Вода обегает речной тростник,
    и луна заполнила челн.

СЛУШАЯ ЦИКАД

Там где-то цикады кричат-кричат,
и тянется нитью ночь.
Да тут еще этот осенний мрак,
и небо грозит дождем.
Как будто боясь, что в своей тоске
забудусь я сном на миг,
Они переносят свой крик сюда,
где я постелил постель.

МНЕ ЖАЛЬ ЦВЕТОВ

Жалость какая — прекрасным и нежным
самое время цветенья.
Только недавно бушующим ветром
за ночь сорвало их с веток.
Резвая иволга утром сегодня
в старых местах побывала.
Множество слов, что она накричала,
в голых деревьях осталось.

ЛИ ЦИНЧЖАО

* * *

Весна заметней, ярче с каждым днем:
Уютный дворик. Тихое окно.
Еще не поднят занавес на нем,
Но пали тени синие давно.

В молчанье с башни устремляю взгляд,
И струны цитры яшмовой молчат.

Над горною вершиной облака —
Они торопят сумерек приход.
Зыбь по траве прошла от ветерка,
Кропит дождем померкший небосвод.

Цветущей груше холода страшны,
Боюсь, цветам не пережить весны.

ХРИЗАНТЕМА

Твоя листва — из яшмы бахрома —
Свисает над землей за слоем слой,
Десятки тысяч лепестков твоих,
Как золото чеканное, горят...
О хризантема, осени цветок,
Твой гордый дух, вид необычный твой
О совершенствах доблестных мужей
Мне говорят.
Пусть утопает мэйхуа * в цветах,
И все же слишком прост ее наряд.
Цветами пусть усыпана сирень —
Й ей с тобою спорить нелегко...
Нисколько не жалеешь ты меня:
Так щедро разливаешь аромат,
Рождая мысли грустные о том,
Кто далеко.

ЯПОНИЯ

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

В этой бухте Нагато́ —
Длинные ворота,
Длинные, как волокно
Пряжи конопляной,
Той, что девушки кладут
В деревянный чан...
Как затишье поутру,
Набегает там прилив,
Как затишье ввечеру,
Приливают волны там.
И как бурный тот прилив
Набегает все сильней,
И как волны те встают,
Вырастая и шумя,
Так же милую мою
Все сильнее я люблю!
И отсюда видны мне,
Как на дальнем берегу
Каменистом, где всегда
Море плещется в Аго́,
Девушки-рыбачки те
Собирают корни трав
Возле берегов
И как машут мне они
Белотканым рукавом.
И сверкают шарфы их,
Шеи нежные обняв,
И слегка-слегка звенит
Жемчуг на запястьях рук.
Верно, так же как и я,
Каждая из них грустит...

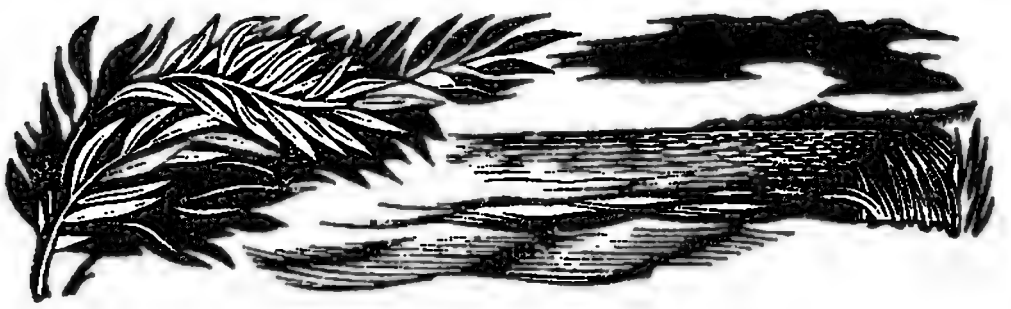
КАКИНОМОТО ХИТОМАРО

* * *

Вздымается волна из белых облаков *,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я:
Скрывается, плывя,
В лесу полночных звезд ладья луны.

* * *

Средь гор осенних * — клен такой прекрасный,
Густа листва ветвей — дороги не найти!
Где ты блуждаешь там?
Ищу тебя напрасно:
Мне неизвестны горные пути...



САЙГЁ

ЦВЕТЫ УНОХАНА* В НОЧНУЮ ПОРУ

Пускай нет в небе луны!
Обманчивей лунного света
Цветы унохана́.
Чудится, будто ночью
Кто-то белит холсты.

ДОЖДИ ПЯТОЙ ЛУНЫ*

Мелкий бамбук заглушил
Рисовые поля деревушки.
Протоптанная тропа
Снова стала болотом
В этот месяц долгих дождей.

СМОТРЮ НА ЛУНУ В ИСТОЧНИКЕ

Пригоршню воды зачерпнул.
Вижу в горном источнике
Сияющий круг луны.
Но тщетно тянутся руки
К неуловимому зеркалу.

У самой дороги
Чистый бежит ручей.
Тенистая ива.
Я думал,— всего на миг,—
И вот — стою долго-долго...

* * *

В неурочный час
Вдруг петухи запели.
Верно, их обманул
Этой осенней ночью
Ослепительный свет луны.

ЦИКАДЫ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Росы не пролив,
Ветку цветущую хаги
Тихонько сорву.
Вместе с лунным сияньем,
С пеньем цикады.

* * *

Ужели рукава
Лишь оттого окроплены росою,
Что слушаю цикад?
Какая странность! Это я,
Я сам тоскую отчего-то...

ХРИЗАНТЕМЫ

Осенью поздней
Ни один не сравнится цветок
С белой хризантемой.
Ты ей место свое уступи,
Сторонись ее, утренний иней!

МАЦУО БАСЁ

* * *

Иней его укрыл,
Стелет постель ему ветер...
Брошенное дитя.

* * *

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеется свежий срез.

* * *

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких ножках —
По колено в воде.

* * *

Тихая лунная ночь...
Слышно, как в глубине каштана
Ядрышко гложет червяк.

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

* * *

Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке —
Это ее душа.

* * *

Далекий зов кукушки *
Напрасно прозвучал. Ведь в наши дни
Перевелись поэты.

* * *

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

* * *

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

РЁКАН

Сложено на горе Куками

Вот и навестил
свой заброшенный приют.
Домик обветшал.
Палисадник и плетень
сплошь усыпаны листвой...

* * *

Топор прихватив,
отправился я по дрова
в окрестные горы —
а там под каждым кустом
заливается соловей!..

* * *

Слагаю стихи об осенних листьях
в гербарии

Там поставлю
красные листья в вазу,
тут наклею
желтый лист на бумагу...
Так, слагая
стихи о кленовых листьях,
провожу я
осень в хижине горной.

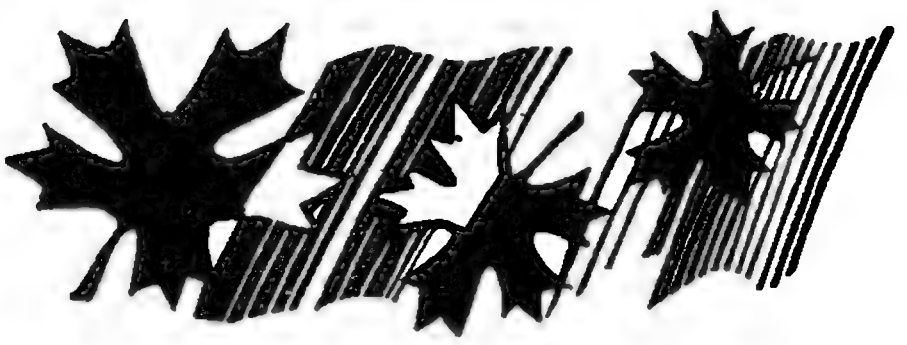
* * *

*Надпись на веере**

Пусть неприметен
мой одинокий приют
в поле осеннем...
Слышишь, запели сверчки —
жду тебя, друг, приходи!

ЗАВЕЩАНИЕ

После себя
что я оставлю на свете?
Вишни — весне,
лету — голос кукушки,
осени — алые клены...



ТАТИБАНА АКЭМИ

ИЗ ЦИКЛА «МОИ МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ»

* * *

Как хорошо,
когда, при своей нищете,
чашки расставив,
можешь спокойно сказать:
«Ешьте и пейте, друзья!»

* * *

Как хорошо,
когда, на столе развернув
редкостный свиток,
чтенью предашься душой
и созерцанью картин...

* * *

Как хорошо,
когда беспокойные гости
рано ушли
и никто тебе не мешает
с головой погрузиться в книгу...

ИНДИЯ

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Из героического эпоса «Махабхарата»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налю,
Не было, нет и не будет: между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездáми.
Крепкий мышцею, светлый разумом, читатель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, вожделений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей упованье,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями — на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать,— таков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости играть был безмерно
Страстен. В это же время владел Видарбинским обширным
Царством Бима, царь благодушный; он долго бездетен
Был и тяжко скорбел от того, и обет пред богами
Он произнес великий, чтоб боги его наградили
Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый

Дáмас, Дáнтас другой и Дáманас третий; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти:
Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
Свете, ни в мире бесплотных дýхов, ни в стране, где святые
Боги живут, никогда подобной красы не видали;
Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
Час о великом Царе Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый час о звезде красоты благородной
Царь нишадский слышал; и цвет любви из живого
Семени слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнию сердца
Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел
В воздухе белых гусей; распустив златоперые крылья,
Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватил одного. Но ему сказал человечьим
Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
Слово такое при случае молвлю, что только и будет
Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
Прямо в Видарбу и там опустилася с криком на царский
Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев
Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать
Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
Все рассыпались пó лугу; с ними рассыпались так же
Скоро и все подружки царевны: вот Дамаянти
С Гусем одним осталась одна; и Гусь, приосанясь,
Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы
Плод родился от союза с его красотою могучей
Нежной твоей красоты! Вас друг для друга послали
Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
О тихонравная, сладкоприветная, чистая дева!
Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много
Райских обителей неба видали; в стране великанов

Также нам быть довелось; но доныне еще, Дамаянти,
Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:
Ты жемчужина дев, а Наль — мужей драгоценный
Камень. О, если бы вы сочетались! Тогда бы узрели
Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: «*Скажи ты то же и Налю*».
Быстро-быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

II

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачася
Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабленье,
То подымая к небу грустные очи, то в землю
Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью —
Временем щеки как жар, временем бледные, очи,
Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
Мысли, как волосы,— день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже́ покоя на месте ином; и, та́я в болезни,
Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам
Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный
Слух и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти»,— сказал он.
Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отовсюду на выбор
Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
Царствам индейским*: царей приглашать на праздник в Видарбу.
Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
Все снарядилися в путь; с востока и запада быстрый,
Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
Смутным гулом слонов, коней, колесниц и до неба
Пыль густую подъемля. Сияя богатством уборов,
Множеством ратников, блеском оружий, пышностью броней,
Съехались гости в Видарбу; торжественно встретил их Бима.
В это время странствовать вышел глава и светило
Всех отшельников — праведный старец Нера́да*; избранный
Спутник его был Перва́та* блаженный. Из пыльного мира
Темных гробов проникнул он в царство небесного света,
В оный предел, где сад веселий цветет, где великий
Властвует Индра*. В светловоздушные сени вступили

Оба странника; их приветствовал радостно Индра;
Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
Царь небесныя тверди спросил гостей о здоровье
Их и целого света. «Владыка,— с поклоном Нерада
Индре ответствовал,— божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».
Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
Смерти презрители, храбрые мира защитники? Ими
Светлую область мою населять я люблю; но напрасно
Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят
Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
С племенем храбрых?» На это ответствовал Индре Нерада:
«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете
Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга
Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
Стала земля, почему и в твою светозарную область
Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
Прибыли к Индре его соучастники в миродержавстве:
Агнис — властитель огня, Варуна — воды повелитель,
Яма — бог-земледержец. Услышав сказанье Нерады,
Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Сведал о съезде великом в Видарбе, на быстрых
Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
Был красотою он светел, как день; и боги, пленяся
Той красотой, на него с изумленьем смотрели; четыре
Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец, войск истребитель,
Наль Пуньялока*. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

III

«Всё исполню,— ответствовал Наль; и, руки сложивши
В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: — Кто вы,
Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
Мне в Видарбу идти?» Ему ответствовал Индра:

«Знай, что мы боги бессмертные, сшедшие в мир для прекрасной
Дочери Бимы царя, Дамаянти, к которой отвсюду
Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнис, огня повелитель могучий;
Это Варуна, двигатель вод, а это великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
«Ведай, царевна, что боги стихий — бог воздуха Индра,
Агнис огня, Варуна воды и Яма земли — к нам
С неба сошли, чтоб из них одного избрала́ ты в супруги!»
Руки сжав с умилением, Наль ответствовал Индре:
«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
Быть мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
Боги, избавьте меня». На то ответствовал Индра:
«Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: *исполню?*
Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».
Наль отвечал с замешательством: «Как же дойду я к царевне?
Входы все заперты крепкою стражей».— «О том не заботься,—
Боги сказали,— дойдешь свободно, иди без боязни».
Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.
Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожделенье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
Силы мучительной. Все подружки царевны вскочили
С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
Образ его поразил их так, что им показалось
Небо отверзтым. Не смея его вопросить, меж собою
Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
Наля, очей на него поднять не смея (столь боги
Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным
Вдруг возвеличили). В это мгновенье пред ним Дамаянти
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем. «Кто ты? — она напоследок спросила.—
Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу
Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель
Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны

Наль ответствовал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу
Прислан, царевна, тебя известить, что великие боги
Индра, Агнис, Варуна и Яма спустились на землю
С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.
Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Весть такую услышав, сначала богам Дамаянти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья, и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созваны мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя: но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем, но только совсем для иного.
Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почесть такую, то все мне смертию будет: вода ли,
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу в любви безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне ответствовал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно-стройная дева!
Будь мне спасеньем, избравши небесное вместо земного.
Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;
Искрою в каждой пылинке таяся, другой проникает

Все, разрушая тела́ и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цепию землю обвив и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити вплетает
В кудри свои; четвертый дает живущему место,
Мертвому пристань и все созданье на суд собирает,—
Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бессмертным
Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга».
С трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье
Светлых очей, отвечала ему Дамаянти: «Всесильны
Вечные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
С верой; но ты мой жених; ты избран любовию; этой
Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
Девственно-чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнувши,
Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я пред тобою
В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Буду ль
Ныне просить для себя того, что строго велит мне
Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха
Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,
Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О друг, мы согласны
В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской
Девы принявши, Наль возвратился в то место, где были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Миродержавцы спросили с живым любопытством:
«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
Наль сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
Видимый только царевне одной; конечно, то было
Так устроено вашею властью: с царевной нашел я
Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;
Но Дамаянти, прекрасный светлосмеющийся месяц,
В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,
Я объявлял ей, меня самого в затменье рассудка
Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царевна: «Пусть придут
Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собрались в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь златые
Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
Свежих, душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
Тесно их сонмище было, как львиная грива густая;
Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,
С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами,
Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
Глаз. И в собранье гостей вошла Дамаянти, чтоб ум их
Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом Дамаянти
Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
Ей не являлся. Вдруг видит царевна пять одинаких
Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
То от нее отходили; и каждый ей представлялся
Налем, как скоро глаза на него она обращала;
Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
«Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит
Здесь на себе ни один из видимых мною»,— царевна
Думала. Вот наконец, по долгом с собой размышленье,
Так решилась она: «К богам подойду я с молитвой;
Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царевна
Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,
Если молюся вам с теплою верою, если вы сами
Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,
Если его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священны, то мне вы его покажите, благие
Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянти,
Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,

Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый
Ум, согласились немедля ее желанье исполнить
Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Их во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
Пыли белым одеждам, бестенному телу и дивной
Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
Веяли с места на место, земли не касаясь ногами.
Рядом с ними, полуотененный, в венке уж завядшем,
Пылью и по́том покрытый, стоял на земле с помраченным,
Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчас его из средины бессмертных и выбор
Свой изъявила обычным обрядом, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свежий душисто-блестящий венок*. Совершился великий
Выбор: со всех сторон раздалися торжественно клики;
Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выбор одобрив, воскликнули: *Слава!* счастливому Налю.
Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
«Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женой именую,
Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доколе
Будет дух жизни в теле моем, дотоле, о дева,
Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положись; отныне тебя я
Буду питать, защищать, и чтить, и хранить и останусь
Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
Радость и горе, богатство и бедность и все неизменно
В жизни с тобой разделяя». Обет такой произнесши,
Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царевна пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их; податели всякого блага, они даровали
Налю четыре великие силы: могучий властитель
Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
Месте простор находить и везде освежаться прохладой;
Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земныя
Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
Пищи; владыка воды наградил могуществом воду

Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
Так одаривши царя, и царевне все четверо вместе
Дали одно обещанье: что брака их радостью будут
Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслед и цари и царевичи, выбор невесты одобрив,
В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынул
Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
Наль, сочетавшись с своею царевною, пробыл в Видарбе
Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
В царство свое, блаженный, прославленный, с милой женою,
Честию жен, звездой красоты и любви, возвратился.
Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

III

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
Встретили адского бога Кали́. Провожаем Двепарой,
Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?» —
Индра спросил. «В Видарбу,— Кали́ отвечал.— Дамаянти
Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен
Ею быть выбран». С улыбкой ответствовал Индра: «Уж выбор
Сделан, ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали́, услышав от Индры такую
Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад и прекрасен
Наль: лишь одною б лишенною смысла он мог быть не избран,
Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
Правящий царством; он, у которого в доме усердно
Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
Чтимый; он, строгий обетов хранитель; он, одаренный
Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
Образ божественный прелести слиты... Кали́, кто враждует
С праведным Налем, тот скройся в пропасти ада, на муку
вечную». Так отвечав, удалилися боги на небо.
Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре

Молвил Кали́: «Не прощу никогда я обиды; теперь же
В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, ввергнуть в погибель;
Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
В кости игрок), поселися в костях и будь мне помощник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

С замыслом злобным своим притаился в обители царской
Наля коварный Кали́. Он все выжидал, чтоб удобный
Случай открылся ему совершить предприятое; шесть лет
Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец
благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищенье*
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
В сердце Наля проникнул Кали, и святое жилище
Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений.
Был у Наля сводный брат Пушка́ра. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наля,
Вот что сказал в сновиденье Пушкаре: «Возьми ты скорее
Кости и к Налю иди и игру о царстве Нишадском
С ним заведи, и будет твоим Нишадское царство;
Весь проиграется Наль». Пушкара, прельщенный нечистым
Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
К Налю явился и вызвал его на игру; загорелся
Бешеной страстию Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
Всё: драгоценные камни, золото, утварь, одежды,
За́мки и земли, и всё, одно за другим, ослепленный
Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смутились
Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
Вот Дамаянти слышит, что все они собрались
В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
Их злоключенье такое; и в горьких слезах Дамаянти
Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает
Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй
Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
Быстро из глаз Дамаянти; но царь не внимал ей, враждебной
Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
Видя, что Наль их моленья отверг, разошлись, помышляя

С горем глубоким и тяжким стыдом: *он боле не царь нам!*
Кости же тою порой, как живые, летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

II

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти
Стала думать о том, каким бы средством от близкой,
Им обоим грозящей беды защититься; но трудным
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти
С горем сказала кормилице старой своей Врихазене,
Чтимой всеми в доме царевом, советнице умной:
«Друг мой, кормилица, слушай: ко мне собери поскорее
Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».
Вот собралися советники; их повела Дамаянти
К Налю, который играл беспробудно. К нему приступила
С ними царица и, плача, выслушать их умоляла.
Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен;
Он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова,
Все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших
В горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив
Всю надежду, они с содроганьем оставили царский
Дом. Царица же долго в лицо безумному Налю
С страхом смертельным смотрела; а между тем роковые,
Налю враждебные, брату его благосклонные, кости
Стуком своим беспрестанным и пуще ее ужасали.
«Слушай, кормилица (так наконец Дамаянти сказала
Верной своей Врихазене), беда наступила; скорее
Кликни Варшнею, правителя ко́ней царевых». Когда же
К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, сопутник
Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем
Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой
Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто
Против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен
Духом враждебным, забыл о народе, о ближних, не внемлет
Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта
Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,
Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно
Жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет,
Все проиграв; но еще не проиграны царские кони
Быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля,
Прежде чем наша погибель вполне совершилась, в Видарбу,
К Биме, отцу моему, детей отвези; поклонися

Сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты
Всё, и сироток моих и царских коней с колесницей,
Биме, тогда ты будешь волен иль остаться в Видарбе,
Или идти в иную какую землю, куда ты
Сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых
Коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала,
Созвал советников царских; когда же и те согласились
С умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал
С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,
Отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы
Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,
В службу вступил к царю Ритуперну правителем ко́ней.

III

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля
Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой
Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отведаем счастья. Чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»
Это услышав, Наль содрогнулся, вздохнул и ни слова
Не был в силах промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снял с себя все уборы и, только одно сохранивши
Бедное платье, нищий, ограбленный, царь благородный
Вышел смиренно из царского дома, несметных сокровищ
Полного; следом за ним, без роптанья судьбе покоряся,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели без ночлега; под смертною казнью
Их принимать запретил Пушкара гражданам Нишады;
Новый царь был страшен, и так ни единый из прежних
Подданных не дал приюта царю бесприютному. Близко
Города, голод и жажду терпя, одним безотрадным
Горем богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потом он дале пошел, печальный, голодный;
Следом за ним пошла Дамаянти; для скудныя пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло уж
Несколько дней печального странствия. Голод жестоко
Мучил однажды обоих. Вдруг две златокрылые птички
Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня
Пища»,— сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши
С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.
Что же? С ним вместе птички взвилися на воздух и, видя,
Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:

«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
Мы сюда прилетели, чтоб взять у тебя остальное
Платье; нам было досадно, что ты, совсем проигравшись,
С платьем еще оставался. Прости, безрассудный; счастливый
Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Дамаянти,
Те, от которых такую беду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, от которых не смеет
Ныне меня принимать ни один из нишадцев, под видом
Птиц златокрылых сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, сил и рассудка
Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти, на выбор
Все отдаю. Та дорога ведет по горам Ришаванским
Прямо в Авантскую землю; здесь по склоненью Виндийских
Гор, вдоль излучистой светлошумящей Пайошни проникнешь
В те места, где отшельники в кельях святых обитают;
Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль говорил; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекрасным,
Бледным щекам. Она ему отвечала чуть слышным
Голосом: «Сердце мое замирает, и я от печали
Вся цепенею при мысли одной о том, что так сильно
В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой, тревожит.
Царства лишенный, счастье утративший, голодом, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Друг, как мог пожелать ты, как мог ты подумать, чтоб было
Мне возможно покинуть тебя, от тебя отказаться?
Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного голодом, жаждой,
Горем о счастье погибшем томимого, буду и в диком
Лесе и в знойной степи утешать я и словом и взглядом.
Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства
Верной жены».— «О! правда твоя, Дамаянти,— с улыбкой
Наль ответствовал,— нет для несчастного лучше лекарства
Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли
В ум твой войти подозренье такое? Скорее с своею
Жизнью расстануся я, чем с тобою, сокровище жизни».—
«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?
О, мне страшно! О свет мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.
Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;
Вся душа во мне замирает от горя и страха.
Если же хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,
Вместе пойдем; видарбинский царь, родитель мой, Бима
Радостно примет тебя и твоим утешителем будет;
В почести будешь со мною ты жить под отеческой кровлей».
Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет, что отец твой
Радостно примет меня и пристанище даст мне в Видарбе;
Но, бесприютный и нищий, туда не пойду я. Могучим,

Славным, богатым, подателем счастья тебе я оттуда
Вышел; могу ли туда возвратиться бессильным, бесславным,
Нищим, счастия жизни твоей разрушителем? Лучше
Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пойду в одинокий
Путь по горам, по долинам, питаяся воздухом, жажду
Свежей росой утоляя, чтоб только лишь солнце и месяц
Ныне нас страждущих видели, прежде нас видев блаженных».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Так утешал сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нежно к нему прижимаясь, одела его половиной
Скудной одежды своей; и так под одним покрывалом,
Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамаянти
Также заснула. Но сон царя злополучного длился
Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,
Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастье;
Странствие в диких лесах и степях его ужасало;
Ум его помутился. «Что за судьба! — про себя он
Так говорил,— не лучше ль мне смерть, чем изгнанье и бедность?
Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль
Ей без вины разделять мое заслужённое горе?
Розно со мною она к родным возвратится; со мною ж
Вместе уделом ей будет страданье одно; так не лучше ль
Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро
В нем утвердилася мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. «Где бы она ни была,— он сказал,— никакая
Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,
Зла приключить не дерзнет; опасность может грозить ей
Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».
Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.
«Как же мне быть? — наконец он сказал.— Я наг; уж не взять ли
Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать
Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых
Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел
Ржавый кинжал без ножон; поспешно, с радостью дикой

Этот кинжал он схватил и им половину отрезал
Платья у спящей жены и той половиной покрылся.
После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он
Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,
Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холодный
Дунуть не смел, которую знойное солнце не смело
Жарким лучом потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, в обрезанном платье
Здесь на жестком камне лежит. О ангел небесный,
Свет души, Дамаянти, что будет с тобою, когда ты
Боле меня не найдешь? О дочь прекрасная Бимы,
Как же ты будешь бродить, не имея защитника в диком
Лесе, где львы и тигры живут, где змеи гнездятся?
О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную младость!
Самый же верный ей щит — ее непорочность святая!»
Так сказав, опять удаляется Наль от беспечно
Спящей спутницы, снова приходит, снова уходит,
Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.
Но наконец Кали́ одолел: трепещущий, бледный,
Тяжко стеная, чуть движа ногами, пошел он и скоро
Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

II

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь
Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся
Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;
Вдруг она закричала отчаянно жалобным криком:
«Наль!» — но ответа ей не было. «Царь мой,— она возопила,—
Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели
Мог ты покинуть меня в такой бесприютной пустыне?
Я умру от страха в этом лесу; возвратися,
Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня обманул ты?
Мог ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в какую
Сторону, милый, пошел? Подожди, возвратися; как мог ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль над нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обещал в присутствии вечных богов? О! теперь я постигла
В горе моем, что нам умереть в не указанный свыше
Час нельзя — иначе могла ли б прожить я единый
Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой друг; от шуток подобных
Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; воротися;

О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В какую
Чащу лесную ты скрылся, чтоб душу мою растревожить?
Ах! но если ты вправду со мною расстался и если
Боле ко мне не придешь и мне не подашь в утешенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет с тобою,
Всеми на свете оставленным, грустным, усталым, голодным,
Жаждущим? О мой милый, что будет, что будет с тобою
В те минуты, когда ты, меня уж не видя очами,
Будешь видеть душою, и будешь звать, и нельзя уж
Будет дозваться меня, и уж боле меня ты не встретишь?..»
Так говорила в печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая с тяжким рыданьем на землю, то с громким
Криком с земли подымаясь и лес наполняя стенаньем.
Вот после долгого плача, рыданья, крика и стона,
С чувством живого к нему сожаленья, она возопила:
«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытает
Он, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекши в такое
Дело, все муки мои в свою нечистую душу
Примет». Так проклявши врага, по дикому лесу,
Полному злых людей и чудовищ, пошла Дамаянти
Медленным шагом куда глядели глаза и твердила
Грустною горлицей: «Милый, возлюбленный, где ты?», и слезы
Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.
Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным
Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,
В ветвях древесных склубившись, стерегшая. Сжатая в крепких
Кольцах чудовища, только о милом своем Дамаянти
В час погибели думала. «Где ты? — она восклицала.—
Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько,
Горько будет подумать тебе, когда возвратишься
Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул
Так беззащитно в лесу на погибель. Отныне кто будет,
О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном
Лесе, в знойной степи, утомленного горем, болезнью,
Голодом, жаждой томимого, в зной полуденный, в жестокий
Холод ночной утешать, ободрять и покоить? меня уж
В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал
Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив
Метким копьем, змею умертвил. Спасена Дамаянти.
Выпутав нежные члены ее из губительных колец,
Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?
Дева с глазами живой антилопы, какою судьбою

В эту пустыню зашла ты и ввергласъ в такую опасность?»
С грустно-приветной улыбкою повесть свою Дамаянти
Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою
Видя полуобнаженную, с девственно полною грудью,
С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном
Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем
Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою
Их осенившими, он во мгновение зверской любовью
Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки
Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он
К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом
Очи ее, как небесная молния, вспыхнули; грозно
Душу пронзающий взор на него она устремила.
«Если то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела
Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,
Враг ненавистный, на землю!» — сказала она, и лишь только
Гневное слово язык произнес, как уже святотатец
Мертв перед нею лежал, убитый ее заклинаньем.

III

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти пустынным
Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился
Лес; деревья сплетались ветвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей
Слышался ей; нигде дороги не было; всюду
Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались
Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;
Вправе и влеве, в кустах и в вершинах дерев раздавались
Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.
Лес наконец уперся в высокую гору, где жили
С давних лет великаны и карлы, которой вершина
В небо вдвигалась, а темное чрево хранилищем редких
Камней было. Там чудно скалы́ на скалы́ громоздились;
Били живым серебром по бокам их ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипели, ревели меж скал; неподвижно
Черная тень лежала в долинах, и ярко блистали
Голые камни вершин; в бездонно-глубоких пещерах
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неизменной
Верностью к другу, ей изменившему, с сердцем смиренным,
С чистым в душе целомудрием, с верой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла в пустынное место; и в грустных
Мыслях о друге далеком младые уста растворила
К жалобе нежной и так, поминая его, говорила:

«Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?
Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном
Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный
Жертв приноситель богам, позабыть о нашем союзе?
Ведды* читатель, как мог ты обет свой нарушить? Как можешь
Добрым молиться богам, повелевшим тебе быть защитой
Данной ими жены, как и мне они повелели
Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты
Слово нарушил? Виной ли какою я то заслужила?
Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй, зачем ты
Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?
Или открой мне, где ты теперь веселишься, оставив
В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нишадский
Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;
Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бимы
Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает
Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели
Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,
Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей
В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,
Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;
Ты, из людей благороднейший, блеском очей, величавой
Стройностью стана, лица красотою божественный, где ты?
Где ты? И где тот, кому б мне сказать: *не видал ли ты Наля?*
Кто б мне отрадное слово промолвил в ответ: *твой прекрасный,*
Твой желанный, о ком ты так плачешь, так сетуешь, близко! —
Вот бежит владыка лесов, острозубый, могучий
Тигр; я без страха к нему подойду и скажу: благородный
Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дамаянти,
Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в горе,
В страхе, в нужде, за ним безотрадно бродящая; где он?
Если ты знаешь об этом, зверей повелитель, скажи мне;
Если же нет, то скорее меня растерзай, чтоб от муки
Душу мою исцелить. Но, мои молящие вопли
Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,
Мимо, ответа не дав мне, из леса уходит. Я вижу,
Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый
Пышным венцом из дерев и кустов благовонных, цветами
Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых
Скал, насквозь просиянный металлами, рек и потоков
Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни
Сторож, владыка гор,— подойду и скажу: о владыка
Гор первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,

Тучеподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;
Слезно тебя, о великий, молю, скажи: *не видал ли*
Наля? Я дочь благодушного Бимы царя, Дамаянти;
Сын Виразены, Наль Пуньялока, супруг мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувший Ведду святую,
Чистый и мыслью, и словом, и делом, гонимых защитник,
Зла истребитель, сеятель благ, мне данный богами
Спутник, покинул меня, и, расставшися с ним, я рассталась
С жизнию. Ныне к тебе прихожу, многоглавный властитель
Гор, с высоты все объемлющий оком, скажи: *не видал ли*
Наля? Ответствуй, могучий создания первенец; словом
Сладкой надежды утешь сироту, как отец утешает
Дочь сокрушенную: где мой возлюбленный? где мой желанный?
Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый сопутник?
Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?
Рвется сердце к нему; по нем душа унывает;
Очи ищут его, и голоса милого жаждет
Слух, и грудь сгорает желаньем прижаться ко груди
Жаркой его... О! когда же придется услышать мне снова
Милое слово из сладостных Налевых уст: *Дамаянти!*»
Так говорила в своем сокрушенье с горою пустынной
Бедная царская дочь, но гора не дала ей ответа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно густая
Роща из райских дубов; кругом живая ограда
Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем
Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрекшись,
Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых
Полные, чистой душой на земле небожители, в этой
Роще жили они, с собою розно, с одними богами
В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой
Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот
В дикой пустыне сокрытый эдем* Дамаянти; там было
Все благовонно; цветы и плоды сияли меж темных
Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы
С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами,
С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;

Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темно-кудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто
Вея по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:
«Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаянья?
Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам
Всё ли во благо?» Они отвечали: «Всё нам во благо;
Будь равномерно во благо всё и тебе. Но скажи нам,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый
Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,
Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,
Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня
Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким
Горем гнетомая смертная женщина; вам, благодушным
Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,
Славнодержавный Бима — отец мой; властитель Нишады,
Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,
Светлый душою, неба достойный земли уроженец,
Правды защитник, правды вещатель, божественно-царским
Блеском сияющий, градохранитель, градорушитель,
В светлых очах и солнца и месяца блеск совместивший,
Наль, мой супруг, игроком коварно-искусным был вызван
В кости играть; и ему все царство свое проиграл он.
Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пустыням
Вслед за Налем скитаюсь, крушимая горем, и ныне,
Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб узнать,
не встречался ль
Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не видали ль в эдемской
Роще своей вы его, за которым я, следуя, этот
Полный тиграми лес перешла? Скажите мне, старцы,
Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мне она? Одно нестерпимое бремя
Жизнь без него, усладителя жизни». На жалобы царской
Дочери с нежным об ней сожалением так отвечали
Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!
Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,
Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной
Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет
Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова он будет царем, от вины невольныя чистый,
Царски венчанный, грозный врагам, утешение ближним,
Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшенье,
Прежний твой друг, твой сопутник, советник, защитник —
и всё то
Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье и верность...»

То сказавши, тихо исчезли пустынники; с ними
Вместе и утвари их, и жертвенный огнь, и молитвы
Место, и свежесть эдемски сияющей рощи исчезли...
В темном лесе одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругом. Дамаянти сказала: «Не сон ли
Мне привиделся? Где святые отшельники? Где их
Роща? Где их живые ключи, их птицы, их звери?
Где их цветы благовонные?» Так в изумленье подумав,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призрак ее ободрил, и пошла с упованием дале.

II

По лесу долго скиталася в го́ре своем Дамаянти;
Вдруг попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу целить; у людей его называют
Дерево *Гореуслад*, у богов *Азока*. Царевна
К этому дереву, лес оживлявшему запахом сладким,
Цветом покрытому, с сенью густою, проникнутой звонким
Пением птиц голосистых, тотча́с подошла и заводит
Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореуслад, благовонный *Гореуслад*, услади ты
Горе мое; цветущий *Азока*, скажи, не видал ли
Ты моего супруга, царя нишадского Наля?
Где он скитается? Помнит ли он обо мне? О! порадуй
Сердце мое доброю вестью о нем, цветоносный *Азока*;
Дай мне уйти от тебя с утешением; сам же в приюте
Леса цвети, никем не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный *Гореуслад*, усладитель всякого горя».
Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного древа
Ветку; потом, с ним прощаясь, примолвила: «С этою веткой
Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я с собою:
Ты же, свободный от скорби, печали, нужды и заботы,
Здесь оставайся и, если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тень и покой, чтоб под кровлей твоей беспечальной,
Гореуслад, он мог, отдохнув, усладиться от горя».
С сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустынным лесом пошла, и снова пред нею
Стали являться деревья с широкою сенью, крутые
Горы, скалы́ разновидные, темные дебри, потоки;
В ветвях деревьев гнездились, шумели, порхали и пели
Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши попадались
То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то пантера.
Так Дамаянти скиталася долго. Вдруг на широкой,
Чистой поляне представился ей караван многолюдный;

Лес оглашался криком людей, скрипеньем повозок,
Ржанием конским, топотом тяжким слонов и верблюдов.
Вдоль широкой реки, густым тростником опушенной
(Где укрывалися цапли и белые лебеди звучно
Голос свой подавали, где светлая влага кипела
Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.
Кинулась к людям навстречу царевна; ее появленье
Всех поразило; полунагая, одним покрывалом
Шелковых длинных волос, по плечам и грудям в беспорядке
Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,
С горя иссохшая, вся в пыли, но всё как небесный
Ангел прекрасная,— так им явилась в лесу Дамаянти.
В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно
Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные,
Боле имея рассудка, приблизились к ней с состраданьем.
«Кто ты, образ небесный? — спросили они.— Для чего ты
В этом лесу? Земной ли ты человек, иль созданье
Высшее, горный, могучий дух, иль дева потока,
Или иная бессмертная? Будь нам встреча с тобою
Знаменем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу
Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,
Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,
Бедная, жалкая странница я, мой отец — видарбинский
Царь; мой супруг — обладатель Нишады, Наль знаменитый;
С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.
Если что слышали вы о владыке моем, то скажите,
Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,
Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»
Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,
Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж
Странствуем мы, нам доныне никто не встречался, кто б имя
Наля имел; оленей, медведей, буйволов, тигров
Много в этом лесу; но до сих пор еще человека,
Кроме тебя, мы здесь не видали».— «Куда ж вы идете?» —
Снова спросила его Дамаянти. «Идем в знаменитый
Город Шедди,— ответствовал Зуччи,— им ныне владеет
Царь Сувергу́, и в царском дворце его обитает
Вместе с ним его благодушная мать, драгоценный
Перл добродетели женской». Услышав о том, Дамаянти
В город Шедди решилась идти; пристать к каравану
Зуччи ее пригласил. С караваном пошла Дамаянти.

III

Долго с печалью одна бродив по лесам, Дамаянти
Спутников много имела теперь, но была и меж ними
Все, как и прежде, с печалью одна. По горам, по долинам
Шумным потоком валил караван. Вот однажды с закатом
Солнца они очутились у тихого озера; в темном
Лесе скрывалось оно; берега облекались зеленым
Бархатом свежей травы; как стекло, неподвижно-прозрачны
Были воды; и в чистом зеркале их водяные
Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
Легкие струйки, ласкаяся к ним, осыпали их листья.
Берег кругом был излучист, и воды в него то глубокой
Бухтой входили, то он в их широкое лоно зеленым
Мысом вдавался. Усталые путники, в этом приютном
Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов
Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым
Небом и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване
Все как мертвые были от сна) с горы прибежала
С страшным храпеньем стая диких слонов, чтоб в потоке
Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.
Но, почуявши близость слонов каравана, с свирепым
Бешенством пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших
Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ
Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой
Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,
Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих
Сонных людей. Со стоном и криком все поднялися,
Все смешались — слуга, господин, старик и младенец;
Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная,
Что за беда и откуда, кто в лес, кто к воде побежали;
Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье
Черных огромных теней, давимые тяжкой ногою,
Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным,
В диком беспамятстве, люди, верблюды и кони бросались
Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили,
Силясь спастися: те кучей на дерево лезли, цепляясь
Низшие за ноги высших, и падали вместе, другие
В яму свергались, иль набегали на камень, иль в воду
Слепо кидалися; разом исчез караван многолюдный.
Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла;
Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель
Общая — общим и всякое стало богатство; берите
Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов,
Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте;
Нищий нынче — завтра будет богач...» И погибли

Все, кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастися.
В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой богов Дамаянти.
Видя очами такой дотоле невиданный ужас,
Видя и слыша, как мчалася смерть над ее головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
Только о милом, далеком, навек покидаемом друге.
Но когда миновалася буря и снова все стало
Тихо в лесу, собрались понемногу спасенные. «Чем мы
Гнев несказанный такой на себя от богов обратили? —
Так рассуждали они.— Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищ хранителя? Иль караваном был встречен
Кто-нибудь, дерзкий хулитель бога торговли? Иль птицы,
Нам враждебные, в эту ночь пролетели над нами?
Или то было влиянье зловредных планет?..» Напоследок
Вот что сказали они: «Вся беда нам от встречи
С этой безумной, нагой, исчахлой и бледной бродягой.
Кто она? Чародейка, жена иль дочь великана,
Небом проклятая? Если опять на глаза попадется
Эта волшебница нам, то ее мы не добрым приветом —
Камнями встретим. Она своим колдовством погубила
Наш караван». Такие слова в темноте Дамаянти
Слыша, с печалью, стыдом и страхом в чащу лесную
Скрылась. «О горькая участь моя! — она говорила,
Тяжко рыдая.— О счастье, меня обманувшее! Снова
Целым светом покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Делом, иль словом, иль мыслию зло приключила? Знать, в прежней
Жизни была я преступна*; за то и в теперешней должно
Мне до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мне от людей, за то и разлука с супругом, утрата
Царства, от милых детей и от милых родных отлученье,
Странствие по лесу, полному тигров и змей, бесприютность
В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе».
Утро меж тем занялось; в небольшую толпу собралися
Все не погибшие в страшную прошлую ночь и в дорогу
Снова отправились, плача о горькой утрате богатства,
Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими
В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало
Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила,
Плача, она) такую беду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слонов приманила на гибель
Этих несчастных, мне давших защиту; за то и должна я
Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком
Горе моем всю истину древнего слова: без воли

Неба никто не умрет, и моей истерзанной груди
Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы совершиться
С нами ничто не может на свете; я за собою
С самых младенческих лет никакого не ведаю злого
Дела, не помню ни мысли худой, ни виновного слова —
В том ли мое преступленье, что я для прекрасного Наля
Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж гневные боги
Мне за земную любовь безотрадной земною печалью?»
Так говоря, Дамаянти пошла по следам каравана
Издали, в чаще таяся лесной, как в облаке месяц.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Вот наконец Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдяся
Бедной одежды своей, обрезанной Налем, и смятых
Долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.
Жители города Шедди, встречаяся с ней, удивлялись
Странному виду ее, а дети за нею бежали
С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам
Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой
Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам
Эту жалкую странницу, чистый, дымом затменный
Огнь красоты, народом теснимую. Верно, приюта
Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое; дом наш
Светом наполнит она благодатным». Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковым взором встретя ее, сказала приветно:
«В самом затменье печали твой образ сияет, как в темной
Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенским рубищем тело твое; одна, без защиты
Странствуешь ты по земле и людей не страшишься, как чистый
Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?» Дружелюбной
Речью такой ободренная, так Дамаянти сказала:
«Я не ангел, царица, я смертный простой человек; но породы
Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой с супругом,
Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,
Женским себя рукодельем питая; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.

Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем
избранный,
Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив
Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,
Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой
Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.
Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,
Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен
В жертву беде, у того похищает и ветер и птица
Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным.
Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула...
Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину
Бедной одежды моей. С той поры и денно и ночно
Вслед за ним, весельем и светом души, я по темным
Диким лесам, по широким степям, по долинам
Странствую; мне половину одежды моей возвратить он
Должен иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая
Надобна, так и мне другую себя половину
Должно найти иль жить перестать». С состраданьем царица,
Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься
С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце
Светлая близость твоя. Не медля нимало, повсюду
Мы разошлем гонцов за супругом твоим; но случиться
Может, что он ненароком зайдет и сюда, где его ты
Будешь ждать в безопасно-спокойном приюте». На то ей,
Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаянти:
«Здесь я охотно останусь, если ты мне обещанье
Дашь, царица, условье исполнить такое: чтоб низкой
Должности я не имела, служа лишь тебе, чтоб объедков
В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне запрещен был
Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной овладеть пожелает,
Смертью наказан немедленно был,— такую дала я
Клятву богам, чтоб найти помогли мне супруга; видаться ж
Только с одними браминами* буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условье мое, то здесь с благодарным
Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню
Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала
Вызвать из внутренних царских покоев царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным
Резво-прелестных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда,
(Мать ей сказала) эту пришелицу в бедной одежде?
Ей ты летами ровесница; но испытания жизни
Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;
Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою
Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею

Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской
За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась
С той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,
Сумрачен шел по пустыне и, сам пустыня, с собою
В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце
Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,
Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти
Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут
Платья ее глаза обращал. Изнуряемый жаждой,
Раз подошел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,
С ужасом кинулся прочь. «О! если б я мог разлучиться
С этим лицом, чтоб быть и себе и другим незнакомым!» —
Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел
Пламя — не пламя в лесу, а в пламени лес,— и оттуда
Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». Изумленный
Наль вопросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?
Где ты и кто ты?» — «Я здесь, в огне, благородный, могучий
Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою
В пламя вступить и дойти до меня?» — «Ничего не страшусь я,
Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен
Стал моей Дамаянти». С сими словами он прямо
В пламя пошел: оно подымалось, лилось из глубоких
Трещин земли, вырастая в виде ветвистых деревьев,
Густо сплетенных огнистыми сучьями, черно-багровый
Дым венчал их вершины. В сем огненном лесе
Наль очутился один — со всех сторон устремлялись
Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где шел он,
Частой травой из земли пробивалося острое пламя.
Вдруг он увидел в самом пылу, на огромном горячем
Камне, змею: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она под своей чешуей раскаленной.
Голову, светлой короной венчанную, тяжко поднявши,
Так простонало чудовище: «Я Керкóта, змеиный
Царь; мне подвластны все змеи земные; смиренный пустынник
Старец Нерáда проклял меня и обрек на такую
Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты, рассказ мой
Слушая, стой здесь покойно: стой покойно под страшным
Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно затушило
Бурю души, чтоб душой овладевший Калú был наказан,
Чтоб наконец ты, очищенный, снова нашел, что утратил».

III

«Слушай же повесть мою,— продолжал, задыхаясь от жару,
Царь змеиный; и Наль, терпеливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушал.— Нерада, смиренный пустынник,
Чудный сад насадил вкруг кельи своей; и в саду том
Были все земные деревья и травы, и было
Много там светлых ручев и сéней прохладно-тенистых.
В этот сад пригласил он всех незловредных животных,
Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать
Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями
Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им
В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил
Только одним не имеющим жала, безвредно по травке
Вьющимся, рóсу сбирая с цветов иль из ягод сосущим
Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых
Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,
Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям
Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит
Домик воздушный, сплетенный из тонких былинок и моха;
Он на ветке висел и качался, как люлька; то было
Гнездышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было в нем: она улетела за пищей; яички,
Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде. Перегнувши
Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо опустила
Голову змейка — и видит яйцо там лазурного цвета;
Каплей росы оно показалось, и змейке напиться
Вдруг захотелось; лизнула яйцо; яйцо раскололось.
В эту минуту птичка в гнездо прилетела; увидя,
Что там наделала змейка, бросилась с жалобным криком
Прямо к Нераде она. Нерада во гневе ужасен.
Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно
Из саду скрыться. Она спаслася ко мне. Но блаженный
Старец потребовал строго, чтоб я преступницу выдал.
Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?
Как повелишь ее мне казнить? Я царь; самому мне
Должно виновных наказывать подданных».— «Видеть хочу я
Завтра ж ее на заборе сада висящую,— строго
Мне отвечал Нерада,— потом, по прошествии трех дней,
Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался
Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышленным делом».
Был мне прискорбен такой приговор; как родную, любил я
Эту милую змейку; поспешней других и вернее
Вести она приносила ко мне. Предо мной извиваясь

В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.
Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно
Было того повторять; в минуту в новой одежде
Змейка явилась моя, на земле предо мною оставив
Старую. Тотчас, двух сильных удавов призвав, я велел им
Кожу пустую с приличным обрядом повесить на тыне
Сада. Когда через три дня он снимет ее, то, конечно,
Станет думать, что солнце ее иссушило,— так мыслил
Я, уповая, что мой мне удастся обман. И доволен
Был Нерада моим послушаньем, увидя на тыне
Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как живая,—
Молвил Нерада,— она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: бледная смерть ее обхватила».
Тем бы и кончилось все, когда б, на беду, не пропела
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственным мщеньем себя ей хотелось потешить; к висящей
Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мертвой
Выклевать — что же? Их нет; сквозь пустые скважины также
Видит она, что и внутренность кожи пуста. И к Нераде
Тотчас она полетела. «Тебя обманули: змеиный
Царь не змейку, а змейкину кожу повесил»,— пропела
Птичка. Страшно Нерада разгневался; вдруг он явился
Здесь, где тогда я на этом камне лежал и на солнце
Грелся один — при мне ни ужа, ни змеи, ни дракона,
Стражей моих, тогда не случилось; я спал. На громовый
Голос Нерады проснувшись, хотел я вскочить, но, могучим
Взором его обессилен, не мог шевельнуться. «Предатель,—
Старец сказал мне,— меня обмануть тебе удалося:
Призрак за сущность я принял; змеиную кожу пустую
Вместо змеи я предал огню, и виновную спас ты.
Сам за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отныне
С этого камня; но будешь здесь не на солнечном свете
Греться — я пламя иное зажгу вкруг тебя; не сгорая,
Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тоски и меняя
Кожу за кожей в напрасной надежде, что жар утолится.
Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к тебе издалека
Не́кто придет, самому себе ненавистный и образ
Свой утратить желающий. Если его из средины
Пламени ты позовешь и он бесстрашной стопою
В пламень войдет, чтоб избавить себя от мучений, сильнее
Муки твоей его раздирающих; если достанет
Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого жара спокойно
Выслушать повесть твою,— тогда ты спасен, прекратится
В ту же минуту твое наказанье, и сам, по исходе
Года со днем, он всё возвратит, о чем сокрушается сердцем.
Но чтоб в страданье своем ты мог к себе издалека

Звать своего искупителя, имя его я открою:
Он называется Налем». С сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдруг услышал я шорох и треск; озираюсь —
Всюду из трещин земли, как острые иглы, выходит
Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылает; прикованный к камню,
Чувствую я, как все подо мною, как все надо мною —
Камень, на коем лежал я, и воздух, коим дышал я,—
Мало-помалу в пронзительный жар обращалось; сначала
Было то пламя как тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно в кустарник густой; напоследок воздвиглось
Лесом широким, в котором каждое дерево было
Все из огня; языками горящими листья шумели;
Ветви со всех сторон вилися как молнии; в вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дым громовою
Тучей над ними клубился. Теперь на себе испытал ты,
Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я жался:
Пламень вытягивал тело мое до тех пор, покуда
Кожа на нем не лопалась; снова потом на минуту
Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же мученье.
Целых семь лет протекло с той поры, как лежу я на этом
Камне в огне, а времени медленный ход замечал я,
Каждый час повторяя однажды: *придешь ли, придешь ли*
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Вот наконец и пришел ты. Но знай, что здесь о тебе я
Частые слухи имел; мне подвластные змеи, которым
Все на земле дороги известны, ко мне ежедневно
Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно исполнив
Долг свой и весть передав мне, в огне предо мной умирала;
Видишь, как много здесь собрано кож их истлевших. От них-то
Мог я проведать о том, как ты полюбил Дамаянти;
Как цари и царевичи созваны были в Видарбу;
Как мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Сад небесный богов посетил; как там он посеял
Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье
Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами
Был ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебе самому досель неизвестно:
Как закрался Кали́ в твое непорочное сердце.
Сведав, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой
Бродишь нагой по горам и степям, что ее, наконец, ты
Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя и приход твой; уже мучительный пламень,
Жегший доныне меня, уступает сходящей от неба

Сладостной свежести. Наль, не страшись, приступи и, на палец
Взявши меня, из пламени выдь». Керкота умолкнул,
Свился проворно легким кольцом и повиснул на пальце
Наля; и с ним побежал из пламени царь, и при каждом
Шаге его оно слабело и гасло и скоро
Все исчезло, как будто его никогда не бывало.
Свежий почувствовав воздух, трепетом сладким спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись от Налева пальца,
Змей бесконечной чешуйчатой лентою вдруг растянулся;
С радостным свистом пополз к тому он ручью, где, увидев
Образ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунул голову в воду и с жадностью долгую жажду
После толь долгого жара стал утолять — истощились
Воды ручья, а змей по-прежнему сделался полон.
Силы свои возвратив, он, блестя чешуею на солнце,
Налю сказал: «Подойди; перед нашей разлукой ты должен
Зубы мои перечесть; в таком долголетнем от муки
Скрежете много зубов я мог потерять иль испортить».
Наль подошел: перед ним оскалились зубы; считать он
начал: перво́й, другой, четвертый. «Ошибся, ошибся,—
С гневом царь-змей зашипел,— ты не назвал третьего зуба».
С этим словом кольнул он третьим, неназванным зубом
Наля в палец — и тут же почувствовал Наль, что с собою
Он как будто расстался; сперва свой собственный образ
В зеркально-светлом щите, на царевой шее висевшем,
Он увидел; потом тот образ мало-помалу
Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-помалу
Место его заступил другой, некрасивый; и Налю
Стало ясно, что был это образ его же, и боле
Не был он страшен себе самому в таком превращенье.
«Видишь,— Керкота сказал,— что желанье твое совершилось;
Ты превращен, ты расстался с собой, и отныне никем ты,
Даже своею женою, не можешь быть узнан. Простимся;
В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб мог быть опасен
Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце проникнул,
Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает: отныне
Будет он жить там и мучиться. Ты ж, превращенный,
с надеждой
Путь продолжай; ищи в чужих странах пропитанья;
Но не забудь о стихийных дарах, от богов полученных
В брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, об этом; и также твое искусство конями
Править тебе сохранилось. В царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; там увидишь царя Ритуперна;
Нет на земле никого, кто с ним бы сравнился в искусстве
Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука, правитель

Коней»,— скажи ты ему про себя; и если он спросит,
Много ли можешь в день проскакать, «Сто миль»,—отвечай ты.
Он твоему научиться искусству захочет; за это
Сам научит тебя искусству считать; без него ты
В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, следа не оставив;
В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,
Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом
Часе вспомни и в этот щиток поглядись; кто владеет
Этим щитком, того на земле все змеи боятся».
Так говоря, Керкота одну из зеркально-светлых
Шею его украшавших чешуек снял и, подавши
Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое
Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он
Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Наль, разлучившися с змеем, пошел в Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно уж
Принял к себе и Варшнею, прежде служившего Налю.
Мудрый царь Ритуперн, великий конский охотник,
Лучших искусников править конями сбирал отовсюду.
Наль, через десять дней пришедши в Айоду, к царю Ритуперну
Тотчас явился. «Я конюх Вагука,— сказал он,— в искусстве
Править конями мне равного нет; сто миль проскакать их
В день я заставить могу. И во многом другом я искусен:
Пищу никто так вкусно, как я, не умеет готовить.
Всякое дело, для коего нужны и труд и уменье,
Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,
В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:
«В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне
Главным конюшим моим; надзирай за моими конями,
К скачке проворной их приучая; за службу же будешь
Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея,
Конюх искуснейший в деле своем, с ним старый Джевала,
Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки
Будешь с ними досуг свой делить; и свободен ты делать,
Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».
Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуперна,
Царь без царства, муж без жены, изгнанник, лишенный

Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно
Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною
Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,
Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечер, что Наль, убравши коней, один затворялся
В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:
«Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?
Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне
Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя, бродишь.
Где утешение, в чем утоление скорби находишь?»
Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту
Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную песню
Так заунывно поешь ты?» — «Пою про жену сумасброда,
Ею избранного, ею любимого, ум и богатство
Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,
Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,
Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная
Скорби своей утоленья ни днем, ни ночью, бездомным
Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,
Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпеньем
Пьет он свою преступленьем налитую горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь собою
Делит. Она же, которая с ним и в беде не рассталась,
Им в пустыне забытая... Где она? Что с ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной
Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.
Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я
Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

II

Бима, царь Видарбы, узнав о бедствии Наля,
Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал
Всех видарбинских брахманов и так им сказал: «Отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля-царя: кто узнает,
Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит
Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный
Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной
Вестью об них ко мне возвратится, также получит
Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,
Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;
Всюду — по всем областям, городам, деревням, по безлюдным
Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам —

Долго ходили они; но напрасно — ни слуха, ни вести
Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дамаянти.
Вот наконец один из брахманов, Судéва, достигнул
Города Шедди, и там во дворце, на празднике царском,
Он Дамаянти увидел. Подле царевны Сунанды,
В платье печальной вдовы, на лице покрывало, близ светлой,
Радостной девы она там стояла — жена, по супруге
Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз без сиянья,
День без солнца, краса, двойным покровом от взоров
Скрытая: черным платьем и черным горем. Увидя
Этот прекрасный, невидимо блещущий свет, догадался
Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он подумал:
«Тот же образ я вижу, который столь сладостно светел
Был в то утро, когда все земные цари и владыки,
С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно
Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.
Это она, полногрудая, темнокудрявая, райским
Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха
Мира: она, молодая лилея, лишенная корня,
Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;
Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом
Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,
Некогда быстро бежавший, как лунная ночь по затменье
Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;
Это она, достойная жить в перламутровом царском
Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;
Славная царской породою в горьком, бесславном изгнанье;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце
Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете
Муж — украшенье жены; потеряв сей небесно-прекрасный
Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий
Наль? Перенес ли разлуку с такою женою, иль мертвый
Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает
Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече
Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.
Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,
К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,
С милым души, с властителем жизни встретится в мире
Так, как звезда встречается с месяцем? Скоро ль
С трона низверженный Наль возвратит Дамаянти и трон свой?
О! какое блаженство тогда для обоих, друг другу
Равных прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предков! Мне должно теперь подойти с утешительным словом
К ней, сокрушенной». Так говорил многомудрый Судéва

Сам с собою; потом он к тому приблизился месту,
Где одиноко стояла среди многолюдства с печальной
Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза Видарбы,—
Ей он сказал,— я Судева, брахман видарбинский; царь Бима,
Твой родитель, жив и здоров и царствует мирно;
Здравствует с ним и твоя благодушная мать, управляя
Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,
Мирно цветя под защитою деда и бабки. Но горе
Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету
Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних
Спрашивать. «Выросли ль дети?» — она напоследок спросила.
С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных
Длинных ресниц покатилися крупными каплями слезы.
Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша
Гостья плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,
С ним знакома она и его слова пробудили
Эту печаль». Тогда из покоев внутренних вышла
Мать-царица; увидя брамина, она повелела
К ней его привести; и его расспрашивать стала
Так: «Расскажи мне об ней, что ведаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родными какою
Странной судьбою рассталась? И здесь ты ее по какому
Тайному признаку мог распознать? Обо всем откровенно
Мне расскажи». И, сев на ему указанном месте,
Так рассказывать начал Судева, брамин многомудрый.

III

«Царствует ныне в Видарбе царь Бима, до старости поздней
В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбинского Бимы, жена нишадского Наля.
Наль же, сын Виразены, бывший владыка Нишады, безумно
В кости все царство свое проиграл недостойному брату.
С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он
Бе́з вести. Бима послал нас отыскивать дочь. И случайно
В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье
Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете
Нет Дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.
Есть притом и примета: на лбу под густыми
Кудрями светлая скрыта звезда, как за облаком месяц;
С нею она родилася; ее сам Брама* заметил
Знаком святым благодати; но знак сей одним лишь браминам,
Видящим здесь красоту неземную, служителям Брамы,
Может быть видим; и я очами брамина, как злато

В темной руде, как в пепле горячем огонь сокровенный,
Тотчас узнал Дамаянти, красы несказанной светило».
Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут царевна Сунанда,
Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало
Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших прекрасный
Лоб видарбинской царевны, откинула; ярко, как месяц,
Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.
То увидя, Сунанда в слезах умиленья припала
К сердцу ее; царица заплакала также; и все три,
Крепко обнявшись, слиянные сердцем, стояли безмолвно,
Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала
Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судеман;
Бима выбрал сестру, меня избрал Вирава́гу.
Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы
Вместе с сестрой навестили в Даферне отца. И тогда уж
Эта звезда сияла на лбу́ у тебя. Догадалась
Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей грустной явилась
Здесь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся ж
С нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи и в любви и согласье
С нами; будь дочерью мне, будь нежной сестрою Сунанде».—
«Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила,— отвечала
Тетке своей Дамаянти,— не знала нужды, под защитой
Верной была и в горе встречала веселье; но будет
Мне веселее в Видарбе с родным отцом и с родною
Матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими
Ближними розно; отсюда слышится мне, как сиротки
Дети мои, по матери плача, ее издалека
Кличут и ей говорят: *без отца мы; на что же нам
Быть и без матери?* Если свое благотворное дело
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее
Средство в Видарбу к своим возвратиться».— «Исполнена будет
Воля твоя, красота звездоносная» — так отвечала
Мать-царица; потом с позволения сына, владыки
Царства Шеддийского, в путь снарядила милую гостью;
Пищу с питьем на дорогу сама царевна Сунанда
Ей приготовила; дали коней с колесницей; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
С плачем расстались потом. И вот наконец возвратилась
К ближним своим Дамаянти. И много в Видарбе веселья
Было при встрече ее. Когда ж Дамаянти со всеми
Свиделась, с милою матерью, с добрым отцом и с родными
Братьями, сродников всех и знакомых увидела, к сердцу
В сладких слезах прижала детей,— то первой заботой
Было ее принести благодарность богам и браминов

Всех одарить. И Бима исполнил свое обещанье:
Тысячу жирных быков с селом, богатым как город,
Дал он брамину Судеве. Награду такую сначала
Он обещал лишь тому, кто найдет Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданием с дочерью, он уж не думал
Боле о Нале. Зато не забыла о нем Дамаянти.
Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день
Матери так Дамаянти сказала: «Если ты хочешь
Жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного Наля».
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе
С нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем
Все жилище ее наполнялось. И вот что царица
Биме, властителю многих народов, сказала: «Открыла
Сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по милом
Нале тоскует она несказанно. А где он? Удастся ль
Так же найти и его, как найти удалось Дамаянти?»
Бима при этих словах опять вызывает браминов
Новую службу ему сослужить. «Святые брамины,—
Им говорит он,— идите по всем путям и дорогам
Наля отыскивать; с ним разлученная, гаснет от горя
Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в путь изготовясь,
Все собрались к Дамаянти услышать ее повеленье;
Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни искали —
В городе ль, в царском дворце ли, в деревне ли, в хижине ль бедной,—
Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она, и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помните эти слова и их везде повторяйте.
Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля разведайте, кто он. Когда же
Словом каким он вам возразит, то скорее, скорее
Это слово мне передайте, брамины. Но будьте
С ним осторожны, чтоб он догадаться не мог, что за ним вы
Посланы мной, и чтоб снова не скрылся. Идите с богами
В путь свой, брамины, ищите Наля, везде повторяя
Грустную песню мою, воздыханья любви сокрушенной».

Данные им наставленья принявши, по разным дорогам
Все разошлися брамины отыскивать Наля; и всюду,
В людных, больших городах, в богатых палатах, в убогих
Хижинах, в темных лесах, по горам, по полям, по долинам,
Где только был человеческий след, неусыпно искали
Наля они, везде повторяя слова Дамаянти,
Грустную песню ее, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Вот по странствии долгом один из браминов, Парна́да
Именем, с вестью такою пришел к Дамаянти: «Повсюду
Наля искав безуспешно, пришел наконец я в Айоду.
Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;
Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных
Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,
Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель
Царский с руками короткими, малого роста, Вагука
Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;
Видом он некрасив; зато великий искусник готовить
Пищу; также чудесно править конями: он может
В сутки сто миль проскакать их заставить. И вот что с глубоким
Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне этот Вагука:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставшися с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог, если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночно
Все по утраченной плачет и сетует,— доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью — будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
Эти услышав слова, я решился немедля пуститься
В путь обратный. Царевна, сама теперь ты рассудишь,
С доброю ль вестью к тебе я пришел». Дамаянти, Парнаду
Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей сказала:
«Слушай, родная: о том, что я сделать хочу, мой родитель
Бима ведать не должен; хочу я брамина Судеву

В царство Айоду послать; награды своей половину
Он заслужил, вот случай ему заслужить и другую:
Вам возвратил он меня, пускай возвратит вам и Наля».
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: «Когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
След нам к нему указал». И доволен остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Так сказала: «Судева, иди к царю Риτуперну
В царство Айоду; явися ему, но так, чтоб подумал
Царь Риτуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что
Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Бима
Снова сзывает в Видарбу царей и царевичей, снова
Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много
К ней женихов». И ежели знать пожелает он, скоро ль
Должен быть выбор, назначен ли день, отвечай ты: «Я вижу,
Царь, что тебе одному неведомо то, что известно
Целому свету; день назначенный — завтра; и если
Сам ты отведать счастья намерен, то можешь в Видарбу
Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть конюх, искусный
Править конями; он в сутки сто миль проскакать их заставит;
Только не медли: завтра чем свет Дамаянти объявит
Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, верно, погиб он.
Если же хочешь ты знать, от кого я о сказанном слышал,
Знай, государь, что я слышал о том от самой Дамаянти».

II

Вот и приходит Судева к царю Риτуперну. То было
Рано поутру. И только что ложную повесть брамина
Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее
Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился —
«Верный конюший,— сказал Риτуперн,— мне должно в Видарбу
Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;
Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство
Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,
Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»
Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.
«Что замышляет,— подумал он сам про себя,— Дамаянти?
Или она от скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб она на такое
Дело решилась, она, непорочная, верная, светлый
Ангел любви? Неужель, оскорбленная мной так жестоко,

Хочет отмстить мне она, смиренно-незлобный эдемский
Голубь! Но женское сердце изменчиво; я же пред нею
Слишком виновен; прекрасную младость ее погубил я;
В долгой разлуке со мной разлучилась она и с любовью.
Но, позабывши меня, как могла позабыть Дамаянти
Наших детей? Мне должно разведать, что ложь и что правда
В этом слухе, и волю царя для себя я исполню».
Так он в мыслях решил и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвечал: «Несомненно исполнена будет
Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в Видарбу
К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел, чтоб надежных
Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых, ноздристых,
Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой шерстью,
С длинными шеями, с гривой встопорщенной, огненно-диких.
Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь, Вагука! —
С гневом сказал он.— Как будто в насмешку, из целой
конюшни
Выбрал ты самых негодных коней! В такую дорогу
Можно ль на клячах подобных пускаться?» — «То добрые кони,
Царь-государь,— Вагука ответствовал,— вот и приметы:
Две на лбу, одна на груди и три на копытах;
Духом домчимся на этих конях до Видарбы; но если
Выбрать других ты желаешь, то сам укажи их; готов я
Волю исполнить твою».— «Пускай по-твоему будет,—
Царь отвечал,— тебя не учить мне; закладывай, едем».
Выбранных им четырех коней заложил в колесницу
Наль и сел в нее с Ритуперном; и с ними, по просьбе
Наля, сел Варшнея. Собравши в могучую руку
Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний,
Наль закричал: «Изготовьтесь вы, добрые кони; чтоб нынче ж
Быть нам в Видарбе!» И, дрогнув, перед ним на колени упали
Кони; легким движеньем руки опять он их поднял
На ноги, голос смягчил и, ласковым словом придав им
Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслися как вихри.
Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем.
В то же время, расслушав, сколь был таинственно-звучен
Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском
Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали,
Думу глубокую думал Варшнея: «Откуда Вагука
Мог получить такое искусство и кто он? Не сам ли
Ко́ней державного бога богов повелитель Мета́лис?
Или он Наль, сокрывший себя под личиной урода?
На́лева образа нет здесь, но есть здесь Налева сила.
Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий
Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины
Здесь на земле иногда превращенные, странствуют тайно.

Этот уродливый конюх не может быть Налем великим;
Тот же, под кем, как гроза в небесах, гремит колесница,
Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал
Молча Варшнея и в бедном Вагуке угадывал Наля.

III

Кони, без крыльев крылатые, властию Наля, как буря,
Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.
Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,
Стой! — он сказал.— Пускай Варшнея подаст мне повязку».—
«Поздно! — ответствовал Наль-Вагука,— уж мы отскакали
Более мили; оставим повязку». Царь изумился;
Вдруг он увидел вдали Вибитаку, ветвисто-густою
Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука,— сказал он,—
Здесь на земле никто не имеет всезнанья; в искусстве
Править конями ты первый; зато мне далося искусство
Счета, и знаю я тайну играть *наверное* в кости.
Видишь ли там вдалеке то ветвистое дерево? Много
Листьев на нем и много плодов; но много их также,
С ветвей упавших, лежит на земле. Так знай же: упало
Листьев четыреста три, и с ними свалилось сто десять
Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок девять; на сучьях
Листьев осталося пять миллионов и восемь; плодов же
Тысяча триста пятнадцать созревших, восемьсот сорок
Три созревающих, семьдесят восемь гнилых. Хоть поверку
Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В эту минуту
Были они уж близ дерева. «Стойте,— воскликнул Вагука,—
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мне
Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и листьев
Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея подержит
Вожжи, покуда я буду считать». Ритуперн ужаснулся.
«Что ты задумал, Вагука? — сказал он.— Не время нам
медлить».
Но Вагука (был умысел свой у него) непременно
Счет поверить хотел. «Подожди,— царю отвечал он,—
Или, если уж так ты поспешен, прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будет конями
Править». На то Ритуперн возразил, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: «Не упрямься, добрый Вагука; в искусстве
Править конями тебе подобного нет, и в Видарбу
Только с тобою одним поспеть нам к вечеру можно.
Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Доле меня; я сделаю все в твое угожденье,
Если только в Видарбу доедем прежде, чем сядет
Солнце». Вагука вместо ответа, коней удержавши,

С козел сошел и начал спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
«Счет плодов без ошибки,— сказал он царю Ритуперну.—
Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев».
Царь кипел нетерпеньем. «Будь же доволен, Вагука!
Разве мало тебе одного доказательства?» — «Мало,
Царь-государь,— Вагука сказал,— но если ты хочешь
Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много
Счесть в такое короткое время?» — «Знай же,— воскликнул
Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки),—
Я одарен могуществом счета и тайным искусством
В кости играть наверное».— «Ежели так, то теперь же
То и другое мне передай; в замену искусство
Править конями получишь»,— сказал Вагука. «Согласен,—
С гневом ответствовал царь,— могущество счета и тайну
В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,
Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только
Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись
Очи, и он все ветви, плоды и листы Вибитаки
Разом мог перечесть; и в то же мгновенье, когда он
Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотоле
В сердце его искуситель Калй оттуда исторгся
Дымом, мглою своей обхватил Вибитаку. При первом
Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро, однако,
Он очнулся и, видя лицом к лицу пред собою
Злого врага своего, хотел проклясть нечестивца;
Но Кали возопил, поднявши руки смиренно:
«Наль, воздержися от клятвы; уже довольно наказан
Был я проклятьем, в минуту страданья твоею женою
Против меня изреченным (хотя и был ей неведом
Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в тебе, как в темнице,
Столь же был горем богат, сколь ты был радостью беден.
Мучимый ядом царя змеиного, денно и ночно
Сам я себя проклинал. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отныне бессилен; отныне каждый, кто повесть
Бедственной жизни твоей прочитает, тебя прославляя,
Будет от козней моих огражден и власти подобных
Мне зловредных духов недоступен». Смягченный молящим
Словом врага побежденного, Наль воздержался от клятвы.
Сам же Кали в Вибитаку вселился, и полное жизни
Дерево мигом засохло. При чуде таком изумился
Царь Ритуперн (того же, что с Налем в эту минуту
Делалось, видеть и слышать не мог он). Едва искуситель
Скрылся — от муки избавленный, радостно блещущий, новой
Жизнию пламенный, вдвое могучий, сел в колесницу
Наль, и кони помчались; а он, упредив их, душою

Был уж в Видарбе, там, где была Дамаянти, куда он
С сердцем, свободным от зла, но все еще бедный, бездомный
Царь, возвращался под видом чужим, никому не знакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнул
Царь Ритуперн. Немедля о госте нежданном царь Бима
Был извещен, и, им приглашенный, в сиянье вечернем
Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как гром отзывался
Стук колесницы его с осьми сторон небосклона.
Налев стук и Налев скок почуяли тотчас
Налевы кони (которых еще до изгнанья царева
К Биме с детьми сама Дамаянти прислала);
Радостным ржаньем, как будто при Нале, они отвечали
Дружно на звук, им знакомый; и, вслушавшись в звук сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налево в вещее сердце
Вдруг проникло — так и жена и кони узнали
Разом Наля по стуку его колесницы. И в стойлах
Царских слоны и на кровле дворцовой павлины, расширив
Радугой пышной хвосты, при этом неслыханном стуке
Вдруг встрепенулись; подняли хобот слоны; закричали,
Вытянув шею, в радостном страхе павлины, как будто
Чуя грозы, обещающей дождь, приближенье. И с райским
Трепетом, вся обращенная в слух, про себя Дамаянти
Так говорила: «Мне этот стук колесницы и этот
Топот, тревожащий небо и землю, насквозь проникают
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой желанный!
Если его я нынче ж лицом к лицу не увижу,
Если нынче ж в сладких объятиях Наля не буду,
Если это не он, столь чудно гремящий, не светлый
Наль, мой царь, мой спаситель, если меня обмануло
Сердце, то более жить мне не должно, и в жаркое лоно
Пламени брошусь, чтоб кончить тоску одинокия жизни.
О! теперь позабыто все прошлое; жизнь обновилась;
Страх одиночества, стыд нищеты, бесприютность, разлуки
Тяжкая боль — из сердца изглажено все; я не помню
Слова обидного, взгляда сурового; помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избранного сердцем,
Радость души, благородного, кроткого, сильного волей,

Тихого нравом, разумом мудрого, сердцем младенца,
Наля, мою надежду, спасение, жизнь. Непрестанно
Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком
Голосе, нежных речах. и, всею душой погружаясь
В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым,—
Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных
Мыслях таких Дамаянти сидела тогда на дворцовой
Верхней площадке с служанкой своей молодою Кезиной.
Вот и видят они, что на двор широкий влетели
Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице
Были трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея;
Где же Наль?.. С томительным страхом глядит Дамаянти;
Видит царя; Варшнею потом узнает; напоследок
Смотрит на их безобразного спутника — ей незнаком он.
Тою порой Ритуперн сошел с колесницы; Варшнея
Также; Вагука начал разнуздывать коней; и в это ж
Время вышел и Бима гостю навстречу. Друг другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что друг другу сказать. Ритуперн, осмотрясь, не приметил
В царском дворе ничего, что б канун означало большого
Праздника; он подумал: «Я был легковерно обманут
Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здравья и долгих
Лет тебе я желаю». Бима таким же приветным
Словом ответствовал. «Что,— потом он спросил,— привело к нам,
В нашу столицу Видарбу, такого великого гостя?»
Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого
Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском
Доме, владыка Айоды ответствовал: «Видеть хотел я,
Царь благодушный, тебя и, с тобой познакомясь, проведать,
Все ли в твоем благоденствует царстве?» Мудрому Биме
Странным ответ такой показался, и было ему непонятно,
Как могло прийти на ум царю Ритуперну
Путь такой предпринять лишь затем, чтоб проведать, здоров ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. «Тут есть,— он подумал,—
Верно, другая причина. Узнаем мы после». И, руку
Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим,
Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью.
Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся;
Что ни прикажешь, все будет исполнено». Вместе с Варшнеей
Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука, отпрягши
Добрых коней, отвел их в конюшню; потом, возвратяся,
Сел на прежнее место свое в колеснице и скоро
В грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти,
Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель обманулось

Сердце мое? — сказала она.— Но стук колесницы
Был мне знакомый, был подлинно Налев... а Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенял? Или открыли
Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаянти
Мучилась тяжким сомненьем; вот наконец, обратяся
К верной Кезине, служанке своей, она ей сказала:

II

«Слушай, Кезина, поди и проведай, кто в колеснице
Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,
Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся
Выспросить, кто он. Меня подозренье тревожит: не сам ли
Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что
Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,
Те слова, которые всюду браминам велела
Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа
Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,
Ты заметь и мне передай». Кезина к Вагуке
Тотчас пошла; Дамаянти ж, на прежнем месте оставшись,
Сверху смотрела на них. Кезина, приближась к Вагуке,
Так сказала ему: «Благородные гости, будь в добрый
Час вам приезд ваш в Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мне приказала узнать, зачем вы здесь и откуда».—
«Мы из Айоды, царю Ритуперну подвластного царства,—
Так Вагука сказал.— Узнав от брамина, что будет
Снова супруга себе выбирать Дамаянти, айодский
Царь на своих быстроногих конях, которыми правлю
Я, сюда прискакал, чтоб явиться с другими на выбор».—
«Ты не один при царе; вас двое; кто твой товарищ?
Кто ты сам, и откуда, и как к царю Ритуперну
В службу вступил?» — «Мой товарищ Варшнея, бывший конюший
Наля; меня называют Вагука; что я не красавец,
Это ты видишь; служу у царя на конюшне, но мог бы
Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен
Вкусную пищу готовить, как править конями».— «Скажи ж мне,—
Снова спросила Кезина его,— не дошла ль до Варшнеи
Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слыхал ли?» —
«Налевых бедных детей,— Вагука сказал,— проводивши
К деду и царских коней оставив Видарбе, Варшнея
В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля
Он не знает, и нет на земле никого, кто о ней бы
Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте
Царь укрывается. Наль один на свете о Нале

Знает, да та лишь одна, кто с Налем *одно*; никому он,
Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков».—
«Но (сказала Кезина) брамин, посетивший Айоду,
Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел; о тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помнишь ли, что на эти слова отвечал ты брамину?»
Весь побледнев, неподвижно смотрел на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный внезапною болью любви, не имел он
Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,
Полные слез, опустив, напоследок тихо сказал он:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставшися с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог, если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночно
Все по утраченной плачет и сетует,— доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью — будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
С этим словом вся Налева скорбь пробудилась в Вагуке;
Он застонал, и слезы из глаз полилися. Кезина
Тотчас ушла, спеша обо всем известить Дамаянти.

III

«Это Наль (Дамаянти сказала в слезах, с замираньем
Сердца Кезину выслушав), это мой царь, мой владыка
В виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно следуй за каждым
Шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь,
Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужин начнет он готовить царю Ритуперну — смотри же,
Так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья
Пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он

Делать; и всё другое, что в нем покажется чудным,
Также мне опиши». Кезина пошла и, исполнив
Волю царицы, явилась к ней с своим донесеньем:
«Нет! ни прежде видать не случалось, ни после увидеть
Мне не случится того, что теперь предо мною сбылося;
Этот Вагука не просто земной человек; он с богами
В явном союзе; ничто для него ни низко, ни тесно;
К низким дверям подойдет — головы не наклонит, а сами
Двери над ним приподымутся; тесное место просторным
Вдруг при его приближенье становится. Всяких припасов
Вместе с посудой царь Бима велел приготовить, чтоб ужин
Он для царя Ритуперна сварил, но воды, как тобою
Было приказано, не дали; он того не заметил,
Только взглянул — и водой все сосуды наполнились; также
Он и огня под дрова попросить не подумал, а только
Взял соломы — и мигом сама собою солома
Вспыхнула. Много другого заметила я: без обжоги
Голой рукой разгребал он огонь; вода закипала,
Только что к ней он касался. Но чудо последнее боле
Всех других изумило меня: засохшую розу
Он увидел; в пыли она без листьев лежала;
Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая
Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей.
После такого неслыханно чудного дела, царица,
Я побежала немедля к тебе». Но уж Дамаянти
Боле сомненья иметь не могла: то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные в самый день брака
Им от богов, и она уж, блаженствуя, видела сердцем
Наля желанного там, где еще для очей был Вагука.
«Сбегай опять к нему,— сказала Кезине царица,—
Запах от пищи, им приготовленной, чудно приятен;
Хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркого кусок». Побежала Кезина к Вагуке
Снова и скоро назад возвратилась с дымящимся мясом.
Налев знакомый ей вкус Дамаянти узнала, отведав
Мяса. «Он здесь! он здесь! — в восхищенье она повторяла
Мысленно.— Боле сомнения нет. Но долго ль он будет
Светлый свой образ таить от жаждущих взоров и мучить
Бедное сердце мое нестерпимым желаньем свиданья?»
Так сокрушаясь, она наконец приказала Кезине
Взять детей и вывести их из дворца, чтоб Вагуке
Их показать мимоходом. Лишь только Вагука увидел
Двух малюток, цветущих детей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявших отца,— в нем душа загорелась:
Кинулся к ним он навстречу, по имени назвал обоих,
К сердцу прижал и заплакал, и долго, долго, слезами

Их обливая, от них оторваться не мог, но, опомнясь,
Вдруг отскочил и Кезине сказал: «Я также имею
Двух детей малолетних, сына и дочь; совершенно
С этими сходны они, и давно я с ними в разлуке.
Вот отчего я и был так сильно встревожен их встречей;
Но послушай, люди заметят, что часто ко мне ты
Ходишь, и будет тебе от того без вины нареканье;
С миром отсюда поди и боле ко мне не являйся».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась
Сделать опыт последний и матери вот что сказала:
«Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю». Царица, согласно
С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным
Стал наконец пред лицом своей Дамаянти. Безгласен
Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,
Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.
Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взор на него устремивши.
«Дай ответ мне, Вагука,— она напоследок сказала,—
Знал ли ты верного мужа, который был бы способен
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой
Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,
Бросить одну, без одежды, без крова, без пищи, дотоле
Нежно любимую им и ничем, ни делом, ни словом,
Ниже́ каким помышленьем пред ним невиновную? Вот что
Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.
Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Он пред богами
Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги
Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной.
Как же, Вагука, он мог изменить своей Дамаянти,
Радостным сердцем и горе, и бедность, и стыд, и изгнанье
С ним разделившей, той изменить, которой сказал он,
Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я отныне
Буду чтить и любить, защищать и питать и с тобою
Горе и радость, богатство и бедность и все неизменно
В жизни делить обещаюсь». Вагука, скажи мне, как мог он
Так измениться, так все позабыть?» Сокрушенный и бледный,

Слушал в безмолвии Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ее, светозарные звезды, были покрыты
Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь густые ресницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихим,
Трепетным голосом Наль отвечал: «Что Нишадское царство
Было проиграно Налем, не он в том, несчастный, виновен:
Злобный Кали́ обезумил его, и им же, коварно
Вкравшимся в сердце к нему, очарованный Наль в исступленье
Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты, не зная,
Кто он, врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали́, спокойно владевшего Налевым сердцем; и с тех
пор
Адски страдал он, как в пламени пламень горя, заключенный
В страждущем Нале, как в мрачной тюрьме. От нечистого духа
Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы свободен,
Если, увидясь с женою, найдет, что ему сохранила
Верность она и любовь. Теперь отвечай, Дамаянти,
Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты
верность?
По́ свету ходят гонцы от тебя и отвсюду сзывают
Новых к тебе женихов в замену погибшего Наля.
Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и сам я,
Бедный конюший Вагука, его конями был должен
Править, чтоб мог он поспеть на сча́стливый выбор». Услышав
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с чистым
Взглядом небесного ангела, ангел земной, Дамаянти
Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, тебе ль,
предпочтенный
Мною богам, меня оскорблять таким подозреньем?
Ведай: сама я послала брамина к царю Ритуперну
С ложною вестью о выборе новом в Видарбе. Узнало
Сердце мое, что Вагука был ты, и невинный обман мой
Был удачен — ты мне возвращен. И с клятвою правды
Здесь, государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою
Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:
Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.
Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;
Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,
Если я что недостойное верной жены сотворила;
Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,
Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,
Если я что недостойное верной жены сотворила;
Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает
Тайное все в небесах и тайное все в поднебесье,
Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,

Если я что недостойное верной жены сотворила.
Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю,
Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду».
Так вызывала и небо и землю в свидетели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вот ей откликнулся с неба
Ветер и так свой ответ из пространства лазурного свежим
Словом провеял: «Как небо мое, чиста Дамаянти,
Долгу верна, в любви неизменна, слова ее правда;
Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут
Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласье».
Ветер умолкнул, и райской прохладой отвсюду повеял
Воздух весны, и упали цветы дождем благовонным
С неба при звуке воздушных тимпанов*. Таким несказанно
Чудным свидетельством Наль исцеленный от всех подозрений
Вспомнил о том, что ему сказал царь-змей на прощанье,
В данный им зе́ркальный щит поглядел, и в минуту явился
Прежним Налем и руки простер к своей Дамаянти.
С криком пронзительным кинулась в них Дамаянти, и этот
Миг единый стократ заплатил им за долгие муки.
Голову Наля прижавши к своей целомудренной груди,
В сладком забвенье всего, в упоенье любви, Дамаянти
Долго безгласна была; она то сквозь слез улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то от избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завесу на них, сочетавшихся снова
Дорого купленным браком. Так наконец отдохнули
Вместе они, до блаженства достигнув дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
Мыслей и чувств поверенье, раздел и слиянье,
Все в одном заключилося чувстве: *мы вместе;* и память
Прошлых бед настоящею радостью, светом, от тени
Более ярким, печальныя были веселым рассказом
Сделалась. Так, по долгой в изгнанье тоске, возвратился
Наль к Дамаянти, как солнце из зимнего, хладного знака
В знак весны возвращается; так Дамаянти, приникнув
К сердцу Наля, опять расцвела, как сияющий вешним
Цветом сад живей расцветает, дождем орошенный.
Тут пропели два соловья им песню такую:

Снова Дамаянти с Налем неразлучна,
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья, так ликует в небе
Ночь, когда ей светит друг желанный месяц.

II

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица-
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.
«Наль возвратился,— Биме сказала она,— Дамаянти
С мужем опять, и снова с ними согласие». Бима
Поднял брови, незапною вестью такой изумленный.
Тут царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля-царя заманила в Видарбу, какою
Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И ей, улыбаясь,
Бима ответствовал кротко: «Я вашу женскую хитрость
Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился
Наль с Дамаянти и с ними их дети. Приблизился к тестю
Наль, Дамаянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,
Ласково принял царь благодушный Бима и нежным
Взглядом поздравил дочь с возвратившимся счастьем.
Скоро потом пришли и братья и подали руку
Налю и братски с сестрой обнялися; потом отовсюду
Стали сходиться сродники, ближние; вот напоследок
Вся Видарба наполнилась шумом торжественным; домы
В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;
Площади, улицы все закипели народом, и в храмах
Жертвы зажглися. И вот наконец до царя Ритуперна
Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился
В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать
Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,
К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный
Царь нишадский, с благой переменой судьбы, с возвращеньем
Прежнего вида и боле всего с обретением милой,
Верной жены. И если я что неугодное сделал,
Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском
Жил ты слугой у меня, то в том виноват без вины я;
Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья».—
«Царь Ритуперн,— ответствовал Наль,— оскорбленья и тени
Я не видал от тебя; но когда б и обижен тобою
Был я, то Налю-царю обид, нанесенных Вагуке-
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритуперн, и чту и люблю как царского брата.
Мне благосклонным ты был господином, когда под твоею
Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь благосклонным
Другом будь мне, царю нишадскому Налю. Ты видишь
Сам, что Вагуке конюшим твоим уж не быть: без сомненья
Также захочет в прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но в убытке ты, царь Ритуперн, не останешься; дар мой
Править конями тебе отдаю я рукою и словом,
Так же, как сам от тебя могущество счета с искусством

В кости играть получил, и ныне в Айоду ты столь же
Быстро приедешь один, сколь быстро приехал оттуда
Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мне с искусством, тобою мне данным». Друг другу
Подали руку цари на любовь и союз; и в Айоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя нетерпеньем
Выиграть трон свой, также недолго остался в Видарбе.

III

Месяц проживши у тестя, с избранной дружиною храбрых
Наль пошел наконец на свое Нишадское царство;
Сам он сидел в колеснице блестящей; могучие кони
Бешено прыгали, твердой руке его покоряясь;
Следом за ним шестнадцать слонов боевых с крепостными
Башнями, полными ратников, шли; за слонами скакали
Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними
Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться
Вел их Наль, а украсить свое вступленье в Нишаду.
Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:
«Ты оставайся под кровлей отцовской, покуда не ввел я
Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,
Счастие прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты
В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата
В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».
Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом
Взоре, полном небесной души, была уж победа.
Быстрою бурею Наль полетел, и скоро достиг он
В грозном величии царства, из коего некогда вышел
Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне
Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю
К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь
Все Нишадское царство — довольно ль с тебя? Но сначала
Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь
Ты, то все, чем владеешь, будет моим, и над самой
Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю
Я, то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.
Полно же медлить; тебе по законам игры мне на вызов
К новой игре отказать невозможно; и властен теперь ты
Выбрать из двух любую игру: в железо иль в кости.
Хочешь отведать меча — выходи; я рад поединку;
Царство, наследье отцов, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой

Должно уметь нам его возвратить; так учили нас предки.
Час наступил; принимайся, Пушкара, за меч иль за кости.
Или тебе живому не быть, иль я Дамаянти
С жизнью тебе уступлю». На этот вызов Пушкара
Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще раз с тобою
В кости счастья отведать; то будет игра роковая;
Горя с тобой в нищете Дамаянти довольно терпела;
Власть и богатство со мною разделит она и забудет
Прошлое скоро; а я и на троне нишадском всечасно
Думал об ней и ждал, что придешь ты; и вот напоследок
Ты пришел, и будет моей Дамаянти, и боле
Мне ничего на земле желать не останется». Этим
Дерзким ответом разгневанный, меч свой хулителю в сердце
Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но, собой овладевши,
Он сказал, трепеща, и кипя, и сверкая: «Безумец,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь». И кости
Брошены — все решено: обратно Нишадское царство
С первым ударом выиграл Наль у Пушкары. Со смехом
Он, победитель, взглянул на него, побежденного. «Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которым
Думал владеть ты, по-прежнему стало моим и отныне
Будет в крепких руках; теперь меж царем и меж царством
Третий никто не дерзнет протесниться. Мою ж Дамаянти
Ты и во сне недостоин увидеть; ты раб мой отныне;
Так решила судьба. Но слушай: не властью твоею
Некогда был я низвержен с престола; Кали искуситель,
Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал, безрассудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебе преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
Вечно с тобою, и вражды да не будет меж нами, Пушкара,
Брат мой; живи, благоденствуя, многие, многие годы».
Весь уничтоженный благостью брата, пред ним на колена
Бросился, плача, Пушкара. «О Наль Пуньялока, да будет
Милость богов и всякое благо земное с тобою!
В скромном уделе моем я, твой подданный, буду спокойней
Жить, чем на троне твоем, где покой мой основан
Был на ударе неверных костей; и своими отныне
Буду я столь же любим, сколь был ненавидим твоими.
Прежде, однако, очищу себя от вины омовеньем
В Гангесе* грешного тела; в его благодатные волны
Брошу, прокляв их, враждебные кости, которыми злые
Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Дамаянти
В блеске прекрасного солнца, скажи ей, чтоб гнева
В сердце ко мне не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем».

ЙОГЕШВАРА

* * *

Из ячменя размокшие лепешки
Сушить, ребят ревущих унимать,
Вычерпывать горшком разбитым воду,
Солому для спанья беречь от ливня,
Дырявое лукошко нахлобучив
На голову, в лачуге обветшалой
Доводится супруге бедняка.

* * *

Тепло соломы вихрем ледяным
Уносится. Крестьяне то и дело,
Огонь угасший силясь пробудить,
Мешают хворостинами в костре.
Пахучий дым курится над половой
Горчичной. Треск и шорох шелухи
Сопутствуют благоуханью,
Разлитому над зимним током.

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

ИМРУ УЛЬ-КАЙС

* * *

Поплачем над прежней любовью, над старым жилищем*,
Хотя и обломков его мы уже не отыщем.

Далекие дни, погребенные в этих руинах,—
Как стертые буквы молитвы на свитках старинных.

Мне вспомнилось племя, и в сердце опять зазвучали
Тяжелые стоны моей бесконечной печали.

Молчанье хранил я, и только потоками слез
Безгласное горе внезапно на плащ пролилось.

Лишь тот удержать не умеет болтливый язык,
Кто сердцем своим и страстями владеть не привык.

Смотри, я качаюсь в седле, и больной, и бессильный,
По ветру уже развевается саван могильный...

К попавшим в беду я на помощь спешил неизменно,
И сколько несчастных я спас от оков и от плена.

Легко сквозь пустыни, где пыль ураганы метут,
Меня проносил быстроногий и сильный верблюд.

А сколько изъездил долин я цветущих и нив,
И тучи летели, их зелень дождем окропив.

Мой конь, неизменный в скитаньях, в походах, в бою,—
Умел он заране угадывать волю мою.

Стремительным бегом он даже газель превзошел,
Которую грозно преследует жадный орел.

Бывал я в пустынях, подобных долине Химара*,
Которую в гневе спалила небесная кара.

Мой конь был — как ветка, всегда устремленная ввысь,—
Без удержу мы, обгоняя верблюдов, неслись.

Я вел мое войско, я верил, что с нашим оружьем
Коварных врагов мы и в их крепостях обнаружим.

Я вел мое войско все тверже и все непреклонней,
Пока не устали верблюды и крепкие кони.

Пока не увидел, что конь вороной недвижим
И коршунов стая уже закружилась над ним...

ОМАР ИБН АБИ РАБИА

* * *

Убит я печалью, горчайших не знал я разлук.
В груди моей буйствует сердца неистовый стук.

Невольные слезы струятся, свидетели мук,—
Так воду по каплям прорвавшийся точит бурдюк.

Она уезжает, уж руки проворные слуг
На гордых двугорбых дорожный навьючили вьюк.

К щекам моим кровь прилила и отхлынула вдруг—
Я знаю, навек отъезжает единственный друг.

* * *

Сторонишься, Хинд, и поводы хочешь найти
Для ссоры со мной. Не старайся же, нет их на деле.

Чтоб нас разлучить, чтоб меня ты сочла недостойным,
Коварные люди тебе небылицы напели.

Как нищий стою, ожидая желанного дара,
Но ты же сама мне достичь не дозволила цели.

Ты — царская дочь, о, склонись к протянувшему руку!
Я весь исстрадался, душа еле держится в теле.

В свой ларчик заветный запри клевету и упреки,
Не гневайся, вспомни всю искренность наших веселий.

Когда ж наконец без обмана свиданье назначишь?
Девичьи обманы отвратней нашептанных зелий.

Сказала: «Свиданье — в ближайшую ночь полнолунья,
Такими ночами охотники ловят газелей».

АБУ НУВАС

* * *

Ты глыбой ненависти стал,
Стоишь — не сдвинуть: крепче скал.

С тобой общаться — как на гору
Карабкаться в плохую пору.

Аллах, когда тебя лепил,
Не подсластил, не посолил.

Я разгадать тебя пытался,
Но, что ты, так и не дознался.

Смех тратить на тебя — грешно,
Воздать хвалу тебе — смешно.

Посмотришь на тебя, о боже!
Лицо с пометом птичьим схоже.

И если ночь ты пережил,
Пусть утром хлынет кровь из жил.

А если очутился в море,
Дай бог, чтоб утонул ты вскоре.

* * *

Я этого глупца в кругу друзей увидел.
Он был противен мне, его я ненавидел.

«Чего бы ты хотел?» — спросил меня глупец.
Ответил я: «Хочу, чтоб смолк ты наконец».

* * *

Жизнь — это пир, где для одних — веселье и утеха,
А для других — утехи нет, другим уж не до смеха.

Один богатством окружен — что делать с ним, не знает,
Другой, промаявшись весь день, голодным засыпает.

И так издревле повелось: одним нужна лишь малость,
А у других — желаний нет: им в жизни все досталось.

АБУ-ЛЬ-АЛА-АЛЬ-МААРИ

* * *

Толкуют, что душа легко и смело
Переселяется из тела в тело.

Не принимай суждений ни о чем,
Когда проверить их нельзя умом.

Что тело? Пальма с гордою главою;
Она — трава и сменится травою.

Ты должен мысль от лишнего беречь:
При полировке тает лучший меч.

* * *

Восковая свеча золотого отлива
Пред лицом огорчений, как я, терпелива.

Долго будет она улыбаться тебе,
Хоть она умирает, покорна судьбе.

И без слов говорит она: «Люди, не верьте,
Что я плачу от страха в предвиденье смерти.

Разве так иногда не бывает у вас,
Что покатятся слезы от смеха из глаз?»

* * *

Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.

Кошель за седлом, где в походе хранится она,—
Как чаша, которая влаги прохладной полна.

Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.
Владельцу ее смертоносный не страшен удар.

Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает: ее красота — как питье.

Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ПОЭЗИЯ

АБУАБДУЛЛА АБУЛЬХАСАН РУДАКИ

* * *

Самум разлуки налетел — и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.

Твой локон — смертоносный лук, твои ресницы — стрелы.
Моя любовь! Как без тебя свершу я путь земной!

И кто дерзнет тебя спросить: «Что поцелуй твой стоит?» —
Ста жизней мало за него, так как же быть с одной?

Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила.
Ты сердце опалила мне усладою хмельной.

* * *

Только раз бывает праздник, раз в году его черед —
Взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник в сердце льет.

Раз в году блистают розы, расцветают раз в году,
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет.

Только раз в году срываю я фиалки в цветнике,
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет.

Только раз в году нарциссы украшают грудь земли,
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год.

Эти черные нарциссы, чуть проснулись — вновь цветут,
А простой нарцисс, увянув, новой жизнью не блеснет.

Кипарис — красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он — горбун, кривой урод.

Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии — в других,
Ты — цветник, в котором блещут все цветы земных широт.

Ярче розы твой румянец, шея — лилии белей,
Зубы — жемчуг многоценный, да рубина — алый рот.

Вот из жилы меднорудной вдруг расцвел тюльпан багряный,
На багрянце тоном смуглым медный проступил налет.

Вьется кругом безупречным мускус локонов твоих,
В центре — киноварью губы, точно ярко-красный плод.

Ты в движенье — перепелка, ты в покое — кипарис,
Ты — луна, что затмевает всех красавиц хоровод.

Но ты гурия в кольчуге, ты луна с колчаном стрел,
Перепелка — с кубком хмельным, кипарис, что песнь поет.

Не цепями приковала ты влюбленные сердца —
Каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед...

* * *

Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!
Калек, слепых не оскорбляй — и будешь благороден!
Не благороден, кто на грудь упавшему наступит.
Нет! Ты упавших поднимай — и будешь благороден!

* * *

Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрягу,
Быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе!

Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира,
И тотчас безмерно щедрым мир покажется тебе.

* * *

Сквозь оболочку мира глаз твой не видит жизни сокровенной,
Так научись глазами сердца глядеть на таинства вселенной;
На все, что зримо и телесно, гляди открытыми глазами,
Но сердце научи увидеть изнанку видимости бренной.

* * *

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрыл ковром цветочным дол и влажной пылью — небосвод.

Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.

Под вечер заблистал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.

Цветок смеется мне вдали,— иль то зовет меня Лейли?
Рыдая, облако пройдет,— Меджнун, быть может, слезы льет?

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод.

Ей стоит косу распустить — и сто сердец блаженство пьют,
Но двести кровью изойдут, лишь гневный взор она метнет.

Покуда розу от шипа глупец не в силах отличить,
Пока безумец, точно мед, дурман болезнетворный пьет,

Пусть будут розами шипы для всех поклонников твоих,
И, как дурман, твои враги пусть отвергают сладкий мед...

* * *

О Рудаки, будь волен духом, не так, как прочий люд, живи!
И разумом, и сердцем светел, как мудрецы живут, живи!
Не думай, что тебе лишь плохо, для всех же — мир благоустроен,
Пойми: плохого много в мире; ты для благих минут живи!

* * *

С тех пор, как мир возник во мгле,
Еще никто на всей земле

Не предавался сожаленью
О том, что отдал жизнь ученью.

Победы всех земных племен
На всех наречьях всех времен

Познанья путь хвалой венчали
И на скрижалях начертали:

«Познанье — сердца яркий свет,
Защита от житейских бед».

ОМАР ХАЙЯМ

* * *

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

* * *

Нет благороднее растений и милее,
Чем черный кипарис и белая лилея.
Он, сто имея рук, не тычет их вперед;
Она всегда молчит, сто языков имея.

* * *

Добро и зло враждуют, мир в огне,
А что же небо? Небо в стороне.
Проклятия и радостные гимны
Не долетают к синей тишине.

* * *

Жизнь сотворивши, смерть ты создал вслед за тем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем.
Ты плохо их слепил? Но кто ж тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем?

* * *

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен льстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

* * *

Когда б скрижаль судьбы мне вдруг подвластна стала,
Я все бы стер с нее и все писал сначала.
Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала.

* * *

О небо! К подлецам щедра твоя рука:
Им — бани, мельницы и влага родника;
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба.
Такое небо — тьфу! Не стоит и плевка.

МУСЛИХИДДИН САДИ

* * *

Хорошо одна старушка сыну молвила, когда
Стал он вровень леопарду, стал он сильным, словно слон:

«Если б ты, сынок мой, помнил, как в младенческие дни
На руках моих ютился ты в плену своих пелен,—

Никакой бы ты обиды мне теперь не причинил,
Потому, что я — бессильна, потому, что ты силен».

* * *

Коль можешь миром покорить страну,
Не затевай напрасную войну.

О смерти помни, мощь и славу множа.
Ведь капля крови царств земных дороже.

Джамшид великий как-то, я слыхал,
У родника на камне начертал:

«Здесь сотни сотен жажду утоляли
И, не успев моргнуть, как сон, пропали.

Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли!»

ШАМСИДДИН МУХАММАД ХАФИЗ

* * *

Весть пришла, что печаль моих горестных дней — не навечно,
Время — ток быстротечный. И бремя скорбей — не навечно.

Стал я нынче презренным в глазах моего божества,
Но надменный соперник мой в славе своей — не навечно.

Всех равно у завесы привратник порубит мечом.
И чертог, и престол, и величье царей — не навечно.

Так зачем возносить благодарность иль горько роптать?
Ведь и громкая слава великих мужей — не навечно.

На пирах у Джамшида певали: «Несите вина!»
И Джамшид с его чашей в обители сей — не навечно!

Так пылай же, ночная свеча, привлекай мотылька!
Близко утро. И ночь, и сиянье свечей — не навечно.

Эй, богач! Загляни в глубину своей нищей души!
Горы злата, монет, самоцветных камней — не навечно.

Видишь надпись на своде сияющем: «Все на земле,
Кроме добрых деяний на благо людей,— не навечно».

Верь во встречу, надейся на память любви, о Хафиз!
А неправда, насилье и бремя цепей — не навечно!

* * *

Вошла в обычай подлость. В мире нету
Ни честности, ни верности обету.

Талант стоит с протянутой рукою,
Выпрашивая медную монету.

От нищеты и бед ища защиты,
Ученый муж скитается по свету.

Зато невежда нынче процветает:
Его не тронь — вмиг призовут к ответу!

И если кто-то сложит стих, подобный
Звенящему ручью или рассвету,—

Будь сей поэт, как Санаи*, искусен —
И черствой корки не дадут поэту.

Мне мудрость шепчет: «Удались от мира,
Замкнись в себе, стерпи обиду эту.

В своих стенаньях уподобься флейте,
В терпении и стойкости — аскету».

А мой совет: «Упал — начни сначала!»
Хафиз, последуй этому совету!

* * *

Ветер нежный, окрыленный, благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет тех наград, что знаешь ты.

Потому что под запретом видеть райские цветы
Тяжело,— и сердце гложет та печаль, что знаешь ты.

И на что цветы эдема, если в душу пролиты
Ароматы той долины, тех цветов, что знаешь ты?

Не орлом я быть желаю и парить на высоты:
Соловей-Хафиз ту розу будет петь, что знаешь ты.

* * *

Свершая утром намаз*, я вспомнил своды бровей —
И вопль восторга потряс михраб* мечети моей.

Терпенья больше не жди, к рассудку впредь не взывай!
Развеял ветер полей терпенье тысячи дней.

Прозрачным стало вино, пьянеют птицы в саду,
Вернулось время любви,— вздохнуло сердце нежней.

Блаженный ветер полей цветы и радость принес.
Приди, невеста любви! Весь мир дыханьем согрей!

Укрась свой брачный покой,— жених ступил на порог.
И зелень,— радость сердец,— сверкает все зеленей.

Благоухает весь мир,— как будто счастьем дышу:
Любовь цветет красотой, что небо вверило ей.

Пускай деревья согнет тяжелый их урожай,—
Будь счастлив, мой кипарис, отвергший бремя скорбей!

Певец! На эти слова газель прекрасную спой!
О том, как счастлив Хафиз, пусть помнит память людей!

ВЬЕТНАМ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Я — коричное деревце
Среди густых лесов.

Никто не вдыхает мой аромат,
Никто не спешит
На мой зов.

* * *

Издали мнилось мне: вижу
Райский цветок.

Переплыл через озеро.
Что же я вижу у ног?
Сорный вьюнок.

* * *

Думала я, что друг дружке
Будем верны до конца.

Оказалось, что клятва лжеца
Никчемнее
Треска хлопушки.

* * *

Покоит озерная гладь
Лодку любви и печали.

Есть много причалов.
Скажите,
К какому же ей пристать?

* * *

Важный надутый вельможа
Тщетно парома ждет.

Торопится?
Ну и что же?
Пускай отправляется вброд.

* * *

Эй, девушка с черпаком!
Немедля дай мне ответ.
Зачем без жалости черпаешь-льешь
Золото — лунный свет?

* * *

Истину крепко запомни,
Мой сын.

Ночью творит грабежи бандит.
Днем же —
Правитель и господин.

* * *

Если б река
Не шире пяди была,

С груди бы
Повязь сняла.
Пусть будет милому мост.

* * *

Так повелось: царевич на отчий престол взойдет,
Послушника сын — у храма листья баньяна метет.

Час перемен пришел: грозно восстал народ —
У храма царевич теперь листья баньяна метет.

КОРЕЯ

СОН САММУН

Если спросишь, кем я стану
После смерти,— я отвечу:
Над вершиною Пэнлая*
Стану я сосной высокой.
Пусть замрет весь мир под снегом,
Зеленеть один я буду.

ЧОН ЧХОЛЬ

Пусть обопрется старец на тебя,
Ты поддержи его двумя руками.
Пусть выйдет старец из дому с тобой,
Дай посох старцу, будь ему опорой,
А после пира старца проводи
Внимательно и бережно до дома.

ФИЛИППИНЫ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ДАЛЕКИЙ ОСТРОВ

Вперед плыви — не унывай!
Вперед плыви — не унывай!
Все дальше в море заплывай,
Все дальше в море заплывай...

Гляди: вон остров вдалеке,
От рыбы там вода кипит.
Спеши туда с веслом в руке —
Улов тебя вознаградит!

НЕВЫНОСИМАЯ ПЕЧАЛЬ

Никому еще печальней
Не бывало на земле.
Ах, никто меня не любит,
Не идет никто ко мне!
Сердце жалуется, ропщет,
Все слезами залито:
Неужели не полюбит
Никогда меня никто?

Отдохни, мое сердечко,
Не ропщи,

Не сожалей.
Не придут тебя утешить,
Успокоить не придут.
Пусть глаза об этом плачут —
Днем и ночью слезы льют.

Кто придет меня утешить?
Тот, кого давно люблю?
Кто поймет и пожалеет?
Тот, о ком я слезы лью?
Кто мне сердце успокоит,
Радостью наполнит кровь?
Кто печаль мою прогонит?
Кто подарит мне любовь?

ХОСЕ РИСАЛЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ

Прощай, моя Отчизна! Ты жемчуг в теплом море,
На Тихом океане необретенный рай.
Я жизнь тебе вручаю, исполненную горя,
Была б она счастливой, я и тогда б, не споря,
Ее с улыбкой отдал, чтоб счастлив был мой край.

Иные гибнут в битвах, без страха и сомненья,
А можно одиноко взойти на эшафот.
А место, где погибну, имеет ли значенье?
Под лавром, кипарисом, под пыткой иль в сраженье —
Не все ль равно, где гибнуть, коль Родина зовет.

Я, умирая, вижу, что гибну не напрасно,
С надеждою и верой об этом говорю.
Сегодня на исходе ночной покров ненастный.
Всю кровь мою возьмите, коль цвет вам нужен красный,
И смело красьте ею грядущую зарю.

О чем мечтал я в детстве и в юности далекой,
О чем страдал и думал, чего желал всегда?
Увидеть без оправы жемчужину Востока:
Красавица спокойна, горда и черноока,
На лбу ее высоком уж нет пятна стыда.

Всю жизнь меня томила, меня терзала жажда
Любви к земле, что стонет в неволе и во мгле,
Я о тебе печалюсь, твоим страданьем стражду
И падаю в надежде, что ты взлетишь однажды.
Вручаю, умирая, себя родной земле.

И если ты заметишь, что на моей могиле
В густой траве забвенья простой цветок пророс,
Коснись его губами, не бойся мертвой пыли,
Я ощутить сумею, что и меня любили,
И отличить сумею росу от капли слез.

Спокойно надо мною пусть лунный свет струится,
И долгожданный отблеск пусть мне дарит Восток.
Пусть будет шелест ветра — как вечности страницы,
И если, пролетая, на крест присядет птица,
Пусть мне поет о мире пичужий голосок.

Сезон дождей проходит. Жара. И это значит —
Восходит паром к небу последний мой призыв.
Пусть раннюю кончину товарищ мой оплачет,
И в час молитвы чьей-то о счастье и удаче
Ты помолись, Отчизна, погибших не забыв.

За тех, кто шел под пули, чтоб ты жила, святая,
За тех, кто шел на муки, мучительно любя,
За матерей несчастных, что больше всех страдают,
За вдов твоих и сирот, за тех, кого пытают,
За то, чтоб ты свободной увидела себя.

Бушуют океана тяжелые буруны,
Худые тени мертвых встают в родном краю.
Над нашими крестами плывут седые луны,
А если вдруг услышишь, что зазвенели струны,
Знай, Родина, что это я о тебе пою.

А если на могиле все травы солнце выжжет
И позабудут люди, где был зарыт твой сын,
Пускай распашут землю, пускай ее мотыжат,
И в этом положенье не буду я унижен:
Почетно стать и пылью, но пылью Филиппин.

Ну, а само забвенье я пустяком считаю
В сравненье с тем, что цветом войду в твою зарю,
Что стану вздохом, криком, в твоем тепле растаю,
Вберу твои оттенки, твой аромат впитаю,
Своей упрямой веры законы повторю.

Родные Филиппины, печаль моих печалей!
Спокойно говорю я последнее прости.
Я ухожу влюбленный, такой же, как в начале,
Прощаюсь с угнетеньем, прощаюсь с палачами,
С собой хочу лишь верность и веру унести.

Прощайте, дорогие родители и дети,
Мой дом — частица сердца и старые друзья,
Прощай, та иностранка, что всех милей на свете...
Последними да будут слова простые эти:
Прощайте! Не горюйте! Иду на отдых я...

Комментарии

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Архилох (VII в. до н. э.) — прославленный лирик; древние греки почитали его вторым поэтом после Гомера. На Олимпийских играх в течение многих лет исполнялся гимн Архилоха во славу Геракла. На острове Парос, родине поэта, в его честь было воздвигнуто святилище с начертанными на стенах стихами Архилоха. Там же был установлен памятник поэту.

Стр. 23. *«Скорбью стенящей крушась...»* — Стихотворение посвящено памяти погибших при кораблекрушении, в числе которых был и муж сестры поэта.

Перикл — видимо, друг Архилоха, к которому он обращается во многих стихах.

Тиртей (VII в. до н. э.) — поэт, знатный гражданин, возможно даже полководец, уроженец Спарты. Греки высоко ценили проникнутые патриотизмом элегии и марши Тиртея: их распевали солдаты, разучивали школьники. Существуют легенды о вдохновляющей силе гимнов Тиртея. Согласно одной из них, спартанцы, изнемогшие в тянувшейся уже семнадцать лет войне с соседней Мессенией, обратились к афинянам за помощью, и те прислали им хромого школьного учителя Тиртея. Спартанцы приняли это за насмешку, но Тиртей стал читать свои стихи, и они так воодушевили воинов, что сразу была одержана победа.

Для многих русских поэтов Тиртей служил образцом поэта-патриота и гражданина. Лицейский друг А. С. Пушкина В. Кюхельбекер сравнивал с Тиртеем Байрона, павшего за свободу Греции.

Алкей (конец VII — начало VI в. до н. э.).— Славу поэта составила его лирика: песни любовные, застольные и героические.

Отмеченные изяществом и легкостью стиля, они близки к народной песенной традиции. На родине Алкея была выпущена монета с его изображением. Поэту подражали творцы древности и нового времени.

Так называемая «алкеева строфа» использовалась русскими поэтами XVIII—XIX вв.

Стр. 25. *«К Сапфо».*— Согласно античному преданию, Алкей был безответно влюблен в прославленную поэтессу Сапфо. На его стихи Сапфо ответила четверостишием, исполненным негодования. Соответственно трактуется учеными и сюжет найденной в Сицилии афинской вазы. На ней изображены Алкей с опущенной головой и полная возмущения Сапфо.

«Буря».— Под кораблем, застигнутым бурей, Алкей подразумевает государство, которое захлестывают волны гражданских распрей и мятежей. Образ этот позднее был заимствован римским поэтом Горацием.

Стр. 26. *«Медью воинской весь блестит...»* — Описание великолепного воинского убранства имеет целью, по мысли поэта, побудить собравшихся к мужеству в грядущем сражении.

Арей — в греческой мифологии бог войны, сын Зевса и Геры.

Сапфо (VII—VI вв. до н. э.).— Поэтесса вошла в историю под именем Лесбосского соловья, по названию острова Лесбос — родины Сапфо. Биографические сведения о ней весьма скудны. Однако известно, что Сапфо долгие годы возглавляла школу, где девушки занимались литературой, пением и музыкой. В школе царил культ красоты, музыки и поэзии.

Свадебные песни и гимны поэтессы исполнялись под аккомпанемент лиры или кифары на праздниках. Сограждане относились к Сапфо с глубоким уважением. В честь поэтессы чеканились монеты, на которых она изображалась с лирой в руках или стоящей у колонны.

Пылкая страстность лирики Сапфо привлекала внимание многих русских поэтов. Прославленной поэтессе посвящены строки Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина.

Стр. 27. *Гонгила* — одна из учениц Сапфо.

Кипророжденная — богиня любви Афродита, возникшая, по преданию, из морской пены у берегов Кипра. Другое имя Афродиты — Киприда.

«К Алкею».— Ответ на четверостишие влюбленного в Сапфо поэта.

Солон (VII—VI вв. до н. э.) — афинский государственный деятель, поэт, автор множества элегий, носящих нравоучительный характер и призывающих сограждан к деятельному вмешательству в политическую жизнь страны.

В Древней Греции Солона чтили как великого мудреца, статуи его были установлены в Афинах и на Саламине.

Стр. 28. *Саламин* — остров, расположенный в Сароническом заливе; закрывал Афинам выход в открытое море. Длительная война с мегарцами за обладание островом была настолько обременительной для Афин, что власти под страхом смерти запретили призывать к ее возобновлению. Однажды, по рассказу Плутар-

ха, Солон, притворившись безумцем, прочел собравшимся на рыночной площади элегию, в которой так страстно обрушился на них с обвинениями в бездействии, что афиняне немедленно выступили в бой, овладели Саламином, а Солон стал самым популярным человеком в Афинах.

Быть бы мне лучше, ей-ей, фолегандрием иль сикинитом...— Имеются в виду жители мелких Кикландских островов — Фолегандра и Сикина.

Афина Паллада, гордая грозным отцом...— Богиня мудрости Афина родилась, согласно мифу, из головы Зевса.

Они богатеют и, не щадя ничего... предаются, как тати, хищенью...— Солон не осуждает стремления людей к достатку. Сам он с большим трудом избавился от нужды и в одной из своих программных элегий писал, как важно, чтобы у всякого человека было материальное благополучие. Однако стремясь к нему, не следует прибегать к бесчестным способам.

Анакреонт (570—487 гг. до н. э.) — вошел в мировую литературу как певец любви. Его высоко ценили современники. Статуя Анакреонта была установлена на Акрополе. Полагают, что Анакреонт погиб в одном из сражений во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.) и именно его скульптор Фидий изобразил на восточном фризе Парфенона в виде греческого героя, раненного в битве с амазонками.

Подлинных стихотворений Анакреонта сохранилось мало. Имя его осталось в веках благодаря позднеантичным подражаниям, составлявшим так называемые «анакреонтические» стихотворения.

В XVIII—XIX вв. увлечение анакреонтикой стало повсеместным как в западноевропейской, так и в русской поэзии.

Стр. 29. *Минерва* — римское имя Афины, греческой богини мудрости.

Стр. 30. *Венера.*— Греческую богиню Афродиту М. Ломоносов называет римским именем.

Стр. 31. *Парка* (точнее, Парки) — древнеримские богини судьбы, у греков — «Мойры». Парки — три богини судьбы; одна держала нить человеческой жизни, вторая тянула, третья обрывала.

Тартар — в греческой мифологии подземное царство.

Стр. 32. *Артемида* — в греческой мифологии богиня-охотница, покровительница животных и природы.

Лефей — река в Малой Азии.

Феогнид (VI в. до н. э.) — поэт-лирик. До наших дней дошел сборник назидательных элегий и элегических двустиший (около 1400 стихов), большую часть которых приписывают авторству Феогнида. Стихи поэта нередко исполнялись под аккомпанемент флейты.

Ксенофан (VI в. до н. э.) — поэт, философ, основатель философской школы, автор обширного сочинения «О природе», в котором подвергал критике традиционные представления греков о множестве богов, имеющих человеческий облик. По его мнению, миром правит пребывающий в неподвижности «один бог, не похожий на смертных ни телом, ни разумом».

В своих элегиях и сатирах Ксенофан высмеивал слепую веру современников в богов.

Платон (427—347 гг. до н. э.) — крупнейший поэт и прозаик, философ-идеалист, основавший свою философскую школу, получившую название Академии.

Платон сохранил для человечества беседы великого Сократа с учениками.

Талантливый поэт, Платон тем не менее отрицательно относился к поэзии, действующей, по его мнению, лишь на эмоции человека и расслабляющей его разум.

Стр. 34. *Сын Киферы* — Эрот, сын Афродиты. Одно из имен богини — Киферея, по названию острова Кифера, славящегося культом богини.

Н. Шавелева

ДРЕВНИЙ РИМ

Гай Валерий Катулл (ок. 87—54 гг. до н. э.) — остался в веках как мастер любовной лирики. Сохранился сборник его произведений, содержащий 116 стихотворений. Основная их часть — стихи, посвященные возлюбленной поэта — Лесбии.

Стр. 35. *Орк* — бог смерти в древнеримской мифологии.

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — крупнейший лирик, почти все его «Послания», «Ямбы», «Сатиры» и «Оды» сохранились. Автор «Юбилейного гимна» трехдневных празднеств годовщины основания Рима, отмечавшихся один раз в сто десять лет.

В веках Гораций остался «учителем жизни». Ведущей темой его поэзии стало восхваление умеренности, стремления к ставшей крылатой «золотой середине», к довольствованию малым. Поэт призывал избегать крайностей, полагая, что человек будет счастлив, только если обретет душевное спокойствие и равновесие между «умом» и «сердцем». Гораций воспевал тихую, уединенную жизнь, прелесть увлечения философией и искусством, наслаждение дружбой и любовью. Назначение поэта он видел в служении нравственным образцом обществу.

Слава Горация была велика во все времена. Щедрую дань его поклонению отдали и русские поэты. «Горацию в родню причтусь»,— писал Г. Державин. Юный Тютчев, сочинив стихотворение «Вельможа. Подражание Горацию», в тринадцать лет был принят в Общество любителей русской словесности. Пушкин предвосхитил уготованную ему в веках славу, создав стихотворение, навеянное «Памятником» Горация.

Стр. 38. *Меценат* (I в. до н. э.) — приближенный императора Августа. Покровительство поэтам сделало имя Мецената нарицательным.

Квириты.— Слово восходит к имени бога народного собрания — Квирина.

Всех пергамских царей... — Пергам — богатый город в Малой Азии (современный Бергама).

Евтерпа — в греческой мифологии муза-покровительница лирической поэзии.

Стр. 39. *Полигимния* — муза гимнов и пантомимы.

Лира лесбийская — особый вид лиры (барбитон), но здесь Гораций намекает на лесбийских поэтов Сапфо и Алкея, которым он подражал.

«О корабль, вот опять в море несет тебя...» — Ода является классическим образцом аллегории, по признанию древних. Удивительная ее конкретность поразила Гете, который так оценил образность Горация: «Жуткая вещественность».

Циклады — группа островов в Эгейском море, плавание между которыми считалось опасным.

Альбий Тибулл (60—19 гг. до н. э.) — классик древнеримской элегии, воспевший домашний уют, любовь и верность любимой подруги, благочестие и добропорядочность. Осуждая суетность, поэт звал к опрощению, к радостям простой сельской жизни.

Стр. 40. *Тенер и Карист* — места, откуда привозили отделочный мрамор.

Эритрские жемчужины — то есть с берегов Красного моря.

Стр. 41. *Лары* — в греческой мифологии покровители дома и его обитателей.

Пактол — река, богатая золотоносными песками.

Дочь Сатурнова — Юнона, супруга Юпитера, верховного бога в римской мифологии.

Плутон — в римской мифологии бог подземного царства.

Ахерон — река в подземном царстве.

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 18 г. н. э.) — крупнейший поэт, в ранний период — лирик, в поздний — эпик и дидактик. В 8 году н. э. был сослан императором Августом в город Томы (ныне Констанца) на берегу Черного моря за поэму «Искусство любви».

Самое крупное и известное в мировой литературе произведение Овидия — «Метаморфозы» («Превращения»). Поэма состоит из более чем двухсот сказаний, многие из которых («Пигмалион», «Орфей и Эвридика», «Дедал и Икар») вооду-шевили художников, музыкантов и поэтов последующих столетий на создание новых произведений.

Овидию посвящены проникновенные строки в поэме А. С. Пушкина «Цыганы».

Борей — бог северного ветра в древнегреческой мифологии.

Н. Шавелева

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Народные баллады

Слово «баллада» происходит от французского глагола «плясать» и первоначально означало плясовую песню. Английская баллада, распространившаяся

в XV—XVI вв.,— это стихотворение-рассказ, предназначенный для пения на какой-нибудь известный «балладный» мотив. Такие стихотворения сочинялись во множестве и продавались в виде отпечатанных листовок с текстом. Баллады откликались на любые злободневные события и происшествия: существовали баллады военные, любовные, разбойничьи, комические и прочие.

Стр. 45. *«Ворон к ворону летит».*— Последние строки следует понимать так, что «хозяйка» тоже изменила убитому, то есть произошло тройное предательство. Пушкин опустил «жалостный» конец баллады — о том, что, мол, никто не узнает, где лежат его бедные косточки.

Стр. 46. *Робин Гуд* — герой народных баллад, честный разбойник, заступник обиженных и бедняков. До нас дошло около сорока баллад о Робине Гуде. У английских крестьян существовал танец «моррис», который исполнялся ряженными в костюмах Робина Гуда и его друзей. Этот обычай просуществовал несколько веков.

Малютка Джон — один из друзей Робина Гуда, прозванный так в шутку. На самом деле он был силач и верзила.

Стр. 51. *«Старуха, дверь закрой!»* — образец комической баллады. Маршак изменил концовку: в оригинале один из бродяг вознамерился поцеловать хозяйку, старик не стерпел... и дверь пришлось закрывать ему.

Эдмунд Спенсер (1552?—1599) — лирик и эпик, «поэт поэтов» английского Возрождения. Изобретатель так называемой «спенсеровой строфы», которую впоследствии использовал Байрон (в «Паломничестве Чайльд-Гарольда») и другие английские романтики.

Уильям Шекспир (1564—1616) — великий английский драматург и поэт. Родился в Стратфорде-на-Эвоне, сделался лондонским актером, а затем — лучшим драматургом своего времени (как впоследствии оказалось, и всех других времен). Свои сонеты, видимо, не предназначал для печати, они были известны лишь узкому кругу друзей. Кто из них передал список сонетов книгоиздателю — неизвестно, но мы должны быть благодарны ему за то, что эти поэтические шедевры не погибли для потомства.

Стр. 55. *«Измучась всем, я умереть хочу...»* — Прославленный сонет перекликается со знаменитым монологом Гамлета «Быть или не быть...».

Джонн Донн (1572—1631) — ярчайшая фигура позднего Возрождения, ему принадлежат поэмы, элегии, сатиры, сонеты, обширная любовная лирика. Донн открыл новые пути для английской поэзии XVII столетия. Отличительная его черта — склонность к самоуглублению и самопознанию, что особенно проявляется в философской и любовной лирике. Донну принадлежат слова: «Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Эту цитату Э. Хемингуэй поставил эпиграфом к роману «По ком звонит колокол».

Стр. 59. *«Штиль».*— В эпоху Возрождения распространенным явлением

была стихотворная переписка между поэтами. В этом послании к другу Донн описывает свое участие в морской экспедиции (1597), шторм, случившийся в пути, а затем — мертвый штиль в районе Азорских островов.

Мы думали, что Аист — наш тиран...— Имеется в виду античная басня о лягушках, которым Юпитер поставил в цари деревянный Чурбан. Лягушки возроптали, и тогда Юпитер послал им Цаплю, которая стала пожирать своих подданных.

Джон Мильтон (1608—1674) — поэт, публицист, общественный деятель периода Английской буржуазной революции XVII века, личный секретарь О. Кромвеля. В старости, потеряв зрение, создал (продиктовал дочери) самые знаменитые свои поэмы — «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), в которых аллегорически отразил революционные события. Образ Сатаны, восставшего против Бога, оказал воздействие на многие титанические образы романтической поэзии, вплоть до лермонтовского Демона.

Джонатан Свифт (1667—1745) — поэт, писатель, публицист, автор «Путешествий Гулливера», один из самых блестящих сатириков в мировой литературе. Выступал с острыми памфлетами в защиту ирландского народа (он долгие годы жил в этой порабощенной англичанами стране), обличал порочность британской системы власти.

Стр. 61. *«Басня о Мидасе».*— Поэт использовал древнегреческий миф о царе Мидасе, получившем от богов дар превращать все, чего он ни коснется, в золото.

Пан — в древнегреческой мифологии бог лесов, изобретатель свирели.

Аполлон — в древнегреческой мифологии бог солнца и поэзии, играющий на кифаре, отсюда — Кифаред.

Томас Грей (1716—1771).— Славу поэта составила элегия «Сельское кладбище» (1751), в которой нашли отражение демократические симпатии автора. С перевода этой элегии в 1802 году начался поэтический путь В. А. Жуковского.

Шестистопный ямб, которым выполнен перевод, вполне интонационно соответствует пятистопному ямбу оригинала. В последние годы жизни (в 1839 году) Жуковский выполнил еще один перевод этого стихотворения — без рифм, гекзаметром.

Джеймс Макферсон (1736—1796) — шотландский поэт, издатель «Сочинений Оссиана», якобы созданных древним шотландским бардом. В дальнейшем оказалось, что ссылки Макферсона на старинные рукописи и фольклорные записи носят характер мистификации и все «песни Оссиана» сочинены им самим. Однако Оссианом успели увлечься многие, в том числе у нас в России — Пушкин, Веневитинов, Полежаев и другие.

Уильям Блейк (1757—1827) — поэт, талантливый рисовальщик и

гравер, иллюстрировавший многие свои произведения. При жизни критики считали поэта беспомощным дилетантом, чудаком. Теперь его творчество рассматривается как одна из вершин английской поэзии. Особенно известны его циклы: «Песни неведения» (1789) и «Песни опыта» (1794). Оттуда и взято большинство произведений, вошедших в наше издание.

В России имя Блейка известно давно. Первая заметка о творчестве поэта появилась в журнале «Телескоп» в 1834 году. Первые переводы из Блейка сделаны К. Бальмонтом в 1900 году, позднее он написал статью «Праотец современных символистов», в которой размышлял о своеобразии поэзии У. Блейка.

Роберт Бернс (1759—1796) — истинно народный поэт Шотландии, проживший недолгую жизнь, полную тревог и бед, воспевший сельский труд, простые деревенские радости, «честную бедность», дружбу и любовь.

Как вспоминал П. Лафарг, Бернс был одним из любимых поэтов К. Маркса.

Переводы из Бернса, наряду с переводами из Шекспира и Блейка, относятся к числу высших переводческих достижений С. Маршака.

Стр. 75. *«Дерево Свободы»* — отклик Бернса на события Великой французской революции (1789—1794).

Уильям Вордсворт (1770—1850) — виднейший из поэтов так называемой «озерной школы», получившей название по Озерному краю севера Англии, где жили Вордсворт и некоторые из его друзей. В 1798 году совместно с С. Кольриджем издал «Лирические баллады», этапную книгу в истории английского романтизма. Высокому стилю классицизма Вордсворт противопоставил нарочитую простоту своих стихов, обыденные сюжеты. Вордсворт привлек внимание А. С. Пушкина, посвятившего ему четверостишие в своем известном сонете о сонете («Суровый Дант не презирал сонета...»).

Роберт Саути (1774—1843) — поэт «озерной школы». Глубокое впечатление на формирование бунтарско-демократических настроений молодого Саути оказала Великая французская революция. Откликом на это событие стала его драма «Уот Тайлер» (1794), сюжетом которой послужили события английской истории. Однако уже в том же году им вместе с Кольриджем была написана антиякобинская пьеса «Падение Робеспьера». Позднее поэт обнаружил склонность к мистике и религиозному морализаторству.

Лучшее в его творчестве — баллады, стилизованные под народное искусство средневековья. Таков «Суд божий над епископом», вошедший в наше издание.

Томас Мур (1779—1852) — ирландский поэт-романтик, один из «самых стойких патриотов Ирландии», по выражению Байрона, «мелодичнейший лирик», по словам Шелли.

Поэт писал о себе: «Единственное, что действительно способствовало моему духовному росту и возмужанию,— это могущественные политические страсти, которые кипели вокруг меня, когда я был еще подростком, и возбуждали во мне самый пылкий и глубокий интерес».

Самое известное произведение поэта — «Ирландские мелодии» (1808—1834), цикл стихотворений, посвященных мужеству и стойкости ирландцев в борьбе за национальную независимость. «Я искренне убежден в том, что «Ирландские мелодии» — это единственное творение моего пера, слава которого... намного переживет наши дни»,— писал Т. Мур.

Успех «Ирландских мелодий» был велик: многие из них превратились в народные песни.

На русском языке произведения Мура начали публиковаться в 20-е годы прошлого столетия. Среди переводчиков — В. Жуковский, М. Лермонтов, И. Козлов, А. Фет, М. Михайлов, А. Плещеев.

«Мир вам, почившие братья!» — Перевод стихотворения выполнен М. Л. Михайловым (1829—1865), поэтом-революционером, погибшим в сибирской ссылке, к которой был приговорен в 1861 году. Перевод долгие годы публиковался анонимно.

Стр. 86. *«Вечерний звон».*— Стихотворение перевел поэт И. И. Козлов (1779—1840) в 1828 году, оно стало русской народной песней.

Джордж Гордон Ноэль Байрон (1788—1824) — поэт-романтик, чей громадный талант и яркая самобытность поразили современников и вызвали широкую волну подражаний.

Опубликовав в 1812 году первые песни своей поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», Байрон, по его словам, на другое утро «проснулся знаменитым». В последующие годы поэт создал целый ряд романтических поэм, в том числе «Гяур», «Корсар» и «Шильонский узник». Байрону-сатирику принадлежит много произведений, бичующих реакционные правительства Европы, английское высшее общество, мракобесов и лицемеров всех мастей. Обе струи его творчества, романтическая и сатирическая, слились в поэме «Дон-Жуан».

Поэт горячо поддерживал революционное движение в Европе, участвовал в итальянском движении карбонариев, в войне греков против османского ига. Он скончался от лихорадки в Миссолонгах, в рядах греческой повстанческой армии.

Байрон ввел в литературу образ одинокого, гордого и мятежного бунтаря, восстающего против всяческих оков и тирании. Под обаянием этого героя были в молодости и Пушкин и Лермонтов.

Стр. 95. *«Стансы к Августе»* — обращены к сводной сестре и верному другу поэта Августе Ли.

Перси Биши Шелли (1792—1822) — поэт-романтик, теоретик искусства поэзии, друг Байрона. С юных лет подвергался нападкам и клевете за атеизм и увлечение революционными идеями. Последние годы жизни провел в Италии. Из крупных произведений поэта самое знаменитое — драма в стихах «Прометей освобожденный». Шелли принадлежит также замечательный трактат «Защита поэзии».

Стр. 98. *«Мужам Англии».*— Стихотворение стало песней английских рабочих.

Стр. 99. *«Ода Западному Ветру»* — ода Ветру — «творцу и разрушителю», в конечном счете — Ветру обновления.

Джон Китс (1795—1821) — лирик, представлявший левое, демократическое крыло английского романтизма; умер от туберкулеза в 25 лет. Писал о радости жизни, о полноте земного бытия, о красоте природы и искусства. Автор нескольких десятков первоклассных сонетов, замечательных од, поэм «Эндимион», «Изабелла», «Канун святой Агнессы», «Гиперион». Поэт соединял в себе и вдохновенное, «моцартовское» начало, и стремление к рациональному познанию жизни.

Стр. 103. *«Прекрасное пленяет навсегда...»* — отрывок из поэмы «Эндимион».

Стр. 104. *«Она беспечно с братьями жила...»* — отрывок из поэмы «Изабелла». Бернард Шоу так сказал об этой поэме: «Если вообразить, что Карл Маркс писал бы поэму, а не трактат о капитале, то он написал бы «Изабеллу». Грандиозный обвинительный акт против эксплуататоров... вкратце заключен уже здесь».

«Ода Греческой Вазе».— Античная ваза в оде — символ нетленной красоты, идеал которой поэт находит в искусстве Древней Греции. В обращении Вазы к людям — поэтический завет Китса.

Томас Гуд (1799—1845).— Поэт был близок к рабочему движению чартистов, он автор многих юмористических и сатирических стихотворений. Особую известность приобрела его замечательная «Песня о рубашке» (1843).

Альфред Теннисон (1809—1892) — самый популярный поэт во второй половине XIX века. Продолжал традиции поэтов «озерной школы»; излюбленным жанром Теннисона была баллада. Одно из самых популярных его стихотворений — «Улисс», сюжетно связанный с «Одиссеей» Гомера. Вернувшийся из многолетних странствий Улисс (Одиссей) тяготится праздностью и покоем. Он оставляет свое царство сыну Телемаху, а сам всходит на корабль и вновь отплывает навстречу неизвестности, полный желания «бороться и искать, найти и не сдаваться».

Эти слова вдохновляли Роберта Скотта, пытавшегося покорить Южный полюс; их избрал своим девизом Саня Григорьев — герой романа В. Каверина «Два капитана».

Вильям Моррис (1834—1896) — поэт, публицист, общественный деятель. Моррис мыслил социализм как общество, где труд превратится в радость. При этом он отводил большую роль искусству как средству воспитания трудящихся масс. Вместе с Элеонорой Маркс и при поддержке Ф. Энгельса основал социалистическую лигу в Англии и социалистический журнал «Коммонвил».

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — поэт, романист, литературный критик, автор «Острова сокровищ», одной из самых популярных книг в мировой детской литературе. Прославлял мужество, дружбу, романтику дальних дорог.

Г. Кружков

ФРАНЦИЯ

Франсуа Вийон (1431 или 1432 — год и место смерти неизвестны) — один из последних поэтов средневековья и первых — Нового времени. Поэзия Вийона отвергла средневековый аскетизм, воспела радости бытия.

Стихи Ф. Вийона переводили у нас В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилев, И. Г. Эренбург и П. Г. Антокольский, написавший драматическую поэму «Франсуа Вийон».

Пьер Ронсар (1524—1585) — наиболее ярко выразил в поэзии идеи французского Возрождения. Творчество Ронсара пало на время становления Франции как единого государства, и он по праву может считаться первым национальным поэтом. Ронсар возглавил «Плеяду», содружество молодых поэтов, провозгласивших общественное назначение литературы, выступивших за обогащение поэтического языка и разработку гражданских мотивов поэзии.

Сонеты, песни и гимны Ронсара стали известны в России в переводах М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского. В наше время Ронсара переводили Ю. Н. Верховский, В. В. Левик, С. В. Шервинский, И. Г. Эренбург.

Стр. 125. *Аяксы* — два друга, герои Троянской войны в поэме Гомера «Илиада».

Нарцисс — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, который был влюблен в свое отражение в воде и умер от любви. В переносном смысле: самовлюбленный человек.

Жоакен Дю Белле (1522—1560) — поэт эпохи Возрождения, мастер сонета.

Стихи Дю Белле стали известны нашему читателю недавно благодаря переводам Ю. Н. Верховского, В. С. Давиденковой, В. В. Левика, С. В. Шервинского и И. Г. Эренбурга.

О личности Дю Белле очень интересно рассказано в статье И. Эренбурга «Поэзия Иоахима Дю Белле».

Стр. 126. *Жодель* — Жодель Этьен (1532—1573), французский поэт и драматург, член «Плеяды».

Жан Лафонтен (1621—1695) — вошел в мировую литературу прежде всего как баснописец. Сюжеты обычно заимствовал у греческого баснописца Эзопа и римского Федра, но пересказывал их на собственный лад. Басни Лафонтена высмеивают высокомерие дворян, ханжество и алчность монахов. Его симпатии неизменно обращены к труженикам.

Одним из первых переводчиков басен Лафонтена был М. В. Ломоносов. Замечательный русский баснописец И. А. Крылов продолжил традицию Лафонтена.

Вольтер (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — философ, прозаик, драматург, лирик, сыгравший огромную роль в развитии европейской

общественной мысли XVIII—XIX вв. Остроумная шутка, трезвый, иронический взгляд — характерные черты поэзии Вольтера.

Еще при жизни Вольтера его личность вызывала в России живейший интерес, многократно издавались его произведения. Первыми переводчиками были М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир и А. Н. Радищев. Большой интерес к творчеству Вольтера проявлял А. С. Пушкин, некоторые из пушкинских переводов вошли в наше издание.

Стр. 128. *Лаиса* — известная своей красотой женщина, жившая в Коринфе в 5 в. до н. э.

Хариты — в греческой мифологии богини радости, красоты и прелести.

Эварист Парни (1753—1814).— Глубокий лиризм и изящность формы в поэзии Парни привлекли к себе внимание многих русских поэтов XIX века: Д. В. Давыдова, А. А. Бестужева-Марлинского, Е. А. Баратынского. Известны переводы Парни, принадлежащие перу молодого Пушкина. Особое влияние любовная лирика Парни оказала на творчество К. Н. Батюшкова, которого называли русским Парни.

Руже де Лиль (1760—1836).— Автор прославленной «Марсельезы» был капитаном саперных частей Рейнской армии. В 1792 году, когда Франция объявила войну австрийской империи, сочинил слова и музыку «Боевой песни Рейнской армии». Она стала гимном марсельского батальона, отсюда ее название «Марсельеза».

В период Реставрации (1815—1830), когда к власти вновь вернулась свергнутая народом в годы Великой французской революции (1789—1794) династия Бурбонов, «Марсельеза» была запрещена. Потом она стала государственным гимном республиканской Франции.

В Россию «Марсельеза» попала в последние годы XVIII века и стала популярной в прогрессивных, революционно мыслящих кругах русского общества. Первый вольный перевод «Марсельезы» был напечатан в нелегально изданном Н. П. Огаревым сборнике «Свободные русские песни» (1868) под названием «Ослушная песнь». Так началась традиция русских переделок «Марсельезы». Из них наибольшую популярность получили подтекстовка под мелодию «Марсельезы» стихотворения А. Н. Плещеева «Вперед, без страха и сомненья» и «Отречемся от старого мира» П. П. Лаврова.

Андре Шенье (1762—1794) — поэт, публицист, предвосхитивший своим творчеством романтическое направление французской поэзии. Воспитанный на идеях просветителей, Шенье на первых этапах Великой французской революции приветствовал ее, но когда к власти пришли якобинцы, примкнул к врагам революции и был гильотинирован.

Знаток античности, приверженец культа природы и красоты, Шенье, сочиняя идиллии, дидактические поэмы и политические стихи, черпал образы и формы своей лирики у древних. Как писал А. С. Пушкин, этот «певец любви, дубрав и мира» стремился «о новом петь античными стихами».

К стихам Шенье обращались многие русские поэты. Увлечение его поэзией пережил А. С. Пушкин. Он перевел две элегии Шенье и написал стихотворение «Андрей Шенье» (1825), изображавшее поэта в день казни.

Много стихов Шенье было переведено Е. А. Баратынским, В. Г. Бенедиктовым, М. Ю. Лермонтовым, А. Н. Майковым, А. К. Толстым, В. Я. Брюсовым, В. А. Рождественским, С. В. Шервинским.

Стр. 134. *Веспер* — божество вечерней звезды в древнеримской мифологии.

Ринальд, Годфред, Эрминия — персонажи поэмы «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо.

Антуан Венсан Арно (1766—1834) — поэт, драматург, критик. Был изгнан из Франции в период возвращения к власти Бурбонов. Вдали от родины им и было написано стихотворение «Листок» (1815), где образ гонимого ветром листка может быть отождествлен с образом поэта-изгнанника.

«Листок» Арно увлек В. А. Жуковского, Д. В. Давыдова, В. Л. Пушкина, В. Я. Брюсова, которые переводили его на русский язык.

К Д. В. Давыдову обращено приветственное четверостишие Арно, первые строки которого «Тебе, певец, тебе, герой» в свою очередь использовал А. С. Пушкин в послании Давыдову.

Ощутимы следы влияния Арно в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дубовый листок оторвался от ветки родимой».

Пьер Жан Беранже (1780—1857) — поэт-песенник, с полным правом назвавший себя «певцом парижской нищеты», а свою музу — «дочерью народа».

Великая французская революция оказала огромное влияние на мировоззрение и творчество поэта. Он стал убежденным демократом, и в песнях его отчетливо зазвучали социальные мотивы. В годы возвращения Бурбонов к власти поэт предал позору всю политическую систему Реставрации. Его песни отмечены острой антидворянской направленностью.

Имя Беранже стало известно в нашей стране в 20—30-е гг. XIX века. В. Г. Белинский отмечал глубоко народный и подлинно национальный характер его песен, их общественно значимое содержание: «Вся сущность национального духа Франции высказалась в песнях Беранже, в самой оригинальной, самой французской и притом в роскошно-поэтической форме». И затем: «У него политика — поэзия, а поэзия — политика, у него жизнь — поэзия, а поэзия — жизнь».

Наибольшей популярности в России творчество Беранже достигло в 60-е годы прошлого века, когда появились переводы поэта В. С. Курочкина, одного из руководителей общества «Земля и воля» и основателя сатирического журнала «Искра». Он перевел около 90 песен Беранже. Порой В. С. Курочкин вводил в тексты песен намеки на факты политической жизни России; иногда, применяясь к цензурным условиям, смягчал антимонархические и антицерковные акценты Беранже.

Среди лучших дореволюционных переводчиков Беранже нужно назвать и поэта-революционера М. Л. Михайлова. Его переводы публиковались с 90-х годов и полностью были изданы лишь после Октябрьской революции.

Положенные на музыку А. С. Даргомыжским, Ц. А. Кюи, А. А. Алябьевым, песни Беранже стали популярными русскими романсами.

Стр. 137. *Король Ивето* — добрый король, персонаж средневековой легенды.

Стр. 138. *...расширять не думал царства...* — намек на бесконечные захватнические войны Наполеона I.

Стр. 139. *Диоген Синопский* (ок. 400 — ок. 325 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, проповедовал аскетизм.

Стр. 140. *Капуцины* — члены католического монашеского ордена.

Вертоград — плодовый сад, виноградник.

Стр. 141. *«Четырнадцатое июля».*— Стихотворение посвящено годовщине взятия Бастилии 14 июля 1789 г.

«Карманьола» — народная революционная песня, сложенная в 1792 году.

Стр. 142. *Лафайет Мари Жозеф* (1757—1834) — маркиз, политический деятель, в начале Великой французской революции командовал Национальной гвардией.

И на триумф Равенство приглашает.— «Свобода, Равенство и Братство» — лозунг Великой французской революции.

Мирабо Оноре Габриэль (1749—1791) — политический деятель первого этапа Великой французской революции.

«Декларация прав человека и гражданина» — программный документ Великой французской революции, провозгласивший ее основные принципы и принятый Национальным собранием Франции.

Стр. 145. *«Нищая».*— Перевод одного из остросоциальных стихотворений Беранже выполнен Д. Т. Ленским (Воробьевым) (1805—1860) — актером и драматургом; он автор водевиля «Лев Гурыч Синичкин». Романс А. А. Алябьева на слова стихотворения «Нищая» неизменно был в репертуаре многих известных русских певцов. Исполняется и в наши дни.

Альфонс де Ламартин (1790—1869) — поэт-романтик, для стихов которого характерны мечтательная созерцательность и лиризм; они полны размышлений о любви, вечности, жизни и смерти. Излюбленный жанр Ламартина — элегия.

Стихи Ламартина очень любил Ф. И. Тютчев. В начале 1820-х годов он перевел стихотворение «Одиночество», а в 1848 году написал стихи «Как он любил родные ели», посвященные Ламартину.

Стр. 147. *Гебен* — так поэт называет эбеновое (черное) дерево.

Виктор Гюго (1802—1885) — крупнейший представитель романтического направления во французской литературе.

Его пьесы («Марион де Лорм», «Эрнани», «Рюи Блаз») положили начало французской романтической драматургии, его предисловие к драме «Кромвель» стало манифестом демократического крыла французских романтиков. Романы («Собор Парижской богоматери», «Отверженные», «Труженики моря», «Человек,

который смеется») проникнуты глубоким сочувствием к народу. Так же глубоко романтичны по форме и демократичны по сути его поэтические произведения.

Расцвет поэтического творчества Гюго пал на 1830-е годы. «Осенние листья», «Песни сумерек», «Внутренние голоса», «Лучи и тени» и другие сборники стихотворений отразили философские, политические и нравственные искания поэта.

С годами социальная действительность все более активно вторгалась в творчество Гюго. Мотивы интимной лирики, зарисовки природы, печальные раздумья о судьбах бытия уступили место картинам общественной жизни, а героями поэта стали люди из народа.

Образцом гражданской лирики Гюго можно считать стихотворение «Писано в 1853», в котором поэт заклеймил позором Наполеона III и реакционную буржуазию, предавшую интересы Отечества.

Франко-прусская война (1870—1871) и события Парижской коммуны (1871) легли в основу стихов Гюго, вошедших в сборник «Грозный год» (1872).

Личность Гюго, его общественная деятельность, нравственные принципы, которые он отстаивал в жизни и проповедовал в своих произведениях, всегда вызывали глубокий интерес и уважение у прогрессивной общественности России. А. И. Герцен называл Гюго «пышной великой личностью». «Это один из самых близких мне писателей»,— признавался Л. Н. Толстой.

Огюст Барбье (1805—1882) — поэт-трибун. Публикуемый в данном издании «Пролог» — это вступление к его знаменитому сборнику революционных стихов «Ямбы» (1831). Творчество поэта было с интересом воспринято в России.

М. Ю. Лермонтов и А. Н. Плещеев использовали строки Барбье в качестве эпиграфов к своим произведениям.

Альфред де Мюссе (1810—1857) — поэт, драматург и романист. Поэтические произведения создавались им в строгом соответствии с канонами романтической эстетики: экзотический сюжет, красочные описания природы, роковая любовь и ненависть.

Поэт тяжело воспринял поражение июльской революции 1830 года. В его стихах все чаще ощущались грустные мотивы безысходности и одиночества.

Известны высокие оценки его произведений А. С. Пушкиным, Л. Н. Толстым и А. М. Горьким.

Теофиль Готье (1811—1872) — прозаик, критик, поэт. Поначалу выступал в романтических традициях, позже примкнул к поэтам группы «Парнас», декларировавшим реакционную теорию «искусства для искусства» и придававшим исключительное значение форме своих произведений. По-видимому, именно пластичность и чеканность стиха Готье привлекла В. Я. Брюсова, много переводившего поэта.

Эжен Потье (1816—1887) — создатель пролетарского гимна «Интернационал».

Был активным участником революции 1848 года, признанный глава поэтов Парижской коммуны, после поражения которой жил за пределами родины.

«Интернационал», прославивший его имя, Потье написал в июне 1871 года, впервые опубликовал в 1887 году в сборнике «Революционные песни», изданном на средства коммунаров. В 1888 году рабочий Пьер Дегейтер сочинил к стихотворению музыку. Впервые «Интернационал» публично исполнялся 23 июня 1888 года хором лилльских рабочих.

В 1902 году в социал-демократическом журнале «Жизнь» появился вольный перевод «Интернационала» молодого русского революционера Аркадия Коца; с 1906 года он считался гимном русских социал-демократов. После победы Октябрьской революции «Интериационал» стал государственным гимном нашей страны. С 1944 года — партийный гимн КПСС и многих других коммунистических и рабочих партий мира.

К 25-летию со дня смерти поэта В. И. Ленин написал статью «Эжен Потье», в которой отметил неоценимое значение «Интернационала»: «Рабочие всех стран подхватили песню своего передового борца, пролетария-поэта, и сделали из этой песни всемирную пролетарскую песнь».

Шарль Леконт де Лиль (1818—1894) — поэт, участник революции 1848 года, поражение которой воспринял болезненно. В творчестве был верен классическим формам французского стиха. Его поэзию отличает живописность и пластичность образов, тщательная стилистическая законченность.

Жозе-Мария де Эредиа (1842—1905) — один из наиболее ярких представителей парнасской поэтической школы. Излюбленный жанр поэта — сонет, большей частью описательный. Сонеты Эредиа отмечены закончеиностью стиля и живописностью словесного образа. Поэзией Эредиа были очень увлечены В. Я. Брюсов и М. А. Волошин, вдохновенно переводившие его стихи.

Стр. 169. *Антоний* Марк (ок. 83—30 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец.

Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев.

Саис — город в Египте.

Стр. 170. *Ponte Vecchio* (Старый Мост) — мост во Флоренции, на котором расположено множество мелких лавок и ювелирных мастерских.

Шарль Бодлер (1821—1867) — лирик, один из предшественников символизма во французской литературе, глава так называемой группы «проклятых поэтов».

Сохранив верность традиционной стройности и ритмичности французского стиха, Бодлер внес в свои произведения темы и образы, до того незнакомые французской литературе. Отвращение к пошлости буржуазной действительности привело его к культу индивидуализма и анархическому бунту. Сборник «Цветы зла» (1857), отличающийся замечательным мастерством стиха, вызвал даже судебное преследование поэта за «попрание» общественной морали.

Стихи Бодлера стали известны в нашей стране еще в конце прошлого века. Наибольший интерес представляют переводы революционера-народника П. Ф. Якубовича, бóльшая их часть сделана в годы заключения в Петропавловской крепости и на каторге. «Бодлер явился для меня в те трудные годы другом и утешителем, и я, со своей стороны, отдал ему много лучшей сердечной крови»,— вспоминал впоследствии Якубович. Полностью «Цветы зла» Бодлера в переводе Якубовича были опубликованы в 1909 году.

Арман Сюлли-Прюдом (1839—1907).— Стихи Сюлли-Прюдома отличаются безупречной формой, живописностью изображения, тонкой поэтичностью и искренностью.

Наибольшую известность в нашей стране получило стихотворение «Разбитая ваза» в переводе А. Н. Апухтина. Положенное на музыку композитором А. С. Аренским, оно стало популярным русским романсом.

Поль Верлен (1844—1896) — общепризнанный глава символистского направления во французской литературе с его уходом от реальной действительности, неприятием ее, пренебрежением социальной тематикой и в то же время с глубоким, искренним лиризмом.

Поэзия Верлена необычайно тонка, чувствительна и музыкальна. Она повлияла на формирование эстетических принципов и само творчество многих русских поэтов-символистов, в том числе А. А. Блока, В. Я. Брюсова и Ф. К. Сологуба.

Первыми переводчиками Верлена были В. Я. Брюсов и Ф. К. Сологуб. Как отмечал Брюсов, Сологубу «удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова пересоздать на другом языке, так что они кажутся оригинальными произведениями русского поэта, оставаясь очень близкими к французскому подлиннику».

Артюр Рембо (1854—1891).— Поэзия Рембо весьма оригинальна, она повлияла на все дальнейшее развитие французской поэзии.

Гимном героям Парижской коммуны стали многие стихи Рембо, и первое среди них — «Руки Жан-Мари». Само его название — это перестановка букв в имени «Марианна», так в народе звали Республику. Последние строки стихотворения, о закованных в кандалы руках Жан-Мари, звучали скорбным напоминанием о расправе с коммунарами.

После поражения Коммуны в творчестве Рембо появились мотивы одиночества, бессилия человека в окружающем мире, бессмысленности его существования. Позднее поэт совсем оставил занятия литературой.

Мятежная по сути и новаторская по стилю, поэзия Рембо была очень популярна среди многих русских поэтов конца XIX—начала XX в.

Ю. Кондратьева

БЕЛЬГИЯ

Эмиль Верхарн (1855—1916) — выдающийся поэт и драматург; как и большинство бельгийских писателей, писал на французском языке.

Творчеству Верхарна оказались наиболее близки традиции прогрессивного романтизма. Вслед за Гюго он как величайшие ценности провозгласил Свободу, Человека, Разум и Труд.

Социальные мотивы поэзии Верхарна, ее гражданственность, своеобразная манера «свободного стиха» оказали влияние на русскую поэзию, в частности на творчество В. Я. Брюсова, ставшего страстным пропагандистом Верхарна в России. Одна из его статей, посвященных замечательному бельгийскому поэту, называлась «Данте современности». «Верхарн — весь в будущем; он стремится угадать то, что только наступает, во всем ловит первые проблески того, что осуществится в полноте только после нас»,— писал В. Брюсов.

Он сделал достоянием русского читателя большинство стихов Верхарна, очень тонко передав своеобразие стиля и языка бельгийского поэта. А. А. Блок, тоже не раз переводивший Верхарна, писал: «Переводы Брюсова передают силу, и грубость, и страстность, и нежность того «свободного стиха», создателем которого считают Верхарна».

Стихи Верхарна переводил также М. А. Волошин, посвятивший поэту книгу «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы».

Ю. Кондратьева

ГЕРМАНИЯ

Поэзия вагантов.

Ваганты (от латинского «vagantes» — «бродячие») — поэты средневековья, по большей части безымянные, слагавшие стихи и песни на народной латыни. Были выходцами из неимущих городских низов (студенты, беглые священники); их виртуозная по форме поэзия обличала лицемерие и жадность церковников, прославляла любовь и земные радости. Расцвет их поэзии пришелся на XII—XIII вв. Выдающимся памятником поэзии вагантов является знаменитый рукописный сборник «Бейернские песни», созданный в XIII веке и найденный в XIX веке. Гонимые церковью, ваганты были предшественниками литературы Возрождения.

Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 — ок. 1230) — великий поэт средневековья, мастер миннезанга — рыцарской лирики. Стихи поэта подкупают свежестью и силой чувства; вопреки традициям миннезанга, они обращены к девушке из народа. В стихотворных изречениях (шпрухах) поэт едко обличал жадность и своекорыстие папского двора, в эпоху жестоких феодальных розней призывал к объединению немецких земель.

Ганс Сакс (1494—1576) — поэт и драматург, происходил из семьи ремесленников, всю жизнь занимался сапожным ремеслом. Стихи и песни поэта,

его шванки (побасенки) и знаменитые «масленичные пьесы» («Школяр в раю», 1550; «Конокрад из Фюнэингена», 1553) насыщены фольклорными мотивами. Г. Сакс оставил богатейшее литературное наследие (около 6 тысяч произведений); поэт бичевал спесь дворян, пороки духовенства, его жадность и продажность. Очень популярное в XV—XVI вв., творчество поэта затем было забыто. Сакса вновь «открыли» в XIX веке. Молодой Гете увлекался поэзией Г. Сакса, влияние которого ощутимо в народных сценах «Фауста». Обширное дидактическое стихотворение «О Виттенбергском соловье» печатается здесь в отрывках. *«Виттенбергский соловей»* — Мартин Лютер (1483—1546), в то время профессор богословия в Виттенберге. В 1517 году он прибил к порталу Виттенбергского собора свои знаменитые тезисы, гневно обличавшие торговлю отпущением грехов и всяческие злоупотребления римской церкви.

Пауль Флеминг (1609—1640) — талантливый поэт; вместе с немецким путешественником Адамом Олеарием совершил путешествие в Москву (1633—1634); несколько его стихотворений посвящены России.

Андреас Грифиус (1616—1664) — с большой трагической силой выразил страдания родины, поруганной и опустошенной в годы Тридцатилетней войны (1618—1648). Наиболее известны его сборники: «Сонеты», «Воскресные и праздничные сонеты», «Сонеты Андреаса Грифиуса». Стихи Грифиуса отличаются сложностью образов и тяготеют к гражданским и философским темам. В 1637 году получил почетный титул «поэта-лауреата».

Готфрид Август Бюргер (1747—1794) — яркий выразитель демократических тенденций в литературном течении «Буря и натиск», убежденный враг феодального произвола. Не раз призывал солдат не воевать за интересы князей. Одним из первых немецких поэтов обратился к изучению фольклора. Фольклорная основа ясно ощутима в балладах Бюргера.

В России его баллады, особенно «Ленора» (1773), пользовались большой популярностью и повлияли на создание русской романтической баллады. В. А. Жуковский писал о «привлекательной простонародности Бюргерова языка». О «славной Биргеровой Леноре» с уважением отзывались в своих статьях А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов. Были созданы три поэтических версии «Леноры». Две из них (в элегическом духе) принадлежат В. А. Жуковскому. Это «Людмила» (1808) и «Ленора» (1831). Третья, «Ольга» (1817),— П. А. Катенину.

Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832) — гениальный поэт и мыслитель, чье творчество является вершиной немецкой классической литературы. Родился во Франкфурте-на-Майне, в семье, принадлежавшей к городскому патрициату. Изучал право в Лейпцигском университете, где в это время учился и А. Н. Радищев. Вскоре стал главой группы молодых писателей «Буря и натиск». В эту пору в творчестве Гете преобладали вольнолюбивые и даже бунтарские мотивы (стихи, роман «Страдания молодого Вертера», 1774). В 1775 году Гете навсегда поселился в Веймаре. Для зрелого творчества Гете большое значение

имело его сближение с Фридрихом Шиллером. Период «веймарского классицизма» ознаменован глубоким интересом к античности (драма «Ифигения в Тавриде», 1787). Мудростью и философским осмыслением жизни отмечено позднее творчество Гете (двухтомный роман о Вильгельме Мейстере (1795—1829) и трагедия «Фауст» (1808—1832)).

Еще при жизни Гете Веймар стал местом паломничества многих выдающихся людей Европы, в том числе и русских писателей и художников. Избранный членом Петербургской Академии наук, Гете проявлял глубокий интерес к России и ее культуре.

Переводы В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, И. С. Тургенева, А. А. Фета, М. Л. Михайлова, В. Я. Брюсова, Б. Л. Пастернака, В. В. Левика и других поэтов сделали творчество Гете живым достоянием русской литературы. Образ Гете запечатлен во многих стихах русских поэтов.

«Я зову сердца внемлю!»
(1767—1778)

Стр. 208. Раздел озаглавлен по первой строчке стихотворения «Свидание и разлука», наиболее ярко характеризующего творчество Гете периода «Бури и натиска».

Стр. 211. *«Дикая роза»*.— Стихотворение восходит к народной песне. Старший друг Гете, Иоганн Готфрид Гердер, с которым он познакомился в Страсбурге, был первым собирателем и пропагандистом народных песен в Германии. Под влиянием Гердера Гете заинтересовался народными песнями и даже сам записывал их в прилегающих к Страсбургу деревнях. Образ розы в стихотворении (как и в его народном варианте) — это образ девушки.

«Мальчик с сурком» — песенка из ранней пьесы Гете «Ярмарка в Плундерсвейлерне». Широко известна благодаря музыке, написанной на эти слова Бетховеном.

«Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом!»
(1780 —1829)

Стр. 213. Заглавие раздела — цитата из стихотворения «Впуск».

«Ночная песнь странника» — написана в сентябре 1780 года карандашом на деревянной стене лесного домика близ Ильменау. Стихотворение весьма характерно для веймарского периода: оно сочетает конкретность образа с философской обобщенностью. Это и картина ночной природы, и выражение успокоения, примирения, душевного равновесия. Сохранился трогательный рассказ о том, что поэт посетил этот домик спустя пятьдесят один год и сквозь слезы вслух произнес последние строки стихотворения; это было за полгода до его смерти.

Баллады

Стр. 215. *«Лесной царь»* — написан в 1782 году. Основой сюжета послужил перевод Гердером датской народной баллады «Дочери короля эльфов».

Стр. 216. *«Певец»*.— Баллада создана в 1783 году и первоначально включа-

лась в текст романа «Театральное призвание Вильгельма Мейстера». Начальные слова пятой строфы «На божьей воле я пою, как птичка в поднебесье» нередко трактовались критиками неверно: Гете приписывался взгляд на поэта как на существо, далекое от будничных забот и не подчиненное никаким требованиям дня. Между тем идея «чистого искусства» была чужда Гете

Стр. 217. *«Крысолов».*— В основу баллады (1802—1803) также положена старинная немецкая легенда.

Из «Западно-восточного дивана»

Стр. 217. Большой цикл стихотворений, состоит из двенадцати книг. Это вершина поэтического творчества позднего Гете. Создавался на протяжении нескольких лет (1814—1820). Созданию «Дивана» (в классических литературах Ближнего и Среднего Востока так назывались сборники стихотворений) предшествовало увлечение культурой Востока, в особенности творчеством великого персидского поэта Хафиза, стихи которого есть в нашем издании.

Стр. 218. Из *«Эгмонта».*— Драма возникла еще в годы «Бури и натиска», до переезда в Веймар, но завершена в Риме, в ноябре 1787 года. Образ Клерхен, девушки из народа, пытавшейся поднять народ на восстание,— один из немногих героических женских образов в творчестве Гете. Музыка к драме «Эгмонт» написана Л. Бетховеном.

Стр. 219. Из романа *«Театральное призвание Вильгельма Мейстера».*— Гете начал работу над романом в 1777 году, в 1790 году вернулся к своему герою и написал роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», использовав часть материала первого романа. На склоне лет Гете написал «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829).

Стихотворением «Ты знаешь край...» (1783) начинается четвертая книга «Театрального призвания Вильгельма Мейстера», где оно вложено в уста странного, загадочного существа — девочки Миньоны, которая случайно оказалась в труппе актеров. О своей судьбе и родителях она не помнила или не хотела рассказывать. Об исполнении песни в романе говорится так:

«Каждый стих она начинала торжественно и важно, словно хотела обратить внимание на нечто необычайное, словно собиралась сообщить нечто значительное. С третьей строчки пение становилось глуше и мрачнее. «Ты знаешь их» она выговаривала таинственно и вдумчиво. В словах «Туда, туда» слышалась неодолимая тоска, а слова «умчаться б нам», повторяя, она так варьировала, что они звучали то с мольбой и настойчиво, то увлекали вдаль, словно что-то обещая...

— Это, конечно, Италия,— отвечал Вильгельм.— Где ты научилась этой песне?

— Италия,— многозначительно произнесла Миньона.— Если ты поедешь в Италию, возьми меня с собой, я мерзну здесь».

Стихотворение выражает, конечно, тоску самого поэта по Италии: он «мерз здесь» не меньше своей героини и через три года покинул Веймар. В более широком и обобщенном смысле — это тоска поэта по идеалу, выражение его новых художественных исканий, в которых нормой и образцом выступает античное (классическое) искусство.

Стр. 221. *«Фауст»*.— Философская трагедия «Фауст» приковывает к себе внимание читателя богатством идей и великолепным драматургическим мастерством автора. «Фауст» стал выдающимся памятником немецкой поэзии.

Поэтические достоинства «Фауста» по-разному раскрываются и в философских монологах заглавного героя, и в остроумных речах Мефистофеля, и в лирической — то нежной и взволнованной, то трагической — тональности речей Маргариты. Для каждой сцены Гете находил наиболее выразительные формы и для каждого участника — свой ритмический рисунок.

На русском языке имеется более двадцати переводов первой части, семь переводов второй и большое число переведенных отдельных сцен и отрывков.

Проверку временем выдержали только два перевода: Н. Холодковского (более точного) и Б. Пастернака (более поэтичного). В этих переводах и публикуется в наше время великое творение Гете.

Фридрих Шиллер (1759—1805) — основоположник немецкой классической литературы, теоретик искусства немецкого Просвещения, друг Гете. В мировую литературу вошел как гениальный драматург и поэт, автор драм: «Разбойники» (1781), «Коварство и любовь» (1784), «Дон Карлос» (1787), «Мария Стюарт» (1801), «Вильгельм Телль» (1804) — и баллад: «Кубок» (1797), «Перчатка» (1797), «Ивиковы журавли» (1797), «Торжество победителей» (1803) и др.

В России имя Шиллера стало известно в 1793 году, когда первая его драма «Разбойники» была переведена, а затем сыграна воспитанниками Благородного пансиона при Московском университете.

При имени Шиллера в памяти русского читателя сразу всплывают известные пушкинские строки из стихотворения «19 октября». За два месяца до восстания декабристов опальный поэт, обращаясь к Вильгельму Кюхельбекеру, который заразил его своей любовью к Шиллеру, писал:

Я жду тебя, мой запоздалый друг,—
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Имя немецкого поэта включено Пушкиным в перечень самых заветных тем, которые волновали в то время умы передовых русских людей.

Герой романа «Евгений Онегин» Владимир Ленский перед дуэлью «при свечке Шиллера открыл». Это многое объясняет в поступках неисправимого романтика: Ленский воспринимал окружающее с шиллеровской бескомпромиссностью, накануне гибели он словно сверял свои поступки с уроками кумира.

В декабристский период русского освободительного движения Шиллер был особенно популярен в России.

Русский читатель полюбил произведения Шиллера в переводах В. Жуковского, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Григорьева, М. Михайлова, М. Лозинского, В. Зоргенфрея, Н. Заболоцкого, Л. Гинзбурга и др.

Стр. 222. *«К радости».*— Одно из самых известных творений Шиллера (1785), обретшее мировую известность благодаря тому, что Бетховен завершил свою Девятую симфонию грандиозным хором на его текст.

Оду «К радости» русскому читателю открыл Н. М. Карамзин (1792). Свойственное ему сентименталистское мировоззрение повлияло на то, как преподнесены им заветы Шиллера. В соответствии с традициями восемнадцатого столетия Карамзин подражал избранному образцу, строго не придерживаясь деталей. Он, например, изменил заголовок, назвав свое творение «Песнью мира». Строфику оды Жуковский сохранил, а его архаизмы весьма точно передавали шиллеровский пафос.

Позже оду переводили еще много раз; в этом своеобразном поэтическом турнире участвовали Ф. Тютчев, В. Бенедиктов, К. Аксаков и М. Лозинский.

Ода «К радости» вызвала особое восхищение Ф. М. Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» Дмитрий начинает свою исповедь послушнику брату Алеше с многочисленных цитат из оды. Ему, человеку униженному, ослепленному страстью, совершившему немало беспутных поступков, шиллеровские строки помогают жить, дают веру в возможность нравственного исцеления.

Стр. 225. *«Кубок»* (в оригинале: «Водолаз»).— Сюжет баллады заимствован Шиллером из средневековых немецких легенд. Однако поэт изменил его: в легенде XII века говорилось, что пловец дважды отправлялся на дно моря из жадности и корысти. У Шиллера юноша во второй раз опустился в пучину вод во имя любви.

Стр. 229. *«Перчатка».*— В основе баллады лежит легенда о событии, якобы произошедшем при дворе французского короля Франциска I (1515—1547). Прототип героя — рыцарь Делорж, о храбрости и любовных приключениях которого сохранилось немало преданий.

Стр. 231. *«Ивиковы журавли».*— В основе баллады лежит древнегреческая легенда о певце Ивике, который был убит разбойниками, когда шел на состязание певцов в честь бога моря Посейдона. Преступление было раскрыто благодаря свидетелям-журавлям. Шиллер объясняет саморазоблачение преступников не случайностью, а силою воздействия искусства на душу человека. На убийц повлияло представление трагедии Эсхила «Эвмениды», в которой звучит хор эриний, утверждающих неотвратимость возмездия.

Клеменс Брентано (1778—1842) — поэт и прозаик. Совместно с Л. Арнимом издал трехтомное собрание народных песен «Волшебный рог мальчика» (1806—1808), высоко оцененное Гете и наряду со сказками братьев Гримм вошедшее в сокровищницу изданий немецкого фольклора. Лучшие стихи поэта посвящены родине, любимой, природе.

Адельберт Шамиссо (1781—1838) — потомок французского аристократического рода, бежавшего из революционной Франции. Вопреки традициям своей семьи стал человеком вольнолюбивых взглядов. В 1815—1818 гг. совершил кругосветное путешествие на русском бриге «Рюрик». Его «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814) получила мировую известность как шедевр философской романтической прозы. В мрачные годы Реставрации

Шамиссо был одним из немногих поэтов, сохранивших верность идеям Свободы (цикл сонетов «Взыскующим истины»). Проявлял интерес к судьбе русских декабристов, к вольнолюбивой поэзии Беранже. В некоторых его стихах, близких к бытовой зарисовке или стихотворной новелле, заметны реалистические тенденции.

Стр. 237. *«Окрасился месяц багрянцем...»* — В России эти стихи стали популярной народной песней.

Людвиг Уланд (1787—1862) — поэт, историк литературы и общественный деятель. Известен прежде всего как замечательный мастер баллады («Замок у моря», 1805; «Проклятие певца», 1814; «Последний пфальцграф», 1847), которые ценил Гете. В поэзии Уланда сильны антифеодальные мотивы. Он и сам активно боролся против произвола князей и во время революции 1848 года был избран депутатом франкфуртского Национального собрания, первого в истории Германии народного представительства. В составленном Уландом проекте воззвания депутатов к народу говорилось: «Мы считаем необходимым, чтобы в это железное время народ вооружился». Когда революция была подавлена, Уланд гневно протестовал против насильственного разгона Национального собрания.

Творчество Уланда было хорошо известно в России: его баллады переводили В. А. Жуковский, М. Л. Михайлов, А. А. Фет.

Йозеф Эйхендорф (1788—1857) — поэт и прозаик, один из выдающихся лириков немецкой «романтической школы». В составе знаменитого добровольческого отряда майора Люцова сражался за освобождение Германии от наполеоновского владычества (1813—1815). Поэзия Эйхендорфа отличается непосредственностью, яркими картинами природы и мелодичностью, которая вдохновляла Шуберта, Брамса и других немецких композиторов.

Теодор Кёрнер (1791—1813) — поэт и драматург эпохи освободительных войн против наполеоновского владычества. В 1813 году двадцатилетним юношей отважно сражался в добровольческом отряде Люцова, 26 августа был убит в сражении под Гадебушем. Наиболее известны стихи Кёрнера «Мое отечество» и «Дикая охота Люцова», созданные во время военных походов. Кёрнер высоко чтил героизм русского народа, в сонете «Москва» воспел мужество русских в борьбе против Наполеона.

Вильгельм Мюллер (1794—1827) — яркий выразитель демократических тенденций в немецком романтизме. Мюллер горячо сочувствовал борьбе других народов за свободу (в частности, греческому восстанию 1821 года). Стихи Мюллера лирнчны, близки по своему строю к народной песне. Известные песенные циклы Шуберта «Прекрасная мельничиха» (1823) и «Зимний путь» (1827) написаны на слова В. Мюллера.

Генрих Гейне (1797—1856) — поэт, прозаик и публицист. Родился в Дюссельдорфе, в купеческой семье, был воспитан в традициях немецкого и фран-

цузского Просвещения. Изучал право, филологию и философию в университетах Бонна, Геттингена и Берлина. В 1822 году дебютировал сборником «Стихотворения». «Книга песен» (1827) принесла Гейне громкую славу. «Новые стихотворения» (1844) — вторая книга лирики Гейне. Третья — «Романсеро» (1851). Последний сборник лирики поэта, составленный им самим,— «Стихотворения 1853—1854 годов» (1854). Стихи из этих четырех книг представлены в нашем издании.

Непримиримость поэта к монархической и клерикальной реакции привела к тому, что в 1835 году его произведения были запрещены.

В канун революции 1848 года и особенно в годы дружбы с К. Марксом Гейне создал выдающиеся произведения немецкой гражданской поэзии, и первые среди них — стихотворение «Силезские ткачи» и поэма «Германия. Зимняя сказка». Он выступает как «барабанщик» революции и в то же время как язвительный сатирик.

Высокое совершенство и тематическое разнообразие отличают и позднюю лирику Гейне. В ней преобладают трагические мотивы, обусловленные поражением революции, мучительными сомнениями поэта и его тяжелой болезнью.

Лирика Гейне оказала большое воздействие на немецкую поэзию, ее влияние ясно ощутимо и в современной поэзии ГДР. Первым переводчиком Гейне в России был Ф. И. Тютчев, подружившийся с ним в Мюнхене. «Кто не знает, что именно теперь Гейне едва ли не самый популярный чужеземец-поэт у нас в России»,— писал И. С. Тургенев в 1875 году.

Стр. 252. *«Силезские ткачи»*.— Стихотворение написано под впечатлением восстания ткачей в Петерсвальдау и Лагенбилау в июне 1844 года.

Людвиг Рельштаб (1799—1860) — поэт, прозаик и музыкальный критик. Почти все его обширное наследие сейчас представляет только историко-литературный интерес. Исключение составляет роман «1812 год» и некоторые стихотворения, которым дала бессмертие гениальная музыка Шуберта. Русский перевод «Серенады» (1827) выполнен Н. П. Огаревым, поэтом и одаренным композитором (в частности, им положена на музыку песня Гете «Арфист», включенная в наше издание).

Эдуард Мёрике (1804—1875) — поэт и прозаик. Жизнь Мёрике бедна событиями и прошла в борьбе с нуждой и болезнями. Нужда принудила его стать деревенским священником, позднее он преподавал литературу в Штутгарте. Его гуманизм наделен чертами своеобразной «домашности». Поэт воспевал простые радости жизни, обладал тонким чувством природы. Его новелла «Моцарт на пути в Прагу» (1856) является признанным шедевром немецкой прозы. Известен и как переводчик античной поэзии.

Фердинанд Фрейлиграт (1810—1876) — поэт революции 1848 года, автор стихов, исполненных мужества и героики. Дружил с К. Марксом и вместе с ним входил в редакцию «Новой Рейнской газеты». После поражения революции поэт эмигрировал в Англию. Революционные стихи Фрейлиграта

были высоко оценены последующими поколениями немецких революционеров. Их высоко ценили и русские демократы-шестидесятники.

Стр. 256. *«Прощальное слово «Новой Рейнской газеты»* — впервые напечатано 19 мая 1849 года, в ее последнем номере, напечатанном красным шрифтом.

Но венгры и Пфальц... — В это время поражение революции в Германии было уже очевидным; лишь в немецкой области Пфальц и в Венгрии революционная волна была еще на подъеме.

Георг Веерт (1822—1856) — «первый и самый значительный поэт немецкого пролетариата» (Ф. Энгельс), редактор «Новой Рейнской газеты», член «Союза коммунистов». Автор блестящих стихотворных сатир и стихов, возвещающих победу грядущей революции, прославляющих солидарность пролетариата (цикл «Ланкаширские песни», 1845). Испытал некоторое воздействие Гейне. Ф. Энгельс, друживший с Веертом и посвятивший ему специальную статью, считал, что Веерт как поэт не уступает Гейне.

Г. Ратгауэ, С. Тураев (комментарии к стихам И. В. Гете), *В. Пронин* (комментарии к творчеству Ф. Шиллера)

АВСТРИЯ

Иоганн Майрхофер (1787—1836) — поэт-романтик; принадлежал к ближайшему дружескому окружению Франца Шуберта, положившего на музыку около пятидесяти стихотворений поэта, в том числе «Мемнон».

Стр. 259. *Мемнон* — сын богини зари Эос в греческой мифологии. По преданию, его имя было дано каменной статуе в Египте, которая на утренней заре издавала жалобный стон, как бы тоскуя по матери. В русской поэзии этот образ с редким изяществом использован в «Вечерних огнях» Фета.

Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным, угаснувшим Мемноном,
На яркие приветствия зари
Он отвечать способен только стоном.

Йозеф Христиан Цедлиц (1790—1832) — поэт, мастер романтической баллады с пристрастием к фантастическим и «загробным» мотивам. Цедлиц привлек внимание русских романтиков — Жуковского, Тютчева, Лермонтова, много переводивших его стихи.

Николаус Ленау (1802—1850) — яркий представитель вольнолюбивого, мятежного романтизма. Горячо сочувствовал революционному движению в Европе, был убежденным противником клерикального гнета и реакционной

политики Ватикана, прославил борьбу угнетенных чехов против австрийской монархии в эпоху гуситских войн (1419—1437) (поэма «Ян Жижка», 1840). Ленау был выдающимся мастером изображения природы, очень популярен его цикл «Песни в камышах» (1832).

В России Ленау переводили поэты-петрашевцы, А. Н. Апухтин и К. Д. Бальмонт. Поэма Ленау «Фауст» (1836) была переведена А. В. Луначарским (1904).

Мориц Гартман (1821—1872) — поэт, прозаик, видный общественный деятель. В дни революции 1848 года участвовал в вооруженных боях, был избран депутатом первого общегерманского демократического парламента — франкфуртского Национального собрания. Примкнул к его революционной фракции, возглавлявшейся пламенным республиканцем Робертом Блюмом. После поражения революции эмигрировал. В пору реакции сохранил верность демократическим идеалам. Наиболее известны его книги стихов «Чаша и меч» (1845; издание это было запрещено в Австрии) и «Бессмертник» (1850). Поэт выступал как переводчик произведений Ш. Перро, Ш. Петёфи, И. С. Тургенева. Вольнолюбивые стихи и баллады Гартмана (особенно «Белое покрывало») были любимы в России благодаря мастерским переводам М. Л. Михайлова.

Г. Ратгауз

ИТАЛИЯ

Данте Алигьери (1265—1321) — величайший поэт Италии, создатель итальянского литературного языка, автор знаменитой поэмы-аллегории «Божественная комедия». В этой поэме и в стихах, написанных «сладостным новым стилем», поэт воспел Беатриче. Она предстала и как неприступная дама — «донна» трубадуров, и как философский идеал чистоты и мудрости, и как реальная женщина Биче Портинари. Известна история знакомства Данте и Биче («Мне было девять, Биче восемь лет...»), история любви поэта. Беатриче скончалась в двадцать три года. Данте всю жизнь обращал стихи к умершей возлюбленной.

Данте довел до совершенства формы сонета и канцоны, сделал столь выразительными, что их использовали почти все поэты Италии и многие поэты мира.

Сонет состоит из 14 строк. В первых двух четверостишиях рифмы повторяются; другими рифмами — двумя или тремя — объединены завершающие трехстишия. Нередко особо выделяются две заключительные строчки.

Канцона — более длинное стихотворение, в котором рифмовка всех строф повторяет порядок рифмовки первой строфы. Это вторая по употребительности итальянская поэтическая форма.

Сонеты, вошедшие в настоящее издание, взяты из повести Данте «Новая жизнь», где прозаические отрывки чередуются со стихотворными.

Стр. 268. *Одни влекут своею добротою, другие мне неистово грозят...* — Мысли о благотворности любви «бьются» с мыслями о ее гибельности; поэт «при-

миряет» противоречивые помыслы, но видит, что выход лишь один — призвать Жалость возлюбленной донны. Жалость вполне заслужила имена «врагини», «недруга», так как прежде отказалась помочь просящему поэту.

Стр. 270. *«В своих очах Любовь она хранит...»* — Донна предстает здесь в ином обличье — как олицетворение благостной красы, великодушия.

«Придите внять стенаниям моим...» — Сонет из второй части книги, где оплакивается смерть Беатриче. Стихи этой части повлияли на цикл сонетов Ф. Петрарки «На смерть мадонны Лауры».

Стр. 271. *«Над сферою, что шире всех кружится...»* — По птолемеевой системе, «сфера эмпирея», отдаленнейшее из девяти небес — обиталище бога. Так имя Беатриче становится символом божественной Истины.

Франческо Петрарка (1304—1374) — преемник Данте, великий поэт итальянского Возрождения. Его любовная лирика посвящена Лауре. Подобно Беатриче, Лаура была замужем за другим и, как Беатриче, умерла совсем молодой. «Канцоньере», огромный поэтический сборник Петрарки, условно делится на две части: «На жизнь мадонны Лауры» и «На смерть мадонны Лауры».

Стр. 271. *«Посылка плодов».* — Название сонета дано переводчиком Г. Р. Державиным. Сонет был вложен в посылаемую другу корзину фруктов.

Когда делящая часы небес планета, к нам возвращаяся, приходит жить с Тельцом... — Речь идет о Солнце, которое входит в созвездие Тельца 21 апреля.

Стр. 272. *«Прогулка».* — Название сонета дано переводчиком Г. Р. Державиным. Возлюбленная снова сопоставляется с Солнцем, но теперь солнечный свет — свет ее очей — как отблеск костра, хотя и прельстителеи, но смертоносен.

Стр. 274. *Нина* — этим распространенным в русской элегической поэзии именем И. А. Крылов заменил имя возлюбленной Петрарки — Лауры.

Стр. 275. *«На смерть Лауры».* — Название сонета дано переводчиком — К. Н. Батюшковым. Сонет открывает вторую часть «Канцоньере» — «На смерть мадонны Лауры». Но посвящен он памяти *двух* дорогих поэту людей: Лауры, погибшей в чумную эпидемию 1348 года, и кардинала Джованни Колонна, умершего через три месяца после Лауры. Потому-то поэт оплакивает утрату опоры — «колонны» (имя друга) и услады — «лавра» (имя возлюбленной).

Стр. 276. *«Когда она вошла в небесные селенья...»* — Лаура предстает здесь райским идеалом чистоты и истины, как двойник Дантовой Беатриче. Так Петрарка приближает себя, в сознании читателей, к великому Данте.

Лодовико Ариосто (1474—1533) — поэт позднего Возрождения, автор сказочно-героической поэмы «Неистовый Орландо». Унаследовав от отца придворную должность в Ферраре при герцогах Д'Эсте, выполнял дипломатические поручения двора. Любовный цикл Ариосто из 41 сонета посвящен Джиневре Малатеста.

Джованни ди Карло Строцци (1-я пол. XVI в.) — малоизвестный поэт позднего Возрождения, автор строк, обычно по ошибке приписываемых более известному поэту Дж. Б. Строцци Старшему (1505—1571). Стихотворение

написано около 1545 года, когда для публики открылись усыпальницы князей Медичи во Флоренции, где находится статуя Микеланджело «Ночь».

Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — крупнейшая фигура европейского Возрождения, живописец, архитектор, скульптор, поэт, инженер. Темы родины, попавшей во власть тирана, и красоты, борющейся со смертью, приобрели в стихах Микеланджело гражданский пафос и высоко трагическое звучание. Многие сонеты и мадригалы его любовной лирики посвящены выдающейся поэтессе Виттории Колонна. Первый поэтический сборник, вышедший через много лет после смерти поэта, составлен друзьями по памяти из отрывков и случайно уцелевших стихов.

В капелле Медичи находятся четыре гениальные скульптуры Микеланджело: аллегории Утра и Вечера, Дня и Ночи. От лица спящей Ночи и написано четверостишие «Молчи, прошу...». В этом ответе на четверостишие Дж. К. Строцци отразилась тревога художника за судьбу отечества, страдавшего от тирании Алессандро Медичи.

Винченцо Филикайя (1642—1707) — оплакивал в своих патриотических сонетах порабощенную и разоренную иноземцами родину. Его стихи особенно ценились участниками движения за объединение Италии (XIX в.). Сонет «Италия! Италия!» был включен Байроном в его поэму «Паломничество Чайльд-Гарольда» и через это посредство стал известен в России. В сонете обличаются завоеватели XVII века — французские Бурбоны и австрийские Габсбурги. Однако для поэта П. А. Катенина, избравшего этот сонет для перевода в 1821—1822 гг., во время иностранной интервенции в Италию, направленной на подавление пьемонтской и неаполитанской революций и движения карбонариев, обвинительный пафос Филикайи звучал вполне современно. Не случайно Катенин опубликовал сонет с примечанием: «Сочинитель... умер в 1707 г... следственно описание несчастий Италии относится к давнопрошедшему времени...» Перевод Катенина — одна из первых попыток воссоздать в русской поэзии сонет итальянского типа рифмовки.

Уго Фосколо (1778—1827).— Пылкий патриот, Фосколо, стремясь к объединению Италии, вступил в войска Наполеона. Когда надежды на восстановление Наполеоном итальянского единства рассеялись и в Италии установилось австрийское господство, Фосколо покинул родину и умер в изгнании.

В сонете «К Флоренции» слышны отзвуки дантовской тематики. Многое в нем отсылает читателя к XIII—XIV вв.: и слова о «латинском» имени города на берегу реки Арно (во времена Данте слово «Флоренция», то есть «цветущая», выговаривалось на латинский лад), и память о распрях двух враждующих партий — гвельфов и гибеллинов, которые яростно клеймил бессмертный Данте, и упоминание символа города — моста Понте Веккьо. Используя эти намеки, Фосколо, не сказав будто бы ничего, кроме нежных слов к возлюбленной, проводит явственную параллель между своим временем и тяжкими временами Данте, между своим уделом изгнанника — и судьбой Данте Алигьери.

Джакомо Леопарди (1798—1837) — поэт-романтик. Юность, проведенная в доме деспотически властного отца, в одиночестве, над книгами, заложила основы огромной культуры Леопарди (его стихи насыщены цитатами из мировой поэзии), но и подорвала здоровье юноши, сформировала трагически-безысходное мироощущение поэта. Его неудовлетворенность политической и духовной современностью выказывает себя в юношеской канцоне «К Италии» (1818). Жалкому настоящему в ней противопоставляется идеализированное героическое прошлое родины — величие Древнего Рима.

Стр. 282. *Гермы* — пограничные столбы с изваяниями, символ государственности в Древнем Риме.

Где мантий, лент златых былая слава? — измененная цитата из «Триумфа смерти» Ф. Петрарки.

Оружье мне, оружье! — цитата из «Энеиды» Вергилия, переведенной самим Леопарди.

Стр. 283. *Где сыновья твои?* — цитата из «Писем Якопо Ортиса» У. Фосколо.

Твои сыны в чужих краях сражаются. — Имеются в виду итальянцы, входившие в состав наполеоновских войск в России.

Теснины фессалийские... — В битве при Фермопилах в Фессалии (480 г. до н. э.) спартанский царь Леонид с тремястами воинами задержал огромную армию персидского царя Ксеркса.

Симонид (556—468 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, написавший эпитафию бойцам, погибшим при Фермопилах.

Стр. 284. *Алтарь — гробница ваша...* — цитата из Симонида.

Е. Костюкович

ИСПАНИЯ

Почти двести лет тому назад — в 1789 году — замечательный русский писатель Николай Михайлович Карамзин выполнил первый в истории нашей литературы перевод испанского стихотворения на русский язык. С тех пор благодаря вдохновенному и кропотливому труду нескольких поколений отечественных поэтов-переводчиков на русском языке обрели вторую жизнь многие стихи испанских авторов — и широко известных, и безымянных.

В нашей книге собрана лишь малая часть этих переводов, созданных в самое разное время и представляющих испанскую поэзию в ее развитии — от народной песни до поэтов-романтиков XIX века.

Народные песни

Лишь начиная с XV века анонимная песенная поэзия Испании оказалась зафиксированной в письменных источниках. Именно этот период эволюции испанской народной песни и отражен, в основном, в переводах К. Бальмонта, увидев-

ших впервые свет в 1899 году. Позднее в статье «Испанец-песня» («Русская мысль», 1908, № 12) Бальмонт еще раз подчеркивал, что «...испанцы все свои ощущения связывают с песней, как радостные, так и темноцветные. Любят — поют, ненавидят — поют, тоскуют — напевом, целуют — созвучьем». К статье была приложена подборка из двадцати коротких песен, переведенных с оригинала. «Из всего этого разнообразия,— писал переводчик,— я беру один основной момент: Любовь — с его естественным дополнением — Ненавистью». Испанские народные песни в прошлом и в начале нашего столетия привлекали внимание очень многих русских поэтов: их переводили Н. Берг, В. Бенедиктов, М. Михайлов, А. Майков, В. Брюсов.

Знавший испанский язык и весьма ценивший звуковую инструментовку стиха К. Бальмонт тем не менее не заметил, что в оригинале испанские народные песни оснащены сложной системой рифменных созвучий.

Мигель де Сервантес Сааведра (1547—1616).— Великий испанский прозаик эпохи Возрождения, автор знаменитого «Дон Кихота», Сервантес был и видным поэтом своего времени. Его перу принадлежат стихотворная драма «Нумансия», поэма «Путешествие на Парнас» и многочисленные лирические стихотворения.

Стр. 288. *«Сонет»* — вставное стихотворение из первой части «Дон Кихота».

«Ладьею легкой управляя...» — вставное стихотворение из первой части «Дон Кихота». Опубликовано В. Жуковским в его переложении первой части романа Сервантеса, которое увидело свет под названием «Дон Кишот Ламанхский» (1804—1806), будучи переведено не с испанского оригинала, а с французского перевода.

Луис де Гонгора (1561—1627) — крупнейший поэт позднего Возрождения, виртуозный мастер чеканного стиха, смелой метафоры и перифразы. Некоторые его произведения (поэмы «Одиночество» и «Сказание о Полифеме и Галатее»), написанные в барочном стиле, получившем впоследствии название гонгоризма, вызвали бурные споры еще при жизни автора, а потом на протяжении многих десятилетий третировались как образцы вычурной поэтической невнятности, за что Гонгора получил прозвище «Темного». Поэтическая репутация Луиса де Гонгоры была восстановлена лишь в XX веке, когда поколение Федерико Гарсиа Лорки и Рафаэля Альберти провозгласило его своим учителем, доказав, что не вычурность и невнятица, а доведенная до предела образная уплотненность стиха породила эффект «темноты». Гарсиа Лорка в лекции «Поэтический образ Гонгоры» заметил: «Что же это за темнота стиля? По-моему, он скорее грешит ослепительным светом».

Стр. 290. *«Вальядолид. Застава. Суматоха!..»* — По сведениям современников, когда в начале XVII века король Испании Филипп III перенес столицу из Мадрида в Вальядолид, всякий въезжающий в этот город обязан был предъявить к досмотру все свое имущество, на которое составлялась подробная опись. Надзор за исполнением этого приказа был возложен на некоего дона Дьего де Айалу.

Лопе де Вега (1562—1635) — великий драматург и поэт эпохи Возрождения, «отец испанского театра», автор двух с лишним тысяч пьес в стихах, двадцати поэм и множества лирических стихотворений. Первое упоминание о нем в России принадлежит, вероятно, Сумарокову (1747), а первый перевод его пьесы на русский язык датирован 1785 годом. В 1876 году в Малом театре состоялась премьера драмы Лопе де Веги «Овечий источник» в переводе С. Юрьева. В советское время на сцене было поставлено свыше тридцати пьес Лопе де Веги, а в 1961—1965 гг. увидело свет шеститомное издание его произведений.

Стр. 292. *«О как нехорошо любить притворно!..»* — сонет из пьесы «Собака на сене».

Стр. 293. *«Она стояла гордо на террасе...»* — фрагмент из пьесы «Звезда Севильи».

Педро Кальдерон (1600—1681) — великий драматург и поэт конца «золотого века» испанской литературы, автор ста двадцати пьес, восьмидесяти духовных и философско-аллегорических драм, а также двадцати интермедий. Продолжая разрабатывать в некоторых комедиях мотивы Возрождения, в целом — по складу мировоззрения и поэтической манере — Кальдерон был антиподом Лопе де Веги и его оптимистического, жизнеутверждающего искусства. Представитель барокко, «величайший драматург из католиков», по определению И. С. Тургенева, Кальдерон в своих драмах выразил трагическое мироощущение и мрачную философию эпохи наступления контрреформации. Первая попытка перевода пьесы Кальдерона на русский язык принадлежит Екатерине II. Показательно, что в 1830 году в статье «О поэзии испанской и португальской» П. Катенин уже категорически возражал против модного тогда возвеличивания Кальдерона за счет Лопе де Веги, утверждая, что последний «едва ли не тем выигрывает у мирян, что при всем наружном сходстве (с Кальдероном.— *С. Г.*) он дух имеет более рыцарский, а соперник его — монашеский».

Стр. 293. *«Нет, меня не веселит...»* — монолог принцессы Феникс из драмы «Стойкий принц».

Хосе де Эспронседа (1808—1842) — крупнейший поэт-романтик, посвятивший и жизнь свою и творчество борьбе за торжество идеалов свободы и справедливости. Поклонник Байрона, он еще мальчиком был арестован за участие в подпольном революционном обществе. В июле 1830 года сражался на парижских баррикадах, принимал участие в нескольких антимонархических заговорах. Мятежно-патриотическая лирика Эспронседы особенно активно переводилась у нас в России во время революции 1905—1907 гг.

Стр. 295. *«Песнь пирата»*.— Это самое знаменитое стихотворение Эспронседы существует, по крайней мере, в четырех переводах на русский язык: Ю. Доппельмайер (неполный перевод 1892 года), К. Бальмонта (опубликовано в 1921 г.), М. Талова (опубликовано в 1958 г.) и П. Грушко (1960—1973).

Густаво Адольфо Беккер (1836—1870) — один из самых известных лириков испанского романтизма.

Сирота с пяти лет, он прожил жизнь, полную лишений, и умер, не дождавшись издания первой своей книги «Рифмы» (1871), которая обессмертила его имя. В России переводы его стихов появились в конце 70-х годов XIX века, а в 1896 году у нас вышли в свет его «Избранные легенды».

ПОРТУГАЛИЯ

Луис де Камоэнс (1524—1580) — крупнейший португальский поэт эпохи Возрождения, автор национальной эпопеи «Лузиады», повествующей о плавании португальского флота под командованием Васко да Гамы, впервые проложившего морской путь из Европы в Индию. Камоэнс создал также многочисленные лирические стихотворения, среди которых выделяются его сонеты, воспевающие платоническую, но страстную любовь поэта к его избраннице.

С. Гончаренко

ПОЛЬША

Миколай Рей (1505—1569) — поэт и прозаик, один из виднейших представителей «золотого века» польской литературы, когда в обстановке оживления общественной борьбы, распространения идей гуманизма и реформации в Европе польская поэзия поднялась на высокий уровень.

Поэт сочинял драмы, веселые стихи, «диалоги», сатиры на людские пороки, на духовенство. Не обошел Рей своим язвительным пером и шляхту.

Рей был первым писателем, писавшим исключительно на польском языке. Основные сочинения: «Беседа трех особ...» (1583), «Подлинное изображение жизни достойного человека» (1558).

Ян Кохановский (1530—1584).— В литературе польского Возрождения творчество Кохановского занимает ведущее место благодаря своему гуманистическому и патриотическому содержанию, яркому реализму и совершенству художественной формы; он считается основателем национального стихосложения.

Поэт участвовал в бурной политической жизни того времени, писал (на латыни и по-польски) поэмы, любовные стихотворения, произведения на политические темы и «фрашки» — короткие шутливые стихотворения философско-морализаторского характера, популярные в то время. Наиболее значительные произведения — навеянная народными обрядами «Свентоянская песнь о собутке», скорбные элегии «Трены» (1580).

Стр. 306. *Стогна* (устар. поэтич.) — площадь, широкая улица.

Стр. 307. *Позор извечный, тяжкая недоля...*— Речь идет о татарском набеге на польские земли в 1575 году, когда в полон были угнаны, как сообщают хроники, около пятисот тысяч невольников.

Сераль — дворец в восточных странах, женская его половина, гарем.

Нет пастуха у стада...— После бегства во Францию Генриха Валуа, бывшего польским королем, польский престол пустовал.

Марс — бог войны в античной мифологии.

Стр. 308. *Талер* — золотая или серебряная монета, в XVI веке — денежная единица северогерманских государств.

Игнацы Красицкий (1735—1801) — один из самых выдающихся сатириков польского Просвещения, обличитель пороков шляхты и невежественного духовенства.

Лучшие его произведения — комические поэмы «Мышеида» (1775) — о войне крыс и мышей с котами, отражавшая в сатирическом зеркале политические распри в польских землях; «Монахомахия» (1778) и «Антимонахомахия» (1780), высмеивавшие невежество и ханжество монахов. Очень популярными и яркими по форме и языку являются также сатиры и басни И. Красицкого.

Адам Мицкевич (1798—1855) — основоположник польского революционного романтизма, деятель национально-освободительной борьбы своего времени.

Мицкевич родился в Белоруссии, близ города Новогрудка. Во время учебы в университете в Вильно участвовал в тайных патриотических обществах «филоматов» («стремящихся к знанию») и «филаретов» («любящих добродетель»). После окончания университета в 1819 году поселился в Ковно, где получил должность учителя в школе.

Одно из первых произведений Мицкевича — «Ода к молодости» (1820), ставшая гимном многих поколений польских революционеров. В 1822 году опубликовал «Баллады и романсы», в 1823 году — патриотические поэмы «Гражина» и «Дзяды» (II и III части), в которых, обращаясь к польской истории, ставил острые проблемы современности — о положении человека в обществе, о социальных противоречиях, о тяжкой доле крепостных.

В 1823 году Мицкевич был арестован вместе с другими «филаретами» и в 1824 году выслан из Вильно в центральные губернии России. Ему предстояло жить в ссылке в Одессе, но затем он получил разрешение переехать в Москву. В России поэт нашел близких ему по духу друзей, таких, как будущие декабристы К. Рылеев и А. Бестужев, сблизился с видными русскими литераторами, в том числе и с А. С. Пушкиным.

В 1826 году в Москве вышел томик «Сонетов» Мицкевича, включавший «Любовные» и «Крымские» сонеты. В России была написана и впервые опубликована поэма «Конрад Валленрод» (1828), прославляющая подвиг героя, не знающего преград во имя спасения родины.

В 1829 году Мицкевич покинул Россию и жил в эмиграции, глубоко переживая разлуку с родной Польшей.

На польское восстание 1830—1831 гг. Мицкевич откликнулся стихотворениями во славу повстанцев.

В 1834 году вышло крупнейшее произведение Мицкевича — поэма «Пан Тадеуш», национальная эпопея польского народа.

Революционные события 1848 года в Европе, «весна народов», снова пробудили в Мицкевиче борца. В Италии поэт организует польский легион для борьбы за освобождение Италии, взялся за издание в Париже газеты «Трибуна

народов», в которой призывал народы Европы продолжать борьбу за свободу. В 1855 году А. Мицкевич отправился в Константинополь, надеясь организовать там польский легион, но умер, заболев холерой.

Поэзия Мицкевича мужала в борьбе за национальное освобождение. Замечательный художник и патриот, Мицкевич черпал свое вдохновение в народной поэзии; искренний друг русского народа, он никогда не отождествлял самодержавия с Россией и выступал за свободу всех народов.

Стр. 309. *«Когда пролетных птиц несутся вереницы...»*— Стихотворение посвящено Каролине Яниш (1807—1893), в замужестве Павловой, ставшей известной русской поэтессой. К. Яниш и Мицкевича связывала взаимная симпатия. Это стихотворение Мицкевич записал ей в альбом перед отъездом из России.

Стр. 312. *Аккерман* — теперь город Белгород-Днестровский.

Стр. 314. *«Воевода»* (в оригинале «Дозор» с подзаголовком «Украинская баллада») и «Будрыс и его сыновья» (в оригинале «Три Будрыса» с подзаголовком «Литовская баллада») написаны Мицкевичем в Москве в 1827—1828 гг.; обе баллады были переведены А. С. Пушкиным в 1833 году.

Юлиуш Словацкий (1809—1849) — крупнейший представитель польского романтизма, убежденный демократ, сторонник активных действий в национально-освободительной борьбе.

Родился на Украине. Окончив в 1829 году университет в Вильно, служил в Варшаве. После восстания 1830—1831 гг. уехал в Париж и навсегда остался в эмиграции.

В 1834 году в Париже вышли два тома произведений Словацкого — стихи, драма «Кордиан» (1834) — отклик на восстание 1831 года, фантастическая драма «Балладина» (1839), навеянная народными легендами, и др., а в 1841 году — неоконченная поэма «Бенёвский».

Поэт принимал активное участие в движении польских повстанцев в революционном 1848 году.

Стр. 318. *«Разлука»*.— Некоторые польские исследователи полагают, что стихотворение обращено к матери, Саломее Бекю.

Стр. 319. *Бушприт* — брус на носу судна для крепления парусов.

Водолив — рабочий на барже, откачивающий воду.

Стр. 320. *«В альбом Зофье Бобровой»*.— Зофья (Зося) Боброва, дочь земляков поэта, волынских помещиков.

Ивка — река на Украине.

Стр. 321. *«Друзья, надел земли мне дайте в Польше...»*— В стихотворении отразились настроения поэта в 1845 году, когда велись приготовления к восстанию в Польше и в эмиграции ждали революционного взрыва.

Владислав Сырокомля (Людвик Кондратович) (1823—1862) — вошел в историю польской литературы как поэт-демократ, заступник крестьян, требовавший ликвидации крепостничества. За участие в патриотических манифестациях подвергался аресту.

Писал очерки, рассказы, повести, занимался историей польской литературы, переводил.

У нас широко известно и стало народной песней стихотворение поэта «Ямщик» (в оригинале «Почтальон») в переводе Л. Трефолева, который переводил и другие стихи поэта.

Мария Конопницкая (1842—1910) — крупнейший мастер польской реалистической прозы и поэзии второй половины XIX века.

В конце 80-х годов Конопницкая редактировала женский журнал «Свит», выпустила четыре томика «Поэзии», сборники «Линии и звуки», «Людям и мгновеньям», «Новые песни» и др., в 1910 году издает поэму о поляках-переселенцах «Пан Бальцер в Бразилии», несколько сборников новелл, в которых правдиво изображена тяжелая жизнь трудящихся низов.

Много сил писательница отдавала общественной деятельности, она не раз выступала в печати в защиту узников царских тюрем.

Стр. 325. *«Как король шел на войну...»* («Стах»). — Это стихотворенне стало песней, особенно любимой рабочими в начале XX века. Ее пел прославленный русский певец Ф. И. Шаляпин.

Стр. 327. *«Присяга»*.— Стихотворение стало популярной патриотической песней. В годы второй мировой войны оно было гимном Войска Польского, созданного польскими патриотами в 1943 году в СССР.

Пяст.— Пясты — династия польских князей и королей.

Вацлав Свенцицкий (1848—1900) — активный деятель рабочего движения, в 1878—1879 гг. был заключен в варшавскую цитадель, где издавал с группой товарищей рукописный журнал. До 1883 года находился в сибирской ссылке. Похороны Свенцицкого превратились в массовую демонстрацию.

Его песня «Варшавянка» распространилась далеко за пределы Польши. Текст ее был напечатан в первом номере (сентябрь 1883) нелегальной газеты «Пролетариат», органа первой революционной рабочей партии в Польше, затем песня издавалась как листовка.

В переводе Г. М. Кржижановского «Варшавянка» стала боевой песней русских революционных рабочих.

Болеслав Червеньский (1851—1888) — одии из зачинателей пролетарской поэзии, публицист, автор песни «Красное знамя», написанной к десятилетию Парижской коммуны, одной из самых любимых песен не только польского рабочего класса, но и чешских рабочих. Переведенная на русский язык, песня стала популярной и среди русских рабочих. Ее знал и любил В. И. Ленин.

И. Иванова

Ян Коллар (1793—1852) — словак по происхождению, один из наиболее значительных чешских поэтов XIX века, чье творчество было вдохновлено идеями национального возрождения.

Центральное место в наследии поэта занимает поэма «Дочь Славы», над которой Коллар работал всю жизнь, постоянно ее пополняя. Впервые поэма, состоявшая из ста пятидесяти одного сонета, вышла в 1824 году; последнее подготовленное автором издание 1852 года содержало шестьсот сорок пять сонетов.

Слава — символическое имя возлюбленной поэта Мины-Фридерики (по происхождению славянки-лужичанки), которая олицетворяет родину и мечту поэта о единении славян и национальном освобождении.

Карел Гинек Маха (1810—1836) — яркий представитель чешского революционного романтизма, написал немало прозаических и поэтических произведений. Лучшее среди них — лиро-эпическая поэма «Май». В ней отразились предреволюционные настроения чешского народа, протест поэта против насилия и несправедливости, его думы о будущем родины, порабощенной габсбургской монархией. Вступление к поэме еще при жизни поэта было положено на музыку и распевалось как патриотическая песня.

Стр. 337. *«И не шумите и не надо жалоб...»*— Стихотворение (так же, как и «Посвящение в стихах») связано с деятельностью Махи и его товарищей в тайных патриотических обществах и кружках, запрещаемых властями; они стремились разбудить национальное сознание родного народа и пойти «с мечом» на врага. Но, понимая, что время открытого выступления еще не настало, поэт пишет, что *«богемский лев»*, то есть чехи (изображение льва входит в чешский герб), еще спит.

Самуэль Томашик (1813—1887) — словацкий поэт, писатель; некоторые из его стихотворений стали народными.

Получил известность как автор стихотворения «Гей, славяне!», ставшего славянским гимном, который пели на мотив польской мазурки. Эту песню Томашик сложил в 1834 году во время пребывания в Праге (опубликована в 1838 г.), удрученный засильем немцев в чешской столице и с «верой в лучшее будущее своего угнетенного народа». Песня вдохновляла призывом к единению славян.

Андрей Сладкович (Браксаторис) (1820—1872) — словацкий поэт, среди романтиков — один из самых значительных. Оказал сильное влияние на развитие национальной поэзии. Революционные события 1848 года поэт приветствовал гимном «Запоем песнь о свободной родине». Как словацкий патриот подвергся гонениям, был арестован.

Лирическая поэма «Марина» была первым крупным поэтическим произведением, созданным на словацком литературном языке; написанная в форме коротких стихов, посвященных любимой, родине и народу, поэма созвучна колларовской «Дочери Славы» и остается центральным произведением словацкого романтизма.

Карел Гавличек-Боровский (1821—1856) — чешский поэт-сатирик, публицист и общественный деятель. Сыграл выдающуюся роль в развитии общественной мысли Чехии. Во время революционных событий 1848 года Гавличек был членом Национального комитета, принимал участие в Славянском съезде, неоднократно подвергался суду за выступления в печати против правительства и церкви. В 1851 году был арестован и сослан в город Бриксен (Тироль), откуда поэту было разрешено вернуться уже неизлечимо больному чахоткой, незадолго до смерти.

Стихи, статьи, эпиграммы Гавличка-Боровского публиковались в редактируемых им газетах. Многие произведения, например сатирические поэмы «Тирольские элегии» и «Крещение святого Владимира», блестящая пародия на абсолютизм, ходили в списках.

Поэма «Тирольские элегии» вышла в 1860 году в России (раньше, чем на родине поэта, где она была опубликована в декабре 1860 — феврале 1861 года); в течение десяти лет появилось пять разных переводов поэмы на русский язык. Один из них принадлежал поэту-сатирику Д. Д. Минаеву, который писал в примечании к изданию своего перевода поэмы: «Имя Гавличка — одно из лучших и светлых имен чешской литературы. Поэт, любимый своим народом, редактор «Народних новин», лучшей чешской газеты по своему влиянию на чехов, Гавличек возбудил неудовольствие и опасения австрийского правительства».

Стр. 340. *«Верный и честный»* — слова из государственного гимна Австрийской империи; Гавличек подчеркивает, что не считает себя благонамеренным подданным.

Я из края музыкантов...— Намек на Чехию, где почти каждый чех — музыкант *(Примеч. Д. Минаева)*.

Стр. 341. *Бах, Александр* (1813—1893) — министр внутренних дел в австрийском правительстве, имперский наместник в Чехии. С его именем связан так называемый период «баховской реакции» (1851—1861) — период жесточайшего угнетения и полного политического бесправия Чехии. Арест и ссылка Гавличка были организованы по личному указанию Баха.

Законник (Reichsgesetzbuch) — собрание австрийских законов и постановлений *(Примеч. Д. Минаева)*.

Стр. 342. *Доктор.*— Поэт играет словами: Бах, бывший австрийский министр, имел степень доктора *(Примеч. Д. Минаева)*.

Дедера — верховный полицейский комиссар в Праге, которому было поручено арестовать и доставить Гавличка в Бриксен.

Брод (Немецкий Брод; теперь Гавличкув Брод) — город, в котором был арестован поэт.

Янко Краль (1822—1876) — вошел в словацкую литературу не только как один из самобытных поэтов-романтиков, но и как революционер, мечтающий об изменении общественного устройства в интересах трудящегося большинства.

Поэт участвовал в революционных событиях 15 марта 1848 года в Пеште (Венгрия) и тут же отправился на родину поднимать крестьян на восстание против помещиков. После подавления революции занимался адвокатской практикой, почти не писал, умер в бедности.

Все созданное поэтом приходится на 40-е годы, это оставшаяся незавершенной поэма о легендарном разбойнике «Яношик» (1843—1846), задуманная как поэма о крестьянской революции, цикл философско-лирических стихов «Драма мира» (1844—1845), поэмы, баллады, песни в духе народных; большая часть наследия поэта увидела свет лишь в наше время.

«Национальная песня» — написана в марте 1848 года, напечатана в июне в Праге во время антиавстрийского восстания.

Ян Неруда (1834—1891) — поэт, прозаик, публицист и литературный критик, один из ярких критических реалистов в чешской литературе, центральная фигура чешской литературной жизни второй половины XIX века.

За свою жизнь Неруда написал несколько тысяч очерков, статей, фельетонов, выступая в них против социальных порядков современного ему общества, за развитие национального реалистического искусства.

В центре его внимания стояла судьба простого человека, его труд, стремление к свободе. Мотив социальной ненависти к богачам, неразрывной связи личной судьбы поэта с судьбами трудового народа звучит и в его стихах («Космические песни», 1878, «Баллады и романсы», 1883 и др.) и в прозе («Малостранские повести», 1878 и др.).

Стр. 344. *«Только вперед!»* — поэтическое завещание Неруды. Поэт призывал народ неуклонно добиваться свободы; оно имело широкий отклик во всех кругах чешского народа.

Стр. 345. *Гуситский гимн.*— После казни великого чешского реформатора, борца за независимость Чехии Яна Гуса (1371—1415) в стране развернулось широкое антифеодальное, национально-освободительное движение.

Сватоплук Чех (1846—1908) — один из крупнейших представителей чешской демократической литературы, поэт и прозаик, расцвет творчества которого падает на конец XIX века, когда он выступил со страстным призывом к борьбе против национального и социального гнета в поэтических сборниках «Утренние песни» (1887) и «Новые песни» (1888). Откликом поэта на выступления трудящихся в 90-е годы явилась поэма «Песни раба» (1894). В поэме «Степь» (1907) Чех приветствовал русскую революцию 1905 года. Среди прозаических произведений писателя лучшее — сатирическая повесть «Путешествие пана Броучека в XV столетие», где он разоблачал филистерскую сущность чешской буржуазии.

Его произведения полны предчувствия близящейся социальной революции, поэма «Песни раба» была любимой книгой чешских рабочих и оказала влияние на рабочую поэзию того времени.

Стр. 347. *«Будь славен труд!»* — В 1894 году в Чехии отмечалось 25-летие рабочего гимна «Песнь труда», С. Чех откликнулся на юбилей этим стихотворением. Название стихотворения (буквально «Честь труду!») стало приветствием чешских трудящихся.

Павол Орсаг Гвездослав (1849—1921) — выдающийся представитель словацкой реалистической поэзии, «основоположник новейшей словацкой словесности», воссоздавший панораму жизни Словакии на переломе веков.

Поэт родился в обедневшей дворянской семье, жившей крестьянским трудом, учился в венгерской гимназии, изучал право, практиковал как юрист.

Печататься начал еще студентом (писал по-венгерски); первый стихотворный сборник «Поэтические первоцветы» (1868) написан по-словацки. Поэт, мечтавший о Словакии, где «не будет угнетенных и забитых», оставил богатое наследие.

Гвездослав был блестящим переводчиком западноевропейской и русской поэзии. Его произведения знали и переводили в России еще в XIX веке.

Стр. 348. *Яношик Юрай* (1688—1713) — легендарный словацкий благородный разбойник, герой словацкого и польского фольклора.

Стр. 349. *Далила* — героиня библейской мифологии, здесь — возлюбленная.

Ярослав Врхлицкий (1853—1912) — выдающийся чешский поэт, прозаик, драматург и переводчик. Издал около девяноста томов своих сочинений — лирические стихи и эпические поэмы, прозаические и драматические произведения, литературно-критические статьи; был выдающимся переводчиком, в основном переводил французских и итальянских авторов, а также Гете, Шиллера, Мицкевича, Петёфи, Уитмена и др.

Поэт воспевал жизнь, любовь, природу, обращался к темам социального бесправия тружеников (наиболее значительный сборник социальной лирики — «Сельские баллады», 1885) и грядущей революции. Стихи Врхлицкого отличает яркая образность, метафоричность; он обогатил чешскую поэзию новыми художественными формами, стихотворными размерами, «принес,— по словам Юлиуса Фучика,— в чешскую поэзию смелость блеска и монументальности, смелость солнечного света», «его огромное наследие... глубоко влияло на развитие всей чешской поэзии».

Стр. 354. *Карл* — имеется в виду Карл IV (1316—1378), чешский король и император Священной Римской империи; много сделал для развития ремесел и культуры, основал пражский университет, который носит его имя.

Жижка Ян (ок. 1360—1424) — национальный герой чешского народа, полководец, участник Грюнвальдской битвы.

Бланик — гора в Чехии, в которой, по народному преданию, спит чешское войско; в тяжкую для родины годину оно выйдет оттуда и прогонит чужеземцев.

Йозеф Болеслав Пецка (1849—1897) — чешский рабочий поэт.

Родился в Праге, в семье ткача, долгие годы работал ткачом, литейщиком, изучал социалистическую литературу. В 1878 году вместе с Ладиславом Запотоцким (отцом будущего президента народной Чехословакии Антонина Запотоцкого) основал социал-демократическую партию, активно сотрудничал в рабочих газетах.

В революционной поэзии Пецка видел действенное средство массовой агитации, он писал: «Социализм является, если можно так сказать, средством, которое

приблизит искусство к народу и народ к искусству». Чрезвычайно популярные в рабочей среде стихи и песни Пецки исполнялись на собраниях и митингах, ходили в списках, часть их он издал («Избранные стихотворения», Чикаго, 1889), им написана история Парижской коммуны (1873).

За политическую деятельность Пецку постоянно преследовала австрийская полиция, он вынужден был переселиться в Америку, где издал «Сборник чешских рабочих песен» — наиболее известные чешские революционные песни. Умер в Чикаго.

И. Иванова

ВЕНГРИЯ

Народные песни

Стр. 358. *Куруцы* — так в народе звали участников национально-освободительной борьбы венгров в 1703—1711 гг. против гнета Габсбургов.

Стр. 359. *«Из родного края в Польшу ухожу я, ухожу».*— После поражения в 1711 году национально-освободительного восстания многие его участники, опасаясь расправы, вынуждены были покинуть Венгрию.

Стр. 360. *Буда* — правосторонняя, по Дунаю, возвышенная часть Будапешта; до воссоединения (1872) с Пештом была самостоятельным городом, с 50-х годов XIV века и по 1848 год — столица Венгерского королевства.

Петер Борнемисса (1535—1584) — писатель, поэт, проповедник. В своих проповедях Борнемисса-епископ смело выступал против феодальной знати. Пятитомное издание его проповедей является подлинным памятником старой венгерской прозы. Известен и как переводчик, им переведена на венгерский язык и «приспособлена» к современности «Электра» Софокла.

Широко известное стихотворение П. Борнемиссы «Как грустно, что с тобой расстаться должен я...» является первой вехой венгерской светской поэзии.

Стр. 360. *Проклятый турок взял весь наш мадьярский юг, а немец взял весь Верх...* — После того как войска турецкого султана Сулеймана I овладели в 1541 году Будой, страна на целые полтора столетия оказалась под иноземным владычеством. Турки захватили юг и среднюю часть Венгрии, а в Западной и Северной Венгрии установили свое господство Габсбурги.

Стр. 361. *Замок Хуста* — находится в городе Хуст. В годы национально-освободительной борьбы 1703—1711 гг. он был одним из ее важнейших опорных пунктов.

Михай Чоконаи Витез (1773—1805) — яркая фигура венгерского Возрождения. Поэт прошел суровую школу жизни, на собственном горьком опыте познал социальную несправедливость. Его поэтическое кредо выражено пре-

дельно ясно: он за равенство всех граждан, за то, чтобы «баре чванные, украсив дом гербами, не правили еще безгласными рабами».

Большим мастером Витез Чоконаи показал себя и в любовной лирике, а также в комическом и сатирическом жанрах.

Михай Вёрёшмарти (1800—1855) — поэт-романтик, воспевший национально-освободительную борьбу венгров в 1848—1849 гг. Первый крупный успех М. Вёрёшмарти принесла эпическая поэма «Бегство Залана» (1825), посвященная бурным событиям переселения венгров в конце IX века. Поэзии М. Вёрёшмарти свойственно стремление осмыслить не только исторические судьбы родины, но и общечеловеческие проблемы. Примером сплава философских раздумий и патриотических чувств поэта является его знаменитое стихотворение «Призыв» (1836).

Стр. 364. *Арпад* (?—907) — венгерский князь, предводитель и один из вождей семи племен, завоевавших в самом конце IX века территорию нынешней Венгрии и осевших на ней; основатель династии Арпадов.

Хуняди — Хуньяди Янош (1407—1456) — князь, полководец в антитурецких войнах; под его предводительством были одержаны решающие победы над турками в 1442—1443 гг.

Стр. 366. *Гёргей Артур* (1818—1916) — венгерский генерал, один из военачальников национально-освободительной войны Венгрии против Австрии 1848—1849 гг.; был главнокомандующим революционной армии. На заключительном этапе борьбы вступил на путь соглашения с противником, завершившийся полным предательством — капитуляцией возглавляемой им армии. Имя Гёргей стало в Венгрии символом капитулянта, предателя.

Шандор Петёфи (1823—1849) — великий национальный поэт Венгрии; один из вдохновителей и вождей венгерской буржуазной революции и революционной борьбы 1848—1849 гг. Появление в печати сатирическо-пародийной поэмы «Сельский молот» сделало Петёфи известным в литературно-демократических кругах. В 1846 году он создал революционную организацию венгерских писателей «Товарищество десяти», а когда в марте 1848 года в Венгрии вспыхнула революция, Петёфи стал ее певцом и трибуном. Осенью 1848 года он вступил в революционную армию. В сражении под Шегешваром (31 июля 1849 года), завершившемся поражением армии генерала Бема, при котором Петёфи служил адъютантом, поэт-боец погиб.

Поэзия Шандора Петёфи по праву считается гордостью венгерской литературы. Он автор и философско-эпических произведений, и тончайшей любовной лирики, и призывной, политической поэзии. Творчество Шандора Петёфи имеет непреходящее значение для всего последующего развития венгерской литературы, оно получило широкое мировое признание.

Стр. 370. *Матры* — горный массив на севере Венгрии.

Стр. 375. *«Национальная песня»* — написана 13 марта 1848 года, за два дня до начала венгерской буржуазной революции. Она стала гимном революции.

«Песня» была распечатана и мгновенно распространена. Неоднократно поэт публично читал ее восставшему народу.

Эндре Ади (1877—1919).— Поэзия Э. Ади сыграла огромную роль в духовной подготовке венгерской нации к буржуазно-демократической революции 1918-го и пролетарской революции 1919 года.

В творчестве Ади нашли яркое выражение осуждение и разоблачение язв буржуазного общества, призыв к демократическим, революционным преобразованиям жизни.

Стр. 377. *Дёрдь Дожа* — вождь крестьянского восстания в Венгрии в 1514 году; подавившие восстание феодалы жестоко расправились с Дожей: он был заживо сожжен на раскаленном железном троне.

Стр. 378. *Ратный путь* — так в венгерских легендах называется Млечный Путь.

Гунния — поэтическое название родины гуннов, кочевого народа, сложившегося во II—IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов.

Давид и Голиаф — персонажи библейской мифологии. Юный пастух Давид убил пращой жестокого великана Голиафа.

Чаба — сын вождя гуннов Аттилы; по гуннским легендам, он со своим войском в случае, если его народу будет грозить опасность, вернется к нему Ратным (Млечным) путем.

Стр. 380. *Олт* — левый приток Дуная; протекает по Южным Карпатам и Нижнедунайской равнине.

О. Громов

БОЛГАРИЯ

Народные песни

Многие болгарские народные песни — эпические и лирические — создавались в мрачную эпоху почти пятивекового османского ига. В них нашли поэтическое выражение и горе бесправного народа, и его самоотверженная борьба против угнетателей, и его мечты о светлом будущем. Участившиеся в XVIII и в первой половине XIX века русско-турецкие войны значительно ослабляли Османскую империю и пробуждали веру у болгар в то, что их освобождение придет с севера, от русского народа.

Стр. 381. *Юнак* — герой, храбрец, богатырь.

Тырново (Велико Тырново) — город у северного склона Балкан, столица средневековой Болгарии.

Стр. 382. *«Эй, базиргенче, торговец!»* — «Эй, купчик, торговец!».

Сабля-френгия — сабля тонкая.

Сердары — начальники.

Добри Чинтулов (1823—1886) — поэт-революционер, певец национально-освободительной борьбы болгарского народа против османского ига. Стихотворение «Восстань, восстань, юнак балканский!» пользовалось огромной популярностью, распевалось как народная песня.

Стр. 385. *Пускай восстанет лев балканский...*— Лев — деталь болгарского национального герба, символ мужества и силы в борьбе за национальную независимость.

Петко Рачев Славейков (1827—1895) — поэт-патриот, видный просветитель и общественный деятель. Патриотическая лирика П. Р. Славейкова положила начало болгарской национальной поэзии. Большой популярностью пользовались его басни, сатирические стихи, поэмы.

Стр. 386. *Вардар, Струма и Марица* — реки в Болгарии.

Христо Ботев (1848—1876) — национальный герой болгарского народа, революционер, поэт, публицист. Стихи Ботева, проникнутые революционным пафосом борьбы болгарского народа за национальную независимость, стали вершиной болгарской поэзии XIX века. Некоторые из них, например, «Хаджи Димитр», стали народными песнями. В мае 1876 года Ботев возглавил отряд, выступивший в Болгарии в поддержку всенародного Апрельского восстания 1876 года, 2 июня погиб в неравной борьбе. Этот день стал национальным днем памяти всех болгарских патриотов, отдавших жизнь в борьбе за свободу родины.

Стр. 390. *Хаджи Димитр* (настоящее имя Димитр Николов Асенов, 1840—1868) — активный участник национально-освободительной борьбы против османских поработителей. Погиб вместе с отрядом.

Самодивы — сказочные существа в болгарских народных песнях, молодые красивые женщины, живущие в горах или лесах, нередко покровительницы народных борцов за свободу.

Стр. 391. *Караджа* — Стефан Караджа (настоящее имя Стефан Тодоров, 1842—1868) — активный участник национально-освободительного движения. Вместе с Хаджи Димитром был в отряде, сражавшемся на Балканах. Тяжелораненым попал в плен и был повешен турками.

Васил Левский (1837—1873) — выдающийся болгарский революционер, один из руководителей и идеологов национально-освободительной борьбы в Болгарии, близкий друг Ботева. По предательскому доносу был схвачен турецкими властями и казнен.

Иван Вазов (1850—1921) — поэт, прозаик и драматург, в творчестве которого нашла отражение многообразная жизнь болгарского народа и в особенности эпоха борьбы за национальную независимость. Поэт прославил мужество и стойкость своего народа в этой борьбе. Через всю жизнь И. Вазов пронес огромную любовь к русскому народу и русской культуре, был певцом болгаро-русской дружбы.

Стр. 392. *Стара-планина* — болгарское название Балканского хребта.

Фракия — древнее название южной части Болгарии.

Преслав — столица первого болгарского государства (IX—X вв.) в северо-восточной части Болгарии. Ныне сохранились развалины древнего города.

Стр. 393. *«Здравствуйте, братушки!»* — Стихотворение написано в 1878 году в связи с вступлением русских войск в Болгарию во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принесшей болгарскому народу освобождение от османского ига.

Стр. 394. *Шипка* — перевал через Балканский хребет, имевший важное значение в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Его героическая оборона русскими и болгарами стала символом босвого содружества этих народов.

Гурко Й. В. (1828—1901) — русский генерал, командовавший передовым отрядом в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Стр. 397. *Тунджа, Тимок и Вит* — реки в Болгарии.

Пенчо Славейков (1866—1912) — лирик, посвятивший свою поэзию раздумьям о смысле жизни, о природе, о людских судьбах. В стихах П. Славейкова запечатлена горькая мудрость и грусть.

В. Злыднев

ГРЕЦИЯ

Народные песни, вошедшие в книгу, это песни клефтов. Так называли бойцов партизанских отрядов, сражавшихся с османскими поработителями греческого народа во время национально-освободительной революции 1821—1829 гг.

Во многих песнях отразились подлинные исторические факты. В некоторых встречается образ Московита, богатыря с русыми волосами, который, как говорится в песнях, приведет полки из далекой Московии и освободит греков.

Песни клефтов переведены на русский язык Н. И. Гнедичем в 1824 году, а в 1825 году они были изданы отдельной книгой под названием «Простонародные песни нынешних греков».

Сборник Гнедича был сразу замечен и получил высокую оценку критики. Белинский, перечисляя заслуги Гнедича, писал, что «простонародные песни нынешних греков»... есть еще одна прекрасная заслуга русской литературы». В те годы книга имела не столько академическое, сколько политическое значение: она явилась замаскированным приветствием греческой революции. Так воспринял ее А. С. Пушкин. В письме Гнедичу от 23 февраля 1825 года он, восхищаясь поэтическим содержанием песен, особо обращает внимание Гнедича на дату своего письма, сделав приписку: « 23 февр., день объявления греч. бунта Александром Ипсиланди».

Стр. 400. *Буковалл* — Яннис Букувалас, один из самых знаменитых клефтов. Прославился многими победами над османскими поработителями. После подавления восстания (1769) бежал в Россию.

Керассово (Керасовон) — город в Греции.

Кенурио (Кенурия) — деревня там же.

Скиллодим — Митрос Скилодимос, народный полководец греческой национально-освободительной революции. Проявил исключительное мужество во время героической обороны города Миссолонги (1826).

Паликар (палликар) — «удалец», «богатырь». Так капитаны (вожаки клефтов) звали своих бойцов.

Стр. 401. *Проест* (проэст) — должностное лицо из греков на службе у турок.

Архонт — глава, правитель.

«Последнее прощание клефта» — любимая песня Байрона.

Константин Ригас (1757—1798) — поэт-революционер, боровшийся за освобождение Греции от османского владычества; убит в Белградской тюрьме. Ригас готовил всенародное восстание, для чего создал «Мистики этерия» («Тайное сообщество»). Увлекался идеями французских просветителей, переводил и издавал произведения Руссо, Вольтера, Монтескье. Создал проект конституции нового, свободного греческого государства, нелегально распространявшийся в стране. Призывал к созданию Балканской федерации народов. Сочиненный Ригасом «Военный гимн» пользовался огромной популярностью в Греции и со временем приобрел значение национального гимна.

Стр. 402. *Фанар* (Фанари) — греческий квартал в Константинополе. Фанариоты принимали деятельное участие в борьбе за национальную независимость.

Ромейцы — византийское название греков.

Стр. 404. *Арваниты* — греческое название албанцев.

Майноты (точнее, маниоты) — жители горного района в Лаконии. Прославились многолетней героической борьбой против османского порабощения.

Сулиоты — жители горной деревни в Эпире, которым многие годы (с 1732 по 1803 год) удавалось сохранять свою независимость. Деревня была захвачена османами в результате предательства.

Мавровуни — греческое название Черногории.

Аграфа — Аграфские горы, где были сосредоточены отряды клефтов.

Сава — приток Дуная.

Стр. 405. *Гидра* — остров неподалеку от Пелопоннеса.

Псариоты — жители острова Псара в Эгейском море. В 1824 году остров подвергся нападению турецкого флота, две трети его населения были уничтожены, а все строения сожжены.

Кирсалиды — повстанцы в Сирии, поднявшие в XVIII веке восстание против османского султана.

Андреас Кальвос (1792—1869) — был членом греческой революционной организации «Филики этерия» («Дружеское сообщество»), подготовившей национально-освободительную революцию в Греции.

Стр. 406. *«Ода Святому полку»* — посвящена павшим героям войска Александра Ипсиланти, с выступления которого началась греческая революция.

В. Соколюк

РУМЫНИЯ

Василе Александри (1821—1890) — поэт, прозаик, участник революции 1848 года, борец за объединение Молдавии и Валахии в единое национальное государство, один из организаторов румынского национального театра и общественно-литературных журналов, собиратель фольклора. Его пьесы, исторические драмы, проза и в особенности поэтическое творчество сыграли весьма важную роль в формировании литературы и современных молдавского и румынского литературных языков.

Стр. 408. *Дойна* — лирическая народная песня у румын и молдаван.

Стр. 410. *Пепеля* — герой народных румынских и молдавских сказок наподобие русского Иванушки-дурачка.

Иляна-Косынзяна — Дева-Краса, героиня народных румынских и молдавских сказок.

Михаил Эминеску (1850—1889) — поэт-романтик, творчество которого приобрело мировую известность. Его сказочные поэмы на фольклорно-литературной основе («Лучафэрул», «Мирон и бестелесная красавица») насыщены глубинным философским смыслом. Его поэма «Император и пролетарий» и философско-сатирический цикл «Послания» выражают резкое неприятие ценностей буржуазного общества и увлечение поэта социалистическими идеями.

Высочайшим жизненным принципом поэта была честность перед народом и самим собой. Поэт-правдолюбец, он посвятил свое творчество утверждению высоких идеалов справедливости, человечности и любви.

М. Кожевникова

АЛБАНИЯ

Наим Фрашери (1846—1900) — один из самых значительных поэтов албанского национального Возрождения. Основные принципы его творчества — патриотизм, высокая идейность, пафос борьбы, интерес к жизни народа легли в основу традиций всей албанской литературы.

Семья Наима Фрашери принимала деятельное участие в национально-освободительном движении албанцев. Старший брат Н. Фрашери — Абдюль был руководителем Призренской лиги, первой организации албанцев, возглавившей борьбу против османского ига.

Вместе с братом Наим Фрашери участвовал в создании Призренской лиги. Однако после ареста Абдюля Наим Фрашери был вынужден уехать в Стамбул.

Поэт принимал деятельное участие в создании национальных школ Албании. Для первой албанской школы, открытой в городе Корче в 1887 году, Н. Фрашери написал первые албанские азбуки, книги для чтения, учебники. Для албанских школьников поэт перевел несколько глав «Илиады» Гомера и басни Лафонтена.

Всеобщее признание поэту принесла его поэма «Стада и пашни» (1886). Ее патриотические мотивы были особенно близки албанскому народу.

Т. Серкова

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ И СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Сербские народные песни

В двадцатые — тридцатые годы прошлого столетия передовая русская интеллигенция проявляла интерес к сербской народной поэзии, возникший в связи с выходом в свет в Вене нескольких сборников сербских народных песен, изданных замечательным сербским ученым Вуком Стефановичем Караджичем.

Сборники Караджича были в библиотеке А. С. Пушкина. Свободолюбивые мотивы сербской народной поэзии оказались чрезвычайно близки душе поэта. Его симпатии, конечно, были на стороне народа, выступившего на борьбу против чужеземного насилия — пятисотлетнего ига Османской империи, поработившей сербов.

Во время южной ссылки в Кишиневе А. С. Пушкин познакомился со многими бежавшими туда после его поражения участниками освободительного восстания 1804 года против османского ига. Песня «Сестра и братья» дана в нашей книге в переводе А. С. Пушкина.

Стр. 421. *«Сестра освобождает брата».*— Речь идет о насильственном угоне в армию турецкого султана юношей из порабощенных Турцией областей Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Дубица — город в западной Боснии.

Петар Петрович Негош (1813—1851) — черногорский поэт и правитель Черногории. Самым значительным произведением Негоша является драматическая поэма «Горный венец», в которой рассказывается об изгнании турок и потурченцев (т. е. черногорцев, принявших ислам) из Черногории (конец XVII века), грозивших подорвать изнутри единство черногорского народа в его борьбе за независимость.

Стр. 422. *Батрич.*— Перович Батрич — реальное лицо, сын одного из черногорских старейшин. Был зверски убит турками.

Травник — город в Боснии, где в конце XVII века находилась резиденция боснийского паши.

Стр. 423. *Новую чалму надела б сестра брату!* — В XVII—XVIII вв. черногорцы носили на голове феску, обматывая ее сверху платком — чалмой.

Стр. 424. *Ловчен* — гора в Черногории, символ неприступности страны и свободы черногорского народа.

Черногории кровавый камень...— Большая часть Черногории расположена на скалистых горах; здесь на протяжении веков народ вел героическую, кровопролитную борьбу против завоевателей.

Карагеоргий и Милош — Георгий Черный (1752—1817) и Милош Обренович (1780—1860) — вожди Первого (1804) и Второго (1815) сербских восстаний против турок.

Вуковцы.— Имеются в виду предатели, последователи воеводы Вука Бранковича, который, по преданию (что не подтверждается историческими данными), изменил сербскому князю во время решающего сражения сербов с турками на Косовом поле (1389).

Бранко Радичевич (1824—1853) — сербский поэт-романтик, один из зачинателей новой сербской литературы. Публикуемое стихотворение представляет собой отрывок из лирической поэмы «Прощание с друзьями».

Стр. 425. *Коло* — национальный танец, распространенный у многих балканских народов.

Джура Якшич (1832—1878) — сербский поэт-романтик и художник. Особое место в творчестве Якшича занимают стихи, посвященные идеям национального освобождения.

Стр. 427. *...голым теменем своим обритым...*—Имеется в виду обычай мусульман-мужчин наголо выбривать голову.

Йован Йованович-Змай (1833—1904) — один из крупнейших сербских поэтов XIX века, автор лирических сборников, патриотических и сатирических стихотворений, зачинатель сербской детской поэзии.

Стр. 428. *В этом море пять столетий тонет повесть сербской жизни.*— Имеется в виду пятивековое турецкое иго.

Иван Мажуранич (1814—1890) — хорватский поэт, политический и государственный деятель. Поэзия Мажуранича проникнута идеей борьбы родного народа за национальную независимость. В главном произведении поэта — поэме «Смерть Смаил-аги Ченгича» описано подлинное историческое событие: в 1840 году во время сбора податей жестокий насильник паша Смаил-ага Ченгич был убит черногорцами.

Стр. 431. *Цехин* — золотая монета.

Райя — по-турецки дословно «скот». Так пренебрежительно турки называли людей в порабощенных ими землях.

Стр. 432. *Валах* — здесь: обобщенное название православных сербов и черногорцев.

Стр. 433. *...Словно тело Гектора вкруг Трои, когда Трою боги позабыли.*— Гектор — один из героев поэмы Гомера «Илиада», возглавивший воинство города Трои. Погиб в единоборстве с предводителем ахейцев Ахиллом, который из мести за убийство своего друга Патрокла привязал тело Гектора к колеснице и волочил его по земле, объезжая вокруг Трои.

Петар Прерадович (1818—1872) — хорватский поэт-романтик. В стихах Прерадовича нашли отражение идеи национального возрождения хорватского народа, братства славянских народов.

Стр. 434. *Денница* — в славянской мифологии образ полуденной звезды.

Франце Прешерн (1800—1849) — словенский поэт, основоположник национальной поэзии. Во многих стихотворениях Прешерна воспеваются родной народ и всеобщее славянское братство.

Симон Грегорчич (1841—1906) — словенский поэт, стихи которого богаты патриотическими мотивами. Во многих из них воспеты Юлийские Альпы — родина поэта.

Антон Ашкерц (1856—1912) — словенский поэт, автор нескольких сборников лирических стихотворений, поэм и баллад.

Т. Попова

ДАНИЯ

Народные баллады были особенно широко распространены в Скандинавии с XIII по XV век. Первые научные издания баллад, сохранившихся как в старинных рукописях, так и в устной крестьянской традиции, появились в XIX веке.

Для народных скандинавских баллад характерна своеобразная композиция — широкое использование диалога и рефрена, экспрессивность, особая мелодика и ритмика стиха, идущая от изначальной связи баллады с музыкой и танцем. Многие баллады существуют одновременно в датской, шведской и норвежской записях.

Стр. 440. *Хольгер Датский* — известен по легенде о спящем в замке Кронборг рыцаре, который пробуждается и приходит на помощь народу в момент крайней опасности. Этот образ стал национальным символом Дании.

Дидрик — в древнегерманском фольклоре имя Теодориха Великого (ок. 452—526 гг.), короля остготов, который завоевал Италию и правил ею из своей столицы Вероны (в фольклорном варианте — Берн).

Свертинг — великан, имя которого образовано от датского слова — «черный».

Стр. 441. *Верландсен* — воин Дидрика, который в этой балладе сражается на стороне датчан.

Стр. 442. *«Пусть же три цвета ведут нас на бой: красный, желтый и голубой».*— Цвета флага Дании — красный и белый, Норвегии — красный и голубой, Швеции — голубой и желтый. Здесь, вероятно, речь идет о том времени, когда все три страны были объединены Кальмарской унией (с 1397 по 1521 год).

Ханс Кристиан Андерсен (1805—1875) — великий сказочник, один из первых датских писателей, которых узнала Россия. Произведения Х.-К. Андерсена появились в России в 40-х годах прошлого столетия в переводах академика Я. К. Грота, много сделавшего для популяризации литературы Скандинавии и Финляндии. В 90-х годах супруги А. В. и П. Г. Ганзены осуществили огромную работу по переводу на русский язык всех основных сказок Андерсена. Творчество Андерсена высоко ценили Л. Толстой, А. Чехов, В. Гаршин, А. Блок, М. Горький.

Стр. 445. *Данеборг* (правильно: Данеброг) — датский государственный флаг (белый крест на красном поле).

НОРВЕГИЯ

Хенрик Ибсен (1828—1906) — крупнейший поэт и драматург, чье творчество оказало огромное влияние не только на всю последующую норвежскую литературу, но и на мировую драматургию. Первые стихотворные опыты Ибсена связаны с европейскими революционными событиями 1848—1849 гг. Это политические стихотворения «К венграм», «Пробуждайтесь, скандинавы!» и др. В поэзии Ибсена уже в раннем периоде его творчества определились две тенденции — субъективно-лирическая, отражающая настроения и переживания поэта, и социальная, проникнутая протестом против тяжелой доли простых людей. Однако самым важным в литературном наследии великого норвежца являются его драматические произведения, не потерявшие своего значения и по сей день. Такие драмы, как «Пер Гюнт», «Доктор Штокман», «Гедда Габлер», «Враг народа», «Кукольный дом» («Нора»), в которых он наряду с романтическим прославлением индивидуального бунта критикует буржуазную действительность, широко известны в нашей стране.

Творчество Ибсена высоко ценилось Л. Толстым, М. Горьким, А. Блоком.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон (1832—1910) — один из крупнейших норвежских писателей-реалистов, вместе с Ибсеном создал норвежский литературный язык. Принимал активное участие в борьбе за независимость Норвегии. Известность Бьёрнсону принесли повести из крестьянской жизни, поэмы и лирические стихотворения. Поэзия Бьёрнсона проникнута духом борьбы за свободу и любви к родине.

ШВЕЦИЯ

Стр. 450. *Густав Васа* (1496—1560) — в 1521 году возглавил восстание против датского короля Кристиана II (в балладе — Кристьерна), закончившееся захватом восставшими Стокгольма и избранием его королем под именем Густава I Васа.

Даларна (прежнее название — Далекарлия) — одна из центральных провинций Швеции, центр горнорудной промышленности, население которого издавна отличалось свободолюбием и не раз поднимало восстания за свободу родины.

Эсайас Тегнер (1782—1846) — один из выдающихся представителей шведского романтизма, чьи произведения проникнуты высокими идеями гуманизма.

Карл Юнас Альмквист (1793—1866) — романист, поэт, публицист, творческое наследие которого чрезвычайно разнообразно: стихи, поэмы, драмы, повести, романы, эссе.

Стр. 456. *С берегов Кальмара* — имеется в виду Кальмарский пролив, на берегу которого расположен город Кальмар.

Виктор Рюдберг (1828—1895) — поэт, прозаик, историк, философ, один из самых значительных представителей шведской культуры второй половины XIX века.

Стихи Рюдберга построены в основном на мотивах народных легенд и саг.

Стр. 457. *Ниссе* — сказочный гном, домовой.

Юхан Август Стриндберг (1849—1912) — крупнейший писатель и драматург, оказавший огромное влияние на всю последующую шведскую литературу. Творчество Стриндберга привлекало внимание многих деятелей русской культуры. Драма «Эрик XIV» была поставлена Евг. Вахтанговым.

ФИНЛЯНДИЯ

Юхан Людвиг Рунеберг (1804—1877) — один из крупнейших поэтов Финляндии, многолетний редактор литературной газеты «Суббота», которая сыграла большую роль в культурной и общественной жизни Финляндии.

Стихотворение «Наш край» было положено на музыку Ф. Пациусом и стало государственным гимном Финляндии.

День рождения поэта, 5 февраля, отмечается в Финляндии как национальный праздник — «День Рунеберга».

Захариас Топелиус (1818—1898) — поэт, прозаик, драматург, историк. В лирике Топелиуса воспеты родина, красота родной природы. Стихи его музыкальны, напевны, ритмичны. Основные лирические произведения Топелиуса собраны в трех сборниках под общим названием «Цветы вереска» (1844—1854). Топелиус известен также как автор сказок, переводившихся и на русский язык.

Каарло Крамсу (1855—1895).— Поэтом издано всего два поэтических сборника. Стихи его, проникнутые грустью и иронией, полны в то же время духом борьбы против рабства и угнетения. Это лучшие образцы финской национальной поэзии.

А. Афиногенова

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Поэзия индейцев — это красота ритмов и образов, рожденных жизнью в тесном соприкосновении с природой. В ней — звуки лесов и прерий, краски рассвета и заката, вечная новизна зеленеющей земли.

Индейцы верили в магическую силу песен, считали их своими первейшими защитниками в суровой борьбе с природой. Песни-талисманы «помогали» вызвать попутный ветер, «уберегали» от беды, «приносили» удачу на охоте, «обеспечивали» ясную погоду, «утихомиривали» бурные воды, «призывали» дожди. Вот почему в «Молитве о Тропе Красоты», например, так много образов связано с тучами, громом, молнией и радугой.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Почвой национальной поэзии США изначально служила английская поэтическая культура. Вместе с тем, начиная с XVIII века, все сильнее стала выявляться самобытность американской поэзии, и уже к середине XIX века Америка стала родиной не только крупных поэтических талантов, но и мастеров мирового масштаба. К числу их сегодня по праву относятся Эдгар По, Генри Лонгфелло и Уолт Уитмен.

У истоков большой американской поэзии нет какой-либо одной монументальной фигуры. Появление многих оригинальных поэтов было прежде всего обусловлено событием огромной исторической значимости: буржуазной американской революцией, или, как ее еще называют, Войной за независимость североамериканских колоний от Англии, завершившейся образованием нового государства — США.

Важную черту американской поэзии составляет аболиционизм — протест против рабовладельческой системы, утвердившейся на американском Юге. Горестная судьба чернокожих невольников, многолетняя борьба за отмену рабства, за гражданское равноправие негров — одна из важнейших тем в поэзии США.

Американская поэзия XIX века сразу нашла своего читателя в России. Стихи и поэмы американских поэтов переводились на русский язык крупнейшими русскими поэтами: А. Плещеевым, И. Буниным, К. Бальмонтом, И. Анненским, В. Брюсовым. Настоящим подвижничеством был труд К. Чуковского по переводу стихов У. Уитмена. Традиция глубокого освоения американской поэзии активно продолжается и в наше время.

Филип Френо (1752—1832) — поэт американской революции, певец ее побед и героев, сатирик, лирик, публицист и политик в поэзии и прозе, зачинатель антирабовладельческой и индейской темы в поэзии США.

Стр. 472. *Саратога.*— Имеется в виду город Саратога-Спрингс на юге штата Нью-Йорк, где в 1777 году состоялась решительная битва в войне за независимость.

Эдгар Аллан По (1809—1849) — крайне самобытная фигура американской поэзии. Поэт, теоретик поэзии, прозаик, критик, Э. По считал, что стихотворение должно быть посвящено только одной теме, оно должно быть лаконично, музыкально и написано как бы на одном дыхании. Э. По был блестящим мастером поэтической техники, его стихи отмечены редкой музыкальностью, стремительностью и разнообразием ритмов. Мировую известность приобрела поэма Э. По «Ворон». В русской литературе существует пятнадцать ее переводов, в том числе К. Бальмонта, Д. Мережковского, В. Брюсова и других.

Стр. 473. *Эдем* — библейское наименование рая.

Стр. 474. *Паллада* — Афина-Паллада, древнегреческая богиня мудрости, покровительница науки.

Плутон — античное божество земли и богатства; здесь отождествляется с богом подземного царства.

Стр. 475. *Галаадские горы.*— Галаад — город, упоминаемый в Библии; здесь имеет значение земли, где можно найти утешение страждущему.

Стр. 477. *«Колокольчики и колокола».*— В оригинале поэма называется «Колокола». Здесь приводится в первом, сокращенном переводе К. Бальмонта, выполненном в 1895 году. Всего существует шесть русских переводов поэмы. В 1913 году перевод Бальмонта был положен С. В. Рахманиновым на музыку.

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882) — известнейший поэт-романтик, на долю которого выпала широкая прижизненная слáва. Переводчик Данте на английский язык, автор многочисленных баллад и песен, Лонгфелло самобытнее всего проявил себя как эпический рассказчик. К числу самых известных его произведений этого рода относится поэма «Песнь о Гайавате» (1855), основанная на индейских мифах.

Стр. 484. *Гайавата* — собирательный образ индейского вождя и народного заступника, рожденный мифами и легендами алгонкинских и ирокезских племен.

Стр. 485. *Навадага.*— Романтическим обликом музыканта Навадаги автор наделил этнографа Г. Р. Скулкрафта, от которого Лонгфелло почерпнул богатый материал по индейскому фольклору для своей поэмы.

Джон Гринлиф Уиттьер (1807—1892) — поэт, публицист и общественный деятель, борец за отмену рабства негров.

Уолт Уитмен (1819—1892) — крупнейший поэт, реформатор национальной поэзии США. С его именем связано утверждение в поэзии США свободного стиха, новых языковых средств, новых тем и героев («я пою простую, всякую

личность», «о теле электрическом я пою»). Все написанное У. Уитменом составило книгу «Листья травы».

Уитмену впервые удалось создать образ страны во всей ее огромности. Он писал о родной земле, о подлинной сути хваленой американской демократии, о музыке, о таинстве Вселенной, о море, о чувстве дружбы. Самостоятельные циклы посвящены им Гражданской войне в США и президенту Линкольну.

Стр. 493. *«Иди с поля, отец»* и *«Прощальное слово солдату».*— Стихи входят в поэтический цикл «Барабанный бой», посвященный событиям Гражданской войны в США 1861—1865 гг.

Стр. 494. *«О Капитан, мой Капитан!»* — Стихотворение принадлежит циклу «Памяти президента Линкольна» и является одним из немногих рифмованных стихов поэта. Положено на музыку.

Стр. 495. *Потомак* — река, на которой стоит город Вашингтон.

Эмили Дикинсон (1830—1886).— При жизни поэтессы было опубликовано всего три ее стихотворения (из тысячи написанных). Знакомство широкой публики с творческим наследием Дикинсон началось со сборника «Стихотворения» (1890). Стихи поэтессы отмечены глубиной личных переживаний, философичностью и символикой; их новаторство состоит в необычности рифм и размера и особой роли знаков препинания.

Стр. 496. *«Вот все — что я тебе принесла!..»* — Знак тире, распространенный в стихах Дикинсон, призван усиливать динамику мысли, смены настроений; а заглавные буквы применяются ею для придания словам иносказательного, символического смысла.

Джо Хилл (1879—1915) — псевдоним известного пролетарского поэта-песенника И. Э. Сеглунда. Родился в Швеции, в семье железнодорожника. В 1902 году эмигрировал в США, где работал батраком, шахтером, лесорубом. В 1910 году вступил в боевую профсоюзную организацию американских рабочих. В помощь бастующим рабочим Джо Хилл стал писать стихи, пародии и песни, заимствуя образы из американского фольклора, исполняя их на популярный мотив. По ложному обвинению в убийстве был схвачен властями, заключен в тюрьму и казнен. Похороны Джо Хилла вылились в политическую демонстрацию. Наибольшую популярность приобрели песни Джо Хилла «Кейси Джонс — скэб», «Бродяга», «Тощий Билл» и «Путь далек до миски с супом».

Стр. 499. *«Кейси-Джонс — скэб»* — известный герой рабочего фольклора, удалой железнодорожник. Здесь этот персонаж выведен в сатирическом образе штрейкбрехера (по-английски скэб), то есть рабочего-соглашателя, подкупленного буржуазией.

Эс-Пи лайн — Южно-Тихоокеанская железнодорожная линия, принадлежащая крупной компании.

Стр. 500. *Союз их номер двадцать три...*— то есть профсоюзное объединение рабочих.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

В народной поэзии ацтеков широко распространен жанр так называемых «песен-цветов» — философских размышлений о красоте человеческой жизни и любви. Содержание таких песен связывалось воедино цепочкой символических образов: жизнь и песня уподоблялись в них цветам, драгоценным камням, оперению птицы кецаль, и темы эти постоянно варьировались. Слова часто сопровождались музыкой, и все вместе исполнялось в танце. Индейцы Центральной и Южной Америки обладали большой музыкальной культурой, оказавшей огромное влияние на латиноамериканскую музыку позднейших времен.

Песенные жанры были характерны и для поэзии кечуа, в которой различают придворную и народную поэзию. В первой получили распространение различные гимны в честь богов (как и у ацтеков), во второй — игровые и лирические песни.

Богатое поэтическое наследие коренных жителей Центральной и Южной Америки, несмотря на их интенсивное уничтожение в эпоху испанского завоевания, не исчезло бесследно. Напротив, оно все активнее участвует в современной культуре стран Латинской Америки, в развитии литературы, проявляясь в творчестве таких поэтов, как Роберто Обрегон Моралес (традиции майя), Хуана Уальпаримачи Майты, Келко Уарак-ка (кечуа) и других.

Стр. 501. *«Наденьте красивые ваши одежды...»* — песня индейцев майя.

Стр. 502. *«Вечный свет»* — пример гимновой поэзии инков; молитва, обращенная к Инти, верховному божеству, предстающему в облике Солнца.

А. Ващенко

БРАЗИЛИЯ

Томас Антонио Гонзага (1744—1810) — поэт-классицист, участник борьбы бразильского народа против португальского колониального владычества. Один из организаторов тайного общества «Инконфиденсиа», готовившего вооруженное восстание. В 1789 году был приговорен к смертной казни, заменен-ной пожизненной ссылкой в Африку. Стихотворение «Там звезда любви взошла» написано поэтом в ссылке, в разлуке с родиной и возлюбленной. Судьба опального поэта была близка Пушкину, его перевод помечен «с португальского» и записан поэтом в одной из рукописных его тетрадей.

Кастро Алвес (1847—1871) — прославленный поэт-революционер, творчество которого проникнуто революционно-демократическим и антирабовладельческим пафосом.

ЧИЛИ

Эусебио Лильо (1826—1910) — поэт-романтик, журналист, политический деятель, один из организаторов революционно-демократического «Общества

равных». Был сослан на остров Чилос, откуда бежал в Боливию. В шестидесятых годах, после прихода к власти в Чили либеральной партии, вернулся на родину и занимал различные государственные посты.

Стр. 508. *«1810 год».*— В сентябре 1810 года в Чили началась национально-освободительная борьба против испанских поработителей.

Стр. 509. *...восстановили кровавые законы прежних дней.*— В 1830 году власть в Чили захватили консерваторы. Они отменили либеральную конституцию 1829 года и широкое избирательное право, восстановили феодальные привилегии крупных землевладельцев и католической церкви.

ЭКВАДОР

Хосе Хоакин Ольмедо (1780—1847) — поэт-классицист, общественный деятель, участник освободительной борьбы в Перу и Эквадоре против испанских колонизаторов.

Стр. 510. *«Победа при Хунине. Песнь Боливару».*— В оде воспета победа латиноамериканских армий под командованием Симона Боливара под Хунитом (Перу) над превосходящими силами испанцев (6 августа 1824 года).

Стр. 511. *С ним сражаться вы шли с берегов Ориноко...*— В 1817 году Боливар создал военную базу в городе Ангостура на реке Ориноко. Отсюда он начал военную кампанию с целью освобождения Венесуэлы, Эквадора и Перу.

КУБА

Хосе Мариа Эредиа (1803—1839) — поэт и драматург, зачинатель романтизма в латиноамериканской поэзии. Принял участие в заговоре (1824), имевшем целью провозгласить Кубу независимой республикой. Когда заговор был раскрыт испанскими властями, бежал в США. Испанским военным судом поэт был заочно приговорен к смертной казни. В 1825 году в Нью-Йорке вышел его первый сборник стихов, в том же году поэт перебрался в Мексику, где и провел всю остальную часть жизни.

Хосе Марти (1853—1895) — выдающийся писатель, национальный герой Кубы, великий революционер, организатор и вдохновитель национально-освободительной войны на Кубе, начавшейся в феврале 1895 года. 24 мая Хосе Марти пал в бою вблизи Дос Риос.

Стр. 515. *«Свинцовый полог туч угрюмых...»* — Стихотворение носит автобиографический характер. В детстве Хосе Марти был не раз свидетелем ужасов рабства и с малых лет научился ненавидеть его.

Стр. 516. *...мраморные статуи героев.*— Имеются в виду герои кубинской национально-освободительной войны 1868—1878 гг., в которой народ не смог добиться независимости, но расшатал устои колониального владычества. Результатом этой борьбы была отмена рабства на Кубе.

ГВАТЕМАЛА

Хосе Батрес Монтуфар (1804—1844) — поэт-романтик и новеллист. Артиллерийский офицер, работал инженером на строительстве канала в непроходимой тропической области Сан-Хуан в Никарагуа.

Стр. 519. *Мой брат отошедший носил твое имя.*— Брат поэта Хуан также работал на строительстве канала в Никарагуа и умер от тропической лихорадки.

ПЕРУ

Мануэль Гонсалес Прада (1848—1918) — поэт и публицист, революционный демократ, выдающийся общественный и литературный деятель.

Стр. 521. *Мита* — барщина, изнурительная трудовая повинность, которую индейцы должны были выполнять по приказу испанских колонизаторов.

МЕКСИКА

Мануэль Акунья (1849—1873) — поэт-романтик и драматург, творчество которого имело демократическую и антиклерикальную направленность.

Стр. 522. *Идальго* — национальный герой Мексики, «отец мексиканской независимости», священник из местечка Долорес Мигель Идальго и Костилья (1753—1811). 16 сентября 1810 года призвал народ к борьбе за независимость («Клич Долорес»). Во главе войска индейцев одержал несколько побед над колонизаторами, но затем потерпел поражение, был пленен испанцами и расстрелян.

НИКАРАГУА

Рубен Дарио (1867—1916) — великий латиноамериканский поэт, писатель, литературный критик, журналист, реформатор испаноязычной поэзии. Родился и опубликовал свою первую поэтическую книгу в Никарагуа. В 1886 году в Чили выпустил сборник стихов и прозы «Лазурь», ознаменовавший начало нового литературного течения, так называемого латиноамериканского модернизма. Книга «Языческие псалмы» (1896) утвердила за Дарио репутацию вождя новой поэзии. На этом этапе латиноамериканские модернисты протестовали против буржуазной действительности, но протест их заключался в культе «чистого искусства», идеальной красоты, оторванной от реальной жизни. Впоследствии его поэзия носила гражданский, антиимпериалистический характер.

В. Столбов

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ ВОСТОКА

КИТАЙ

Народные песни

Песни отобраны из литературного памятника «Шицзин» («Книги песен»), оформившегося в XI—VI вв. до н. э. По преданию, мудрец Конфуций (VI—V вв. до н. э.) отобрал из трех тысяч записанных к тому времени стихов и песен десятую часть, чтобы вместе с прозаическими философскими трактатами они послужили делу нравственного воспитания народа. «Шицзин» состоит из четырех самостоятельных разделов: «Нравы царств», «Малые оды», «Большие оды» и «Гимны». Известный ученый-китаевед А. А. Штукин полностью перевел «Книгу песен» на русский язык.

Тао-Юань-мин (365—427) — великий поэт, чье творчество на протяжении веков почиталось эталоном прекрасного и служило образцом для подражания. Тао прославился как певец гор и вод, он звал к единению с природой.

Ван Вэй (699 или 701—759 или 761).— По словам современников, «в стихах Ван Вэя — живопись, а в картинах поэзия». В лирических пейзажах он стремился передать гармонию природы и человека.

Ли Бо (701—762) — при жизни получил прозвище Великого. Его литературное наследие включает стихи и ритмическую прозу. Ли Бо воспевал родину, свободный труд, красоту гор и лесов, прекрасное чувство дружбы. Многие его произведения пронизаны тревогой о судьбах Китая, которому угрожали северные кочевники.

Ду Фу (712—770) — поэт-патриот, близкий друг Ли Бо. В его творчестве с особой силой прозвучали обличительные ноты. Гражданский пафос поэзии Ду Фу выделяет его имя в ряду китайских лириков.

Бо Цзюй-и (772—846) — «Небесный Бо», поэт, чье творчество явилось вершиной лирической поэзии Древнего Китая.

Ли Цинчжао (1084—1151).— Подавляющее большинство стихотворений поэтессы написано в жанре «цы», истоки которого восходят к народной песне.

Стр. 540. *Мэйхуа* — цветущее дерево сливы.

Какиномото Хитомаро (ум. в 707 или 709 г.) — один из так называемых «бессмертных» поэтов, чье творчество представлено в «Манъёсю» («Собрании мириада листьев») — древнейшей (VIII в.) антологии японской поэзии, включающей около 4,5 тысячи произведений различных жанров. К. Хитомаро знаменит как масштабными лиро-эпическими одами и плачами, так и проникновенными пятистишиями — танка.

Стр. 542. *«Вздымается волна из белых облаков...»* и *«Средь гор осенних...»* — лирические миниатюры, написанные в жанре танка. Танка представляет собой нерифмованное стихотворение из 31 слога. Оно, как правило, богато разнообразными ассоциациями, переданными с помощью изощренных поэтических приемов.

Сайгё (1118—1190).— В юности приняв монашество, поэт много путешествовал по стране и оставил обширное поэтическое наследие, в котором глубокая жизненная философия выражена через колоритные образы природы. Творчество Сайгё считается вершиной поэзии танка средневековья.

Стр. 542. *Унохана* — дейция зубчатая. Популярные в японской поэзии цветы.

«Дожди пятой луны».— В средневековой Японии время отсчитывалось по лунному календарю.

Мацуо Басё (1644—1694) — крупнейший поэт жанра хайку, придавший ему глубокую философскую наполненность. В состоящем из семнадцати слогов хайку поэтический образ создается за счет выделения какой-либо яркой детали или оригинального сравнения.

Стр. 545. *«Далекий зов кукушки...»* — Кукушка в японской поэзии является таким же символом, как, к примеру, в русской поэзии — соловей. Однозвучные трели кукушки всегда пробуждали в японских поэтах возвышенные чувства.

Рёкан (1758—1831) — поэт, чье имя зачастую упоминается в одном ряду с Сайгё и Басё. Приняв постриг, Рёкан долгое время скитался по стране. Собирая подаяние, по обычаю нищенствующих монахов, он слагал стихи на японском и китайском языках. Последние годы жизни провел в храме на горе Куками (остров Хонсю). Сохранилось множество легенд об эксцентричном чудаке монахе, который любил играть с детьми, собирать цветы и плясать на сельских праздниках.

Стр. 546. *Надпись на веере.*— В Японии и Китае было принято писать стихи на веерах, картинах, бумажных ширмах и даже на деревянных стенах.

Татибана Акэми (1812—1868).— Выходец из богатой купеческой семьи, Акэми отказался от наследства ради занятий изящной словесностью. Особенно знаменит его цикл «Мои маленькие радости».

А. Долин

ИНДИЯ

Наль и Дамаянти (Из героического эпоса «Махабхарата»).

Основное ядро эпоса сложилось в первое тысячелетие до н. э.

По словам В. А. Жуковского, первого переводчика на русский язык сказания о Нале и Дамаянти, эта повесть «есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самопожертвование Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

Стр. 550. *Индейским* — старинное произношение слова «индийским».

Нерада (Нарада) и *Первата* (Парвата) — мифические старцы, посредники между богами и людьми.

Индра — в индийской мифологии бог дождя и грозы, владыка небесного рая.

Стр. 551. *Пуньялока* — достохвальный; одно из прозвищ Наля.

Стр. 556. *...и на кудри ему наложивши... венок.*— Более точно: венок или гирлянда цветов были надеты на шею Наля.

Стр. 558. *Позабыл совершить очищенье...*— По ритуалу, Наль должен был совершить обряд полоскания рта после омовения ног; тогда он считался бы «чистым». В данном же случае Наль забыл совершить омовение ног. Следовательно, и полосканне рта не могло защитить его от Кали, который тут же в него вселился.

Стр. 566. *Ведды* (точнее, Веды) — древние сборники молитв, гимнов, заклинаний.

Стр. 567. *Эдем* — рай.

Стр. 572. *«Знать, в прежней жизни была я преступна».*— По индуистским религиозным представлениям, человек после смерти возрождается вновь, но уже в другом образе — человека, животного или растения. В новой жизни он несет наказание за грехи, совершенные в прошлом.

Стр. 574. *Брамин* (брахман) — священнослужитель.

Стр. 583. *Брама* — верховное божество индуистской мифологии.

Стр. 598. *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент.

Стр. 601. *Гангес* (точнее, Ганг) — река в Индии.

Йогешвара (предположительно IX в.) — придворный поэт. Точных сведений о нем нет.

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

Имру Уль-Кайс (Ок. 500 г.— сер. VI в.) — выдающийся представитель бедуинской поэзии, воспевавший доблесть арабов-кочевников. В его стихах разработаны основные темы бедуинской лирики: кочевье, оплакивание следов покинутой стоянки, любовь, военная доблесть, природа.

Стр. 603. *«Поплачем над прежней любовью, над старым жилищем...»* — Касыда (небольшая поэма) начинается с оплакивания следов покинутого стаиовища.

Стр. 604. *Бывал я в пустынях, подобных долине Химара...* — По легенде, у Химара, владельца плодородной долины, грозой убило десятерых сыновей. Химар в гневе проклял аллаха, за что тот обрушил на долину небесный огонь.

Омар ибн Аби Рабиа (644—712) — выходец из купеческой среды, мастер городской лирики. Писал любовные стихотворения — газели, исполняющиеся в музыкальном сопровождении. От написания придворных панегириков отказывался, говоря, что «восхваляет только красоту женщин».

Абу Нувас (762—813).— Поэт прославился своим веселым нравом. Как озорник и богохульник стал героем многих новелл «1001 ночи». Абу Нувас создал особый жанр застольной лирики, воспел веселье и женскую красоту, героике бедуинской жизни противопоставил радости жизни горожанина.

Абу-ль-Ала-Аль-Маари (973—1057) — прославленный поэт-мыслитель, философская поэзия которого оказала влияние на духовную жизнь многих поколений арабов.

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ПОЭЗИЯ

Абуабдулла Абульхасан Рудаки (860—941) — родоначальник персидско-таджикской поэзии. Долгие годы был придворным поэтом, под конец жизни попал в опалу, был изгнан и, по-видимому, ослеплен. Сохранилась лишь незначительная часть его огромного литературного наследия.

Омар Хайям (1048—1132) — поэт, философ, математик, труды которого были широко известны в Европе. Хайям прославился своими четверостишиями (рубаи), в которых с огромной поэтической силой выразил свое понимание смысла человеческой жизни, высказал глубоко рационалистические взгляды о вечности материи, ее круговороте, о бесконечной изменяемости мира. В то же время поэт воспел земные радости, противопоставляя ханжеству и запретам религии свою веру в ценность полнокровного земного бытия.

Муслихиддин Саади (1184—1292) — автор всемирно известных произведений дидактической литературы «Голестан» и «Бустан», мастер газели. Родился в Ширазе, затем почти двадцать пять лет странствовал по Востоку и Индии, побывал в Африке. Томился в плену у крестоносцев. Последние десятилетия жизни посвятил литературному творчеству, которое принесло ему мировую известность. Начиная с XVII века, произведения Саади переводятся на многие европейские языки.

Шамсиддин Мухаммад Хафиз (ум. 1389) — величайший лирик мировой литературы. Благодаря своим блестящим способностям стал хафизом,

то есть «хранящим в памяти» текст Корана — профессиональным чтецом Корана. Отсюда поэтический псевдоним Хафиза. Всю жизнь поэт провел в Ширазе, за свободомыслие и отказ подчиниться религиозным догмам был похоронен как еретик вне мусульманского кладбища. Могила его и по сей день — место паломничества. В его газелях раскрывается мир страстей, чувствований, горестей и радостей человека его времени, а поэтический гений Хафиза придал его поэзии непреходящую ценность.

Стр. 616. *Санаи* — Абульмаджд Санаи, поэт, чьи стихи стали символом поэтического совершенства.

Стр. 617. *Намаз* — мусульманская молитва.

Михраб — ниша мечети, имеющая стрельчатый свод. Поэтому в поэзии с михрабом часто сравнивают бровн красавицы.

Н. Пригарина

КОРЕЯ

Сон Саммун (1418—1456) — поэт и ученый, внесший большой вклад в создание «звукового алфавита» корейской азбуки.

Стр. 622. *Пэнлай* — в буддийской мифологии волшебная гора, обитель бессмертных.

Чон Чхоль (1537—1594).— Многие стихи поэта, оставаясь эталоиом классической утонченности, превратились в популярные народные песнн.

ФИЛИППИНЫ

Хосе Рисаль (1861—1896) — писатель, ученый и общественный деятель, автор нескольких сборников стихов. Всю жизнь Рисаль посвятил борьбе за освобождение Филиппин от испанского колониального ига. Был расстрелян во время национально-освободительного восстания. Его стихотворение «Последнее прощание», написанное в ночь перед казнью, стало завещанием революционера, борца за независимость своей родины.

А. Долин

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Кружков. Небо поэзии 3

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Архилох

Перевод В. Вересаева

«Скорбью стенящей крушась...» 23
«Сердце, сердце!..» . . . . . —

Тиртей

«Доля прекрасная...» *Перевод О. Румера* 24
«Вперед, о сыны отцов...» *Перевод В. Латышева* 25

Алкей

К Сапфо. *Перевод В. Вересаева* 25
Буря. *Перевод Вяч. Иванова* . . . . . —
«Медью воинской весь блестит...» *Перевод Вяч. Иванова* 26

Сапфо

«Я негу люблю...» *Перевод Вяч. Иванова* 26
«Сверху низвергаясь...» *Перевод В. Вересаева* 27
«Я к тебе взываю, Гонгила...» *Перевод В. Вересаева* . . . . . —
«Мать милая!..» *Перевод Вяч. Иванова* . . . . . —
К Алкею. *Перевод В. Вересаева* . . . . . —

Солон

Саламин. *Перевод Вяч. Иванова* 28
Благозаконие. *Перевод Г. Церетели* . . . . . —
Седмицы человеческой жизни. *Перевод В. Латышева* 29

Анакреонт

«Мастер в живописстве первой...» *Перевод М. Ломоносова* 29
«Узнают коней ретивых...» *Перевод А. Пушкина* 31
«Поредели, побелели кудри...» *Перевод А. Пушкина* . . . . . —
«Кобылица молодая...» *Перевод А. Пушкина* . . . . . —
Артемиде. *Перевод Л. Мея* 32
«О Левкастида!..» *Перевод Л. Мея* . . . . . —

Феогнид

Перевод В. Вересаева

«Если тебя человек восхваляет...» 32
«Низкому сделав добро...» 33
«Милых товарищей много найдешь...» . . . . . —

Ксенофан

«Чистый лоснится пол...» *Перевод А. Пушкина* 33
«Если быки, или львы, или кони...» *Перевод Ф. Петровского* 34

Платон

«Яблоко это тебе я кидаю...» *Перевод О. Румера* 34
Сапфо. *Перевод О. Румера* . . . . . —
«Только в тенистую рощу вошли мы...» *Перевод Л. Блуменау* . . . . . —

ДРЕВНИЙ РИМ

Гай Валерий Катулл

«Плачь, Венера...» *Перевод Адр. Пиотровского* 35
«Кажется мне тот богоравным...» *Перевод С. Ошерова* . . . . . —
«Нет, ни одна среди женщин...» *Перевод Адр. Пиотровского* 36
«Если о добрых делах...» *Перевод С. Шервинского* . . . . . —
«Лесбия вечно ругает меня...» *Перевод Адр. Пиотровского* 37
«Жизнь моя!..» *Перевод Адр. Пиотровского* . . . . . —

Квинт Гораций Флакк

Оды

«Славный внук, Меценат...» *Перевод А. Семенова-Тян-Шанского* 38
«О корабль, вот опять...» *Перевод А. Семенова-Тян-Шанского* 39
«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» *Перевод М. Ломоносова* . . . . . —

Альбий Тибулл

«Напрасно осыпал я жертвенник...» *Перевод К. Батюшкова* 40

Публий Овидий Назон

«Если в столице...» (Отрывок из «Скорбных элегий»). *Перевод Я. Голосовкера* 41

Дедал и Икар. (Отрывок из поэмы «Метаморфозы»). *Перевод С. Шервинского* 43

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Народные баллады

Ворон к ворону летит. *Перевод А. Пушкина* 45

Робин Гуд угощает шерифа. *Перевод Игн. Ивановского* 46

Робин Гуд молится богу. *Перевод Игн. Ивановского* 49

Старуха, дверь закрой! *Перевод С. Маршака* 51

Эдмунд Спенсер

Сонеты

«Я имя милой вздумал написать...» *Перевод В. Рогова* 52

«С таким коварством золото волос...» *Перевод А. Сергеева* 53

«Окончил путь усталый старый год...» *Перевод А. Сергеева* . . . . . —

Уильям Шекспир

Сонеты

«Не соревнуюсь я с творцами од...» *Перевод С. Маршака* 54

«Прекрасное прекрасней во сто крат...» *Перевод С. Маршака* . . . . . —

«Уж если медь, гранит, земля и море...» *Перевод С. Маршака* 55

«Измучась всем, я умереть хочу...» *Перевод Б. Пастернака* . . . . . —

«То время года видишь ты во мне...» *Перевод Б. Пастернака* 56

«Седины ваши зеркало покажет...» *Перевод С. Маршака* . . . . . —

«Уж если ты разлюбишь...» *Перевод С. Маршака* 57

«Мешать соединенью двух сердец...» *Перевод С. Маршака* . . . . . —

«Ее глаза на звезды не похожи...» *Перевод С. Маршака* 58

«Божок любви под деревом прилег...» *Перевод С. Маршака* . . . . . —

Джон Донн

* Штиль (Из послания Кристоферу Бруку). *Перевод Г. Кружкова* . . . 59

Джон Мильтон

К Шекспиру. *Перевод Ю. Корнеева* 60

Потерянный рай (Отрывок из поэмы). *Перевод А. Штейнберга* . . . . . —

Джонатан Свифт

Басня о Мидасе. *Перевод В. Левика* 61

Томас Грей

Сельское кладбище (Отрывок из элегии). *Перевод В. Жуковского* . . . 63

Джеймс Макферсон

Оссиан. Песнь Кольмы. *Перевод Д. Веневитинова* 65

Уильям Блейк

Перевод С. Маршака

Вступление к «Песням неведения» 66
Дитя-радость 67
Тигр . . . . . —
Муха 68
Лондон 69
Заблудившийся мальчик . . . . . —
Древо яда 70
«Словом высказать нельзя...» . . . . . —

Роберт Бернс

Честная бедность. *Перевод С. Маршака* 71
Джон Ячменное Зерно. *Перевод Э. Багрицкого* 72
В горах мое сердце. *Перевод С. Маршака* 74
Дерево свободы. *Перевод С. Маршака* 75
«Пробираясь до калитки...» *Перевод С. Маршака* 77

Уильям Вордсворт

Люси. *Перевод С. Маршака* 78
Нарциссы. *Перевод А. Ибрагимова* . . . . . —

Роберт Саути

Суд божий над епископом. Баллада. *Перевод В. Жуковского* 79

Томас Мур

Ужели дарован я встречей. *Перевод В. Лунина* 82

Из «Ирландских мелодий»

Ирландия, смех твой и слезы в глазах. *Перевод А. Ревича* 83
Сын менестреля. *Перевод А. Плещеева* . . . . . —
Луч ясный играет. *Перевод И. Козлова* 84
О, только не думай, что весел всегда я. *Перевод А. Преловского* . . . . —
Запомни: здесь лучшие пали. *Перевод Г. Русакова* 85

Из «Мелодий разных народов»

Вечерний звон. *Перевод И. Козлова* 86
Мир вам, почившие братья! *Перевод М. Михайлова* . . . . . —

Джордж Гордон Ноэль Байрон

Паломничество Чайльд-Гарольда (Отрывок из поэмы). *Перевод И. Козлова* 87
«Хочу я быть ребенком вольным...» *Перевод В. Брюсова* 89
Не вспоминай... *Перевод Т. Щепкиной-Куперник* 91
«Прости! Коль могут к небесам...» *Перевод М. Лермонтова* . . . . . —
В альбом. *Перевод М. Лермонтова* 92
Экспромт в ответ другу. *Перевод М. Салтыкова-Щедрина* . . . . . —
Душа моя мрачна. *Перевод М. Лермонтова* . . . . . —
Она идет во всей красе. *Перевод С. Маршака* 93
«Неспящих солнце!..» *Перевод А. К. Толстого* . . . . . —
Ты кончил жизни путь... *Перевод А. Плещеева* 94
Стансы. *Перевод Н. Огарева* . . . . . —
Стансы к Августе. *Перевод Б. Пастернака* 95
Любовь и смерть. *Перевод А. Блока* 96
Из дневника в Кефалонии. *Перевод А. Блока* 97

Перси Биши Шелли

Ирландия. *Перевод Б. Колесникова* 97
Озимандия. Сонет. *Перевод К. Бальмонта* 98
Мужам Англии. *Перевод С. Маршака* . . . . . —
Ода Западному Ветру. *Перевод Б. Пастернака* 99
Свобода. *Перевод В. Левика* 101
Странники мира. *Перевод В. Микушевича* 102
«Опошлено слово...» *Перевод Б. Пастернака* . . . . . —

Джон Китс

«Прекрасное пленяет навсегда...» (Отрывок из поэмы «Эндимион»). *Перевод Б. Пастернака* 103
«Она беспечно с братьями жила...» (Отрывок из поэмы «Изабелла»). *Перевод Игн. Ивановского* 104
Ода Греческой Вазе. *Перевод Г. Кружкова* . . . . . —

Сонеты

«Тому, кто в городе был заточен...» *Перевод С. Маршака* 106
Кузнечик и сверчок. *Перевод Б. Пастернака* . . . . . —
Море. *Перевод Б. Пастернака* 107
«Когда страшусь...» *Перевод В. Левика* . . . . . —
Сонет о славе. *Перевод С. Маршака* . . . . . —
«День отошел...» *Перевод В. Левика* 108

Томас Гуд

У смертного одра. *Перевод М. Михайлова* 109
Песня о рубашке. *Перевод Э. Багрицкого* . . . . . —

Альфред Теннисон

* Улисс. *Перевод Г. Кружкова* 111

Вильям Моррис

Марш рабочих. *Перевод В. Рогова* 113

Роберт Льюис Стивенсон

Вересковый мед. Баллада. *Перевод С. Маршака* 115

Из сборника «Детский цветник стихов»

Бурная ночь. *Перевод Игн. Ивановского* 117
Куда уплывает челнок? *Перевод К. Бальмонта* 118
Город из деревяшек. *Перевод В. Брюсова* . . . . . —
Молчаливый солдатик. *Перевод Игн. Ивановского* 119

ФРАНЦИЯ

Франсуа Вийон

Баллада поэтического состязания в Блуа. *Перевод И. Эренбурга* 121

Пьер Ронсар

Перевод В. Левика

Жаворонок 122
«Природа каждому оружие дала...» 123
«Мой боярышник лесной...» 124
«Храни вас бог, весны подружки...» 125

Жоакен Дю Белле

Сонеты

Перевод В. Левика

«Блажен, кто устоял...» 126
«Ученым степени дает ученый свет...» . . . . . —

Жан Лафонтен

«Жениться хорошо, да много и досады...» Басня. *Перевод М. Ломоносова* 127

Вольтер

Перевод А. Пушкина

Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало 128
Стансы . . . . . —
Сновидение 129

Эварист Парни

Элегия. *Перевод К. Батюшкова* 130
Песня Эрика. *Перевод Дениса Давыдова* . . . . . —
Ожидание. *Перевод Е. Баратынского* 131

Руже де Лиль

Марсельеза. *Перевод П. Антокольского* 131

Андре Шенье

«Ты вянешь и молчишь...» *Перевод А. Пушкина* 133
«Под бурею судеб...» *Перевод Е. Баратынского* 134
«Близ мест, где царствует...» *Перевод А. Пушкина* . . . . . —

Антуан Венсан Арно

Листок. *Перевод Дениса Давыдова* 135

Пьер-Жан Беранже

Как яблочко румян. *Перевод В. Курочкина* 135
Король Ивето. *Перевод И. и А. Тхоржевских* 137
Беднота. *Перевод Вс. Рождественского* 138
Капуцины. *Перевод Валентина Дмитриева* 140
Четырнадцатое июля. *Перевод П. Антокольского* 141
Старый капрал. *Перевод В. Курочкина* 143
Старый бродяга. *Перевод М. Михайлова* 144
Нищая. *Перевод Д. Ленского* 145

Альфонс де Ламартин

Злобный гений. *Перевод А. Полежаева* 146
Озеро. *Перевод А. Фета* 148

Виктор Гюго

История. *Перевод П. Антокольского* 149
Завершение. *Перевод В. Левика* 150
Лунный свет. *Перевод А. Ревича* 151
Рыжая Нурмагаль. *Перевод Г. Шенгели* 152
«Взгляни на эту ветвь...» *Перевод Э. Линецкой* 153
«Когда страницы книг...» *Перевод Т. Щепкиной-Куперник* 154
Гимн. *Перевод Е. Полонской* . . . . . —
«Друзья, скажу еще два слова...» *Перевод Э. Линецкой* 155
«О ком я думаю?..» *Перевод Валентина Дмитриева* 157
«Как хорошо в саду!..» *Перевод Валентина Дмитриева* . . . . . —
Писано в 1853. *Перевод В. Брюсова* 158
Осажденный Париж. *Перевод Н. Рыковой* 159
Глупость войны. *Перевод П. Антокольского* . . . . . —
«За баррикадами, на улице пустой...» *Перевод П. Антокольского* 160

Огюст Барбье

Пролог. *Перевод Д. Минаева* 161

Альфред де Мюссе

Пепите. *Перевод А. Апухтина* 161
«Не ждете ль вы, что назову я...» *Перевод И. Тургенева* 162
«Все время слышу...» *Перевод А. Ревича* 163

Теофиль Готье

Первая улыбка весны. *Перевод В. Брюсова* 163

Эжен Потье

Интернационал. *Перевод А. Коца* 165

Шарль Леконт де Лиль

Ягуар. *Перевод Б. Лифшица* 167
В темную ночь, в штиль, под экватором. *Перевод И. Бунина* 168
Золотой диск. *Перевод И. Бунина* 169

Жозе-Мариа де Эредиа

Сонеты

Антоний и Клеопатра. *Перевод И. Чежеговой* 169
Ponte Vecchio. *Перевод М. Волошина* 170

Шарль Бодлер

Альбатрос. *Перевод В. Левика* 171
Человек и море. *Перевод П. Якубовича* . . . . . —
Старый колокол. *Перевод И. Анненского* 172
Сплин. *Перевод И. Анненского* . . . . . —
Слепые. *Перевод И. Анненского* 173

Арман Сюлли-Прюдом

Разбитая ваза. *Перевод А. Апухтина* 174
Идеал. *Перевод И. Анненского* . . . . . —

Поль Верлен

Песня без слов. *Перевод И. Анненского* 175
Мой давний сон. *Перевод А. Гелескула* . . . . . —
Соловей. *Перевод А. Гелескула* 176

Артюр Рембо

Роман. *Перевод Б. Лифшица* 176
Руки Жан-Мари. *Перевод П. Антокольского* 177

БЕЛЬГИЯ

Эмиль Верхарн

Воскресное утро. *Перевод Е. Полонской* 180
Плодовые сады. *Перевод Е. Полонской* . . . . . —
Амбары. *Перевод Е. Полонской* 181
Ноябрь. *Перевод Г. Шенгели* . . . . . —
Путешественники. *Перевод Н. Рыковой* 182
Статуя буржуа. *Перевод Н. Рыковой* 183
Во славу ветра. *Перевод В. Брюсова* 184
Труд. *Перевод Н. Рыковой* 186
Герои Льежа. *Перевод В. Брюсова* 188
«Нет, жить тобой душа не уставала!..» *Перевод А. Гатова* 190
На север. *Перевод М. Волошина* . . . . . —

ГЕРМАНИЯ

Поэзия вагантов

Обличение денег. *Перевод М. Гаспарова* 192
Нищий студент. *Перевод Л. Гинзбурга* 194
«Ложь и злоба миром правят...» *Перевод Л. Гинзбурга* 195

Вальтер фон дер Фогельвейде

Настоящая похвала. *Перевод В. Левика* 195

Ганс Сакс

О Виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде. *Перевод В. Шора* 196

Пауль Флеминг

Перевод Л. Гинзбурга

Великому городу Москве, в день расставания. Сонет 199
Эпитафия . . . . . —

Андреас Грифиус

Сонеты

Перевод Л. Гинзбурга

Слезы отечества (год 1636) 200
На завершение года 1650 . . . . . —
Последний сонет 201

Готфрид Август Бюргер

Ленора. Баллада. *Перевод В. Жуковского* 201

Иоганн Вольфганг Гете

«Я зову сердца внемлю!»
(1767—1778)

Моей матери. *Перевод А. Кочеткова* 208
Фридерике Брион. *Перевод В. Левика* . . . . . —
Свидание и разлука. *Перевод Б. Мориц* 210
Дикая роза. *Перевод Д. Усова* 211
Мальчик с сурком. *Перевод С. Заяицкого* . . . . . —
Новая любовь — новая жизнь. *Перевод А. Фета* 212

«Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом!»
(1780—1829)

Ночная песня странника. *Перевод М. Лермонтова* 213
Вечное в мгновенном. *Перевод Бориса Заходера* . . . . . —
Нашел. *Перевод И. Миримского* 214

Баллады

Лесной царь. *Перевод В. Жуковского* 215
Певец. *Перевод Ф. Тютчева* 216
Крысолов. *Перевод В. Бугаевского* 217

Из «Западно-восточного дивана»

Перевод В. Левика

«Зачем тоска мне гложет грудь?..» 217
Безграничный 218

Из «Эгмонта»

«Радость и горе в живом упоеньи...» *Перевод Ф. Тютчева* 218

Из романа «Театральное призвание Вильгельма Мейстера»

Миньона
1. «Ты знаешь край?..» *Перевод С. Шервинского* 219
2. «Сдержись, я тайны не нарушу...» *Перевод Б. Пастернака* . . . —
3. «Нет, только тот, кто знал...» *Перевод Л. Мея* 220

Арфист
1. «Кто одинок...» *Перевод Б. Пастернака* . . . . . —
2. «Кто с хлебом слез своих не ел...» *Перевод Ф. Тютчева* . . . . —

«Фауст»

(Отрывки из трагедии)

«Когда природа крутит жизни пряжу...» *Перевод Б. Пастернака* 221
«До гор болото, воздух заражая...» *Перевод Н. Холодковского* . . . . . —

Фридрих Шиллер

К радости. Ода. *Перевод М. Лозинского* 222

Баллады

Кубок. *Перевод В. Жуковского* 225
Перчатка. *Перевод В. Жуковского* 229
Ивиковы журавли. *Перевод Н. Заболоцкого* 231

Клеменс Брентано

Серенада. *Перевод В. Куприянова* 235
Песнь Рейну. *Перевод В. Микушевича* 236

Адельберт Шамиссо

Весна. *Перевод В. Куприянова* 237
«Окрасился месяц багрянцем...» *Переводчик неизвестен* . . . . . —

Людвиг Уланд

Три песни. *Перевод В. Жуковского* 238
Напутствие. *Перевод А. Гугнина* 239
К Родине. *Перевод А. Гугнина* . . . . . —
Весеннее успокоение. *Перевод Ф. Тютчева* . . . . . —

Йозеф Эйхендорф

Зимний сон. *Перевод А. Плещеева* 240
Плаванье певца. *Перевод А. Карельского* . . . . . —
Ночные голоса. *Перевод А. Плещеева* 241

Теодор Кёрнер

Москва. Сонет. *Перевод А. Фета* 242

Вильгельм Мюллер

В путь. *Перевод И. Тюменева* 242

Генрих Гейне

Из «Книги песен»

Гренадеры. *Перевод М. Михайлова* 243
Отплытие. *Перевод В. Зоргенфрея* 244
«Я не сержусь: простить достало сил...» *Перевод И. Анненского* 245
«На севере диком стоит одиноко...» *Перевод М. Лермонтова* . . . . . —
«Они меня истерзали...» *Перевод Ап. Григорьева* . . . . . —
«Отравой полны мои песни...» *Перевод Л. Мея* 246
«Во сне я горько плакал...» *Перевод В. Зоргенфрея* . . . . . —
«В этой жизни слишком темной...» *Перевод А. Блока* . . . . . —
«Не знаю, что стало со мною...» *Перевод В. Левика* 247
«По роще брожу я, рыдая...» *Перевод А. Ревича* . . . . . —

«Сырая ночь и буря...» *Перевод А. Блока* 248
«Когда мне семью моей милой...» *Перевод В. Левика* . . . . . —
«Мы были совсем еще дети...» *Перевод Р. Дубровкина* 249
«Довольно! Пора мне забыть этот вздор!..» *Перевод А. К. Толстого* . . . 250
«Хотел бы в единое слово...» *Перевод Л. Мея* . . . . . —
«Ты вся в жемчугах и в алмазах...» *Перевод А. Фета* 251

Из книги «Новые стихотворения»

«Меня ты не смутила, мой друг...» *Перевод А. Майкова* 251
Доктрина. *Перевод А. Плещеева* 252

Из книги «Стихотворения 1853—1854 годов»

Силезские ткачи. *Перевод В. Левика* 252

Людвиг Рельштаб

Серенада. *Перевод Н. Огарева* 253

Эдуард Мёрике

Былое счастье. *Перевод И. Тургенева* 254
К полуночи. *Перевод А. Карельского* . . . . . —
Красавица Ротраут. *Перевод Г. Ратгауза* 255

Фердинанд Фрейлиграт

Прощальное слово «Новой Рейнской газеты». *Перевод М. Зенкевича* . . 256

Георг Веерт

Литейщик пушек (Из «Ланкаширских песен»). *Перевод И. Миримского* 257

АВСТРИЯ

Иоганн Майрхофер

Мемнон. *Перевод Н. Заболоцкого* 259
Свежесть. *Перевод В. Вебера* 260
Волна и цветок. *Перевод В. Вебера* . . . . . —

Йозеф Христиан Цедлиц

Баллады

Ночной смотр. *Перевод В. Жуковского* 261
Воздушный корабль. *Перевод М. Лермонтова* 262

Николаус Ленау

Из цикла «Песни в камышах»

«Вечер бурный и дождливый...» *Перевод А. Апухтина* 264
«Солнечный закат...» *Перевод К. Бальмонта* 265
Лес. *Перевод В. Левика* . . . . . —

Мориц Гартман

Белое покрывало. Баллада. *Перевод М. Михайлова* 266

ИТАЛИЯ

Данте Алигьери

Сонеты

Перевод А. Эфроса

«Все помыслы мне о Любви твердят...» 268
«Все, что мятежно в мыслях...» 269
«Не раз теперь средь дум моих встает...» . . . . . —
«В своих очах Любовь она хранит...» 270
«Придите внять стенаниям моим...» . . . . . —
«Над сферою, что шире всех кружится...» 271

Франческо Петрарка

Сонеты

Посылка плодов. *Перевод Г. Державина* 271
«Когда, как солнца луч...» *Перевод И. Бунина* 272
Прогулка. *Перевод Г. Державина* . . . . . —
«Задумчивый, медлительный, шагаю...» *Перевод Ю. Верховского* 273
«Благословляю день...» *Перевод Д. Мина* . . . . . —
«Нет мира для меня...» *Перевод И. Крылова* 274
«В какой стране небес...» *Перевод И. Козлова* . . . . . —
На смерть Лауры. *Перевод К. Батюшкова* 275
«Ни ясных звезд блуждающие станы...» *Перевод Вяч. Иванова* . . . . . —
«Я к той был увлечен...» *Перевод И. Козлова* 276
«Когда она вошла...» *Перевод А. Майкова* . . . . . —

Лодовико Ариосто

«Благополучная, приятная темница...» Сонет. *Перевод А. Шишкова* . . . 277

Джованни ди Карло Строцци

На статую «Ночь» Микеланджело. *Перевод В. Соловьева* 277

Микеланджело Буонарроти

«Молчи, прошу...» *Перевод Ф. Тютчева* 278
«Он зрел картины божьего суда...» *Перевод Е. Солоновича* . . . . . —
«Не правда ли — примерам нет конца...» *Перевод Е. Солоновича* . . . . —

Торквато Тассо

Сонеты

Перевод Е. Солоновича

«На тебя ли я смотрю...» 279
«Ровесник солнца...» 280

Винченцо Филикайя

«Италия! Италия!..» Сонет. *Перевод П. Катенина* 280

Уго Фосколо

К Флоренции. Сонет. *Перевод Е. Витковского* 281

Джакомо Леопарди

К Италии. *Перевод А. Ахматовой* 282

ИСПАНИЯ

Народные песни

Перевод К. Бальмонта

«Слово песни — капля меда...» 286
«Я иду вперед...» . . . . . —
«Да, твоя любовь...» . . . . . —
«Ты себя со мной сравнила!..» . . . . . —
«Как же ты безумна, крошка!..» . . . . . —
«Подожди еще, останься...» 287
«Я по власти выше бога...» . . . . . —
«Два зеркала — твои глаза...» . . . . . —
«На лицо твое гляжу я...» . . . . . —
«Хоть ухожу, не ухожу я...» . . . . . —

Мигель де Сервантес Сааведра

Сонет. *Перевод М. Лозинского* 288
«Ладьею легкой управляя...» *Перевод В. Жуковского* . . . . . —
Ревность. *Перевод С. Гончаренко* 289

Луис де Гонгора

«Из хрусталя твоей, сеньора, длани...» Сонет. *Перевод О. Румера* 289
«Вальядолид. Застава...» *Перевод С. Гончаренко* 290
«Где башня Ко́рдовы гордой...» *Перевод С. Гончаренко* . . . . . —

Лопе де Вега

«За нежный поцелуй ты требуешь сонета...» Сонет. *Перевод В. Жуковского* 292
«О, как нехорошо любить притворно!..» Сонет. *Перевод Вл. Пяста* . . . —
«Она стояла гордо на террасе...» *Перевод С. Юрьева* 293

Педро Кальдерон

«Нет, меня не веселит...» *Перевод Б. Пастернака* 293
Сонет. *Перевод Б. Пастернака* 294
«Ты видишь розу?..» Сонет. *Перевод М. Самаева* 295

Хосе де Эспронседа

Песнь пирата. *Перевод П. Грушко* 295

Густаво Адольфо Беккер

«В пыли, забытая, немая...» *Перевод М. Ватсон* 298
«Черны мои кудри...» *Перевод В. Мазуркевича* 299
«Настала ночь...» *Перевод М. Самаева* . . . . . —
«Я не помню, что мне снилось...» *Перевод В. Мазуркевича* . . . . . —
«Цвет обрывает, сыплет листвою...» *Перевод Б. Дубина* 300

ПОРТУГАЛИЯ

Луис де Камоэнс

Сонеты

Перевод В. Левика

«Как смерть в глаза видавший мореход...» 301
«Зарею ли румянит мир весна...» 302
«Когда брожу я по лугам зеленым...» . . . . . —
«Найду ли сердцу я приют укромный...» 303
«Деревня! Для изведавших крушенье...» . . . . . —
«Вы мчитесь, волны, мимо всех преград...» 304
«Туманный очерк синеватых гор...» . . . . . —

ПОЛЬША

Миколай Рей

Монах. *Перевод С. Михалкова и Я. Козловского* 305

Ян Кохановский

Перевод Л. Мартынова

Фрашки

Ганне 306
На стяжателя . . . . . —
Госпоже . . . . . —
Из книги «Песен» (Отрывок) 307

Игнацы Красицкий

Гимн любви к родине. *Перевод А. Арго* 309

Адам Мицкевич

Стихотворения

«Когда пролетных птиц несутся вереницы...» *Перевод В. Брюсова* 309

«Над водным простором широким...» *Перевод В. Короленко* 310
«Полились мои слезы...» *Перевод В. Звягинцевой* . . . . . —

Любовные сонеты

Перевод В. Левика

«Я размышляю вслух...» 311
«Впервые став рабом...» . . . . . —

Крымские сонеты

Аккерманские степи. *Перевод И. Бунина* 312
Буря. *Перевод В. Левика* . . . . . —
Алушта днем. *Перевод В. Бенедиктова* 313
Алушта ночью. *Перевод И. Бунина* . . . . . —
Аю-Даг. *Перевод И. Козлова* 314

Баллады

Перевод А. Пушкина

Воевода 314
Будрыс и его сыновья 316

Юлиуш Словацкий

Разлука. *Перевод А. Ахматовой* 318
Мое завещанье. *Перевод Б. Пастернака* 319
В альбом Зофье Бобровой. *Перевод А. Ахматовой* 320
«На память вам дарю...» *Перевод Д. Самойлова* . . . . . —
«Ничем уже меня не огорчить...» *Перевод Д. Самойлова* 321
«Друзья, надел земли мне дайте в Польше...» *Перевод А. Ревича* . . . . —

Владислав Сырокомля

Ямщик. *Перевод Л. Трефолева* 322

Мария Конопницкая

«Сияли мои очи меж листвою...» *Перевод Д. Самойлова* 324
«Этот плуг, соха и поле...» *Перевод Е. Благининой* 325
«Как король шел на войну...» *Перевод А. Колтоновского* . . . . . —
Призыв. *Перевод Л. Трефолева* 326
Присяга. *Перевод В. Левика* 327

Вацлав Свенцицкий

Варшавянка. *Перевод Г. Кржижановского* 327

Болеслав Червеньский

Красное знамя. *Перевод В. Богороз-Тана* 329

ЧЕШСКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ПОЭТЫ

Ян Коллар

Дочь Славы

(Сонеты из поэмы)

«Сдается мне...» *Перевод с чешского В. Бенедиктова* 331
«Горы вы, горы скалистые...» *Перевод с чешского Н. Горской* . . . . . —
«Сто долгих лет...» *Перевод с чешского Н. Стефановича* 332

Карел Гинек Маха

Май (Отрывок из поэмы). *Перевод с чешского Д. Самойлова* 333

Стихотворения

«Ночь во мраке!..» *Перевод с чешского А. Ахматовой* 336
«Влтава, что же ты тоскуешь?..» *Перевод с чешского Н. Стефановича* . . —
«И не шумите и не надо жалоб...» *Перевод с чешского Л. Мартынова* . . . 337
Посвящение в стихах. *Перевод с чешского А. Ахматовой* 338

Самуэль Томашик

Гей, славяне! *Перевод со словацкого Н. Берга* 338

Андрей Сладкович

Марина (Отрывки из поэмы). *Перевод со словацкого М. Зенкевича* . . . 339

Карел Гавличек-Боровский

Тирольские элегии (Отрывки из поэмы). *Перевод с чешского Д. Минаева* 340

Янко Краль

Национальная песня. *Перевод со словацкого Н. Стефановича* 344

Ян Неруда

Только вперед! *Перевод с чешского Н. Асеева* 344
«Сильней всего люби отчизну!..» *Перевод с чешского Л. Мартынова* . . . 346
«Все в себе ношу я молча...» *Перевод с чешского Д. Самойлова* . . . . . —

Сватоплук Чех

Будь славен труд! *Перевод с чешского М. Павловой* 347

Павол Орсаг Гвездослав

«Вы слыхали о Яношике лихом...» *Перевод со словацкого Ю. Вронского* . . 348
«В царство лесное!..» *Перевод со словацкого Ю. Вронского* 349
«Приди, приди на землю...» Сонет. *Перевод со словацкого В. Микушевича* 350

Ярослав Врхлицкий

Утро. *Перевод с чешского Н. Стефановича* 350
Подсолнечники. *Перевод с чешского К. Бальмонта* 351
Чехия. *Перевод с чешского Н. Стефановича* 352

Йозеф Болеслав Пецка

Только вперед! *Перевод с чешского М. Зенкевича* 354

ВЕНГРИЯ

Народные песни

Перевод М. Исаковского

Жена Иштвана Гергё 357
Куруц в изгнании. (Из песен куруцев) 358
Солдатская песня 360

Петер Борнемисса

«Как грустно...» *Перевод Н. Чуковского* 360

Михай Чоконаи Витез

Перевод Н. Чуковского

Вечер 361
Клятва 363

Михай Вёрёшмарти

Перевод Н. Чуковского

Герб Венгрии 364
Призыв . . . . . —
Да, я сержусь... 366
Проклятие . . . . . —

Шандор Петёфи

Издалека. *Перевод Л. Мартынова* 367
Патриотическая песня. *Перевод Л. Мартынова* 368
Солдат отставной я... *Перевод Л. Мартынова* 369
Что ела ты, земля?.. *Перевод Л. Мартынова* . . . . . —
Одно меня тревожит... *Перевод Л. Мартынова* . . . . . —
На Хевешской равнине. *Перевод Б. Пастернака* 370
Мужчина, будь мужчиной... *Перевод Л. Мартынова* 372
Собачья песня. *Перевод А. Луначарского* 373
Волчья песня. *Перевод А. Луначарского* . . . . . —
Венгерец я! *Перевод В. Левика* 374
Национальная песня. *Перевод Л. Мартынова* 375
Осень вновь... *Перевод Б. Пастернака* 376

Эндре Ади

Внук Дёрдя Дожи. *Перевод Л. Мартынова* 377
Звезда звезд. *Перевод Л. Мартынова* 378
Ратный путь. *Перевод Л. Мартынова* . . . . . —
Песнь венгерского якобинца. *Перевод Л. Мартынова* 380

БОЛГАРИЯ

Народные песни

Мирчо и Бояна. *Перевод А. Ревича* 381
Три вереницы невольников. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 383

Добри Чинтулов

Восстань, восстань, юнак балканский! *Перевод М. Зенкевича* 384

Петко Рачев Славейков

Перевод М. Зенкевича

Канун 385
Отчизна 386

Христо Ботев

Прощанье. *Перевод Л. Мартынова* 387
Хаджи Димитр. *Перевод А. Суркова* 390
Казнь Васила Левского. *Перевод Л. Мартынова* 391

Иван Вазов

Где Болгария? *Перевод Н. Чуковского* 392
Здравствуйте, братушки! *Перевод М. Зенкевича* 393
Вы бы поглядели! *Перевод В. Луговского* 394
Мои песни. *Перевод М. Зенкевича* 395
Родная речь. *Перевод Л. Мартынова* 396
Россия! (Отрывок из стихотворения). *Перевод Н. Тихонова* 397

Пенчо Славейков

«Тихими слезами плачет ночь...» *Перевод М. Петровых* 399

ГРЕЦИЯ

Народные песни

Перевод Н. Гнедича

Буковалл 400
Скиллодим . . . . . —
Последнее прощание клефта 401

Константин Ригас

Военный гимн. *Перевод М. Михайлова* 402

Андреас Кальвос

Ода Святому полку. *Перевод С. Ильинской* 406

РУМЫНИЯ

Василе Александри

Дойна. Перевод В. Луговского 408
Звезды (Дойна). *Перевод Г. Семенова* 409
Перед печкой. *Перевод Г. Семенова* 410
Плуги. *Перевод В. Шефнера* . . . . . —

Михаил Эминеску

Перевод Ю. Кожевникова

Болтовне ответ — молчанье 411
Из окна глядит царевна... . . . . —
Снова мачты покидают... 412
Звезда . . . . . —

АЛБАНИЯ

Наим Фрашери

Песнь светильника. *Перевод Э. Александровой* 413
Свирель. *Перевод Э. Александровой* 415
Стада и пашни (Отрывок из поэмы). *Перевод Д. Самойлова* 416

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ И СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Сербские народные песни

Сестра и братья. *Перевод с сербскохорватского А. Пушкина* 418
Сестра освобождает брата. *Перевод с сербскохорватского М. Исаковского* 421

Петар Петрович Негош

Плач сестры Батрича (Отрывок из поэмы «Горный венец»). *Перевод с сербскохорватского М. Зенкевича* 422
Ловчену. *Перевод с сербскохорватского Б. Слуцкого* 424
Тени Александра Пушкина. *Перевод с сербскохорватского Б. Слуцкого* 425

Бранко Радичевич

«Громче, четче, тамбур, тамбурица!..» (Отрывок из поэмы «Прощание с друзьями»). *Перевод с сербскохорватского М. Зенкевича* 425

Джура Якшич

Отчизне. *Перевод с сербскохорватского М. Зенкевича* 427

Йован Йованович Змай

Братьям болгарам. *Перевод с сербскохорватского С. Маршака* 428
Взвейся, ветер! *Перевод с сербскохорватского А. Суркова* . . . . . —
«Как этот мир...» *Перевод с сербскохорватского А. Ахматовой* 429
«С лепестков росистый жемчуг...» *Перевод с сербскохорватского А. Ахматовой* . . . . . —
«Роясь в книгах и бумагах...» *Перевод с сербскохорватского М. Павловой* 430

Иван Мажуранич

Дань (Отрывок из поэмы «Смерть Смаил-аги Ченчича»). *Перевод с сербскохорватского М. Зенкевича* 431

Петар Прерадович

Моя лодка. *Перевод с сербскохорватского Н. Стефановича* 433
Звездный хоровод. *Перевод с сербскохорватского Л. Трефолева* 434

Франце Прешерн

Здравица. *Перевод со словенского Д. Самойлова* 434
Просьба. *Перевод со словенского М. Петровых* 436

Симон Гregорчич

Веселый пастух. *Перевод со словенского М. Петровых* 437

Антон Ашкерц

«Дымится черное, распаханное поле...» *Перевод со словенского С. Штейна* 438
Русский язык. *Перевод со словенского А. Сиротинина* . . . . . —

ДАНИЯ

Народные баллады

Перевод Игн. Ивановского

Хольгер Датский и силач Дидрик 440
Стиг-знаменосец 442
Последний выход 443

Ханс Кристиан Андерсен

Дания — моя родина. *Перевод А. Коринфского* 445
Роза. *Перевод П. Гнедича* 446

НОРВЕГИЯ

Хенрик Ибсен

Рудокоп. *Перевод Вс. Рождественского* 447

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

О, если б ты знала! *Перевод В. Левика* 448
Марш рабочих. *Перевод З. Александровой* 449

ШВЕЦИЯ

Народные баллады

Перевод Игн. Ивановского

Густав Васа и далекарлийцы 450
Батрачка с ручной мельницей 452

Эсайас Тегнер

Перелетные птицы. *Перевод Ю. Вронского* 454
Вечное. *Перевод А. Парина* 455

Карл Юнас Альмквист

Песня рыбака с берегов Кальмара. *Перевод И. Бочкаревой* 456

Виктор Рюдберг

Осенний вечер. *Перевод А. Парина* 457
Ниссе. *Перевод Ю. Вронского* . . . . . —

Юхан Август Стриндберг

Субботний вечер. *Перевод А. Парина* 460

ФИНЛЯНДИЯ

Юхан Людвиг Рунеберг

Наш край. *Перевод А. Блока* 461
Лебедь. *Перевод А. Блока* 463
У ручья. *Перевод В. Брюсова* 464

Захариас Топелиус

Рабочая песня. *Перевод А. Блока* 465

Каарло Крамсу

Над водопадом. *Перевод В. Брюсова* 466

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

* *Перевод А. Ващенко*

Весенняя песня 469
«Туча нависает...» . . . . . —
Любовная песня . . . . . —
Оленья песня 470
Что может сова . . . . . —
Песня грома . . . . . —
Молитва о Тропе Красоты . . . . . —

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Филип Френо

Американский солдат. *Перевод М. Зенкевича* 472

Эдгар Аллан По

Молчание. Сонет. *Перевод К. Бальмонта* 473
Ворон. Поэма. *Перевод М. Зенкевича* . . . . . —
Аннабель Ли. *Перевод К. Бальмонта* 476
Колокольчики и колокола. Поэма. *Перевод К. Бальмонта* 477

Генри Уодсворт Лонгфелло

Псалом жизни. *Перевод И. Бунина* 480
Дня нет уж... *Перевод И. Анненского* 481
Стрела и песня. *Перевод Г. Кружкова* 482
Ключ и волна. *Перевод П. Вейнберга* . . . . . —
Сон негра. *Перевод А. Майкова* 483
Песнь о Гайавате. Вступление к поэме. *Перевод И. Бунина* 484

Джон Гринлиф Уиттьер

Охотники на людей. *Перевод М. Бородицкой* 487

Уолт Уитмен

Штатам. *Перевод И. Кашкина* 489
Слышу, поет Америка. *Перевод И. Кашкина* . . . . . —
Не закрывайте дверей. *Перевод К. Чуковского* . . . . . —
Поэтам, которые будут. *Перевод С. Маршака* 490
Из бурлящего океана толпы. *Перевод К. Чуковского* . . . . . —

Я видел дуб в Луизиане. *Перевод К. Чуковского* 491
В тоске и в раздумье. *Перевод К. Чуковского* . . . . . —
Приснился мне город. *Перевод К. Чуковского* 492
Ночью у моря один. *Перевод А. Сергеева* . . . . . —
Иди с поля, отец. *Перевод М. Зенкевича* 493
Прощальное слово солдату. *Перевод Б. Слуцкого* 494
О Капитан, мой Капитан! *Перевод Г. Кружкова* . . . . . —
На берегах широкого Потомака. *Перевод И. Кашкина* 495

Эмили Дикинсон

Перевод В. Марковой

«Вот все — что я тебе принесла!..» 496
«Успех всего заманчивей...» . . . . . —
«Вспыхнет золотом...» . . . . . —
«Говорят — Время смягчает...» 497
«Колодец полон тайны!..» . . . . . —

Джо Хилл

Перевод М. Зенкевича

Бродяга 498
Кэйси Джонс — скэб 499
Завещание Джо Хилла 500

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

«Наденьте красивые ваши одежды...» *Перевод М. Самаева* 501
Вечный свет. *Перевод Н. Ванханен* 502
«Был ты жизни путем...» *Перевод М. Самаева* 503

БРАЗИЛИЯ

Томас Антонио Гонзага

«Там звезда зари взошла...» *Перевод А. Пушкина* 504

Кастро Алвес

Песнь африканца. *Перевод Инны Тыняновой* 506

ЧИЛИ

Эусебио Лильо

1810 год. *Перевод М. Гордона* 508

ЭКВАДОР

Хосе Хоакин Ольмедо

Победа при Хунине. Песнь Боливару (Отрывок из оды). *Перевод В. Державина* 510

КУБА

Хосе Мариа Эредиа

Буря. *Перевод С. Гончаренко* 513

Хосе Марти

«Свинцовый полог туч угрюмых...» *Перевод В. Столбова* 515
«О тиране? Скажи про тирана...» *Перевод О. Савича* . . . . . —
Герои. *Перевод В. Столбова* 516

ГВАТЕМАЛА

Хосе Батрес Монтуфар

Сан-Хуан. *Перевод Н. Банникова* 517

ПЕРУ

Мануэль Гонсалес Прада

Белые кони. *Перевод М. Самаева* 520
Мита. *Перевод Н. Ванханен* 521

МЕКСИКА

Мануэль Акунья

Идальго. *Перевод Э. Гольдернесса* 522

НИКАРАГУА

Рубен Дарио

Перевод Инны Тыняновой

Симфония серых тонов 523
Amo, amas 524

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ ВОСТОКА

КИТАЙ

Народные песни

Песня о девушке, собиравшей сливы. *Перевод А. Штукина* 527
«Уйду ли, мой милый, на сбор конопли...» *Перевод А. Штукина* . . . . —
Двое детей садятся в лодку. *Перевод А. Штукина* 528
«Господин мой!..» *Перевод В. Микушевича* . . . . . —
Песнь о трудолюбивом дровосеке и советнике князя. *Перевод А. Штукина* 529

Тао-Юань-мин

Перевод Л. Эйдлина

«Здесь, в глуши деревенской...» 530
«Вот бобы посадил я...» 531
«С давних пор так бывало...» . . . . . —
«Послушная ветру сосна...» 532

Ван Бэй

Перевод А. Штейнберга

Дом в горах Чжуннань 533
Поля и сады на реке . . . . . —
Заводь, где цветут лотосы 534

Ли Бо

«Белых волос тысячи три саженей!..» *Перевод В. Алексеева* 534
Думы тихой ночью. *Перевод А. Гитовича* . . . . . —
Провожу ночь с другом. *Перевод А. Гитовича* 535
Летним днем в горах. *Перевод А. Гитовича* . . . . . —
Белая цапля. *Перевод А. Гитовича* . . . . . —
Одиноко сижу в горах Цзинтиншань. *Перевод А. Гитовича* 536

Ду Фу

Перевод А. Гитовича

В одиночестве 536
Отдаюсь своим мыслям 537
Вечерний холодок . . . . . —

Бо Цзюй-и

Перевод Л. Эйдлина

Посвящаю печальному страннику 538
Слушая цикад 539
Мне жаль цветов . . . . . —

Ли Цинчжао

Перевод М. Басманова

«Весна заметней...» 540
Хризантема . . . . . —

ЯПОНИЯ

Народная песня

«В этой бухте Нагато...» *Перевод А. Глускиной* 541

Какиномото Хитомаро

Перевод А. Глускиной

«Вздымается волна из белых облаков...» 542
«Средь гор осенних...» . . . . . —

Сайгё

Перевод В. Марковой

Цветы унохана в ночную пору 542
Дожди пятой луны . . . . . —
Смотрю на луну в источнике 543
«В неурочный час...» . . . . . —
Цикады в лунную ночь . . . . . —
«Ужели рукава лишь оттого окроплены росою...» . . . . . —
Хризантемы 544

Мацуо Басё

Перевод В. Марковой

«Иней его укрыл...» 544
«В небе такая луна...» . . . . . —
«Как разлилась река!..» . . . . . —
«Тихая лунная ночь...» . . . . . —
«На голой ветке...» 545
«Ива склонилась и спит...» . . . . . —
«Далекий зов кукушки...» . . . . . —
«Ворон-скиталец, взгляни!..» . . . . . —
«Как свищет ветер осенний!..» . . . . . —

Рёкан

** Перевод А. Долина*

«Вот и навестил свой заброшенный приют...» 546
«Топор прихватив...» . . . . . —
«Там поставлю красные листья в вазу...» . . . . . —
«Пусть неприметен мой одинокий приют...» . . . . . —
Завещание 547

Татибана Акэми

* Из цикла «Мои маленькие радости». *Перевод А. Долина* 547

ИНДИЯ

Наль и Дамаянти (Из героического эпоса «Махабхарата»). *Перевод В. Жуковского* 548

Йогешвара

Перевод В. Потаповой

«Из ячменя размокшие лепешки...» 602
«Тепло соломы...» . . . . . —

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

Имру Уль-Кайс

«Поплачем над прежней любовью...» *Перевод Н. Стефановича* 603

Омар ибн Аби Рабиа

Перевод С. Шервинского

«Убит я печалью...» 604
«Сторонишься, Хинд...» 605

Абу Нувас

Перевод М. Кудинова

«Ты глыбой ненависти стал...» 605
«Я этого глупца в кругу друзей увидел...» 606
«Жизнь — это пир...» . . . . . —

Абу-ль-Ала-Аль-Маари

Перевод А. Тарковского

«Толкуют, что душа...» 607
«Восковая свеча золотого отлива...» . . . . . —
«Кто купит кольчугу?..» . . . . . —

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ПОЭЗИЯ

Абуабдулла Абульхасан Рудаки

Перевод В. Левика

«Самум разлуки налетел...» 609
«Только раз бывает праздник...» . . . . . —
«Слепую прихоть подавляй...» 610

«Как тебе не надоело...» 611
«Сквозь оболочку мира...» . . . . . —
«Казалось, ночью...» . . . . . —
«О Рудаки, будь волен духом...» 612
«С тех пор, как мир возник...» . . . . . —

Омар Хайям

«Тот усердствует слишком...» *Перевод Г. Плисецкого* 613
«Чтоб мудро жизнь прожить...» *Перевод О. Румера* . . . . . —
«Нет благороднее растений...» *Перевод О. Румера* . . . . . —
«Добро и зло враждуют...» *Перевод И. Тхоржевского* . . . . . —
«Жизнь сотворивши...» *Перевод О. Румера* . . . . . —
«Чтоб угодить судьбе...» *Перевод О. Румера* 614
«Когда б скрижаль судьбы...» *Перевод В. Державина* . . . . . —
«О небо!..» *Перевод О. Румера* . . . . . —

Муслихиддин Саади

«Хорошо одна старушка сыну молвила...» *Перевод К. Липскерова* . . . 614
«Коль можешь миром покорить страну...» *Перевод В. Державина* 615

Шамсиддин Мухаммад Хафиз

«Весть пришла, что печаль...» *Перевод В. Державина* 615
«Вошла в обычай подлость...» *Перевод Г. Плисецкого* 616
«Ветер нежный, окрыленный...» *Перевод А. Фета* 617
«Свершая утром намаз...» *Перевод А. Кочеткова* . . . . . —

ВЬЕТНАМ

Народные песни

* *Перевод Н. Никулина*

«Я — коричное деревце...» 619
«Издали мнилось мне...» . . . . . —
«Думала я, что друг дружке...» . . . . . —
«Покоит озерная гладь...» 620
«Важный, надутый вельможа...» . . . . . —
«Эй, девушка с черпаком!..» . . . . . —
«Истину крепко запомни...» . . . . . —
«Если б река не шире пяди была...» 621
«Так повелось...» . . . . . —

КОРЕЯ

Сон Саммун

«Если спросишь, кем я стану...» *Перевод А. Ахматовой* 622

Чон Чхоль

«Пусть обопрется старец на тебя...» *Перевод А. Ахматовой* 622

ФИЛИППИНЫ

Народные песни

Перевод Г. Плисецкого

Далекий остров 623
Невыносимая печаль . . . . . —

Хосе Рисаль

Последнее прощание. *Перевод Евг. Долматовского* 624

Комментарии 627

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(том 50)

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ МИРА

*

Составители:

Вильгельм Вениаминович Левик,
Сергей Андреевич Небольсин,
Валерий Сергеевич Столбов
(поэзия народов Латинской Америки),
Светлана Александровна Макуренкова

*

ИБ № 5524

Ответственные редакторы
Н. С. Дроздова и Т. П. Владимирская

Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский

Технический редактор
С. Г. Маркович

Корректоры
Л. И. Дмитрюк
и И. Н. Мокина

*

Сдано в набор 20.01.86. Подписано к печати 09.07.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 46,13. Усл. кр.-отт. 50,13. Уч.-изд. л. 37,67+ +9 вкл.=38,13. Тираж 407 000 экз. (1-й завод 1—207 000 экз.). Заказ № 2619. Цена 2 р. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Поэзия народов мира/ Сост. В. В. Левика, П67 С. А. Небольсина, В. В. Столбова (поэзия народов Латинской Америки), С. А. Макуренковой; Вступит. ст. Г. Кружкова; Оформл. тома А. Зайцева.— М.: Дет. лит., 1986.—719 с., ил.—9 л. ил.— (Б-ка мировой лит-ры для детей, т. 50).

В пер.: 2 р.

Лучшие образцы мировой поэзии, составившие том, воспевают непреходящие духовные ценности: любовь к Родине, красоту труда, верность мечте о социальной справедливости и свободе. В книгу включены произведения зарубежной поэзии от древнейших времен до рубежа XIX—XX веков.

П 4803020000—421 / М101(03)86 Подп. изд. СБ3

2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»